ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ.-ЖУРНАЛ

№ 5

МАЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"
МОСКВА — 1-9-2-7

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА"

ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Максимова, М. Н. Покровского, Я. Э. Стэна, А. К. Тимирязева и А. Я. Троицкого. Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агол, И. Альтер, А. Айхенвальд, Арк. А—н, В. Асмус, В. Астров, Гр. Баммель, А. Бартенев, Я. Берштейн, акад. А. Болотников, В. Беренко, Б. Бериллин, Н. Бухарин, В. Ваганян, Н. Вайнштейн, П. Виноградская, А. Вишневский, А. Вознесенский, Р. Выдра, Н. Выропаев, Б. Гессен, С. Гонникман, Б. Горев, Н. Даниловский, А. Деборин, Ш. Двойлацкий, Г. Дмитриев, Ф. Дучинский, В. Егоршин, Б. Завадовский, Г. Зайдель, Н. Звенигородцев, П. Попов, Ф. Капелюш, Ник. Карев, В. Кирпотин, Б. Козо-Полянский, В. Колоколкин, К. Корнилов, А. Кон, Ст. Кривцов, Н. Куранов, Н. Ленин, Н. Лещинер, Б. Лифшиц, Н. Лукин-Антонов, И. Луппол, А. Максимов, Дм. Марецкий, Л. Мендельсон, К. Милонов, В. Милютин, Я. Мирошкин, Ф. Михалевский, С. Новосёлов, В. Невский, Н. Орлов, И. Павлович, Е. Пашуканис, В. Пешков, В. Полянский, М. Покровский, И. Разумовский, Я. Розанов, М. Рубинштейн, Н. Рубинштейн, Д. Рязанов, И. Сапир, П. Сапожников, Н. Саргин, А. Серебровский, А. Слепков, Вас. Слепков, Н. Степанов, А. Столяров, П. Стучка, Я. Стэн, А. Тальгеймер, Ф. Теленников, А. Тимирязев, А. Троицкий, Г. Тымянский, А. Удальцов, Ю. Франкфурт, Ц. Фридлянд, В. Фриче, З. Цейтлин, Г. Шмидт и др.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 1-21-16, кремлевский 3-90.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

Непринятые рукописи не возвращаются.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 5

МАЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

МОСКВА—1927

Главлит № 90576. Москва. Тираж 4.500 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Бедиота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23/а.

СОДЕРЖАНИЕ.

В научных обществах.

Критика и библиография.

Сообщения и заметки.

Из Парижа в Берн.

Ф. Энгельс.

От редакции.

Предлагаемый отрывок найден был среди рукописей, оставшихся после смерти Энгельса, и опубликован Эд. Бернштейном в №№ 1 и 2 «Neue Zeit» за 1898—1899 г. Это заметки о прогулке пешком, совершенной Энгельсом из Парижа в Берн в октябре 1848 года.

Это был кратковременный невольный отдых, который Энгельс неожиданно получил в разгар революции. Сентябрьские события во Франкфурте и Берлине встретили живой отклик и в Кельне, где Маркс и Энгельс издавали в то время свою „Новую Рейнскую Газету“. Так как в Кельне была крепость и он был переполнен войсками, то всякая попытка вызвать там восстание заранее осуждена была на неудачу. Поэтому „Новая Рейнская Газета“ советывала рабочим не поддаваться на провокации властей и воздержаться пока, до более благоприятного момента, от всякого выступления. Однако небольшие волнения все же произошли и дело дошло даже до баррикад. Волнения, как следовало ожидать, были легко подавлены, но власти не упустили случай об'явить Кельн на осадном положении, временно закрыть „Новую Рейнскую Газету“ и возбудить против некоторых сотрудников газеты судебное преследование. Энгельс предпочел выжидать результатов преследования за границей и перебрался через Брюссель в Париж, который, как видно, между прочим, и из этих заметок, он очень любил.

Но в Париже, пережившем „страшные июньские дни“, в мертвом Париже, на бульварах которого видны были „только буржуа и полицейские шпионы“, Энгельсу не жилось — и он отправился пешком через Женеву в Берн. Предлагаемые заметки и представляют собою описание этой прогулки.

Эти яркие страницы, насыщенные жизнерадостностью и веселием молодого Энгельса, отмеченные большой любовью к природе и поразительно чуткой наблюдательностью, прочтутся всеми с захватывающим интересом. Но особенно приковывает к себе внимание читателя мастерская характеристика французского крестьянина. В немногих словах, несколькими смелыми и яркими штрихами набрасывается вся политическая история французского крестьянства со времени Великой революции,—история до того верная, до того проникнутая глубоким

пониманием французских классовых отношений, что уже в октябре Энгельс предсказывает будущую победу Наполеона Маленького, между тем как для многих непосредственных участников французской революции результаты народного голосования 10 декабря явились неожиданностью.

Заметки Энгельса остались незаконченными: как только он добрался до Берна, революционные события потребовали его возвращения в Германию.

I.

Сена и Луара.

La belle France! В самом деле, французы имеют прекрасную страну, и они вправе гордиться ею.

Какая страна в Европе может померяться с Францией богатством, разнообразием природных возможностей, разнообразием продуктов, универсальностью?

Испания? Но две трети ее поверхности представляют собой вследствие заброшенности или от природы знойную каменистую пустыню, а та часть полуострова, которая прилегает к Атлантическому океану, Португалия, ей не принадлежит.

Италия? Но с тех пор, как путь мировой торговли проходит через океан, с тех пор, как Средиземное море пересекают взад и вперед пароходы, Италия лежит заброшенной.

Англия? Но Англия вот уже восемьдесят лет всецело ушла в торговлю и промышленность, в угольный дым и животноводство. И в Англии страшно свинцовое небо и никакого вина.

А Германия? На севере—это плоская равнина, от европейского юга она отделена гранитной стеной Альп, и это страна, бедная вином, страна пива, водки и ржаного хлеба, страна засоренных рек и революций!

То ли дело Франция! Расположенная между тремя морями, она в трех направлениях прорезана пятью большими реками; на севере почти германский и бельгийский, на юге—почти итальянский климат, на севере—пшеница, на юге—кукуруза и рис, на севере—суреница, на юге—оливковое дерево. И почти повсюду—вино.

И какое вино! Что за разнообразие—от бордо до бургундского, от бургундского до крепкого южного Сен-Жоржа, Люнеля, Фронтиньяна и до пенистого шампанского. Какое разнообразие белого и красного, от Пти Макон, Шабли до Шамбертен, Шато Лароз, Сотерн, до руссильонского, до шипучего Аи! И если вспомнить, что каждое из этих вин дает свой особый хмель, что при помощи нескольких бутылок можно пройти всю гамму настроений—от

вялой кадрили до марсельезы, от бурной страсти канкана до бешеного пыла революционной встряски, и, наконец, одной бутылкой шампанского снова настроить себя на самый веселый карнавальский лад!

И одна Франция имеет Париж—город, в котором европейская цивилизация достигла своего высшего расцвета, в котором сходятся нервные нити всей европейской истории и из которого в определенные промежутки исходят электрические волны, потрясающие весь мир,—город, население которого сочетает в себе, как никакой другой народ в мире, страсть к наслаждениям со страстью к исторической активности, жители которого умеют жить, как самые утонченные эпикурейцы Афин, и умирать, как бесстрашные спартанцы, воплощая в себе Алкивиада и Леонида вместе,—город, который в самом деле является, как выразился Луи Блан, сердцем и мозгом мира.

Когда обозреваешь Париж с какого-нибудь высокого пункта города—с Монмартра или с террасы Сен-Клу, когда бродишь по окрестностям города, тогда невольно является мысль: Франция знает, что она имеет в лице Парижа, Франция отдала свои лучшие силы на то, чтобы заботливо выпестовать Париж. Как одалиска на отливающем цветом бронзы диване, лежит гордый город на залитых солнцем виноградных холмах извивающейся долины Сены. Где в мире найдете вы такие виды, как те, которые открываются из вагона обеих версальских железных дорог вниз на зеленую долину с ее многочисленными деревнями и местечками, и где найдете вы так причудливо расположенные, так чисто и мило построенные, с таким вкусом распланированные деревни и местечки, как Сюрен, Сен-Клу, Севр, Монморанси, Энгиен и столько других? Выйдите к любой заставе, направьтесь в какую хотите сторону—и всюду вы увидите одинаково красивые окрестности, с одинаковым вкусом использованные красоты местности, то же изящество и чистоту. И опять-таки, лишь сам царь-город создал себе это изумительное ложе.

Но, конечно, нужна была и такая страна, как Франция, чтобы создать такой Париж, и лишь когда узнаешь поразительное богатство этой великолепной страны, начинаешь понимать, как мог возникнуть этот светящийся, пышный, несравненный Париж. Этого, конечно, не чувствуешь, когда приезжаешь с севера, когда проносишься в поезде по равнинам Фландрии и Артуа, по безлесным и лишенным виноградников холмам Пикардии. Там видишь лишь засеянные рожью поля и луга, однообразие которых прерывается только болотистыми равнинами рек, далекими заросшими кустарником холмами, и лишь около Понтуаза, когда вступаешь в область парижской атмосферы, начинаешь кое-что замечать от «красот Франции». Немного больше начи-

наешь понимать Париж, когда едешь по направлению к столице вдоль прекрасной долины Марны, по плодородным долинам Лотарингии, по увенчанным виноградниками меловым холмам Шампани. Еще больше понимаешь его, когда едешь через Нормандию и по дороге от Руана до Парижа, то следишь из вагона поезда за изгибами Сены, то пересекаешь их. Сена как бы выдыхает парижский воздух до самого своего устья, и деревни, города, холмы, все напоминает окрестности Парижа,—только все становится красивее, роскошнее, художественнее, чем больше приближаешься к центру Франции. Но лишь тогда я окончательно понял, как стал возможен Париж, когда я шел вдоль берега Луары и оттуда перевалил через горы в покрытые виноградниками долины Бургундии.

Я знал Париж в последние два года монархии, когда буржуазия еще наслаждалась полнотой власти, когда торговля и промышленность были в сносном состоянии, когда молодежь из среды крупной и мелкой буржуазии еще имела достаточно денег для развлечений и разгула, когда даже часть рабочих была еще настолько хорошо обеспечена, что могла принимать участие в общем беззаботном весельи. Я снова видел Париж во время краткого опьянения медового месяца республики, в марте и апреле, когда рабочие, эти доверчивые глупцы, с беззаботной решимостью предоставили «в распоряжение» республики «три месяца нищеты», когда они в течение дня питались сухим хлебом и картофелем, а по вечерам сажали на бульварах деревья свободы, жгли фейерверк и восторженно пели Марсельезу, и когда буржуа, прячась целый день по своим домам, пытались разноцветными плошками смягчить гнев народа. Я снова приехал туда—не совсем добровольно, клянусь Геккером! [1])—в октябре. Между тогдашним и нынешним Парижем было 15-е мая, было 25-е июня, была жесточайшая борьба, когда-либо виданная миром, было море крови, было пятнадцать тысяч трупов. Гранаты Кавеньяка взорвали непреодолимую веселость парижан. Замолкли звуки марсельезы и Chant du départ [2]), лишь буржуазия еще напевала сквозь зубы свое «Mourir pour la patrie» (умереть за отечество). Рабочие же, без куска хлеба и без оружия, скрежетали зубами от затаенного возмущения. В школе осадного положения легкомысленная республика скоро стала добропорядочной, скромной, приличной и умеренной (sage et modérée). Но Париж был мертв,—это не был уже Париж. На бульварах—только буржуа и полицейские шпионы. Балы, театры опустели. Гамены напи-

---

[1]) Намек на неудачное восстание, во главе которого стоял Геккер. *Ред.*

[2]) Тоже песня, созданная французской революцией, менее известная за границей, но очень популярная во Франции. Авторы ее: Шенье и де-Мегюль. *Ред.*

лили мундиры национальной гвардии, продались буржуазной республике за 30 су в день, и чем глупее они становились, тем более прославляла их буржуазия. Словом, это был снова Париж 1847 года, но без настроения, без жизни, без огня, без фермента, который рабочие тогда вносили во все. Париж был мертв, и этот красивый труп был тем ужаснее, чем красивее он был.

Я не мог выдержать долго в этом мертвом Париже. Я должен был уехать, все равно—куда. И вот прежде всего я направился в Швейцарию. Денег у меня было немного,—пришлось, следовательно, пойти пешком. Я не стремился выбирать ближайший путь; с Францией не расстаются охотно.

В одно прекрасное утро снялся я с места и зашагал наугад прямо в южном направлении. Я заблудился между деревнями, как только вышел из пригородов Парижа. Этого нужно было ожидать. Наконец, я попал на шоссейную дорогу, ведущую в Лион. Я прошел по ней некоторое расстояние, уклоняясь по временам в сторону, чтобы побродить по холмам. С их высот открываются изумительные виды на верхнее и нижнее течение Сены, к Парижу и Фонтэнебло. В бесконечной дали извивается река в широкой долине, по обеим ее сторонам тянутся покрытые виноградниками холмы, а дальше, на горизонте, синие горы, за которыми течет Марна.

Но мне не хотелось итти прямо в Бургундию, сперва хотелось побродить по берегам Луары. И вот я на следующий день сошел с большой дороги и направился через горы к Орлеану. Конечно, я снова заблудился между деревнями, так как проводниками мне служили лишь солнце и отрезанные от всего мира крестьяне, которые ничего порядком не умели об'яснить. Переночевал я в какой-то деревне, имя которой я не мог ясно уловить в произношении крестьян, говоривших на своем местном наречии, в пятнадцати милях от Парижа, на водоразделе между Сеной и Луарой.

Этим водоразделом является широкий горный хребет, тянущийся от юго-востока к северо-западу. По обеим его сторонам раскинулись многочисленные ущелья, омываемые маленькими ручьями или речками. Наверху, на извилистой вершине, произрастают лишь рожь, гречиха, клевер и овощи, а на склонах—везде виноград. Склоны, обращенные к востоку, почти все покрыты огромными массами известковых глыб, называемых английскими геологами bolderstones и часто встречающихся в холмистых местностях, образование которых относится к вторичному и третичному периоду. Огромные синие глыбы, между которыми зеленеют кустарники и молодые деревья, представляют совсем не плохой контраст расстилающимся в долине лугам и покрывающим противоположный склон виноградникам.

Медленно спустился я в одну из этих маленьких речных долин и прошел по ней некоторое расстояние.

Наконец, я вышел на проселочную дорогу, и там встретил людей, от которых мог узнать, где я, собственно, нахожусь. Оказалось, что я был поблизости от Мальзерба, на полпути между Парижем и Орлеаном. Орлеан лежал слишком далеко на запад; моей ближайшей целью был Невер. Поэтому, перевалив через ближайшую гору, я направился снова прямо на юг. С вершины горы моему взору открылись чудесные виды: между покрытыми лесом горами раскинулся живописный городок Мальзерб, на склонах гор приютились многочисленные деревушки, а наверху, на одной из вершин стоял замок Шатобриан. И что мне было еще приятнее: насупротив, по ту сторону узкого ущелья, протянулась департаментская дорога, ведущая прямо на юг.

Во Франции есть три рода дорог: государственные дороги, прежде называвшиеся королевскими, а ныне именующиеся национальными—прекрасные широкие шоссе, связывающие между собой важнейшие города. Эти национальные дороги в окрестностях Парижа не только красивые, но прямо пышные—великолепные пальмовые аллеи, шириною шестьдесят и больше футов и вымощенные посредине, становятся хуже, уже и оголеннее, чем дальше от Парижа и чем меньшее значение имеет дорога. Они местами становятся так плохи, что после двухчасового умеренного дождя они непроходимы для пешеходов. Ко второму разряду принадлежат департаментские дороги, представляющие собой пути сообщения второго ранга, построенные и содержащиеся на средства департаментов. Они уже, чем национальные дороги, и не имеют их блеска. Третий разряд составляют большие проселочные дороги (chemins de grande communication), построенные и содержащиеся на средства кантонов, узкие, скромные, находящиеся, однако, местами в лучшем состоянии, чем более широкие шоссейные дороги.

Перерезав поле, я направился прямо к моей департаментской дороге и нашел, к своему величайшему удовольствию, что она совсем прямой линией ведет на юг. Деревни и трактиры встречались редко. После многочасового перехода я, наконец, попал на большую ферму, где мне с величайшей охотой предложили освежиться, а я, в благодарность за это, нарисовал детям несколько рож на листе бумаги, очень серьезно поясняя: это—генерал Кавеньяк, это—Луи Наполеон, это—Арманд Маррааст, Ледрю Роллен и т. д. Все они были похожи друг на друга как две капли воды. Крестьяне глазели на карикатуры с величайшим благоговением, радостно благодарили и немедленно развесили поразительно сходные между собой портреты по стене.

От этих почтенных людей я также узнал, что я нахожусь по пути от Мальзерба к Шатонеф, на Луаре, до которого оставалось около двенадцати миль.

Я направился дальше через Пюизо и другое небольшое местечко, название которого я забыл, и поздно ночью прибыл в Бельгард, красивый и довольно большой город, где я переночевал. Дорога через плато, покрытое, кстати, во многих местах виноградником, была довольно однообразна.

На следующее утро я пошел по направлении к Шатонеф, в пяти милях от Бельгарда, а оттуда берегом Луары на национальное шоссе, ведущее от Орлеана к Неверу.

Под цветущими миндальными деревьями,
На зеленом берегу Луары,
О, как сладко грезить там,
Где я нашел свою любовь,—

так поет иной мечтательный немецкий юноша и иная нежная германская дева сентиментальными словами Гельмины фон Хеци, на сентиментальный мотив Карла Мариа фон-Вебера. Но тот, кто ищет на берегах Луары миндальных деревьев и сладкой нежной любовной романтики, как это было в моде в двадцатых годах в Дрездене, тот строит себе страшные иллюзии, позволительные разве немецкому потомственному синему чулку в третьем поколении.

От Шатонеф через Ле-Борд к Дампиерру почти не приходится видеть Луару. Дорога пролегает в 2—3 милях от реки, и только изредка сверкают вдали отсвечивающие на солнце воды Луары. Местность эта богата вином, хлебом, фруктами, а поближе к реке расстилаются роскошные луга. Вид этой безлесной, окаймленной волнообразными холмами долины все же довольно однообразен.

Посредине дороги, поблизости от группы крестьянских домов, я встретил караван из четырех мужчин, трех женщин и нескольких детей, с тремя тяжело нагруженными тележками, которые тащили ослы. Здесь же, посреди дороги, они сидели вокруг большого костра, на котором варили себе обед. Я на минуту остановился: я не ошибся, они говорили по-немецки, на самом жестком верхне-немецком диалекте. Я заговорил с ними: они были в восторге, услышав в центре Франции звуки родной речи. Это были эльзасцы из окрестностей Страсбурга, отправлявшиеся каждое лето таким-то образом внутрь Франции, добывая себе пропитание плетением корзин. На мой вопрос, могут ли они прожить этим, мне ответили: «С трудом, если бы приходилось все покупать, но многое мы собираем милостынькой». Постепенно выполз совсем старый человек из одной тележки, где у него была настоящая постель. Вся банда имела какой-то цыганский вид в своих выпрошенных в разных местах костю-

мах, из которых ни одна вещь не подходила к другой. При всем том они имели весьма довольный вид и без конца рассказывали о своих скитаниях. И тут же, среди веселой болтовни, мать и дочь—синеокое кроткое создание—почти вцепились друг дружке в рыжие вз'ерошенные волосы. Я не мог не удивиться тому, с какой силой немецкое добродушие и немецкая задушевность пробивается сквозь цыганский образ жизни и цыганский костюм, распростился с ними и пустился в дальнейший путь, сопровождаемый на некотором расстоянии одним из цыган, позволившем себе перед обедом удовольствие сделать прогулку верхом на костлявом крупе захудалого ослика.

Вечером я прибыл в Дампиерр, маленькую деревушку, неподалеку от Луары. Около 300—400 парижских рабочих—осколки прежних национальных мастерских—возводили там, по заказу правительства, плотину для защиты от наводнений. Среди них были рабочие всякого рода: ювелиры, мясники, сапожники, столяры—вплоть до подбирающих тряпье на парижских бульварах. Я встретил около двадцати этих рабочих в трактире, где я остался ночевать. Здоровенный мясник, дослужившийся уже до чего-то вроде надсмотрщика, говорил с большим восторгом о предприятии: можно, де, выработать, смотря по тому, как взяться за дело, от 30 до 100 су в день; при некотором старании можно легко выработать от 40 до 60 су. Он хотел меня немедленно зачислить в бригаду, убеждая меня, что я очень быстро освоюсь с работой, и уже со второй недели буду наверное зарабатывать 50 су в день, что я могу там хорошо устроиться и что работы хватит еще, по крайней мере, на шесть месяцев. Я был не прочь переменить для разнообразия на один или два месяца перо на лопату. Но у меня не было никаких документов—могла бы получиться неприятность.

Эти парижские рабочие сохранили свое традиционное веселье. Они работали десять часов в день среди смеха и шуток, свободные часы проводили в веселых забавах, а по вечерам развлекались тем, что «развивали» («deniaisiren») деревенских девиц. Во всех же других отношениях они были, благодаря своей изолированной жизни в маленькой деревушке, совершенно деморализованы. У них не замечалось и следа внимания к интересам своего класса, к злободневным политическим вопросам, так близко затрагивающим насущные нужды рабочих. Они, повидимому, даже не читали никаких газет.

Вся их «политика» ограничивалась тем, что они наделяли друг друга разными кличками: один из них—рослый и сильный пентюх—назывался Коссидьером, другой—плохой работник и горький пьяница—окрещен был Гизо и т. д. Напряженная работа, сравнительно недурные условия жизни и главным образом

отдаленность от Парижа и пребывание в замкнутом, тихом уголке Франции необычайно сузили их кругозор. Они уже были близки к тому, чтобы духовно окрестьяниться (zu verbauern), а между тем они прожили там всего два месяца.

На следующее утро я прибыл в Жин, лежащий уже в самой долине Луары. Жин—маленькое заброшенное местечко с прекрасной набережной и с мостом через Луару, которая здесь по ширине едва равняется Майну у Франкфурта. Она вообще очень мелка и изобилует песчаными мелями.

От Жина до Бриара дорога тянется по долине, на расстоянии приблизительно четверти мили от Луары. Идет она на юго-восток, и местность постепенно принимает южный характер. Ильмы, дуб, акации и каштановые деревья тянутся с обеих сторон дороги, образуя аллею. Пышные луга и плодородные поля, на которых между снопами пробиваются одинокие колосья жирного клевера, вместе с окаймляющими их рядами тополей раскинулись по нижней части долины. По ту сторону Луары в воздушной дали синеет ряд холмов; по сю сторону, у самой проселочной дороги, другая цепь возвышенностей, усеянных виноградниками. В этом месте долина Луары вовсе не так поразительно красива или романтична, как это обычно утверждают, но она производит в высшей степени приятное впечатление. По этой богатой растительности можно судить о том мягком климате, которому она обязана своим расцветом. Даже в самых плодородных местностях Германии я не встречал растительности, которая могла бы сравниться с растительностью, цветущей между Жином и Бриаром.

Прежде, чем расстаться с Луарой, скажу еще несколько слов о жителях пройденных мною местностей и об их образе жизни.

Деревни, тянущиеся на расстоянии четырех—пяти часов ходьбы от Парижа, не дают никакого представления о деревнях остальной части Франции. На их планировке, на архитектуре их домов, на нравах их жителей слишком сильно сказывается влияние великой столицы, которой они кормятся. Лишь в десяти милях от Парижа, в глуши, на возвышенностях начинается настоящая деревня, и лишь там можно видеть настоящие крестьянские избы. Во всей этой местности, до Луары и даже до Бургундии бросается в глаза, что крестьянин старается по возможности скрыть вход в свой дом от проходящих по проселочной дороге. На высотах каждый крестьянский двор окружен каменной стеной, во двор вступают через ворота, да и в самом дворе приходится искать дверь в дом, которая пробивается обычно на заднем фасаде. Большинство крестьян имеет там коров и лошадей, и поэтому крестьянские избы и дворы довольно велики;

на Луаре же, где сильно распространено огородничество, где даже состоятельные крестьяне совсем не имеют скота или имеют его очень мало и где скотоводство является особым промыслом, находящимся всецело в руках более крупных землевладельцев и арендаторов, крестьянские избы становятся все меньше и меньше и часто они так малы, что удивляешься тому, как крестьянская семья со всем своим скарбом и запасами может в ней разместиться. Однако и там входы в дома находятся на противоположной от дороги стороне, и в деревнях почти только трактиры и лавки имеют двери, выходящие на дорогу.

Крестьяне этой местности, несмотря на свою бедность, живут в общем хорошо. Вино, по крайней мере в долинах, своего производства, хорошего качества и дешево (в этом году бутылка стоит от двух до трех су), хлеб повсюду, за исключением совсем высоко расположенных местностей, пшеничный, а вдобавок—прекрасный сыр и великолепные фрукты, которые во Франции, как известно, везде едят с хлебом. Как все деревенские жители, они мало потребляют мяса, зато пьют много молока, едят супы из разной зелени и вообще питаются растительной пищей прекрасного качества. Северо-германский крестьянин, даже значительно более зажиточный, не живет и на треть так хорошо, как французский крестьянин между Сеной и Луарой.

Эти крестьяне—добродушные, гостеприимные, веселые люди, любезные и предупредительные к чужим, и, несмотря на свой скверный жаргон, совсем настоящие вежливые французы. Несмотря на развитое у них в высшей степени чувство собственности по отношению к земле, отвоеванной их предками у дворянства и духовенства, они еще сохраняют, особенно в деревнях, лежащих в стороне от больших дорог, некоторые патриархальные добродетели.

Однако крестьянин остается крестьянином, и условия крестьянской жизни ни на минуту не перестают оказывать на него свое влияние. Несмотря на все личные добродетели французского крестьянина, несмотря на то, что он живет в лучших условиях, чем восточно-рейнский крестьянин, все же французский крестьянин так же, как и германский, остается варваром среди цивилизации. Уединенность крестьянина в глухой деревне с немногочисленным, меняющимся лишь со сменой поколений, населением, напряженный однообразный труд, сильнее всякого крепостного права приковывающий его к земле, один и тот же труд из поколения в поколение, устойчивость и однообразие всех жизненных отношений, ограниченность жизненного круга, при которой семья является для него важнейшим, решающим социальным моментом,—все это суживает кругозор крестьянина до самых тесных пределов, возможных вообще в современном

обществе. Великие исторические движения проходят мимо него, вовлекая его время от времени в свою орбиту, но без того, чтобы он имел какое-нибудь представление о природе их движущей силы, об их возникновении и их цели.

В средние века, в семнадцатом и восемнадцатом веке, движение буржуазии в городах шло параллельно движению крестьянства, которое однако постоянно выдвигало реакционные требования и, не достигая значительных результатов для крестьян, оказывало лишь поддержку освободительной борьбе городов.

В первой французской революции крестьяне выступали революционно лишь до тех пор, пока этого требовали их ближайшие, ясно ощутимые частные интересы, пока не была обеспечена за ними частная собственность на их земли, возделывавшиеся ими ранее на условиях феодальных отношений, пока не были раз навсегда упразднены эти отношения и не были удалены чужеземные армии из страны. Когда это было достигнуто, они со всем неистовством слепой жадности обратились против непонятого ими движения больших городов и особенно против революционного Парижа. Бесчисленные прокламации Комитета Общественного спасения, бесчисленные декреты Конвента, прежде всего о максимуме и о спекуляции хлебом, карательные отряды и передвижные гильотины—все это пришлось пустить в ход против упрямых крестьян. И все же террористический режим, прогнавший чужеземные армии и подавивший гражданскую войну, никому не пошел в такой мере на пользу, как крестьянам.

Когда Наполеон низверг господство буржуазной директории, восстановил порядок, упрочил новые условия крестьянского землевладения и санкционировал их в своем code civil (гражданском кодексе) и гнал все дальше и дальше от границ Франции чужеземные армии, крестьяне примкнули к нему с восторгом и сделались его главной опорой. Ибо французский крестьянин националистичен до фанатизма. La France (Франция) приобрела для него огромное значение с тех пор, как он владеет куском Франции на правах наследственной собственности. Чужеземцев он знает лишь в лице грабительских вторгающихся армий, причиняющих ему огромный ущерб. Этим об'ясняется безграничный национализм французского крестьянина, его безграничная ненависть к l'étranger (к чужеземцу). Этим же об'ясняется и энтузиазм, с которым он шел на войну в 1814 и в 1815 годах.

Когда в 1815 году вернулись Бурбоны, когда прогнанная аристократия снова заявила свои притязания на потерянные ею во время революции земли, крестьяне увидели в этом угрозу всем своим революционным завоеваниям. Вот источник их ненависти к господству Бурбонов и их ликования, когда июльская

революция вернула им обеспеченность их владения и трехцветное знамя.

После июльской революции крестьяне снова перестали принимать участие в общих интересах страны. Их желания были удовлетворены, их землевладению ничто больше не угрожало, на мерии их деревни снова развевалось знамя, под которым на протяжении четверти века они и их отцы одерживали победы.

Но, как всегда, они и на этот раз мало воспользовались плодами своей победы. Буржуа немедленно стали весьма энергично эксплоатировать своих деревенских союзников. Плоды парцеллирования и раздела земли, обеднение крестьян и рост ипотечных долгов на их владениях стали обнаруживаться уже в эпоху Реставрации; после 1830 года они стали все более распространяться и принимать все более грозный характер. Но гнет, которому крупный капитал подвергал крестьянина, был в глазах последнего частным отношением между ним и его заимодавцем; он не видел, да и не мог видеть, что эти, принимавшие все более общий характер, все более превращавшиеся в общие нормы частные отношения постепенно развились в классовые отношения между крупными капиталистами и мелкими землевладельцами. И к этим тяготам у крестьянина было совсем не то отношение, что к феодальным повинностям, происхождение которых давно было забыто, которые давно потеряли свой смысл, давно перестали быть вознаграждением за оказанные услуги и давно стали бременем для одной лишь стороны. Ипотечный же долг возник недавно,—сам крестьянин—или его отец—получил взятую в долг сумму в твердых пятифранковых монетах, и долговая расписка и ипотечная книга напоминают ему при случае об источнике повинности. Проценты, которые он обязан выплачивать, и все новые добавочные выплаты ростовщику,—это современные буржуазные тяготы, в одинаковой мере обременяющие всех должников. Эксплоатация крестьянина совершается в современной, соответствующей духу времени, форме,—крестьянина высасывают и разоряют в полном согласии с теми самыми правовыми началами, которые гарантируют ему владение его землей. Его собственный code civil (гражданский кодекс), его современная библия, становится бичем для него. В ипотечном ростовщичестве крестьянин не может усматривать никакого классового отношения, он не может требовать его упразднения, не подрывая тем самым основу и своего владения собственностью. Гнет ростовщика вместо того, чтобы толкать его в ряды революции, сбивает его окончательно с толку. Облегчения для себя он может ждать лишь от понижения налогов.

Когда в феврале этого года в первый раз была произведена революция, в которой пролетариат выступил с самостоятельными

требованиями, крестьяне в ней ничего не поняли. Если республика вообще имела для них какой-нибудь смысл, то он сводился лишь к уменьшению налогов, а для иных, может быть, еще к увеличению национальной славы, к завоевательной войне и продвижению до Рейна. Но когда на следующий день после низвержения Луи-Филиппа в Париже вспыхнула война между пролетариатом и буржуазией, когда застой в торговле и промышленности рикошетом отозвался в деревне, когда продукты крестьянского труда, и без того обесцененные в урожайный год, еще более упали в цене и перестали находить сбыт, а тем более когда июньское сражение распространило ужас и страх до самых отдаленных углов Франции,—тогда среди крестьян поднялся всеобщий крик фанатического возмущения против революционного Парижа и против вечно недовольных парижан. Да и могло ли быть иначе! Что знал упрямый, узколобый крестьянин о пролетариате и буржуазии, о демократически-социальной республике, об организации труда, о вещах, основные условия и причины которых никогда не могли проявиться в тесных пределах его деревни! А когда он в иных местах получил через нечистые каналы буржуазных газет смутное представление о том, вокруг чего шла борьба в Париже, когда буржуа бросили ему великий лозунг против парижских рабочих: ce sont les partageurs—это люди, желающие поделить всякую собственность, всякую землю, какой кто-либо владеет,—тогда усилилось его негодование, и возмущение крестьянина не знало больше границ. Я беседовал с сотнями крестьян в разных местностях Франции, и все они переполнены были фанатической ненавистью к Парижу и особенно к парижским рабочим. «Пусть этот проклятый Париж завтра будет взорван!»—это было еще самое мягкое пожелание. Понятно, что старое презрение крестьян к горожанам благодаря событиям этого года лишь усилилось и как бы получило оправдание. Крестьяне, деревня должны спасти Францию. Деревня производит все, города живут нашим хлебом, ткут себе одежду из нашего льна и нашей шерсти, мы должны восстановить порядок, мы, крестьяне, должны взять дело в свои руки—вот тот припев, который более или менее ясно, более или менее сознательно звучал сквозь темные речи крестьян.

И чем хотят они спасти Францию, каким путем хотят они взять дело в свои руки? Путем избрания в президенты республики Луи-Наполеона Бонапарта,—великое имя, носителем которого является ничтожный, тщеславный, путаный дурак! У всех крестьян, с которыми мне приходилось беседовать, энтузиазм по отношению к Луи-Наполеону был так же велик, как ненависть к Парижу. Этими двумя страстями, да еще бессмысленным животным недоумением по поводу всей европейской встряски, огра-

ничивается вся политика французского крестьянина. А крестьяне имеют свыше шести миллионов голосов, более двух третей всех избирательных голосов во Франции.

Правда, временное правительство не сумело связать интересы крестьянина с революцией и повышением земельного налога на 45 сантимов, задевшим главным образом интересы крестьянина, оно совершило непростительную, неисправимую ошибку. Но если бы оно даже привлекло крестьян на сторону революции на несколько месяцев, летом они все равно отошли бы от нее. Теперешнее отношение крестьян к революции 1848 года не является следствием каких-либо ошибок или случайных промахов,—оно естественно, оно коренится в жизненных условиях, в социальном положении мелкого землевладельца. Прежде чем французский пролетариат сможет осуществить свои требования, ему придется подавить всеобщую крестьянскую войну, войну, которую даже упразднение всех ипотечных обязательств могло бы лишь отсрочить на короткое время.

Нужно было в течение четырнадцати дней встречаться почти исключительно с крестьянами, с крестьянами разных местностей, нужно было повсюду сталкиваться с той же узколобой ограниченностью, с тем же полным непониманием всех городских, промышленных и торговых отношений, с той же слепотой в области политики, с тем же бессмысленным гаданием по поводу всего, что лежит за пределами деревни, с тем же применением масштаба деревенских отношений к самым сложным историческим отношениям,—нужно было, одним словом, познакомиться с французскими крестьянами именно в 1848 году, чтобы испытать все то подавляющее впечатление, какое производит эта закоренелая глупость.

II.

Бургундия.

Бриар—старинный городок, расположенный у устья канала, соединяющего Сену с Луарой. Там я расспросил о дальнейшем маршруте и нашел более целесообразным отправиться в Швейцарию через Окзер, чем через Невер. Я покинул Луару и направился через горы в Бургундию.

Былое плодородие Луарской долины непрестанно, но очень медленно иссякает. Под'ем в гору идет незаметно, и лишь в пяти, шести милях от Бриар, у Сен-Совер и Сен-Фаржо, начинается лесистая пастбищная гористая местность. Горный хребет между Ионной и Луарой там уже выше, и вся эта западная сторона департамента Ионны вообще довольно гориста.

Неподалеку от Туси, в шести милях от Окзер, я впервые услышал своеобразный, наивно-растянутый бургундский диа-

лект,—диалект, который в самой Бургундии довольно мил и приятен еще, но в вышележащих местностях Франш-Конте звучит тяжеловесно, аляповато, почти докторально. Там наблюдается то же, что и с наивным австрийским диалектом, который постепенно переходит в грубое верхнебаварское наречие. Бургундский диалект совсем не по-французски ставит ударение на слоге, предшествующем тому, на который падает главное ударение в хорошем французском языке; он превращает ямбический французский язык в трохеический и этим поразительно извращает ту изящную отчеканенность, которую образованный француз умеет придавать своей речи. Но, повторяю, в самой Бургундии это еще звучит довольно мило, а в устах хорошенькой девушки даже прелестно: «Mais, mâ foi, monsieur, je vous demande ûn peu...» (но, сударь, прошу вас...).

Бургундец, если здесь допустимо сравнение,—это вообще французский австриец. Наивные, добродушные, в высшей степени доверчивые, сметливые в пределах привычного жизненного круга, полные наивно-комических представлений обо всем, что выходит за этот круг, забавно-неловкие в непривычных отношениях, всегда неистощимо веселые,—таковы эти добрые люди, поразительно похожие один на другого. Милому, добродушному бургундскому крестьянину охотнее всего можно простить его полное политическое ничтожество и его восторженное поклонение Луи Наполеону.

Бургундцы, впрочем, имеют бесспорно более сильную примесь немецкой крови, чем далее к западу живущие французы; волосы и цвет лица у них светлее, овал лица длиннее, особенно у женщин, значительно менее острый, критический ум, значительно менее едкое остроумие, но это замещается у них здоровым юмором, а иногда и легким налетом задушевности. Однако французское веселье еще в значительной степени доминирует, а в беззаботном легкомыслии бургундец никому не уступит.

Западная гористая часть департамента Ионны живет главным образом скотоводством. Но француз вообще плохой скотовод, и бургундский рогатый скот—худой и мелкий. Однако на ряду со скотоводством производится много ржи и везде едят хороший пшеничный хлеб.

Крестьянские избы также там уже немецкого типа, они больше и об'единяют под одной крышей жилое помещение, сарай и хлев; однако входная дверь и там находится в стороне от дороги или на противоположной стороне.

На длинном склоне, ведущем вниз к Окзер, я видел первые бургундские виноградники, с еще большею частью неснятым неслыханным урожаем винограда 1848 года. На некоторых лозах из-за ягод почти не видно было листьев.

Окзер—небольшой, неровный, неказистый изнутри городок с прекрасной набережной на Ионне и с некоторыми зачатками бульвара, без которого не обходится во Франции ни один главный город департамента.

В обыкновенное время городок этот, должно быть, тих и мертв, и префект Ионны вероятно очень мало тратился на обязательные балы и званые вечера, которые он должен был давать при Луи-Филиппе местным нотаблям. Но теперь Окзер был оживлен, как он бывает только раз в году. Если бы гражданин Данжуа, депутат, который в Национальном собрании выражал свое негодование по поводу того, что на демократически-социальном банкете в Тулузе все помещение было разукрашено в красный цвет,—если бы этот почтенный гражданин Данжуа прибыл вместе со мной в Окзер, с ним случился бы удар. Там не только одно какое-нибудь помещение,—там весь город был разукрашен в красный цвет. И какой красный цвет! Самый несомненный, самый неприкрытый кроваво-красный цвет окрашивал стены и лестницы домов, блузы и рубашки людей, темнокрасные потоки наполняли даже сточные трубы и окрашивали в красный цвет мостовую, и какие-то бородатые, страшные люди носили по улицам в больших чанах ужасную, темноватую, краснопенистую жидкость. Казалось, красная республика господствует там со всеми ее ужасами. Казалось, гильотина, паровая гильотина действует там перманентно и buveurs de sang (кровопийцы), о которых «Journal des Débats» умеет рассказывать такие ужасные вещи, повидимому устраивали там свои каннибальские оргии. Но красная окзерская республика была совсем невинна,—это была красная республика бургундского сбора винограда, и кровопийцы, поглощавшие с большим наслаждением благородное изделие этой красной республики, были не кто иные, как сами господа почтенные республиканцы, крупные и мелкие буржуа Парижа. Да и почтенный гражданин Данжуа, несмотря на всю свою благонамеренность, полон в этом отношении красных вожделений.

Если бы только иметь в этой красной республике полные карманы денег! Сбор 1848 года был так бесконечно обилен, что нельзя было раздобыть достаточно бочек, чтобы вместить все вино. К тому же, по качеству оно лучше, чем вино 46-го года, и даже, может быть, лучше, чем вино 34-го года. Со всех сторон устремились сюда крестьяне, чтобы закупить по баснословно дешевым ценам остатки 47 года—2 франка за боченок в 140 литров хорошего вина; ко всем воротам прибывали телеги за телегами с пустыми бочками, и все же не хватало. Я сам видел, как один виноторговец в Окзер вылил на улицу ряд бочек вина 47 года, и хорошего вина, чтобы опростать посуду для нового вина, которое открывало, конечно, спекуляции совсем иные перспек-

тивы. Меня уверяли, что этот виноторговец вылил таким образом в течение нескольких недель до 40 больших бочек.

Выпив в Окзер несколько бутылок как старого, так и нового вина, я направился через Ионну по направлению к горам правого берега. Шоссе идет вдоль долины, но я пошел по старому кратчайшему пути, через горы. Небо было облачно, погода неблагоприятна, сам я был утомлен, и поэтому я решил переночевать в ближайшей деревне, в нескольких километрах от Окзер.

На следующее утро я отправился в путь очень рано. Стояла яркая солнечная погода. Дорога вела между виноградниками, через довольно высокий горный хребет. Но за усилие, затраченное на под'ем, я был вознагражден наверху чудесным видом. Передо мной убегал вниз весь холмистый спуск—вплоть до Ионны, дальше—ее зеленая, покрытая сочными лугами и обсаженная тополями долина, усеянная многочисленными деревнями и крестьянскими дворами, а позади—серокаменный Окзер, прислонившийся к высящейся на той стороне горе. И повсюду деревни, и везде, куда ни достигает глаз, виноградники, только виноградники, а сверкающий, жаркий блеск солнца, умеряемый вдали лишь весенней дымкой, льется в этот громадный котел, в котором августовское солнце варит благороднейшее вино.

Я не знаю, что придает этим французским ландшафтам, вовсе не отличающимся какими-нибудь исключительно красивыми очертаниями, их своеобразную прелесть. Конечно, не та или другая деталь, а все в целом, весь ансамбль накладывает на них печать такой насыщенности, какую редко можно встретить где-либо в другом месте. На Рейне и Мозеле—гораздо красивее расположенные скалы, в Швейцарии—более привлекательные контрасты, Италия—более красочна, но ни в одной стране нет местностей с таким гармоническим ансамблем, как во Франции. С необычайным удовольствием переходит взор с широкой, покрытой цветущими лугами долины к горам, густо поросшим до высочайшей своей вершины виноградниками, и к бесчисленным деревням и городам, поднимающимся из шатров фруктовых деревьев. Нигде ни одного голого пятна, нигде ни одного режущего глаз негостеприимного места, нигде ни одной шершавой скалы, на которой не могли бы цвести растения. Всюду богатая растительность, красивая сочная зелень, отливающая осенне-бронзовой окраской—и все это залито блеском солнца, которое еще в средине октября достаточно горячо жжет, чтобы не оставить ни одной ягоды на виноградной лозе несозревшей.

Я пошел немного дальше, и передо мной открылся новый, такой же красивый вид. Глубоко внизу, в более узком котле долины лежал Сен-Бри—небольшой, живущий также только виноделием городок. Те же детали ландшафта, что и только что мною

виденные, но в более сжатом виде. Внизу, в долине, городок окружен пастбищами и огородами, кругом, на спусках, виноградники и лишь на северной стороне невспаханные или сжатые, но успевшие покрыться новыми зелеными всходами клевера поля и луга. Внизу, на улицах Сен-Бри, та же суета, что и в Окзер, — повсюду бочки и давила, повсюду население под смех и шутки давит виноград, перекачивает его в бочки или носит по улицам в больших чанах. В то же время шел базар. На широких улицах стояли крестьянские телеги с зеленью, рожью и другими полевыми продуктами. Крестьяне со своими белыми остроконечными шапками, крестьянки со своими мадрасскими платками, обвязанными вокруг головы, толкались среди виноделов, болтая, крича и смеясь, и в маленьком Сен-Бри царило такое оживление, что, казалось, находишься в большом городе.

По ту сторону Сен-Бри дорога опять медленно поднималась в гору. Но на эту гору я поднимался с исключительным удовольствием. Там все еще были заняты сбором винограда, а сбор винограда в Бургундии несравненно веселее даже, чем в Рейнской области. На каждом шагу я встречал самое веселое общество, самый сладкий виноград и самых хорошеньких девиц, ибо в Бургундии, где от одного городка до другого часа три ходьбы, где жители, благодаря торговле вином, находятся в постоянных сношениях с остальным миром, господствует уже некоторая цивилизация, и никто не усваивает себе эту цивилизацию быстрее. чем женщины, ибо они извлекают из нее непосредственные и очевидные выгоды. Ни одной француженке-горожанке не приходит в голову петь:

> Если бы я была так же хороша,
> Как девушки в деревне,
> Я бы носила желтую соломенную шляпу
> И красно-розовую ленту.

Наоборот, она слишком хорошо знает, что развитием своих чар она обязана городу, освобождению от всяких грубых работ, цивилизации с ее множеством средств соблюдать чистоту и одеваться к лицу. Она знает, что деревенские девушки, даже если они не унаследовали от родителей широкую кость, которая так не нравится французам, и которая составляет гордость германской расы, все же, благодаря постоянным полевым работам, я в жгучую жару и в сильнейший дождь, мешающим соблюдать чистоту, благодаря отсутствию средств ухода за своим телом, благодаря, правда, очень почтенному, но в такой же мере беспомощному и безвкусному костюму, они становятся неуклюжими, с утиной походкой, комически раскрашенными в яркие цвета пугалами. Вкусы различны. Нашим немецким соотечественникам больше нравятся крестьянские девушки, и, может

быть, они и правы. Отдадим дань уважения драгунской поступи дюжей скотницы, особенно ее кулакам; воздадим должное ярко-зеленым и огненно-красным разводам на ее платье, облекающем ее колоссальную талию; почет и уважение той безупречной равнине, которая тянется у нее от шеи до пяток и придает ей сзади вид обтянутой пестрым ситцем доски! Однако вкусы различны, и поэтому пусть несогласная со мной, но тем не менее почтенная часть моих соотечественников простит меня, если чисто умытые, гладко причесанные, стройно сложенные бургундки из Сен-Бри и Бермантона мне больше нравятся, чем те первобытно грязные, взъерошенные, мясистые буйволы между Сеной и Луарой, которые пялят глаза, когда при них сворачивают папиросу, и с воем убегают, когда у них справляются на чистом французском языке, как итти дальше.

Мне поэтому охотно поверят, что я больше валялся в траве, поедая виноград, попивая вино, болтая и шутя с виноградарями и их девушками, чем взбирался в гору, и что за время, отданное на восхождение на этот незначительный хребет холмов, я мог бы взобраться на вершину Блоксберга или даже Юнгфрау. Тем более, что каждый день можно шестьдесят раз досыта наесться винограду и таким образом иметь в каждом винограднике удобный предлог побывать в обществе этих постоянно смеющихся, любезных людей обоего пола. Однако все имеет свой предел. Кончился под'ем и на эту гору. Было уже после полудня, когда я спускался по противоположному склону в прелестную долину Эры, небольшого притока Ионны, по направлению к городку Бермантону, еще более красиво расположенному, чем Сен-Бри.

Вскоре после Бермантона исчезают, однако, красоты природы. Постепенно надвигается более высокий хребет Фосильон, являющийся водоразделом между Сеной, Роной и Луарой. От Бермантона под'ем продолжается несколько часов и тянется через длинное неплодородное плато, на котором рожь, овес и гречиха более или менее вытесняют пшеницу.

(Здесь рукопись прерывается).

Философские воззрения Н. Г. Чернышевского[1]).

Ю. Стеклов.

I. Французский материализм.

И на основании слов писавших о нем, и на основании его собственных заявлений, на Чернышевского принято смотреть просто как на ученика Л. Фейербаха. Но это не совсем верно. Спору нет, Фейербах оказал на Чернышевского огромное влияние и притом как раз в самое критическое для него время, когда он, будучи еще молодым студентом, подвергал критическому пересмотру свое прежнее миросозерцание. Вот почему он сохранил по отношению к Фейербаху чувство глубокого уважения, пиэтета, можно сказать, горячей интеллектуальной любви. И тем не менее не одному Фейербаху наш просветитель обязан был сформированием своих философских взглядов.

Ведь Фейербах сам имел своих предшественников и учителей. Ведь Фейербах сам применил к критике гегелевского идеализма положения, выдвинутые французскими просветителями XVIII века, стоявшими на точке зрения материализма. На французских материалистов, как предшественников Фейербаха, указали уже Маркс и Энгельс в «Святом семействе» и в «Немецкой идеологии». Сам Фейербах не раз цитирует французских просветителей, напр., Гольбаха и Гельвеция. Плеханов замечает, что критика религии у Фейербаха имеет много сходного с критикой Гольбаха[2]). А Деборин в предисловии к первому тому Сочинений Фейербаха прямо говорит, что исходной точкой для Фейербаха являются гольбаховские идеи[3]). Мы скажем даже больше: критика идеализма и обоснование материализма проведены у французских просветителей решительнее и последовательнее, чем у Фейербаха, главная заслуга которого и заключается в том, что после эпохи реакции,

---

[1]) Извлечение из первого тома подготовляемого к выходу второго издания моей книги «Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность» (изд. Гиза).
Автор.

[2]) Плеханов—«Очерки по истории материализма», М. 1922, стр. 11 (перепечатано в томе VIII «Сочинений» Плеханова).

[3]) Л. Фейербах,—Сочинения, том I, М. 1923, стр. XXVIII. Тот же Деборин в своей книге «Философия и марксизм», М. 1926, стр. 157, сопоставляет Фейербаха с Ламеттри в том отношении, что оба мыслителя в центре своих размышлений поставили человека, который должен был служить исходным пунктом для построения целостного миросозерцания. Поэтому термин «антропология», которым Фейербах окрестил свою философию, в одинаковой степени применим и к мировоззрению Ламеттри.

когда учения французских материалистов были забыты, он снова напомнил о них и противопоставил их основные мысли торжествующему идеализму.

Был ли Чернышевский знаком с сочинениями французских материалистов, и если был, то когда он с ними познакомился? Даже a priori можно дать на первый вопрос положительный ответ. Не мог Чернышевский не заинтересоваться учением мыслителей, сыгравших такую колоссальную роль в истории общечеловеческой мысли и в предреволюционный период во Франции, как французские просветители и авторы «Энциклопедии». Правда, в дневнике его мы встречаем только указание на сочинение Гельвеция «De l'esprit», заинтересовавшее его постановкой моральной проблемы; правда, в его статьях мы встречаем упоминание Дидро и Гельвеция (Эльвециус), но не находим Гольбаха и Ламеттри; однако это ничего не доказывает. О Гольбахе, напр., он говорит в своих сибирских письмах, где ставит его на ряду с величайшими мыслителями. И если ему попалась в руки знаменитая «Энциклопедия» Дидро и Даламбера, то надо полагать, что он, читавший чуть ли не сплошь энциклопедический словарь Эрша и Грубера, по свойственной ему основательности прочитал ее от доски до доски.

Не следует забывать, что если не идеи, то имена и сочинения французских просветителей—начиная со второй половины XVIII века—пользовались довольно значительной популярностью в кругах образованного русского общества. Имена Вольтера, Дидро, Гольбаха, Гельвеция и других были широко известны [1]).

С наступлением общей реакции в 20-х годах XIX века идеи просветителей оказываются в загоне. На первый план выдвигаются различные системы идеализма, которые с 30-х годов начинают, по примеру Запада, господствовать и в России. Однако в отдельных кружках, напр., славянофильском и герценовском, сочинения философов XVIII века продолжают читаться, и в кружке Петрашевского имеются основные произведения этой школы. Естественно, что ими заинтересовывается и Чернышевский, тем более, что о них говорит внимательно читаемый им Герцен (в «Письмах об изучении природы»), и на них ссылается любимый его писатель Фейербах. О знакомстве его с этой литературой говорит и содержание его статьи «Антропологический принцип», где идеи материализма проводятся более последовательно, чем у Фейербаха, а примеры и доказательства часто кажутся взятыми из Гольбаха и Гельвеция или ими подсказанными.

Что Чернышевский был хорошо знаком и с английской школой сенсуалистов (Локк и пр.), и с Декартом, и особенно со Спинозой, которого он правильно считал основоположником новейшего материализма, это само собою разумеется. Все они в той или иной мере дали материал для выработки той системы материализма, с которой мы встречаемся в сочинениях французских просветителей, стоявших на материалистической позиции, в част-

---

[1]) См. предисловие Э. Радлова к русскому переводу книги Гельвеция «Об уме», Петр. 1917, стр. XIV сл.; предисловие Д. Рязанова к «Очеркам по истории материализма» Плеханова, М. 1922, стр. IV; Алексей Веселовский—«Западное влияние в новой русской литературе», изд. 5-е, М. 1916, стр. 37, 55, 63, 93, 97, 106, 112, 146 и др.; Плеханов—«История русской общественной мысли», книга третья, М. 1925, passim.

ности для Дидро, Гольбаха и Гельвеция, оказавших несомненное влияние на сформирование мировоззрения Чернышевского.

Д. Дидро, которому не удалось систематически изложить свои философские взгляды, дал тем не менее фрагменты, в совокупности своей представляющие основы материалистического мировоззрения. Известно вдобавок его влияние на других просветителей, в частности на Гольбаха, в составлении главной работы которого «Система природы» он принимал участие. Если не прямо, то косвенно он оказал влияние и на философию, и на мораль, и на эстетику Чернышевского[1]).

Задолго до совета Фейербаха Дидро порвал незаконную связь философии с теологией и пытался прочно связать ее с естествознанием. И если прав Энгельс, заметивший, что быть материалистом значит считать природу основным началом, то Дидро был материалистом, ибо в основу своего миросозерцания он клал природу, вещество, материю, но не мертвую материю идеалистов, а материю живую, чувствующую.

Другой представитель французского материализма Ламеттри в своем «Трактате о душе» говорит: «В мозгу нет ничего, кроме материи: ничего, кроме протяженного, в его чувствующей части, как это доказано: в состоянии жизни, здоровья, нормальной организации этот орган в источнике нервов имеет активный принцип, распространенный в мозговом веществе; я вижу, как он чувствует и мыслит, может быть поврежден, засыпает, гибнет вместе с телом... Если все может быть об'яснено тем, что открывает в мозгу анатомия и физиология, к чему мне создавать фиктивную субстанцию? Если я отождествляю душу с органами тела, то потому, что все меня убеждает в этом»[2]). Эти мысли мы позже встретим и у Фейербаха, и у Чернышевского.

Гельвеций, оказавший значительное влияние на Чернышевского в вопросах этики, также стоял на материалистической позиции в обще-философских вопросах, логически развивая взгляды, высказанные Локком. По его словам, физическая чувствительность и память или, чтобы быть еще точнее, одна чувстви-

---

[1]) См. И. К. Луппол — «Дени Дидро», изд. «Новая Москва», М. 1924; см. также Р. И. Сементковский — «Русское общество и литература», Спб., изд. А. Маркса, где, впрочем, преувеличивается влияние Дидро: «Можно смело сказать, что все учение людей 60-х годов, так сильно отразившееся на русской беллетристике, имеют глубокую аналогию с западными учениями, что французские философы публицистического оттенка проповедывали почти буквально то же, что и наши руководители в эпоху «бури и натиска»: в философской области — ярый материализм, в политической — возвеличение демократического начала, в искусстве — реализм, доступность его широким народным массам, в этике — эгоизм, в общественном строе — полное равенство всех людей и (совершенно уже непоследовательно) в практической жизни — подвиг самопожертвования. Но кто были эти французские философы публицисты, которые по всей линии предрешили теорию наших шестидесятовцев? Это были энциклопедисты, эти представители французских разночинцев в литературе, искусстве, науке, политике, и между ними, главным образом, Денис Дидро, положивший... основание всей политической, социальной, эстетической и этической теории, нашедшей себе у нас таких восторженных и страстных проповедников, как руководители литературно-общественного движения 60-х годов (стр. 187).

[2]) «Хрестоматия по французскому материализму XVIII века», вып. I, Петр. 1923, стр. 11 — 12.

тельность производит все наши представления. Суждение же есть не что иное, как ощущение[1]).

Но особенно полно и систематически изложено материалистическое мировоззрение в известном произведении Гольбаха «Система природы», написанном им в сотрудничестве с другими энциклопедистами, в частности с Дидро. Повидимому, именно этой работой, на ряду с Фейербахом, Чернышевский руководствовался, когда писал свою знаменитую статью-манифест «Антропологический принцип», как о том можно судить по содержанию последней.

Основным началом Гольбах признает именно природу. Точным экспериментальным изучением ее можно постигнуть истину и убедиться, что самые сложные духовные явления в конечном счете об'ясняются действием естественных законов материи. Человек—дело рук природы, он существует в природе, он подчинен ее законам, от которых он не может освободиться; он не может— даже в мысли—выйти из природы.

Человек есть чисто физическое существо; духовный человек, это—то же самое физическое существо, рассматриваемое только под известным углом зрения. Физический человек, это—человек, действующий под влиянием причин, распознаваемых нами с помощью наших чувств; духовный человек, это—человек, действующий под влиянием физических причин, познать которые нам мешают наши предрассудки. Следовательно, человек во всех своих изысканиях должен прибегать к опыту и к физике. Разделять мир на два — физический и духовный — нет никаких оснований.

Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, представляет нам повсюду лишь материю и движение; эта совокупность раскрывает перед нами лишь необ'ятную и непрерывную цепь причин и следствий... Разнообразнейшие вещества, сочетаясь на тысячу ладов, непрерывно получают и сообщают друг другу различные движения. Различные свойства этих веществ, их различные сочетания, их разнообразные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этого, составляют для нас сущности всяких существ; и от различия этих сущностей зависят различные порядки, категории или системы, занимаемые этими существами, совокупность которых составляет то, что мы называем природой.

Откуда же взялась эта природа? Предупреждая возражения идеалистов всякого ранга, Гольбах уверенно заявляет:

«Если нас спросят, откуда явилась материя, мы ответим, что она существовала всегда. Если спросят, откуда появилось у материи движение, мы ответим, что по тем же основаниям она должна была двигаться от вечности, ибо движение есть необходимый результат ее существования, ее сущности и таких ее первоначальных свойств, как протяженность, вес, непроницаемость, фигура и т. д. Если предположить, как это прихо-

[1]) Гельвеций — «Об уме», стр. 2 — 3. Ему же принадлежит следующая замечательная мысль, свидетельствующая о приближении к материалистическому об'яснению истории: «Если бы природа создала на конце нашей руки не кисть с гибкими пальцами, а лошадиное копыто, тогда без сомнения люди не знали бы ни ремесл, ни знания, не умели бы защищаться от животных и блуждали бы в лесах пугливыми стадами» (ib., стр. 1—2).

дится сделать, существование материи, то приходится признать за ней некоторые качества, из которых должны неизбежно вытекать определенные этими качествами движения или способы действия».

Какими бы чудесными, непонятными, сложными ни были как видимые, так и скрытые способы действия человеческой машины, но если мы их внимательно исследуем, то мы увидим, что все ее действия, движения, изменения, ее различные состояния, совершающиеся с ней катастрофы регулируются постоянно теми же самыми законами, какие присущи всем существам, которые природа порождает, развивает, обогащает способностями, растит, сохраняет в течение некоторого времени, а под конец разрушает или разлагает, заставив их изменить свою форму.

Из недостаточного размышления над природой и ее законами «получились последовательно понятия духовности, нематериальности, бессмертия и тому подобные неопределенные слова, придуманные мало-по-малу мастерами умозрительных тонкостей, чтобы характеризовать атрибуты неизвестной субстанции, которую человек, как ему казалось, различает в самом себе и которую он считает скрытым принципом своих видимых движений. Так человек стал двойным». Но те, кто отличает душу от тела, по существу отличают просто имеющийся у тела мозг от него самого (эту же мысль впоследствии повторил Фейербах)[1].

И дальше Гольбах смело ставит вопрос об эволюции видов и в частности человека:

«Всегда ли существовал человек? Всегда ли человек был тем, что он есть теперь?» спрашивает он и отвечает: «Человеческий род дошел до своего теперешнего состояния через ряд последовательных фаз развития. Человек произошел в определенный момент времени». И этому закону эволюции подвержено все живое, как и вся материя вообще.

Можно утверждать,—говорит он,—что человек, подобно всему существующему на земле и на других планетах, находится в процессе непрестанного изменения. На возражения людей, указывающих на то, что теперь изменения видов не происходит, и что незаметно нарождения новых видов, Гольбах справедливо отвечает: «Что касается лиц, спрашивающих, почему природа не производит новых существ, то мы их в свою очередь спросим: откуда они это знают?.. Откуда они знают, что природа не собирает в данный момент в своей колоссальной лаборатории элементов, необходимых для порождения совершенно новых видов, не имеющих ничего общего с существующими в настоящее время видами?.. У человека нет никаких оснований считать себя каким-то привилегированным существом природы: он испытывает то же изменения, что и все другие произведения ее»[2].

Такова была замечательная система французского материализма, выработанная во второй половине XVIII века и заложившая главные основы материалистического мировоззрения. Как уже указывали Маркс и Энгельс, у нее были серьезные недостатки, в частности отсутствие правильного метода исследова-

[1]) Гольбах—«Система природы», Гиз, М. 1926, стр. 9—10, 15, 27, 61, 65, 82. Книга Гольбаха вышла в 1770 году, т.-е. после книги Гельвеция «Об уме».

[2]) Гольбах—«Система природы», стр. 67—72.

ния. Однако нельзя утверждать, что «коренной недостаток этого материализма—отсутствие всякой идеи эволюции» (Плеханов—«Очерки», стр. 11).

Как мы видели, идея эволюции не была совсем чужда французскому материализму, хотя, несомненно, эта сторона была в нем лишь намечена, но не разработана. Во всяком случае наука могла двигаться вперед, лишь исходя из заложенных этой философией основ. Слабость же ее заключалась в практическом применении материалистических принципов к обществу и истории. Эту слабость разделили с нею и Фейербах, и в меньшей степени Чернышевский; но в данном случае вопрос этот нас не интересует.

II. Людвиг Фейербах.

Чернышевский отрицательно относился к той форме, которую придал своей системе сам Гегель. По всем своим устремлениям Чернышевский примыкал к школе левых гегельянцев, в частности к Л. Фейербаху.

Немецкая идеалистическая философия пользовалась большой популярностью среди русской интеллигенции 30-х и 40-х годов. Как указывает Чернышевский, заслуга Надеждина, между прочим, и заключалась в том, что он ввел в наше литературное сознание идеи, выработанные немецкой философией. Но Надеждин был последователем Шеллинга, а между тем система этого мыслителя, как замечает Чернышевский, сама по себе была неудовлетворительна, и главное ее значение состояло только в том, что она была зародышем, из которого развилась система Гегеля. «Понять Гегеля, который дал истинный смысл и настоящую цену неопределенным и отрывочным мыслям Шеллинга, было предоставлено уже следующему поколению, обратившемуся к изучению немецкой философии отчасти по самостоятельному стремлению, отчасти, конечно, благодаря деятельности Надеждина и Павлова». Сначала русские передовые кружки (Станкевич, Герцен, Бакунин, Белинский) принимали учение Гегеля в том виде, как его излагал этот мыслитель. Но скоро они познакомились с сочинениями учеников Гегеля, которые, с строгой последовательностью развивая существенные идеи учителя, отвергли все, что в его системе противоречило этим основным принципам.

На Западе эволюция левого гегельянства привела к Фейербаху, который заложил основу материалистической философии. «Тем,—говорит Чернышевский,—завершилось развитие немецкой философии, которая теперь в первый раз достигла положительных решений, сбросила свою прежнюю схоластическую форму метафизической трансцендентальности и, признав тождество своих результатов с учением естественных наук, слилась с общей теорией естествоведения и антропологией»[1]).

Этими словами Чернышевский совершенно определенно примыкает к «антропологическому принципу» и «реальному гуманизму» Фейербаха. Тот же мыслитель оказал сильнейшее влияние на Маркса и Энгельса в тот период, когда они только вырабатывали свое миросозерцание. В своей известной брошюре

[1]) «Очерки гоголевского периода»,—«Соч.», том II, стр. 162.

«От классического идеализма к диалектическому материализму» Энгельс прямо говорит, что учение Фейербаха «во многих отношениях представляет связующее звено между гегелевской философией и нашим (марксистским) мировоззрением»[1].

Герцен называл философию Гегеля алгеброй революции, так же смотрел на нее и Генрих Гейне. Энгельс совершенно согласен с этой оценкой. Даже в основе знаменитого положения Гегеля «все действительное — разумно и все разумное — действительно» лежит в сущности глубоко революционная мысль. Это положение о разумности всего действительного по всем правилам диалектического метода переходит в другое положение: все существующее достойно уничтожения.

«В этом,—замечает Энгельс,—и заключается истинное значение и революционный характер философии Гегеля». Чернышевский хорошо понимал эту сторону гегелевской философии. Система Гегеля раз навсегда положила конец притязаниям на абсолютное значение каких бы то ни было созданий человеческой деятельности или мышления. Для Гегеля истина не является собранием готовых догматических положений, которые можно однажды открыть, а затем только заучивать наизусть. Напротив, истина заключается для него в самом процессе познания, причем наука не может дойти до абсолютной истины, дальше которой движение мысли не должно совершаться. Диалектическая философия Гегеля не признает ничего абсолютного, законченного, неприкосновенного; она указывает на всеобщую изменяемость; во вселенной, равно как и в истории человечества, она усматривает только непрерывный процесс созидания и разрушения, бесконечный переход от низших форм к высшим,—словом, процесс безостановочного развития путем разрушения существующего. Как показывает его Дневник, Чернышевский понял это уже в 1848 г.

То обстоятельство, что сам Гегель, в противоречии с духом своего собственного учения, создал законченную философскую «систему», которую провозгласил абсолютной истиной, ничего не доказывает. Последователи великого мыслителя, признавая его **метод**, отвергли его положительные выводы. Если сам учитель мог (как думает Гейне, неискренно) излагать консервативные взгляды в королевско-прусском духе, то его ученики выступили с радикальной проповедью, направленной как против небесных, так и против земных авторитетов. Практические потребности борьбы с религией и с политической реакцией постепенно привели наиболее последовательных левых гегельянцев к материализму, заставив их восстановить прерванную-было нить традиции, шедшую от французского материализма XVIII века.

В 1841 г. появилась знаменитая книга Фейербаха «Сущность христианства», нанесшая первый серьезный удар гегелевскому идеализму и снова возведшая на трон материализм. Книга произвела необычайное действие на публику. «Надо,—говорит Энгельс,—испытать на себе освободительное влияние этой книги, чтобы иметь о нем представление. Всех охватило воодушевление. Мы все стали вдруг последователями Фейербаха»)[2]. В то время

[1]) Энгельс — «От классического идеализма», Одесса 1905, стр. VI.

[2]) Ср. предисловие Квенцеля к первому изданию русского перевода, вышедшему в 1908 г. в Петербурге. Второе издание выпущено институтом Маркса и Энгельса (Л. Фейербах — «Сочинения», том II, М. 1926).

как другие левые гегельянцы не в силах были критически превзойти гегелевскую философию, в то время как они, напр. Штраус и Бауэр, извлекали из нее по одной стороне и пользовались ею для борьбы против других сторон, Фейербах, по словам Энгельса, «сломал систему Гегеля и отбросил ее в сторону».

Основным вопросом философии является вопрос об отношении между мышлением и бытием. Идеализм признает примат духа над природой, материализм утверждает примат природы или материи. В этом отношении Фейербах шел навстречу материализму, отвергая идеализм Гегеля с его абсолютной идеей[1]). По его словам, «истинное отношение мышления к бытию есть следующее: бытие—суб'ект, мышление—предикат. Мышление обусловливается бытием, а небытие — мышлением. Бытие обусловливается самим собою,... имеет свою основу в самом себе» [2]).

Противоречие между бытием и мышлением, выразившееся особенно рельефно в учении Канта, разрешается в гегелевской философии просто посредством устранения одного из его составных элементов, т.-е. бытия, природы, материи. У Гегеля мышление и есть бытие. Это тоже монизм, но монизм, поставленный на голову. Идеализм не устанавливает единства бытия и мышления; он его разрывает. Фейербах еще до Маркса старался поставить гегелевскую диалектику «на ноги», провозглашая единство бытия и мышления, но не отождествляя их. Не материя есть продукт духа, а, наоборот, дух есть высший продукт материи. И хотя сам Фейербах не считал себя материалистом, говоря, что с материализмом он идет только до известного пункта, тем не менее исторически и об'ективно его учение было первым проявлением новейшего материализма.

В основу своей системы Фейербах кладет человека. «Будущая философия,—говорит он в «Grundsätze der Philosophie der Zukunft»,—делает человека (со включением природы как базиса человека) единственным, всеобщим и высшим предметом философии,—стало быть, антропологию со включением физиологии универсальною наукою» [3]). Но фейербаховский человек это—не то бесплотное существо, которым оперирует идеалистическая философия; это—существо действительное и телесное. «Если,—замечает он,—прежняя философия имела своим исходным пунктом положение: я есмь абстрактное, только мыслящее существо: тело не принадлежит к моей сущности; то будущая философия начинает, напротив, с положения: я есмь действительное, чувственное существо: тело принадлежит к моей сущности, именно тело в своей целокупности и есть мое *я*, моя сущность» [4]). Мыслит не отвлеченное существо, а именно это действительное физическое существо. Ни один из элементов противоречия, над которым бился старый идеализм, здесь не устраняется на-

[1]) Попытка Ланге доказать, что Фейербах не был материалистом («История материализма», Спб. 1899, т. II, стр. 394 и сл.), не выдерживает критики. См. Плеханов—«Основные вопросы марксизма», Спб. 1908, стр. 7 и сл; его же «За двадцать лет», изд. 3, Спб. 1909, стр. 271 и сл.

[2]) Фейербах—«Избранные сочинения», т. I. М. 1923, стр. 66.

[3]) Фейербах, цит. соч., т. I, стр. 136—137. Ср. стр. 59: «Тайною теологии является антропология». Отсюда и «антропологический» принцип Чернышевского. «Антропология» у Фейербаха служит антитезою теологии, т.-е. признанию какой-то изначальной сущности помимо материальной.

[4]) Ibid., стр. 123.

сильственно; оба они сохраняются в своем действительном единстве. Таким образом на место кантовского дуализма и идеалистического монизма Гегеля Фейербах ставит материалистический монизм.

«Гуманизм» (или «реальный гуманизм») Фейербаха, как верно замечает Плеханов [1]), оказывается спинозизмом, освобожденным от его теологической привески. Впрочем, не совсем освобожденным, как показывает Энгельс [2]). Окончательное освобождение спинозизма от теологической скорлупы произведено было Марксом и Энгельсом, которые таким образом и создали новейший материализм. И чрезвычайно характерно, что и Чернышевский, излагая взгляды Фейербаха в резкой и законченной материалистической форме, также указывает, как на предшественников «антропологического принципа», на Аристотеля и Спинозу [3]).

Куно-Фишер («История новой философии», т. VIII, полутом II, Спб. 1903) правильно замечает, что «новая философия есть философия чувственного мира» (стр. 444). Фейербах говорит: «Органы чувств являются органами философии. Дух следует после чувства, а не чувство после духа; дух—это конец, а не начало вещей». И дальше: философия, это—познание того, что есть. Познавать и мыслить вещи и существа так, как они суть,—вот высший закон, высшая задача философии. Бытие, с которого начинает философия, не может быть отделено от сознания, а сознание—от бытия. Пространство и время суть формы существования всякого существа. Только существование в пространстве и времени есть истинное существование.

Существенными орудиями, органами философии являются: голова—источник активности, свободы, метафизической бесконечности, идеализма, и сердце—источник страданий, конечного, потребностей, сенсуализма, или, выражаясь теоретически, мышление и созерцание, ибо мышление есть потребность головы, созерцание же и чувство—потребность сердца.

Философия должна снова [4]) связаться с естествознанием, естествознание—с философией. Эта связь, основанная на взаимной потребности, на внутренней необходимости, будет продолжительнее, счастливее и плодотворнее, чем тот мезальянс, который до сих пор был между философией и теологией.

Материя есть важнейший об'ект для разума. Если бы не было материи, разум не имел бы ни побуждения, ни материала для мышления, не имел бы содержания. Материю нельзя отрицать, не отрицая разума, нельзя признавать, не признавая и последнего. Материалисты являются и рационалистами.

---

[1]) «Основные вопросы марксизма», стр. 12, ср. его же — «Очерки по истории материализма»: «Материалистическая философия Фейербаха была, как и философия Дидро, лишь родом спинозизма» (стр. 159).

[2]) «От классического идеализма», стр. 30 и сл.

[3]) «Антропологический принцип»,—«Соч.», т. VI, стр. 238. Нечего и прибавлять, что Чернышевский не менее Маркса был свободен от теологических слабостей Спинозы. Как высоко Чернышевский ставил Спинозу, видно из цитируемого ниже сибирского его письма.

[4]) Повидимому, Фейербах имел здесь в виду именно французских материалистов, которые задолго до него высказали все эти мысли и зачастую теми же словами (см., напр., выше мысли Гольбаха).

Действительное в своей действительности или в качестве такового является действительным лишь в качестве об'екта чувств, в качестве чувственного. Истинность, действительность, чувственность тождественны. Только чувственное существо есть истинное, действительное существо. Не посредством мышления для самого себя, а лишь посредством чувств об'ект дается нам в своем истинном значении. Будущая философия мыслит в тесном согласии и мире с чувствами. «Она совершенно сознательно и радостно признает истинность чувственности; она—откровенная чувственная философия» [1]).

Об'ектом чувств является не только внешнее, но и внутреннее, не только плоть, но и дух, не только вещь, но и я.

Повторяя мысль Гольбаха, Фейербах говорит, что различие между сущностью и видимостью, основанием и следствием, субстанцией и акциденцией, необходимым и случайным, умозрительным и эмпирическим не дают основания для образования двух миров или царств—одного сверхчувственного, к которому относятся сущности, и другого чувственного, к которому относятся видимости; эти различия отпадают в пределах самой чувственности.

Только в самое последнее время [2]), как некогда в Греции после господства мира восточных грез, человечество снова вернулось к чувственному, т.-е. не извращенному об'ективному восприятию чувственного, а стало быть, и действительного; но этим человечество вернулось только к самому себе.

Пространство и время не являются только формами явлений; они суть основные условия, разумные формы, законы—как бытия, так и мышления. Где нет пространства, там нет места и системе. Где нет пространственных различений, там нет и логических. Действительное мышление, это—мышление в пространстве.

Вещи не могут мыслиться иначе, чем они бывают в действительности. Законы действительности являются также и законами мышления. Средством соединить в одном и том же существе противоположные или противоречащие определения соответствующим действительности образом является только время.

Действительное в своей действительности и цельности—об'ект философии будущего—является также и об'ектом действительного и цельного существа. Если старая философия говорила: только разумное истинно и действительно, то будущая философия, напротив, заявляет: истинно и действительно только человеческое, ибо только человеческое—разумно; человек—мера разума [3]).

Таковы были основные взгляды мыслителя, оказавшего такое огромное влияние на основателей научного социализма, а также на Чернышевского.

---

[1]) Фейербах, т. I, стр. 44, 66, 75, 91, 120, 123.

[2]) Снова, повидимому, намек на французскую материалистическую философию XVIII века.

[3]) Ibid., стр. 126—131. Большая часть этих мыслей изложена в «Основах философии будущего», 1843 г., которыми руководствовался Чернышевский при писании своей статьи. Как мы видим, они в значительной мере повторяют положения Гольбаха и др. Мы не приводим цитат из более поздних произведений Фейербаха, которыми Чернышевский не мог в то время пользоваться.

III. Материализм Чернышевского.

а) Отрицание суб'ективизма и агностицизма.

Мы уже знаем, какое сильное влияние оказал Фейербах на юного Чернышевского. Если не со времени своего знакомства с ним, т.-е. с 1849 года, то со времени окончательного принятия его учения, т.-е. примерно с 1850—1851 годов, Чернышевский считал себя его последователем и остался ему верен до конца жизни [1]). Составить себе представление о том, с каким благоговением Чернышевский относился к своему учителю, можно отчасти по письму его к сыновьям из Вилюйска от 11 апреля 1877 года. Вот что там пишет Чернышевский: «Если вы хотите иметь понятие о том, что такое, по моему мнению, человеческая природа, узнавайте это из единственного мыслителя нашего столетия, у которого были совершенно верные, по-моему, понятия о вещах. Это—Людвиг Фейербах. Вот уж 15 лет я не перечитывал его... Но в молодости я знал целые страницы из него наизусть. И, сколько могу, судить по моим потускневшим понятиям о нем, остаюсь верным последователем его.

«Он устарел?—Он устареет, когда явится другой мыслитель такой силы. Когда он явился, то устарел Спиноза. Но прошло более полутораста лет, прежде чем явился достойный преемник Спинозе.

«Не говоря о нынешней знаменитой мелюзге вроде Дарвина, Милля, Герберта Спенсера и т. д., тем менее говоря о глупцах, подобных Огюсту Конту, ни Локк, ни Гьюм (Юм), ни Кант, ни Гольбах [2]), ни Фихте, ни Гегель не имели такой силы мысли, как Спиноза. И до появления Фейербаха надобно было учиться понимать вещи у Спинозы, устарелого ли или нет, например, в начале нынешнего века, но все равно—единственного надежного учителя. Таково теперь положение Фейербаха: хорош ли он или плох, это как угодно; но он безо всякого сравнения лучше всех.

«Специальным образом он успел разработать лишь одну часть своего миросозерцания, ту часть философии, которая относится к религии. Обо всем остальном у него попадаются лишь делаемые мимоходом краткие заметки» [3]).

С момента усвоения идей Фейербаха Чернышевский и датирует свой переход на материалистическую позицию. «Я,—гово-

---

[1]) «Не было,—пишет Н. Котляревский («Очерки из истории общественного настроения 60-х годов»,—«В. Евр.» 1912, № 12, стр. 235),—ни одного даже мирового авторитета, ни одного философа, историка, поэта, которого Чернышевский не задел бы слегка или сильно каким-либо критическим замечанием, и только один Фейербах не слыхал с его стороны никогда таких возражений... Это увлечение началось с того момента, как Фейербах помог Чернышевскому в одну из самых критических минут», борьбы традиционной веры с неверием.

[2]) «Имя Гольбаха, — замечает Г. Плеханов («Соч.», т. VI, стр. 379),—стоит у Чернышевского рядом с именами Локка, Юма, Фихте и Гегеля. Это очень характерно для него, как для материалиста».

[3]) «Чернышевский в Сибири», вып. II, стр. 126.—Последнее указание Чернышевского совершенно правильно; оно подтверждает мою мысль, что, составляя свою статью «Антропологический принцип», он руководствовался не только Фейербахом.

рит он в письме к родным от 27 апреля 1876 г.,—с первой молодости был твердым приверженцем того строго научного направления, первыми представителями которого были Левкипп, Демокрит и т. д. до Лукреция Кара, и который теперь начинает быть модным между учеными» [1]), т.-е. материализма, с основами которого он познакомился первоначально у Фейербаха и которые он затем развил и обогатил изучением французских материалистов и естественных наук.

То философские колебания, которые отчасти присущи были Фейербаху, Чернышевский преодолел, приняв материализм полностью, без колебаний и оговорок. Фейербах, например, говорил: «Истина не есть ни материализм, ни идеализм, ни физиология, ни психология; истина—только антропология, истина—только точка зрения чувственности, созерцания, потому что только эта точка зрения дает мне целостность и индивидуальность» [2]). Такого странного противопоставления материализма точке зрения чувственности Чернышевский не знал. Во всяком случае, когда он называл себя последователем Фейербаха, он считал его последовательным сторонником материалистической философии. Иначе при свойственной ему теоретической прямоте он открыто выступил бы против своего учителя [3]).

И не даром такой строгий критик, как Г. В. Плеханов, в результате внимательного рассмотрения философских воззрений Чернышевского приходит к тому выводу, что «в философском отношении он был очень близок к Энгельсу и Марксу» (Соч., т. VI, стр. 305)...

Прежде всего встает естественный вопрос о задачах и пределах философии как науки. Известно замечание Энгельса о том, что с развитием науки философия в прежнем понимании этого слова становится излишней. «Материализм,—говорит он,—по существу диалектичен и не нуждается ни в какой, над другими науками стоящей, философии. Когда к каждой отдельной науке пред'является требование выяснить свое место в общей связи вещей и познания их, то всякая особая наука об общей связи вещей и познания становится излишней. От всей прежней философии остается тогда лишь учение о мышлении и его законах, формальная логика и диалектика. Все остальное растворяется в положительной науке о природе и истории» [4]).

Эта мысль, как оказывается, была высказана уже в относящейся к 1845 году рукописи Маркса и Энгельса о Фейербахе, опубликованной в первой книге «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». По этому поводу Д. Рязанов в предисловии к этому манускрипту говорит: «Тот вывод, который нам знаком из Анти-Дюринга, формулирован уже в рукописи о Фейербахе. Философия, как особая наука об общей связи вещей и знаний, как summa summarum всего человеческого знания, становится излишней. От всей прежней философии остается только наука о законах

[1]) Ibid., вып. II, стр. 26.

[2]) Фейербах—«Против дуализма тела и души, плоти и духа»,—«Соч.», т. I, стр. 157.

[3]) И Плеханов совершенно прав, когда замечает: «Как бы там ни было, а Н. Г. Чернышевский понимал Фейербаха в материалистическом смысле» («Соч.», т. V, стр. 194).

[4]) Энгельс—«Анти-Дюринг», Гиз, М. 1923, стр. 19.

мышления—формальная логика и диалектика» [1]). Этот же взгляд, как уже отметил Плеханов, был, впрочем тоже в 1845 году, высказан и Фейербахом, заявившим, что его «философия состоит в том, что не нужно никакой философии», и полагавшим, что философия должна уступить место естествознанию [2]), для чего натуралисты должны предварительно усвоить основные выводы философии. Повидимому, Чернышевский смотрел на дело точно так же.

В предисловии к предполагавшемуся в 1888 году третьему изданию «Эстетических отношений» Чернышевский прямо ссылается на вышеприведенное заявление Фейербаха. «В 1845 году,—пишет он,—в предисловии к собранию своих сочинений он (Фейербах) уже говорил, что философия отжила свой век, что ее место должно быть занято естествознанием... Это заявление, что он считает устаревшими и такие свои труды, как «Сущность религии», основывалось на надежде, что скоро явятся натуралисты, способные заменить философов в деле раз'яснения тех широких вопросов, исследование которых было до той поры специальным занятием мыслителей, называвшихся философами».

Но осуществилась ли эта надежда?—спрашивает Чернышевский. Нет, отвечает он. «Этого не сделано до сих пор (писано в 1888 году: *Ю. С.*). Те натуралисты, которые воображают себя строителями всеоб'емлющих теорий, на самом деле остаются учениками и обыкновенно слабыми учениками старинных мыслителей, создавших метафизические системы, и обыкновенно мыслителей, системы которых уже были разрушены отчасти Шеллингом и окончательно Гегелем [3]). Достаточно напомнить, что большинство натуралистов повторяют метафизическую теорию Канта о суб'ективности нашего знания, толкуют со слов Канта, что формы нашего чувственного восприятия не имеют сходства с формами действительного существования предметов, что поэтому предметы, действительно существующие, и действительные качества их, действительные отношения их между собою непознаваемы для нас, и если бы были познаваемы, то не могли бы быть предметом нашего мышления, влагающего весь материал знаний в формы совершенно различные от форм действительного существования, что и самые законы мышления имеют лишь суб'ективное значение, что в действительности нет ничего такого, что представляется нам связью причины с действием, потому что нет ни предыдущего, ни последующего, нет ни целого, ни частей, и т. д., и т. д. Когда натуралисты перестанут говорить этот и тому подобный метафизический вздор, они сделаются способными вырабатывать и, вероятно, выработают на основании естествознания систему понятий более точных и полных, чем те, которые изложены Фейербахом. А пока, лучшим изложением научных понятий о так называемых основных во-

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. I, 1924, стр. 199.

[2]) Плеханов, т. V, стр. 206. «Начало философии,—говорит Фейербах (том I, стр. 44),—является началом знания вообще, а не началом ее самой как особого знания, отличного от знания реальных наук».

[3]) Чернышевский имеет в виду Дюбуа-Реймона и прочих натуралистов, выступивших с заявлениями об относительности человеческого знания и т. п.

просах человеческой любознательности остается то, которое сделано Фейербахом [1]).

По поводу этой критики кантианства Ленин, высоко ценивший Чернышевского и как философа, и как политика, в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» говорит: «Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и суб'ективизм, не за допущение «вещи в себе», а за неуменье вывести наше знание из этого об'ективного источника. Критика Канта Чернышевским диаметрально противоположна критике Канта Авенариусом-Махом и имманентами, ибо для Чернышевского, как и для всякого материалиста, формы нашего чувственного восприятия имеют сходство с формами действительного, т.-е. об'ективно-реального, существования предметов. Для Чернышевского, как и для всякого материалиста, предметы, т.-е., говоря вычурным языком Канта, «вещи в себе», действительно существуют и вполне познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях. Для Чернышевского, как и для всякого материалиста, законы мышления имеют не только суб'ективное значение, т.-е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходствуют, а не различествуют с этими формами. Для Чернышевского, как и для всякого материалиста, в действительности есть то, что представляется нам связью причины с действием, есть об'ективная причинность или необходимость природы. Чернышевский называет метафизическим вздором всякие отступления от материализма и в сторону идеализма, и в сторону агностицизма. Основными вопросами человеческой любознательности Чернышевский называет то, что на современном языке называется основными вопросами теории познания или гносеологии. Чернышевский— единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 1888 года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» [2]).

Как ясно уже из предыдущей цитаты, Чернышевский относился с решительным осуждением к учениям, которые в той или иной мере провозглашали суб'ективизм человеческого мышления и непознаваемость внешнего мира [3]). На этом основании он не

---

[1]) Чернышевский—«Сочинения», т. X, часть 2, стр. 191 и 195—196.

[2]) Н. Ленин—«Собрание сочинений», М. 1923, т. X, стр. 305.

[3]) Чернышевский, — говорит Н. Русанов в статье «Чернышевский в Сибири» («Русск. Богатство» 1910, № 5, стр. 172—173),—был ярым противником агностицизма, ставившего произвольно пределы человеческому сознанию и утверждавшему, что вещи сами по себе никогда не могут быть познаны человеком. «Этим об'ясняется и крайне резкое отношение Чернышевского к позитивизму, не желающему доходить до конечных причин в своем познании мира под тем предлогом, что это—метафизика. Наоборот, по Чернышев-

мог относиться к Канту иначе, как к метафизику. С такой же суровостью он отнесся к творцу так наз. «положительной философии», Огюсту Конту, высказавшемуся в своем «Курсе положительной философии» если не за непознаваемость, то за неполную познаваемость вещей [1]).

Вот как он выражается на этот счет в письме к сыновьям из Вилюйска от 27 апреля 1876 года:

«Есть другая школа, в которой гадкого нет почти ничего (если не считать глупостей ее основателя, отвергнутых его учениками), но которая очень смешна для меня. Это—огюст-контизм. Бедняга Огюст Конт, не имея понятия ни о Гегеле, ни даже о Канте, ни даже, кажется, о Локке, но научившись многому у Сен-Симона (гениального, но очень невежественного мыслителя) и выучивши наизусть всяческие предисловия к руководствам по физике, вздумал сделаться гением и создать философскую систему. Степень его гениальности определяется тем, что он, весь век усердно занимаясь математикою, не в силах был ровно ничего сделать для усовершенствования этой науки; что он серьезно гордился, будто великим открытием, крошечным вычислением пропорций между большими полуосями орбит и временами обращения планет около солнца,—вычислением, которое сумел бы сделать даже я, не знающий из математики ничего выше арифметики, и которое со времени Кеплера, конечно, делал, но как ничтожную вещь, оставляя ненапечатанным, каждый астроном,—этот трудолюбивый Огюст Конт, вообразивший себя гением, размазал на шесть томов две-три странички, которые с давнего времени переписываемы были каждым составителем руководства к изучению физики,—переписываемы из Локка, в виде предисловия к трактату. К этому прибавил Огюст Конт кое-какие мелочи из Сен-Симона и от собственных сил—формулу о трех состояниях мысли (теологич., метафизич., положительном) — формулу совершенно вздорную (правда тут лишь в том, что прежде, чем удастся построить гипотезу, сообразную с истиной, очень часто люди придумывают гипотезы неудачные. Ошибка очень часто предшествует истине—только и всего. А теологич. периода науки никогда не бывало; метафизика в том смысле, как понимает ее Огюст Конт, тоже вещь никогда не существовавшая). Итак, вышло шесть томов, очень толстых и скучных. Следовательно, великое научное творение—ура! И пошло: «Ура!». А в сущности это какой-то запоздалый выродок «Критики чистого разума» Канта. Творение Канта об'ясняется тогдашними обстоятельствами положения науки в Германии. Это была неизбежная сделка научной мысли с ненаучными условиями жизни. Как быть! Канту нельзя ставить в вину, что он придумал нелепость (то-есть.

скому метафизикою и будет та робкая работа мысли, которая останавливается иа полдороге позиаиия, уверяя себя, что дальше человеку итти иельзя». То же отмечает и Плехаиов, когда говорит (том VI, стр. 302): «Взгляд на человека как на часть природы естествеиио дополняется у Чернышевского совершеиио отрицательиым отношеиием к тем философским системам, которые так или ииаче утверждали непознаваемость внешнего мира».

[1]) Замечательио, что Коит произвел иеблагоприятиое впечатление на Чериышевского еще в юные годы, в частиости своим делением истории человеческой мысли иа три фазы—теологическую, метафизическую и положительную. Это видио из его записи в Диевиике, сделаииой 12 декабря 1848 г.

даже и не придумал, а вычитал из Юма, которого—вот смех-то!—воображает он опровергать, перефразируя): надобно же было хоть как-нибудь преподавать хоть что-нибудь не совершенно гадкое. И он решил: «Что ложь и что истина, этого мы не знаем и не можем знать. Мы знаем только наши отношения к чему-то неизвестному. О неизвестном не буду говорить: оно неизвестно». Но во Франции, в половине нынешнего века, это—нелепая уступка, нелепость совершенно излишняя. А Огюст Конт преусердно твердит: «неизвестно», «неизвестно». Но для мыслителей, которым не хочется искать или высказывать истину, это решение очень удобное. В этом разгадка успеха системы Огюста Конта»[1]).

Это отрицательное отношение к попыткам возрождения агностицизма и суб'ективизма сказывается и в статье Чернышевского «Характер человеческого знания», написанной по возвращении из ссылки и напечатанной в №№ 63—64 газеты «Русские Ведомости» за 1885 год[2]). Она направлена против умствований ряда натуралистов, в том числе Вирхова и Дюбуа-Реймона, утверждавших, что мы знаем лишь наши представления о предметах, самих же предметов не знаем и не можем знать. Чернышевский называет эту новую форму идеализма «иллюзионизмом» (может быть потому, что ввиду обычного двойственного значения слова «идеализм» считал его неточным и неподходящим). На это старый фейербахианец отвечает: «Говорить, что мы имеем лишь знание наших представлений о предметах, а прямого зна-

---

[1]) «Чернышевский в Сибири», вып. II, стр. 27—28. Н. Русанов в статье «Чернышевский в Сибири» («Русское Богатство» 1910, № 5, стр. 163) напоминает, что в свое время Чернышевский отзывался о Конте, равно как и о некоторых других, напр., о Мальтусе и Прудоне, не так резко, как в сибирских письмах. Так, в статье «Июльская монархия», напечатанной в «Современнике» в 1860 г., он писал о Конте: «Основатель положительной философии, единственной философской системы, верной научному духу, «один из гениальнейших людей нашего времени» («Соч.», т. VI, стр. 135). Правда, Русанов пропускает тут слова «у французов», что несколько меняет смысл похвалы Чернышевского, ибо во Франции господствовал в то время философский эклектизм, особенно ярко выразившийся в лице Кузена и вызывавший презрение Чернышевского, а в сравнении с Кузеном и Конт мог представляться образцом научности. Но более резкий тон оценок в сибирских письмах по сравнению с прежними отзывами в ряде случаев несомненно замечается. Русанов об'ясняет это личной судьбой Чернышевского. «Очень может быть,—говорит он,—что продолжительное пребывание Чернышевского в Сибири, сознание фатальности своего положения, определявшегося крайнею отсталостью политического развития России, должно было вызвать в нем известное ожесточение и презрительное отношение к тем взглядам и мнениям, которые, по его убеждению, в Западной Европе, а в особенности в России, определяли столь косное состояние общества. Находясь в этом настроении, Чернышевский порою, видимо, терял всякую охоту различать оттенки большей или меньшей вредности воззрений и людей, в каких он видел враждебные своему миросозерцанию элементы, и подвергал их сплошной очень резкой критике на основании принципа «кто не за меня, тот против меня». Историческая оценка отходила при этом само собою на задний план».

Несомненно, торжество реакции, в частности и в философской области, заставило Чернышевского изменить свое отношение к колеблющимся элементам в смысле его обострения, между прочим ко всем проявлениям идеалистической метафизики. И Русанов прав, когда говорит там же (стр. 167): «Сибири... развитие материалистического мировоззрения Чернышевского продолжалось далее. Его материализм даже приобретал более острые углы, становился резче и с большею энергиею противопоставлял себя всем другим направлениям».

[2]) Перепечатана в «Соч.», т. X, ч. 2, стр. 1—15.

ния самих предметов у нас нет, значит отрицать нашу реальную жизнь, отрицать существование нашего организма». Показав нелепость схоластических приемов, употребляемых «иллюзионистами» для доказательства своих утверждений, Чернышевский заключает: «Разум подвергает проверке всё. Но у каждого образованного человека есть множество знаний, которые уже проверены его разумом и оказались по проверке не могущими подлежать для него ни малейшему сомнению, пока он останется человеком здравого рассудка».

б) Материалистический монизм.

По всему складу своего последовательного и цельного ума Чернышевский органически не мог бы примириться ни с какой философской системой, в основе которой лежал дуализм. Он признавал только монизм. Но монизм может быть идеалистическим или материалистическим. И, конечно, Чернышевский, как по своим личным стремлениям, так и по условиям исторической обстановки, должен был сделаться сторонником материалистического монизма. Идеализм по своему существу созерцателен; материализм же—система действенная, соответствующая периодам общественного под'ема и классам революционно-настроенным. Вместе со всем своим поколением Чернышевский естественно стал на точку зрения материалистического монизма.

Но отсюда не следует, чтобы он не понимал исторического значения идеалистического монизма. Этой своей стороной его и пленяла в свое время система Гегеля.

Чернышевский называл систему гегелевской философии «строгой и возвышенной». Он смотрел на нее как на последнюю систему идеализма, наиболее совершенную в своем роде, но тем не менее недостаточную, двойственную и исполненную противоречий между ее принципами и выводами, духом и содержанием. Вот почему он мог говорить про себя: «Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля. Гегель ныне уже принадлежит истории, настоящее время имеет другую философию и хорошо видит недостатки гегелевской философии» [1]). По мнению Чернышевского, гегелевская философия побеждена и превзойдена материализмом, но она во всяком случае стоит выше всех других идеалистических систем и ближе всего подошла к материалистической философии, которой она приуготовила пути.

Как убежденный монист, он презрительно относился к «кашице», называвшейся «эклектической философией» (Кузен), которая, по его словам, не имела большого научного достоинства, но была хороша тем, что легко переваривалась людьми, еще не готовыми к восприятию строгих и резких систем немецкой философии. Кстати, любопытно отметить, что эклектиком Чернышевский считал и Лаврова: этот слабый пункт в миросозерцании Лаврова он отметил с первых же литературных выступлений

---

[1]) «Сочинения», т. II, стр. 185. Ср. стр. 186—189, 214.—«Ошибки Гегеля,— замечает Чернышевский,—не имели важных последствий, между тем как здоровая часть его учения действовала очень плодотворно».

Петра Лавровича [1]). Последовательность в мысли, как и в действии, он признавал делом своей чести и достоинства.

Усвоив после некоторой внутренней борьбы материалистические взгляды, Чернышевский остался верен им до конца. Каковы были его основные воззрения на природу, прекрасно видно из двух его сибирских писем от 21 июля и 15 сентября 1876 года, в которых он в поучение сыновьям излагает свои «общие понятия о природе». Так как взгляды Чернышевского в этом отношении остались неизменными, то мы позволим себе начать эту главу именно с передачи содержания указанных писем, тем более, что в них эти взгляды изложены с выразительной краткостью и полной ясностью, напоминая лучшие страницы Дидро и Гольбаха, трактующие об аналогичных предметах.

Итак, вот что говорит Чернышевский:

То, что существует, называется материею. Взаимодействие частей материи называется проявлением качеств этих разных частей материи. А самый факт существования этих качеств мы выражаем словами: «материя имеет силу действовать» или, точнее, «оказывать влияние». Когда мы определяем способ действия качеств, мы говорим, что мы находим «законы природы». Естествознание изучает материю и способы действия существующих в ней качеств. О материи оно старается узнать факты; в изучении способов ее действия оно старается находить формулы законов природы [2]).

«То, что существует,—материя. Материя имеет качества. Проявления качеств—это силы. То, что мы называем законами природы, это—способы действия сил» [3]).

«Разные качества вещества это—все одно и то же неизменное вещество, рассматриваемое с разных точек зрения... Одно из качеств вещества—иметь, говоря попросту, какой-нибудь вес или, выражаясь научным термином, иметь какую-нибудь массу. Другое качество вещества—иметь какую-нибудь величину по каждому из трех измерений... Сила, это—опять-таки само же вещество, рассматриваемое со стороны своего действования, с одной определенной точки зрения... Законы природы, это—само же вещество, рассматриваемое со стороны способов взаимодействия его частиц или масс его частиц...

«Это не изложение, даже не очерк, это—лишь характеристика одной стороны системы общих научных понятий». В эту характеристику Чернышевский по собственному решению ввел две черты: «во-первых, признание так называемой ньютоновой «гипотезы» о силе всеобщего взаимного притяжения—т.-е. на житейском языке веса, на научном массы—за фактически и логически неопровержимую истину». Лаплас, по мнению Чернышевского, до такого вывода не дошел; Спиноза еще не знал трудов Ньютона;

---

1) «Антропологический принцип в философии»,—«Соч.», т. VI, стр. 179 и след.

2) «Чернышевский в Сибири», вып. II, стр. 45.

3) Ibid., стр. 55—56. И Чернышевский спешит пояснить: «Это мой образ мыслей. Но мой он лишь в том смысле, что я усвоил его себе. Лично мне ровно ничего не принадлежит в его разработке. В мое молодое время, когда формировались мои понятия, натуралисты за немногими исключениями были враждебны этому образу мыслей, и я приобрел его не от них, а наперекор им. Теперь почти все они стараются держаться его. Но вообще они еще очень плохо усвоили его себе».

Фейербах, единственный после Спинозы компетентный в таких вопросах мыслитель, не занимался этими вопросами. Пришлось решать самостоятельно. «Во-вторых, то же самое по вопросу о делимости вещества». Чернышевский всегда непоколебимо держался того взгляда Ньютона, что «атомы—факт», считая его «строго доказанной истиной».

И, за исключением этих двух пунктов, по которым Чернышевский сделал свои выводы самостоятельно, «никакого ученого мнения, противоречащего чем бы то ни было чему бы то ни было в этих остальных, характеризованных мною, моих понятиях, я не могу признать научным» [1]).

Научным он признавал только материализм. И с гордостью он писал родным 1 марта 1878 года из Сибири: «Я—ученый. Я—один из тех ученых, которых называют «мыслителями». Я—один из тех мыслителей, которые неуклонно держатся научной точки зрения. Они—в самом строгом смысле слова «люди науки». Таков я с моей ранней молодости. И моя обязанность рассматривать все, о чем думаю, с научной точки зрения (курсив мой), давно, очень давно вошла в привычку мне так, что я уж не могу думать ни о чем иначе, как с научной точки зрения» (Ibid., III, стр. 73).

Раз усвоив материалистическую философию, Чернышевский уже не знал сомнений. Материализм может ошибаться в частностях, может временно быть бессилен об'яснить ту или другую деталь,—общий принцип этим нисколько не колеблется. «Мои ошибки могли быть лишь в мелочах,—пишет он 7 июля 1877 года.—До сущности мыслей они не относятся. Предметы моих ученых занятий были очень далеки от естествознания, как особенного отдела науки. Но по связи всех отделов науки между собою мне для моих ученых занятий необходимо было иметь отчетливое знание об основных законах и важнейших фактах всех отделов науки» (Ibid., вып. II, стр. 182).

Все дальнейшие открытия естествознания могут внести новые дополнения и подтверждения материалистической системы, но они не могут изменить ее по существу. Чернышевский высказывает уверенность, что элементы будут в конце концов разложены (он называет азот), что отдельные элементы представляют различные степени сгущения одного первоначального вещества [2]). Но новые достижения науки не способны поколебать основного научного воззрения на природу. «Это знание (солнечного света)—очень важное. Но для моего образа мыслей индифферентно то, что прежде мы не имели, а теперь приобрели это знание. Это похоже на то, что никакие успехи геометрии не изменяют основного понятия о трех измерениях пространства» [3]).

Остается «невесомый» эфир; но «его невесомость—нелепость» (Ibid., вып. III, стр. 49—50).

---

[1]) «Чернышевский в Сибири», вып. III, стр. 27—31.

[2]) Там же, вып. III, стр. 40.

[3]) Там же, вып. III, стр. 39 (письмо от 9 февраля 1878 г.). «Я читаю и радуюсь великому открытию (спектрального анализа). Кое-какие из веществ, найденных на каком-нибудь небесном теле, — те самые, какие правдоподобно было прежде предполагать существующими на нем; то, что нашлись там некоторые другие, показывает, что Левкипп и Демокрит были люди умнее очень многих из нас, в том числе и меня».

Да, Чернышевский был не из тех материалистов, которые сегодня готовы отступить перед великими открытиями эмпириомонизма, а завтра испугаться эйнштейновской теории относительности. Он твердо знал, что знал и чего хотел...

Через несколько лет после ознакомления с произведениями Фейербаха, когда Чернышевскому нужно было написать магистерскую диссертацию, он и решил сделать попытку изложить хоть часть идей своего учителя и применить их к разрешению основных вопросов эстетики. Таким образом появились «Эстетические отношения искусства к действительности». Затем Чернышевский неоднократно излагал взгляды Фейербаха, когда говорил о философских вопросах, но делал это мимоходом. И только в статье «Антропологический принцип в философии» он попытался дать более или менее связное и систематическое изложение своего материалистического мировоззрения.

Написана была эта знаменитая статья по поводу вышедшей в 1860 году брошюры П. Л. Лаврова «Очерки вопросов практической философии». Лавров был всегда эклектиком в философии, даже впоследствии, когда считал себя марксистом; в рассматриваемое же время он во всяком случае стоял ближе к идеализму, чем к материализму [1]). И недаром во время полемики, вспыхнувшей в связи с появлением статьи «Антропологический принцип», враги Чернышевского считали Лаврова своим и противопоставляли его зловредному проповеднику материализма. Впрочем, брошюра Лаврова была для Чернышевского лишь внешним поводом для того, чтобы представить русской публике, имевшей тогда самое слабое понятие о системах философии, более или менее цельное изложение основных положений материализма [2]).

Чернышевский начинает свою статью с двух существенных указаний. Во-первых, он напоминает, что отдельные философские учения тесно связаны с политическими и общественными взглядами их авторов. Этим он дает понять, что и для него материализм связан с определенными социальными стремлениями,

---

[1]) Русский позитивист В. Лесевич рассказывает об отношении Лаврова к материализму следующее: «Лавров имел случай высказаться по поводу материализма совершенно категорически. Раз как-то в начале 1866 года я зашел к нему и застал его за чтением только что вышедшей «Истории материализма» Фр.-Альб. Ланге. «Жестоко досталось материалистам в этой книге,—сказал Лавров, — и по-делом». Заявление это было так решительно, что сам Кассельский курфюрст мог бы повторить о Лаврове слова, сказанные им о Либихе: «Sein Valer war Materialist (т.-е. торговец аптекарскими товарами), nicht er». См. В. Л. Лесевич — «Страничка из воспоминаний». Сборник «На славном посту», изд. 2, Спб. 1906, ч. 2, стр. 155. Поэтому когда Н. Русанов в статье «П. Л. Лавров» («Былое» 1907, февраль) утверждает, будто полемика между «Современником» и Лавровым была результатом простого недоразумения, он этим только выдает обычную эсеровскую слабость — тяготение к эклектизму в философии. Участник этой полемики М. Антонович в своем ответе на статью Русанова («Былое» 1907, апрель, стр. 290 — 291) правильно возражает против высказанного Русановым мнения.

[2]) По мнению Плеханова, в основу статьи легли главным образом следующие сочинения Фейербаха: «Основы философии будущего» и пояснения к ним, озаглавленные «Против дуализма тела и души, духа и тела» («Соч.», том VI, стр. 257). К этому нужно прибавить «Лекции о религии», на которые ссылается сам Чернышевский в одном из сибирских писем, а также «Систему природы» Гольбаха и «Об уме» Гельвеция, влияние которого особенно заметно в части статьи, посвященной вопросам морали (что в «Очерках по истории материализма» отмечает и Плеханов).

в данном случае с социалистическими, о чем по цензурным условиям он не мог, разумеется, более ясно сказать. Это вполне соответствует известному взгляду Маркса на связь между материализмом и коммунизмом. Во-вторых, Чернышевский отводит тех двух мыслителей, на которых ссылался Лавров для оправдания своей эклектической точки зрения, именно Милля и Прудона. Милля он отказывается признать представителем современной философии по той причине, что тот никогда не занимался «собственно тою частью науки, которую принято у нас называть философиею,—теориею решения самых общих вопросов науки, обыкновенно называемых метафизическими, напр., вопросов об отношении духа к материи, о свободе человеческой воли, о бессмертии души и т. д.», и что «он преднамеренно отклоняется от высказывания всякого мнения о подобных предметах, как будто считая их недоступными точному исследованию». Прудон же, хотя и познакомился с немецкой философией (тут Чернышевский делает намек на влияние Бакунина), но «узнал немецкую философию под формою системы Гегеля и остановился на этой форме как на окончательном выводе, между тем как в Германии наука развивалась дальше»; другими словами, Прудона он упрекает в незнакомстве с Фейербахом, а здесь, по словам Чернышевского, не спасает и присущий Прудону пролетарский инстинкт. Более того, из брошюры Лаврова Чернышевский сделал тот вывод, что и Лавров незнаком с системою Фейербаха. И вот он приступает к ее изложению, пополняя его другими источниками и соображениями, в которых читателю нетрудно будет, на ряду с собственными мыслями Чернышевского, составляющими результат его самостоятельного размышления, узнать уже известные нам мысли французских материалистов XVIII века.

Прежние теории нравственных наук, говорит Чернышевский, лишены были всякого научного значения благодаря пренебрежению к антропологическому принципу. Что же это за антропологический принцип? «Антропология,—отвечает Чернышевский,—это такая наука, которая, о какой бы части жизненного человеческого процесса ни говорила, всегда помнит, что весь этот процесс и каждая часть его происходит в *человеческом организме*, что этот организм служит материалом, производящим рассматриваемые ею феномены, что *качества феноменов обусловливаются свойствами материала, а законы*, по которому возникают феномены, *есть только особенные частные случаи действия законов природы*» (курсив наш).

Здесь совершенно определенно выставлен основной принцип фейербаховского «гуманизма», принимающего как отправной пункт новой философии действительного, чувственного человека. Слова Чернышевского о свойствах материала, производящего рассматриваемые философией феномены,—т.-е. человеческого организма, напоминают слова Фейербаха о человеческой голове, в которой перерабатываются ощущения, получаемые из внешнего мира. «В споре между материализмом и спиритуализмом,—говорит Фейербах,—речь идет о человеческой голове. Раз мы узнали, что представляет собой та материя, из которой состоит мозг, мы скоро придем к ясному взгляду и насчет всякой другой материи, насчет материи вообще».

В этих словах содержится сущность «антропологического принципа».

Дабы вернее побороть старые идеалистические предрассудки, Чернышевский на протяжении своей статьи неоднократно возвращается к доказательству мысли о единстве природы. Только, как опытный педагог, вдобавок принужденный считаться с свирепой цензурой, он осторожно подходит к щекотливой по тогдашнему времени теме. Сначала он говорит о единстве человеческого организма, подготовляя читателя к мысли, что физические и психические явления имеют один общий источник. Затем он постепенно вовлекает в сферу своей аргументации различные царства природы, доказывая, что минералы, растения и животные состоят из одних и тех же элементов, только в различных комбинациях. Происходящие в неорганических и органических телах явления различаются лишь степенью своей интенсивности, лишь количественно, при чем количественные различия переходят в качественные. Вывод: человек есть лишь высший продукт органической жизни, но все явления человеческого организма, как физические, так и психические, подлежат общим законам природы подобно всем другим телам.

К установлению этого единства природы шло все развитие науки. «Союз точных наук под управлением математики,—говорит Чернышевский,—т.-е. меры, счета и веса, с каждым годом расширяется на новые области знания, увеличивается новыми пришельцами. После химии к нему постепенно присоединились все науки о растительных и животных организмах: физиология, сравнительная анатомия, разные отрасли ботаники и зоологии; теперь входят в него нравственные науки». Вступивши в круг точных наук, вместе с ними ставши на монистическую, т.-е. материалистическую, точку зрения, «нравственные науки» начинают приобретать характер настоящей науки, научную достоверность. Первым следствием этого вступления было точное отграничение того, что мы знаем, от того, чего пока не знаем,—главным же образом распространение з а к о н а п р и ч и н н о с т и на область духовных явлений [1]).

Исходя из принципа единства природы, Чернышевский вслед за французскими материалистами и за Фейербахом полагает в основу нравственной философии данные естественных наук. «Основанием для той части философии, которая рассматривает вопросы о человеке, точно так же служат естественные науки, как и для другой части, рассматривающей вопросы о внешней природе». Частным выводом из положения об единстве природы является принцип единства человеческого организма, «единство натуры человека». И Чернышевский самым решительным образом отвергает

---

[1]) Это признание закона причинности в области нравственных явлений явилось прямым выводом из принципа единства природы и ее законов. Чернышевский подробно анилизирует и, как последовательный материалист, отвергает свободу воли. «То явление,—говорит он,—которое мы называем волею, само является звеном в ряду явлений и фактов, соединенных причинною связью». Плеханов («Соч.», т. VI, стр. 306) замечает, что взгляд Чернышевского на вопрос о свободе воли сложился (кроме Фейербаха) также под сильным влиянием Роберта Оуэна, который заимствовал свой взгляд на образование человеческого характера у французских материалистов XVIII века, преимущественно у Гельвеция. Но ведь Чернышевский с а м читал Гельвеция и, надо полагать, других материалистов.

всякую мысль о дуализме человека. «Философия,—говорит он,—видит в нем (человеке) то, что видят медицина, физиология, химия; эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел кроме реальной своей натуры другую натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет».

Но при единстве натуры, прибавляет Чернышевский, мы замечаем в человеке два различные ряда явлений: явления так называемого материального порядка (человек ест, ходит) и явления так называемого нравственного порядка (человек думает, чувствует, желает). В каком же отношении между собою находятся эти два порядка явлений?—спрашивает он.—Не противоречит ли их различие единству натуры человека? Нет, отвечает Чернышевский. Эти различные явления представляют различные проявления одной и той же сущности человеческого организма. Приведя пример трех состояний воды (газообразного, жидкого и твердого), он заключает: «в этих трех состояниях одно и то же качество обнаруживается тремя порядками совершенно различных явлений, так что одно качество принимает форму трех разных качеств, разветвляется на три качества просто по различию количества, в каком обнаруживается: количественное различие переходит в качественное различие» [1]).

Чернышевский упорно клонит к доказательству той мысли, что жизнь человека, подобно жизни растения или насекомого, есть сложный химический процесс, во время которого обнаруживаются особые качества, незаметные в телах при состоянии неподвижного химического соединения. Другими словами, он стремится доказать, что психические явления представляют результат физиологических процессов, которые в свою очередь являются лишь особой разновидностью сложных химических процессов. Но к этой цели он подходит осторожно и окольными путями.

Он говорит: ближайшим предметом статьи «Антропологический принцип» служит человек как отдельная личность. Отложим же на время в сторону психологические и нравственно-философские вопросы о человеке и займемся физиологическими, медицинскими и пр.; не будем пока касаться человека как существа нравственного, а скажем, прежде всего, что мы знаем о нем, как о существе физическом, имеющем желудок, голову, кости, жилы, мускулы и нервы. «Другими сторонами его жизни мы займемся после, если позволит нам время».

---

[1]) «Антропологический принцип» («Соч.», т. VI, стр. 196). Характерно, что во время возгоревшейся по поводу этой статьи полемики противники Чернышевского упрекали его за то, что он «допустил возможность превращения количественных разностей в качественные» (см. «Полемические красоты»,—«Соч.», т. VIII, стр. 279). Такие же возражения приводились через 30 лет народниками против Бельтова (Плеханова), которого они по этому поводу обвиняли в искажении Гегеля (см. Бельтов—«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изд. 2, стр. 256—257). История повторяется.

Ясно, что ответ на эти «психологические и нравственно-философские» вопросы Чернышевский надеется найти в результате анализа человека, как «действительного, чувственного» существа, говоря языком Фейербаха.

Физиология и медицина находят, говорит наш автор, что человеческий организм есть очень многосложная химическая комбинация, находящаяся в очень многосложном химическом процессе, называемом жизнью. Ввиду сложности этого процесса и важности его для нас, та отрасль химии, которая занимается его исследованием, выделилась в особую дисциплину—физиологию, которая в свою очередь разветвилась на ряд научных дисциплин с особыми именами. Но это обстоятельство не должно вводить нас в заблуждение и подрывать мысль о единстве человеческой природы. «Это явление точно того же порядка, как разделение одного города на кварталы, кварталов на улицы; это делается только для практического удобства, и не должно забывать, что все улицы и кварталы города составляют одно целое».

Отдельные отрасли этой науки о человеке разработаны пока сравнительно мало; некоторые части процесса жизни еще не раз'яснены так подробно, как другие. Но из этого, прибавляет Чернышевский, вовсе не следует, чтобы мы уже не знали положительным образом очень много и о тех частях жизненного процесса, исследование которых находится пока в очень несовершенном виде. Так, например, поясняет он, мы знаем, в чем состоит питание; из этого мы уже знаем приблизительно, в чем состоит ощущение. «Питание и ощущение так тесно связаны между собою, что характером одного определяется характер другого».

Мышление, говорит Чернышевский, состоит в том, чтобы из разных комбинаций ощущений и представлений, изготовляемых воображением при помощи памяти, выбирать такие, которые соответствуют потребности мыслящего организма в данную минуту, в выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы дойти до известного результата. «В этом состоит не только мышление о житейских предметах, но и так называемое отвлеченное мышление». И далее Чернышевский приводит в качестве иллюстрации пример Ньютона. Процесс мышления, сосредоточение нервного процесса на удовлетворяющих желанию человека в данную минуту комбинациях ощущений и представлений непременно должно происходить, как скоро существуют комбинации ощущений и представлений, иначе сказать, как скоро существует н е р в н ы й п р о ц е с с, который сам и с о с т о и т и м е н н о в р я д е р а з н ы х к о м б и н а ц и й о щ у щ е н и я и п р е д с т а в л е н и я.

Само собою разумеется,—спешит прибавить Чернышевский,—чтобы успокоить взволнованных филистеров,—что когда мы устанавливаем общую теоретическую формулу, посредством которой одинаково выражается как процесс, происходивший в нервной системе Ньютона при открытии им закона тяготения, так и процесс, происходящий в нервной системе курицы, отыскивающей зерна в куче сора, то не следует при этом забывать, что формула эта выражает только одинаковую сущность процесса, но не одинаковость его размера и степени. И далее Чернышевский подробно рассматривает и опровергает утверждение, будто психические

процессы в царстве животных качественно отличаются от психической жизни человека [1]).

Подводя итоги своим рассуждениям, Чернышевский дает следующее определение антропологического, т.-е. материалистического, принципа: «Принцип этот состоит в том, что на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма, от головы до ног включительно, или, если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом».

Ну, а как же быть с превращением движения в ощущение, с переходом от физических явлений в психические? Ведь до сих пор идеалисты пытаются опровергнуть материалистов именно в этом пункте. Как же смотрел на этот вопрос Чернышевский?

Немецкие материалисты первой половины XIX века, Бюхнер, Молешотт, К. Фохт, признавали мысль материальным продуктом мозга аналогично отделениям других органов человеческого тела, желез и пр., т.-е. отождествляли мысль с теми материальными изменениями, которые соответствуют ей в человеческом мозгу. На это идеалисты, и в том числе Ф.-А. Ланге, возражали, что любое материальное изменение вовсе не тождественно с мыслью или с ощущением, и что пропасть между материальным и духовным остается попрежнему незаполненной. Приблизительно так же возражал Юркевич Чернышевскому. Но уже французские материалисты XVIII века не отождествляли духовного с материальным, а утверждали только, что первое есть результат второго. Как заметил Плеханов, для них сознание есть внутреннее состояние движущейся материи. На избитый вопрос, который идеалисты всегда задавали материалистам, как можно выводить сознание из материи и ее движения, Гольбах отвечал: А можем ли мы представить себе, что материя способна двигаться? Спрашивать, может ли материя мыслить, все равно, что спрашивать, может ли она показывать время. И движение, и мысль встречаются только в материальных телах [2]). А Чернышевский на вопрос о том, каким образом ощущение переходит в сознание, отвечает еще проще.

В письме к сыновьям от 21 июля 1876 года он пишет на этот счет: «Мимоходом скажу, что натуралисты напрасно и воображают, будто световые колебания эфира превращаются в цветовые впечатления. Цветовые впечатления это—те же колебания, продолжающие итти по зрительному нерву, доходящие до головного мозга и продолжающие совершаться в нем. Превращения тут

---

1) Плеханов (цит. соч., стр. 200—201) замечает, что в своей статье Чернышевский... высказал много таких соображений, которые можно встретить в значительно позже вышедшей книге Дарвина «Происхождение человека». И Плеханов спрашивает себя, не был ли Чернышевский уже в то время знаком с зоологическими теориями Ламарка и Жоффруа Сент-Илера. Мы полагаем, что был, и это по двум соображениям: 1) Чернышевский называл себя «старым трансформистом» (так он подписался в 1888 г. под статьей о Дарвине); 2) с середины 50-х годов Чернышевский, по его словам, уже не занимался естественными науками. Следовательно, с ламаркизмом он познакомился до написания статьи «Антропологический принцип.

2) «Хрестоматия по французскому материализму», вып. I, стр. 16–17.

никакого нет. Потому нет и неразрешимости в вопросе: как происходит это превращение. Ответ прост: оно не происходит никак, потому что его нет; оно—фантастическая гипотеза, противоречащая факту, и потому, фальшивая, долженствующая быть брошенной»[1]). Таков его несколько запоздалый ответ Юркевичу, решающий спор.

IV. Противники материализма Чернышевского.

Такова была эта знаменитая статья, которая впервые в русской литературе определенно излагала основные начала фейербахова материализма, доведенного у Чернышевского до крайних логических выводов. Мы не станем рассматривать здесь вопроса о том, не вкрались ли в аргументацию Чернышевского детальные ошибки или преувеличения; важно, то, что в ней с редкой последовательностью отстаивался материалистический взгляд на природу вообще и на человека в частности. Эта статья была философским манифестом «новых людей», разночинной интеллигенции—и так на нее и взглянули враги революционной демократии.

Связь между материализмом, в частности его учением о нравственности, и коммунизмом Маркс установил еще в 1845 году в «Святом семействе»[2]).

Эту связь Чернышевский прекрасно сознавал, когда писал свою статью, как мы на это выше указывали (это видно из предпосланного им своей статье рассуждения о связи между философскими системами и политическими партиями). Мы цитировали его письмо из Вилюйска от 21 июля 1876 года. Там после слов о качествах материи и о законах природы мы находим следующие знаменательные слова: «О каждом термине тут ведутся споры. Но реальное значение этих споров—нечто совершенно иное, чем серьезное сомнение относительно фактов, обозначаемых сочетаниями слов, в которые входят эти термины. Эти или пустая схоластика, щегольство грамматическими и лексикографическими знаниями и талантами и силлогическими фокусами; а если не так, то: в оспаривающих эти термины и эти сочетания терминов (эти или равнозначительные им) управляет словами какое-нибудь не научное, а житейское желание, обыкновенно своекорыстное; а у защищающих эти термины и их сочетание—охота вести спор об этих терминах не больше, как наивность, не догадывающаяся, что спор—или пустословие, или должен быть перенесен от этих терминов и их сочетаний на анализ реальных мотивов, по которым нападают на эти термины и на эти их комбинации противники их»[3]).

---

[1]) «Чернышевский в Сибири», вып. II, стр. 48.—В связи с этим письмом Чернышевского Русанов в цитированной статье «Чернышевский в Сибири» («Рус. Богатство» 1910, № 5, стр. 170) приводит из афоризмов Фейербаха цитату, в которой уже содержится мысль о материальности ощущения: «Спор или противоречие между материализмом и идеализмом не есть спор между материей и духом, телом и душой, но между ощущением и мышлением, ибо ощущение совершенно материально, как утверждали уже древние. Дело идет таким образом лишь о решении отношения между мышлением и ощущением» (Karl Grun—«Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass», 1874, т. II, стр. 308).

[2]) Маркс и Энгельс—«Из литературного наследия», Спб. 1908, том II, стр. 266—273.

[3]) «Чернышевский в Сибири», вып. II, стр. 45—46.

Дело яснее ясного. Чернышевский определенно указывает, что в настоящее время спорить против материализма могут только люди, защищающие интересы господствующих классов, и что возражать им не стоит: их можно только разоблачать, вскрывая руководящие ими классовые мотивы. Именно так он и держался в полемике, поднятой по поводу его статьи «Антропологический принцип».

По поводу цитированных слов Чернышевского Плеханов [1]) говорит: «Это замечание о реальных мотивах, вызывающих нападки на материалистические термины и на «их комбинации» (т.-е. на обозначаемые ими понятия), не только справедливо, но и глубоко продумано и хорошо изложено. Идеологи господствующего класса в самом деле восстают теперь против материализма, повинуясь вполне «реальным мотивам»: идеализм представляется им единственным надежным духовным оружием в борьбе с «разрушительными» стремлениями современного пролетариата. (Этим указанием) Чернышевский становился на точку зрения материалистического об'яснения истории». Он, впрочем, становился на нее и в самой статье «Антропологический принцип».

Эклектик Русанов, повидимому, не понимающий, как можно с такой враждой относиться к теоретическим противникам, с какою к ним относился выкованный из одного куска Чернышевский, пытается, как мы видели выше, об'яснить его резкие выпады обрушившейся на него тяжелой участью. Но он правильно связывает резкость Чернышевского с присущим последнему чувством социального антагонизма с своими оппонентами. С этой оговоркой можно признать верными следующие слова Русанова в цитированной выше статье его о жизни Чернышевского в Сибири: «Понятно теперь, почему Чернышевский с такою резкостью, и почти как личных врагов, рассматривает тех ученых и те направления, которые проникнуты сомнением в основных положениях научной, т.-е. в глазах Чернышевского (а в наших? *Ю. С.*), материалистической теории, и с какой насмешкой он относится к самым выдающимся мыслителям, которые подвергают критике это мировоззрение» («Рус. Бог.» 1910, № 5, стр. 172).

Чернышевский излагал систему материализма в связи (разумеется, посильно замаскированной от цензуры) с революционно-коммунистическими взглядами. Но его противники тоже очень хорошо видели эту связь. Вот почему на Чернышевского сразу напали представители всех направлений, духовные и светские, либералы, консерваторы и просто обыватели, жаждавшие мирного жития, которому явно угрожали безбожные и разрушительные лжеучения материализма. Как реакционная журналистика («Рус. Вестник» Каткова), так и либеральная («Отеч. Записки» Краевского и Дудышкина, поспешившие поддержать кампанию Каткова против «нигилистов») предприняли настоящий поход против проповедника «грубого материализма» и обрушились на него с градом обвинений и возражений.

Мы не будем здесь останавливаться на этой кампании, открытой, никому в то время не известным, но сделавшим на ней свою карьеру, профессором Киевской духовной академии Юркевичем. Скажем только, что с нее начинается тот поход, который

[1]) Плеханов—«Сочинения», том VI, стр. 380.

в конце концов привел к гибели Чернышевского (если не считать началом этого похода статью Герцена «Very dangerous!!!», напечатанную годом раньше в «Колоколе») [1]).

Неудивительно, что первое открытое провозглашение материализма в России встречено было зубовным скрежетом со стороны всех, кому жилось вольготно под крылышком самодержавия и полицейского «идеализма». Решительное выступление на сцену материалистической философии в статье Чернышевского было огромным шагом вперед в истории нашей общественной мысли. Идеализм был сразу повержен на землю. Подобно тому, как в Германии, по прочтении книги о «Сущности христианства», все радикалы сразу сделались последователями Фейербаха, у нас все живые и свежие элементы интеллигенции благодаря Чернышевскому сделались материалистами. И это материалистическое мировоззрение настолько вошло в плоть и кровь русской передовой демократии, что никакие возвратные приступы общественной и идейной реакции не могли уже вытравить его из ее души. Немудрено, что в то время все враги русского прогресса или партизаны постепенства с пеной у рта набросились на потрясателя основ.

Впрочем, борьба с философией Чернышевского в лагере буржуазии продолжалась и впоследствии. Стоит вспомнить «Историю русской критики» проф. Иванова или книгу А. Волынского «Русские критики», в которых либеральные авторы начинают буквально корчиться от бешенства, когда заговаривают о материалистической философии Чернышевского. Это понятно, если принять во внимание ту связь между коммунизмом и материализмом, о которой мы говорили выше и которая не ускользнула от буржуазных оппонентов Чернышевского. С этой точки зрения в высшей степени характерно, что народники и эсеры, по недоразумению претендующие на наследство Чернышевского, и в данном пункте подпевают общему буржуазному хору, невольно вскрывая и с этой стороны свою действительную политическую физиономию. Достаточно упомянуть об Иванове-Разумнике, который в своей «Истории русской общественной мысли» утверждает вслед за проф. Ивановым, что философия Чернышевского была «шагом не вперед, а назад от Герцена», или об эсере М. Антонове, написавшем целую книгу о Чернышевском, разоблачающую его материалистические уклоны и становящуюся в этом пункте на сторону Каткова и Юркевича [2]). И даже такой, понюхавший марксизма, народник, как Н. Русанов, в статье «Ученики Маркса о Чернышевском» («Рус. Бог.» 1909, № 11, стр. 53) находит, что Чернышевский, излагая основы материализма перед русской публикой, «порою, может быть, упрощал и огрублял несколько свои общие взгляды»!

V. Диалектический метод.

Нераздельной частью гегелевской философии был ее диалектический метод, вечно движущееся начало, придававшее ей существенно революционный характер. Мы уже видели выше, что радикальные ученики Гегеля, отринув положительные выводы

[1]) Подробно об этом см. в моей книге.
[2]) М. Антонов—«Н. Г. Чернышевский», стр. 15, 17, 35, 38—42.

учителя, остались верны его методу, который и давал им возможность бороться с непоследовательностью самого Гегеля. Таково же было и положение Чернышевского. Отвергая положительные заключения Гегеля, он признавал его диалектический метод, который особенно пленял его своей разрушительной, революционной стороной. Ибо вместе с Жюлем Элизаром, т.-е. Бакуниным, Чернышевский должен был полагать, что «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». Стоя на рубеже старой и новой России, готовясь очищать столбовую дорогу русской истории от накопившегося на ней мусора традиции, Чернышевский не мог не оценить великого значения диалектического метода.

По его мнению, едва ли не главная тайна гегелевской философии заключается в открытии таких истин, как то, что жизнь есть ряд перемен, что все в мире изменяется, и что одна крайность влечет за собою другую [1]). Мысль Гегеля о том, что высшая степень развития по форме совпадает с совершенной неразвитостью, существенно отличаясь от нее содержанием, Чернышевский признает совершенно справедливою в приложении к истории и иллюстрирует ее примером человеческой солидарности в родовом строе и на высшей ступени цивилизации. Это положение, вскрывающее общие формы, по которым движется процесс развития, Чернышевский признает величайшей заслугой Гегеля и отчасти Шеллинга. Им он оперирует для защиты общинного землевладения в своей знаменитой статье «Критика философских предубеждений», доказывая, что оно применимо во всех сферах бытия и жизни, как материальной, так и духовной [2]). Но принцип диалектического развития Чернышевский далеко не понимает абстрактно. Применение его не освобождает исследователя от анализа фактов, напротив делает этот анализ безусловно необходимым. Сущность диалектического метода, по словам Чернышевского, и состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться на каком-нибудь положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд: таким образом мыслитель принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина является ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. «Этим способом,—говорит Чернышевский,—вместо прежних односторонних понятий о предмете мало-по-малу являлось полное и всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета. Об'яснить действительность стало существенною обязанностью философского мышления» [3]). Но в действительности все зависит от обстоятельств, от условий места и времени, и потому «отвлеченной истины нет: истина конкретна», т.-е. определенное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит [4]).

---

[1]) «Соч.», т. II, стр. 122—123.

[2]) «Соч.», т. IV, стр. 309 и сл.

[3]) «Соч.», т. II, стр. 187.

[4]) В известном примечании к этому месту Чернышевский поясняет свою мысль. Например, «благо или зло дождь?» — это вопрос отвлеченный; определенно отвечать на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя

Именно так понимал Чернышевский диалектический метод. Показавшим применимость положения о сходстве высшей формы с низшею и в области социальной, он отсюда не делает еще вывода о неизбежности социализма. «Действительно ли достигнута в настоящее время нашею цивилизацией та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное землевладение,— говорит он,—это вопрос, разрешаемый уже не помощью логических изведений и выводов из общих мировых законов, а анализом фактов» [1]). И кончается эта знаменитая статья настоящим гимном диалектическому методу. «Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания,—кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению,—о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие! Повторяя за поэтом: «Ich hab' mein' Sach' auf Nichts gestellt, und mir gehört die ganze Welt», он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: «пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!».

Плеханов находит, что Чернышевский не совсем правильно понял сущность диалектического метода. «Внимательное отношение к действительности,—говорит он,—составляет, конечно, необходимое условие правильного мышления. Но диалектический метод характеризуется прежде всего и, главным образом, тем, что он в самом явлении, а не в тех или других симпатиях и антипатиях исследователя ищет сил, обусловливающих собою развитие этого явления... Его сила заключается в сознании того, что ход идей определяется ходом вещей, и что поэтому суб'ективная логика мыслителя должна следовать за об'ективной логикой исследуемого явления... Сознание необходимости обозревать предмет со всех сторон еще далеко не равносильно сознанию того,

---

реже, приносит вред. Вопрос надобно ставить в более определенной форме: «после того, как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь, — полезен ли был он для хлеба?» — только тут ответ ясен и имеет смысл: «этот дождь был полезен». Но проливной дождь, который шел целую неделю, когда настала пора уборки хлеба, был несомненно вреден. «Точно так же, — прибавляет Чернышевский, — решаются в гегелевой философии все вопросы». Пагубна или благотворна война? Вообще нельзя отвечать на такой вопрос решительным образом; надо знать, о какой войне идет речь, ибо все зависит от обстоятельств, времени и места. Для диких народов вред войны менее чувствителен, польза ощутительнее; для цивилизованных народов война приносит обыкновенно менее пользы и более вреда. Но, например, война 1812 года была спасительна для русского народа; Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества. Таков, заключает Чернышевский, смысл аксиомы «отвлеченной истины нет; истина конкретна» — конкретно понятие о предмете тогда, когда он представляется со всеми качествами и особенностями и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и живых своих особенностей (как представляет его отвлеченное мышление, суждения которого поэтому не имеют смысла для действительной жизни).

При этом невольно вспоминаются утверждения народников, которые во время полемики с марксистами уверяли, будто последние прячутся под сень гегелевской диалектики, чтобы уклониться от конкретного анализа действительности. Чернышевский лучше понимал значение диалектического метода, чем эпигоны народничества. Ср. Бельтов, loc. cit., стр. 69—71.

[1]) «Критика философских предубеждений», loc. cit., стр. 322.

что ход такого обозрения должен всецело определяться логикой развития самого предмета»[1]).

Плеханов говорит это к тому, что, по его убеждению, Чернышевский, бывший в философии решительным материалистом, оставался идеалистом в своих исторических и общественных взглядах. «Сознавая важное значение диалектического метода, он все-таки далек был от понимания его главного преимущества и потому не сумел подвергнуть его той переработке, какую он получил у Маркса и Энгельса. Чернышевский был материалистом; но в его философских взглядах замечается лишь зародыш,—правда, вполне жизнеспособный зародыш,—материалистической диалектики. Это не удивит нас, если мы припомним, что таким же недостатком страдало и миросозерцание его учителя Фейербаха» (стр. 231).

Плеханов признает, что в статье «Критика философских предубеждений» Чернышевский выступает в качестве блестящего диалектика. Но и здесь, по словам Плеханова, диалектика его не материалистична, так как он считает возможным рассматривать вопрос об общинном землевладении с точки зрения какого-то развития вообще, независимо от условий места и времени. Но это неверно. К такому способу рассуждения принуждали его цензурные условия. Ведь в этой статье Чернышевский развивал ту мысль, что русская земельная община может послужить исходным пунктом не-капиталистического развития при условии победы социализма в какой-либо передовой стране и торжества революционной демократии над самодержавием в самой России. Развивая такую тему в тогдашней русской политической обстановке, Чернышевский не мог говорить более конкретно, чем говорил в своей статье. Ему поневоле приходилось держаться в рамках максимальной отвлеченности. И если правильно понять его статью, то окажется, что он сумел в ней применить диалектический метод весьма удачно. Не забудем, что и сам Маркс, когда ему пришлось решать вопрос, поставленный себе в рассматриваемой статье Чернышевским, пришел к таким же заключениям, как и великий русский писатель (Письмо к редактору «Отечественных Записок» и предисловие к русскому изданию «Коммунистического Манифеста» 1882 года).

Заключение.

Но верно то, что Чернышевскому, действительно, не удалось довести до конца развитие основных принципов своего материалистического мировоззрения,—не столько, правда, в области общей философии, сколько в области философии истории. Впрочем, и

---

[1]) Плеханов, том V, стр. 229—230. Но Чернышевский в приведенной выше цитате определенно говорит, что в самом исследуемом предмете нужно искать противоположных качеств и сил. Правда, дальше он говорит о «противоположных мнениях», и это способно ввести в заблуждение. Приведем еще пару мыслей Чернышевского, показывающих, что он умел применять диалектический метод. «Зло и добро так тесно смешаны в мире, что нет доброго дела, в котором не было бы сторон дурных, нет дурного дела, в котором не было бы сторон хороших» (в пример он приводит итальянское национальное движение; «Соч.», т. V, стр. 405). Или: «с переменою обстоятельств один и тот же закон из либерального становится реакционным, или наоборот» (Ib.. стр. 514). Подобных примеров можно было бы привести немало, хотя у Чернышевского можно найти и примеры абстрактных рассуждений.

здесь он сильно приблизился к современному научному пониманию и вовсе не был таким идеалистом в историософии, каким его пытается представить Плеханов (это мы показываем подробно в другом месте). Но в его исторических взглядах несомненно имеются пробелы, недоговоренности и противоречия. Об'ясняется это окружавшей его обстановкой, тогдашней отсталостью русской жизни, оторванностью даже наиболее просвещенных русских людей от движения мысли, происходившего тогда в передовых странах.

Когда Чернышевский приступил к серьезному ознакомлению с немецкой философией,—а случилось это в конце 40-х годов,—она достигла уже материалистической ступени.

В то же время он получил возможность ознакомиться с учениями французских утопистов и, об'единив немецкую философию с их социальными исследованиями, построил свое мировоззрение, в котором философские взгляды служили основой для определенных практических выводов (до известной степени аналогичным путем шло и развитие Карла Маркса)[1]).

Об этом рассказывает нам сам Чернышевский: «Немецкая философия занималась по преимуществу только самыми общими и отвлеченными научными вопросами. Принципы общей системы воззрений на мир были, наконец, найдены ею и приложены к раз'яснению нравственных и отчасти исторических вопросов; зато другие части науки, не менее важные, оставляемы были в Германии без особенного внимания,—преимущественно должно сказать это о практических вопросах, порождаемых материальной стороною человеческой жизни. Французских мыслителей занимали всегда эти предметы более, нежели немецких, но очень долго не постигались ими во всей глубине и разрешались или поверхностным, или фантастическим образом. Наконец, когда результаты немецкой философии проникли во Францию, а наблюдения, собранные французами, в Германию, пришло время искать положительных и точных решений. Тогда односторонность науки исчезла; ее содержание было уяснено относительно всех ее существенных задач. Материальные и нравственные условия человеческой жизни и экономические законы, управляющие человеческим бытом, были исследованы с целью определить степень их соответственности с требованиями человеческой природы и найти выход из житейских противоречий, встречаемых на каждом шагу, и получены довольно точные решения в важнейших вопросах жизни. Этот новый элемент также вошел в наше умственное развитие» [2]).

Чернышевский, связывавший философское мировоззрение с определенными практическими стремлениями, понимал, что новейший материализм является философией рабочего класса. С этой точки зрения чрезвычайно интересно то, что он говорит о философских взглядах Прудона. Изложивши некоторые сведения

---

[1]) По мнению Меринга, философия Фейербаха в деле сформирования взглядов Маркса сыграла даже бо́льшую роль, чем сочинения французских утопистов. «Гуманистический принцип Фейербаха, как таковой, — говорит он,— был для Маркса откровением. По сравнению с ним французский социализм был лишь зародышем» («Литературное наследство» Маркса и Энгельса, М. 1907, т. I, стр. 303).

[2]) «Очерки гоголевского периода»,—«Соч.», т. II, стр. 162—163.

о его жизни, Чернышевский замечает, что биография этого человека—история сословия, к которому он принадлежит. Прудон для него интересен, как представитель умственного положения, до которого возвышается на Западе человек из простого народа («простолюдин»). Переходя к его теориям,—говорит он,—мы также найдем, что история его развития отразилась в них всеми своими сторонами и в том числе своими недостатками. Он—самоучка; учился он по книгам, какие попадались ему в руки: в результате в его мировоззрении новые взгляды причудливо перемешаны со взглядами устаревшими. Прудон знаком и с гегелевской философией; но, не зная сам немецкого языка, он мог ознакомиться с нею из бесед с людьми, занимавшимися этой философией (здесь Чернышевский намекает на Бакунина, который в этом отношении был также одним из учителей Белинского; о влиянии Маркса на Прудона Чернышевский, повидимому, не знал). Но система Гегеля, проникнутая духом, господствовавшим над общественным мнением во времена Реставрации и получившим свое начало во время Первой Империи, сама по себе уже не соответствовала тогдашнему состоянию науки. Вдобавок,—прибавляет Чернышевский,—Гегель по своей натуре или, быть может, по расчету облекал свои принципы в одежду очень консервативную, когда говорил о политических и богословских предметах. Смелый французский рабочий, усвоив его метод, остался недоволен его выводами и стал приискивать для принципов Гегеля развитие более сообразное с их собственным духом и с своими личными стремлениями. Но, не обладая достаточными данными для такой реформы, Прудон не сумел выработать надлежащей философской системы. В этом, по мнению Чернышевского, сказались неблагоприятные условия, в которые поставлен рабочий класс при буржуазном строе.

«Благодаря своей здоровой натуре, своей суровой житейской опытности, западно-европейский простолюдин в сущности понимает вещи несравненно лучше, вернее и глубже, чем люди более счастливых классов. Но до него не дошли еще те научные понятия, которые наиболее соответствуют его положению, наклонностям, потребностям и сообразны с нынешним положением знаний». До европейского пролетария,—говорит Чернышевский,—еще не дошла общая идея нынешней науки, выводы которой согласны с его потребностями. Он еще держится устарелых принципов, но видит полную несостоятельность выводов, сделанных из них его учителями, людьми старых систем, и беспрестанно переходит от желчного отрицания их к подчиненности им. Но Чернышевский не сомневается, что в конце концов материалистическое мировоззрение распространится в массах, интересам которых оно соответствует. «Нет никакого сомнения, что и простолюдины Западной Европы ознакомятся с философскими воззрениями, соответствующими их потребностям. Тогда найдутся у них представители не совсем такие, как Прудон: найдутся писатели, мысль которых не будет, как мысль Прудона, спутываться с преданиями или задерживаться устарелыми формами науки в анализе общественного положения и полезных для общества реформ. Когда придет такая пора, когда представители элементов, стремящихся теперь к пересозданию западно-европейской жизни, будут являться уже непоколебимыми в своих философских воззрениях, это будет при-

знаком скорого торжества новых начал и в общественной жизни Западной Европы» [1]).

В этих строках, написанных в 1860 году, великий русский мыслитель предсказывает возникновение и распространение марксизма, этой пролетарской философии par excellence. Трагизм его положения заключается в том, что в тот момент, когда он говорил о нарождении пролетарской философии как о деле более или менее далекого будущего, она уже существовала. Правда, она еще не пользовалась распространением среди широких масс социалистов, но она была уже и тогда популярна среди многих бывших левых гегельянцев, о которых Чернышевский имел только отрывочные сведения, да и то, главным образом, до 1848 года. Николаевская реакция настолько основательно отрезала Россию от умственной жизни европейских наций, что даже такие люди, как Чернышевский, жадно следившие за ходом европейской мысли, не догадывались о существовании целой ее полосы, которой в ближайшем будущем предстояло получить столь колоссальное влияние.

Несчастье Чернышевского заключалось в том, что из левых гегельянцев он знаком был с кружком Бруно Бауэра, но, повидимому, совершенно не знал о группе Маркса, которая не остановилась на взглядах Фейербаха, а довела до конца критику идеализма, в частности в социологической области, чего Фейербах не сделал. Так что с тем плодотворным идейным движением, из которого вышла система научного социализма, Чернышевский ни в момент выработки своего миросозерцания, ни в последующее время знаком не был. Это видно, между прочим, из того, что Бруно Бауэра он считает виднейшим из левых гегельянцев, кроме Штрауса, а также из того, что подобно Фейербаху он ожидал раз'яснения спорных вопросов философии того времени не от социологов, но от натуралистов, и вместе с Фейербахом полагал, что центр исследования о широких вопросах науки должен быть перенесен из области специальных исследований о теоретических убеждениях народных масс в область естествознания [2]).

Повидимому, с литературной деятельностью Маркса и Энгельса он до ссылки в Сибирь вовсе не был знаком. Он не знал даже «Немецко-французских ежегодников» 1844 года, которые были известны Белинскому, не знал «Святого семейства», раскритиковавшего Бруно Бауэра и К°. Вероятно, ему остались неизвестны и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса и «Нищета философии» Маркса и даже «Коммунистический Манифест». С «Критикой политической экономии» Маркса он познакомился только на каторге [3]).

Поставленные в более счастливое положение, чем он, Маркс и Энгельс уже в 1845 году подвергли критическому пересмотру

---

[1]) «Антропологический принцип»,—«Соч.», т. VI, стр. 191—193, 205—206. Это место поразительно напоминает слова Маркса о взаимоотношениях философии и пролетариата в «Критике гегелевской философии права».

[2]) «Соч.», т. X, ч. 2, стр. 195.

[3]) Нужно, впрочем, помнить, что в те времена взгляды Маркса не пользовались большим распространением и разделялись небольшой группой. Поэтому прав Плеханов, когда замечает: «Последнее слово философской мысли осталось, к сожалению, неизвестным нашему автору. Но в то время оно было и на Западе известно лишь немногим».

философию Фейербаха в «Немецкой идеологии», правда, опубликованной только недавно в «Архиве Маркса и Энгельса» (книга первая, 1924). Отвлеченность и неисторичность фейербаховской «антропологии» были вскрыты в этом произведении мастерской рукой. Работа эта в свое время не увидала света, но изложенными в ней мыслями руководствовались основоположники научного социализма в своих дальнейших работах, остававшихся неизвестными для Чернышевского, когда он строил свою систему. Через несколько лет, после того, как Чернышевский писал вышеприведенные замечательные строки, основалось Международное Общество Рабочих; через 7 лет вышел первый том «Капитала», а за год до того появилась «Критика политической экономии», в предисловии к которой в незабвенных выражениях сформулированы основные положения пролетарской философии и материалистической социологии.

Над ним тяготели несчастные условия русской жизни, ее отсталость, ее оторванность от великого движения мировой мысли. При таких условиях удивляться приходится не тому, что Чернышевский не дал того, что дали Маркс и Энгельс, а тому, как далеко он сумел пойти по пути выработки материалистической системы. Вот почему даже Плеханов, строго относящийся к промахам Чернышевского и иногда подходящий к нему с предвзятыми взглядами, делает на его счет следующее глубоко верное замечание: «Если не сравнивать взглядов Чернышевского со взглядами Маркса и Энгельса, если сопоставлять с ними лишь взгляды, например, П. Л. Лаврова и других более или менее прогрессивных его современников, то нужно будет признать, что он далеко опередил их, и что, когда он сошел со сцены, в нашей литературе начался в философском, да, к сожалению, и не только в философском, отношении период упадка» [1]).

---

[1]) Плеханов, том V, стр. 248.

Международный обмен и закон стоимости [1]).

И. Дашковский.

(*Окончание*) [2]).

Деньги и международный товарооборот.

Теория международного обмена и мировой стоимости вносит некоторые добавочные штрихи и в проблему денег. По мере того, как продукт превращается в товар, случайные эквиваленты превращаются во всеобщий эквивалент, и последний в деньги. А так как полное развертывание в товарную форму продукт получает на мировом рынке, где стоимость получает свое законченное выражение в мировой стоимости, то и развитие денежного обмена находит свой естественный предел там, где деньги превращаются в мировые деньги, сбрасывая свои «национальные мундиры». Во внутреннем обороте благородные металлы, пройдя ряд стадий развития, функционируют в определенной чисто-местной форме, в качестве масштаба цен, монеты и разменной монеты, в качестве «знака ценности» при выполнении функции орудия обращения. Переходя сферу внутреннего оборота, принимая на себя роль всемирных денег, золото (и серебро) возвращаются к исходному пункту своего развития, выступая снова, как непосредственный товар, бесформенный сырой металл, стоимость которого воплощается в его весе.

Нас здесь не интересуют подробности, касающиеся функций благородных металлов, как мировых денег. Мы рассматриваем их здесь лишь в одной функции—в качестве всеобщего мерила стоимости или материального воплощения рабочего времени, при помощи которого сравниваются товарные стоимости. Мы оставляем при этом в стороне и вопрос об интервалютарных курсах и их колебаниях. «В качестве мировых денег национальные деньги сбрасывают свой местный характер; деньги одной страны выражаются в деньгах другой, и таким образом все сводится к содержанию в них золота или серебра» [3]).

Следовательно, мы исходим из предположения, что курсовые отношения различных национальных валют в точности совпа-

---

[1]) *От редакции.* Редакция не разделяет некоторых положений статьи т. Дашковского.

[2]) См. № 4 за 1927 г.

[3]) Капитал, III, ч. 1, стр. 302.

дают с отношениями монетных паритетов, или—что то же самое —что во всем мировом товарообороте фигурирует только одна «валюта»—золото в своей непосредственной натуральной форме или бесформенности. Вопрос сводится к выяснению условий, определяющих стоимость этой «валюты» в национальном и интернациональном масштабе. Добавим, что золото нами рассматривается здесь только в его роли всеобщего эквивалента—денег.

Стоимость денег часто понимается в двух различных смыслах: как отношение денег к товарам (или, по установившейся теперь терминологии,—как покупательная сила денег), и как стоимость в собственном смысле, взятую безотносительно к стоимости каких-либо других товаров, а лишь как воплощение количества затраченного на производство денег общественно необходимого труда. Маркс повсюду строго различал эти два понятия.

Если деньги рассматриваются нами, как мировые деньги, то они должны представлять собою, очевидно, и мировую стоимость, как выражение всеобщего мирового труда. Эта мировая стоимость денег, именно потому, что она мировая, должна быть одинаковой для всех стран. В противном случае деньги не могли бы служить всеобщим мерилом. При помощи мировых денег продукт каждой отдельной страны подвергается общественному рыночному учету, и потраченный на его производство труд приводится к масштабу мирового труда. Маркс подчеркивает эту одинаковую ценность денег в своей полемике с Рикардо, где он указывает на невозможность об'яснить международное движение цен и перераспределение благородных металлов с точки зрения количественной теории. «Каким образом нарушается нормальный уровень, т.-е. каким образом нарушается международное равновесие currencies или каким образом деньги перестают иметь одну и ту же ценность во всех странах, или, наконец, каким образом они в каждой стране имеют свою собственную ценность?» [1]).

Но мировой рынок превращает различные национальные стоимости в мировую стоимость, национальные затраты общественно-необходимого труда в мировой общественно-необходимый труд—путем установления между разными странами своеобразной экономической иерархии. Мы видели, каким образом меньшее количество труда одной страны может обмениваться на большее количество труда другой страны. Какое выражение придает этому процессу денежная форма обмена? Очевидно, одинаковое количество труда, затрачиваемого в различных странах, должно найти свое выражение в неодинаковых количествах мировых денег, неодинаковых в той самой мере, в какой эти равные национальные трудовые затраты учитываются, как неравные количества мирового труда. Другими словами, деньги, имея единую мировую стоимость в качестве воплощения мирового труда, имеют одновременно неодинаковую национальную стоимость, как выразители национальных трудовых затрат. На приобретение одной и той же суммы денег в разных странах должно быть затрачено неодинаковое количество труда.

[1]) «К критике...», стр. 174, изд. «Московский Рабочий».

«Средняя интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны... Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, т.-е. в денежных суммах, различных в зависимости от различия интернациональных стоимостей. Таким образом, относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства»[1]). В другом месте, анализируя вопрос о причинах дороговизны земледельческих продуктов в богатых промышленных странах, Маркс также упоминает неодинаковую ценность денег. «Незначительная ценность денег в богатых странах, т.-е. незначительные относительные издержки производства денег для более богатых стран, здесь совершенно не играет роли. Ибо вопрос заключается именно в том, почему она не имеет влияния на продукты промышленности в их конкуренции с бедными странами, а оказывают влияние на их земледельческие продукты»[2]).

Неодинаковая стоимость денег, следовательно, не имеет в этой постановке никакого отношения к явлениям различной покупательной силы денег в разных странах, которые связаны с законами колебания интернационального уровня цен. Наоборот, даже предполагая абсолютно одинаковый уровень товарных цен во всем мире, стоимость денег будет различна с точки зрения трудовых затрат, которых стоит добывание денег в каждой отдельной стране, с точки зрения национальной стоимости. Это неравенство относительной стоимости денег вытекает именно из того факта, что деньги—одинаковое мерило, прилагаемое к неодинаковым видам труда. Его можно понять по аналогии с другой формой неравенства, которую Маркс описывает в своей «Готской программе».

«Равное право все еще заключено в буржуазные рамки. Право производителей пропорционально доставленному ими труду, равенство состоит в равенстве мерила—труда. Но один человек превосходит другого физически или умственно, следовательно, доставляет за то же время больше труда или же может работать дольше; и труд, чтобы служить мерилом, должен определяться по протяженности или напряженности, иначе он перестало бы быть мерилом. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый есть только рабочий, как и все прочие: но оно молча признает неравную индивидуальную одаренность и работоспособность за естественные привилегии. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как и всякое другое. По своей природе право может состоять только в применении общего мерила; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) имеют общую мерку лишь постольку, по-

[1]) Капитал, т. I, стр. 566.
[2]) Теории, II, ч. 1, стр. 125.

скольку их рассматривают под одним углом, понимают только с одной стороны, в данном случае, напр., только как рабочих, и ничего больше, отвлекаясь от всего прочего»[1]).

Достаточно заменить здесь «равное право»—понятием «равное денежное мерило», а вместо «индивидуумов» поставить «национальные хозяйства»,—и мы получим точную формулировку диалектического превращения единой мировой денежной стоимости в различные относительные или национальные стоимости. По существу здесь происходит то же самое, что ежедневно и ежечасно можно наблюдать в пределах самого национального хозяйства, где равный труд различных индивидуумов реализуется в различных денежных суммах только потому, что он оказывается неравным при переучете его в единицы общественно-необходимого труда. Единственная поправка, которую следует внести в приведенную марксову формулировку и которая вытекает из наших предыдущих рассуждений, состоит лишь в том, что равные затраты индивидуального труда могут оказаться неравными не только по интенсивности, но и по производительности: результаты будут в общем и целом одинаковы, поскольку не будет возможности всех работников поставить в совершенно одинаковые технические и естественные условия производства. То же самое относится к национальным хозяйствам [2]).

Стоимость золота, национальная или интернациональная, существует независимо от уровня товарных цен. Она определяется, как и стоимость всякого товара, потребным для производства рабочим временем. Но некоторые обстоятельства усложняют дело. Прежде всего, далеко не везде существуют золотоносные участки земли, не всюду, следовательно, можно непосредственно добывать золото. Следовательно, не всюду есть возможность определить рабочее время, требующееся для производства золота. Во-вторых, в мировом обороте стоимость самого золота непосредственно также не может быть определена, она косвенно познается через товарные цены, поскольку зо-

---

[1]) Критика готской программы.

[2]) В известном смысле это «неравенство» аналогично так назыв. «ренте потребителей», с которой усердно возится психологическая школа. Эта рента, как известно, выводится, как результат единства рыночных цен при неодинаковом имущественном положении покупателей—потребителей. Для богатого, как и для бедного потребителя, фунт хлеба имеет, напр., одну и ту же цену, хотя предельная полезность уплачиваемой денежной суммы во много раз ниже для первого, чем для второго. Отсюда—потребительская рента богатых потребителей. Она могла бы быть уничтожена только, в том случае, если бы каждый платил за товар цену, пропорциональную своему имущественному положению (точнее говоря, обратно пропорциональную предельной полезности денег для покупателя, как формулирует это психологическая школа). Но тогда исчезло бы единство рыночной цены, а вместе с нею и рынок.

Совершенно очевидно, что «рента потребителя» есть пустая игра словами и что дело здесь не в психологических оценках, а в об'ективном факте имущественного неравенства. Но аналогия состоит в том, что равная мерка—единная рыночная цена—приложенная к неравным величинам—дает неравные результаты. То же самое происходит с масштабом единой мировой стоимости—мировыми деньгами,—когда они становятся измерителями национальной стоимости. Одна и та же сумма золота выражает различные количества национального рабочего времени в зависимости от места, занимаемого данной страной или нацией по лестнице производительности труда, будучи в то же время представителем определенного количества среднего мирового труда.

лото выступает как всеобщий эквивалент, а цены всегда являются величиной **относительной**: они выражают стоимость золота в отношении к стоимости товаров. Таким образом, хотя мы и стремимся при анализе стоимости денег обойти вопрос об их покупательной силе, как второстепенном для нас вопросе, но практически мы только через эту покупательную силу можем добраться до корня вещей—до сущности самих денег.

Поскольку золото избрано всеобщим эквивалентом, рабочее время, потраченное на его производство, тем самым является непосредственно всеобщим рабочим временем. Мировая стоимость выражается в единицах золота, которое представляет из себя овеществленное рабочее время производителей золота. Единицы рабочего времени этих производителей служат тем самым масштабом мировых стоимостей. Мировая стоимость золота есть таким образом количество труда, затраченное на его фактическую добычу. Здесь, конечно, принимается в расчет тот общественно-необходимый труд, которым вообще измеряется стоимость продуктов добывающей промышленности. Этот труд или соответствующее ему рабочее время есть мировой масштаб, который может с одинаковым успехом исполнять свои функции совершенно независимо от своей собственной величины. Будет ли унция золота представлять 1 час или один день труда—это нисколько не мешает ей воплощать в себе всеобщее мерило. Но как же определить стоимость золота в тех странах, которые не имеют собственных рудников? Здесь возможен только косвенный учет. «Очевидно..., что в странах, которые производят золото и серебро, определенное количество рабочего времени непосредственно воплощается в определенном количестве золота и серебра, тогда как в странах, которые не производят ни золота, ни серебра, тот же самый результат достигается косвенным путем, через посредственный или непосредственный обмен товаров этой страны, т.-е. определенной части среднего национального труда, на определенное количество рабочего времени, овеществленного в золоте и серебре стран, владеющих рудниками» [1]).

Но здесь вступает в силу закон стоимости, согласно которому меньшее количество труда может быть обменено на большее количество. Слиток золота, который на месте своего производства представляет 5 часов труда, может быть обменен на товар, который произведен в другой стране только в течение 2 часов. Он будет в этой последней стране расцениваться именно, как продукт двухчасового труда, хотя он стоил пять часов. Следовательно, золото, **в зависимости от той или иной пропорции обмена**, будет представлять в разных странах **различное** рабочее время, хотя фактически оно добыто в **определенное** время. Оно будет иметь неодинаковую относительную стоимость. Но и абсолютная стоимость его, выраженная в единицах мирового рабочего времени, не будет совпадать с фактически затраченным временем его производства. Если средний национальный труд в странах, добывающих золото, наполовину ниже его по своей интенсивности сравнительно с мировым трудом, то он и будет учитываться только в половину своей действительной величины, и, наоборот, следовательно, то рабочее

---

[1]) «К критике...», стр. 77.

время, которое золото представляет в качестве мирового товара или всеобщего эквивалента, есть время, фактически затраченное на его добычу, но переучтенное в мировые единицы рабочего времени. Самый пересчет производится «за спиной производителей» на основе тех меновых пропорций между товарами и золотом, которые устанавливаются на месте соприкосновения добытого золота с мировым товаром, а затем и дальше, в мировом товарообороте. «Золото у источника его производства—такой же товар, как и всякий другой. Относительная ценность его и железа, или каждого другого товара выражается в количествах, в которых они взаимно выменииваются. Но в процессе обращения эта операция составляет уже предположенное условие; в товарных ценах уже дана собственная ценность золота» [1]).

«Кроме особенных движений, при которых всемирные деньги переходят из одной международной сферы обращения в другую, они имеют всеобщее движение, исходные точки которого находятся у источников производства,—откуда разливаются золотые и серебряные потоки в различных направлениях по всемирному рынку. Золото и серебро вступают здесь во всемирное обращение, как товар, и обмениваются, как эквиваленты, пропорционально заключенному в них рабочему времени, на товарные эквиваленты прежде, чем попадают в сферы внутреннего обращения. В последних они являются, поэтому, с определенной уже величиной ценности. Следовательно, каждое возрастание или уменьшение издержек их производства оказывает на всемирном рынке соответственное влияние на их относительную ценность, совершенно независимо от степени, в какой различные национальные сферы обращения поглощают золото и серебро» [2]).

Так как золото и серебро, как деньги, по самому своему понятию, являются всеобщим товаром, то во всемирных деньгах они получают соответственную форму всемирного товара. В той пропорции, в какой все продукты обмениваются на них, они являются превращенной формой всех товаров, а поэтому повсюду отчужденным товаром. Овеществлением всеобщего рабочего времени деньги являются в такой мере, в какой развивается ряд отдельных эквивалентов, составляющих их меновую сферу. Так как во всемирном обращении товары универсально развивают свою собственную меновую ценность, то их форма, превращенная в золото и серебро, является всемирными деньгами» [3]).

«Что касается получения денежного материала—золота и серебра—с мест его добывания, то оно сводится к непосредственному товарному обмену, к обмену золота и серебра, как товаров, на другие товары, т.-е. оно само совершенно так же является моментом товарообмена, как получение железа или других металлов. Что касается движения благородных металлов на мировом рынке (мы здесь не будем рассматривать этого движения, поскольку оно выражает заимообразное перенесение капитала, совершающееся и в форме товарного капитала), то оно совершенно так же определяется международным товарным обменом, как движение денег в качестве покупательного и платежного средства внутри страны определяется внутренним

[1]) Там же, стр. 99.
[2]) Там же, стр. 152.
[3]) Там же, стр. 153.

товарообменом. Эмиграция и иммиграция благородных металлов из одной национальной сферы обращения в другую, поскольку они вызываются только обесценением местной монеты или двойной валютой, не стоят ни в какой связи с денежным обращением как таковым и являются только исправлением произвольных нарушений, произведенных государственной властью» [1]).

Эти выписки позволяют установить общие положения, касающиеся денежного обращения в международном обмене. Золото в мировом обороте имеет две линии движения (не считая передвижений золота под влиянием колебаний вексельных курсов). В месте добычи оно непосредственно обменивается на товары. Затем оно распределяется по различным странам и участвует в международном обороте, как обыкновенное средство обращения, т.-е. как результат движения товаров. В этом втором движении золото участвует уже с заранее данной ценностью, ибо до непосредственного обмена золота на товар уже существует цена товара, а в цене товаров представлена ценность золота. Где же устанавливается первоначально стоимость золота? У его истоков, где впервые устанавливаются количественные пропорции непосредственного обмена товара на золото, которое в этом случае еще не является деньгами, а таким же простым товаром, как и всякий другой металл. Страны, не имеющие собственных источников добычи золота, могут только через эти пропорции установить его стоимость, которая будет равна не рабочему времени, затраченному на добычу золота, рабочему времени, затраченному на производство товаров, обмениваемых на золото у его истоков. Так как эти товары уже находятся в определенном стоимостном отношении ко всем остальным товарам, обращающимся на мировом рынке, то тем самым золото становится всеобщим измерителем и входит в дальнейшие товарообороты с готовой ценностью, определяемой первоначальной пропорцией, в которой оно обменивается на товары. Проблема заключается в установлении этой первоначальной пропорции. Если золото добывается только в стране А и нигде больше, если обмениваемый на него товар производится в стране В и опять-таки нигде больше, то очевидно, что сравнительные издержки производства того и другого не могут быть установлены, ибо неизвестно, каково отношение рабочего времени А и В. Последнее может быть установлено только из самой пропорции обмена, которая, очевидно, определяется не равенством рабочего времени, а другими условиями: именно—взаимным спросом на золото и товар. Если же страна А имеет возможность на ряду с золотом производить и другой товар, то соотношение времени производства того и другого дает уже опорный пункт для установления той границы, ниже которой не может опуститься выручаемая ею товарная стоимость золота. В противном случае она откажется от обмена и сама начнет производить для себя необходимые товары. Верхней же границы на основании этих данных установить нельзя. Она зависит исключительно от интенсивности спроса на золото со стороны другой нации. Но кон-

[1]) Капитал, т. III, ч. 1, стр. 305.

конкуренция нескольких золотодобывающих стран устанавливает и верхнюю границу.

Во всяком случае ясно, что рабочее время, затрачиваемое фактически на добычу золота в данной стране, должно превратиться в мировое общественно-необходимое время, определяемое условиями добычи золота во всех странах, а всеобщим измерителем и представителем мирового труда оно может стать, только войдя в соприкосновение с разнообразным миром товаров, в результате которого оно начинает представлять не свое «золотое» рабочее время, а рабочее время вообще, лишенное всяких конкретных очертаний определенной сферы производства. Здесь происходит не только качественное, но и количественное превращение: та же сумма золота начинает представлять другое количество мирового рабочего времени, не то, которое на него непосредственно затрачено.

Таким образом, можно установить, по крайней мере, четыре разных смысла выражения: золото—воплощение всеобщего труда:

1. Фунт золота представляет рабочее время, фактически затраченное на его добычу при средних технических условиях в данной стране, т.-е. «национальное» общественно-необходимое рабочее время (напомним, что золото принадлежит к категории товаров, стоимость которых определяется наихудшими условиями добычи. Но это отнюдь не значит—при наихудшей технике добычи. Техника должна удовлетворять обычным требованиям).

2. Фунт золота представляет мировое рабочее время, фактически затраченное на его добычу, т.-е. мировое общественно-необходимое рабочее время, затрачиваемое на территории всех стран, где золото вообще может добываться. Совершенно очевидно, что эти две величины—национальное и мировое рабочее время—не совпадают.

3. Фунт золота представляет собою определенное количество мирового рабочего времени вообще, безотносительно к тому, в каких сферах оно затрачивается. Он представляет собою это всеобщее рабочее время и в тех странах, которые вообще не добывают золота. Опять-таки совершенно очевидно, что эта последняя величина необязательно должна совпадать с величиной, фигурирующей во 2-м пункте. Допустим, что мировое общественно-необходимое рабочее время для добычи одного фунта золота составляет месяц труда. Но если по тем или иным причинам на рынке установилась такая пропорция, при которой за фунт золота в среднем обмениваются товары, стоящие 20 дней труда то очевидно, что в мировом обороте золото, как всеобщий эквивалент, будет представлять именно вторую, а не первую величину. Правда, такие отклонения означали бы, что обмен товаров на золото в мировом обороте не происходит на началах эквивалентности. Но такая неэквивалентность по отношению к золоту вполне возможна, хотя бы по той причине, что ежегодная добыча золота, в отношении которой устанавливается общественно-необходимое рабочее время, составляет небольшую величину по сравнению с мировыми запасами золота, добытыми в ранние времена. Разумеется, что неопределенно длительное время эта неэквивалентность не может существовать. Если годовая добыча золота невелика по сравнению с запасами, то добыча за десять

лет, напр., уже достаточно внушительна, чтобы оказать соответствующее воздействие, не говоря уже о том, что пропорции обмена могут испытывать сильнейшие колебания, даже при малых изменениях количеств товаров, вступающих в обмен. Во всяком случае, нам важно было отметить, что величины мирового рабочего времени, взятые в смысле 2-го и 3-го пунктов, могут не совпадать.

4. Наконец, тот же самый фунт золота, в соприкосновении с товарным миром в каждой отдельной стране, будет опять-таки изображать собою разные количества национального рабочего времени по причинам, изложенным выше. Он может в С. Штатах, представлять собою 10 дней труда, в Англии—20, в Китае—100 и т. д., совершенно независимо от национальных различий в товарных ценах и от колебаний вексельных курсов, а исключительно в силу различий в производительности национального труда.

О подвижности и перемещении производительных сил.

Подвижность капитала и труда, вообще производительных сил в мировом хозяйстве, как было сказано раньше, есть функция развития этих производительных сил, функция развития капитализма. Надо различать подвижность в техническом и экономическом смысле. Средства производства или рабочая сила могут быть очень легко перемещаемы в пространстве, но если нет экономических стимулов для их перемещения, то они останутся на месте, будут «неподвижны». С другой стороны, средства производства могут по своей материальной форме оказаться мало подвижными, но если экономические соображения делают выгодным их перемещение, то технические препятствия отступают на задний план. Выбор места, «штандарта» в разные исторические эпохи определяется разными обстоятельствами, как технического, так и экономического порядка. В эпоху капитализма господствует «рациональный штандарт» (терминология Зомбарта), который ориентируется либо на качественные преимущества данного места перед другими, либо на преимущества в смысле экономии издержек производства [1]). Последняя ориентация наиболее универсальна при капитализме. Она подвергнута была подробному исследованию в известных работах Ал. Вебера и его школы о промышленном штандарте. В ней выражается наиболее наглядно господство экономического принципа над техническим.

Но было бы ошибочным утверждать, что развитие капитализма всеми своими сторонами способствует росту подвижности производительных сил. Оно воздвигает и новые препятствия к такому передвижению, которые, однако, не в состоянии помешать развертыванию основной тенденции. Так, концентрация производства, повышение органического состава капиталов, рост удельного веса основного капитала по сравнению с оборотным и т. д.—все это как будто увеличивает материальную массу производительных сил, которая прикреплена к месту и обладает очень большой инерцией. В частности для железнодорожного транспорта,

[1]) См. Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. II, 2, стр. 901. Изд. 1924.

т.-е. как раз для той отрасли хозяйства, все назначение которой состоит в движении, характерно громадное влияние основного капитала, делающего совершенно невозможным его перемещение с места на место. Можно даже установить такой закон: чем менее подвижен капитал транспорта, тем большую подвижность он сообщает народно-хозяйственному целому [1]). Так вот, не воздвигает ли этот рост основного капитала таких препятствий, которые, вопреки сближению уровней капиталистического развития в разных странах, попрежнему мешают интернациональному перемещению производительных сил, придавая тем самым особую окраску международному обмену? На этот вопрос надо ответить отрицательно. Во-первых, большая инерция основного капитала делает его малоподвижным не только в интернациональной, но и во внутренней экономике. Никакой разницы между перемещением капиталов из одной отрасли в другую внутри страны и их перемещением из одной страны в другую—с точки зрения громоздкости самого об'екта перемещения—не существует. Во-вторых, сам по себе факт увеличения доли основного капитала в составе наличных производительных средств еще не свидетельствует об усилении инерции производительных сил общества. Ведь перемещаться должны не те средства производства, которые уже фигурируют в виде фабрик, заводов, железных дорог и пр., а вновь произведенные средства производства. Передвижение капиталов не есть передвижение готовых предприятий, а передвижение продуктов производства этих предприятий, имеющих форму, пригодную для организации нового производства. Таким образом, вопрос сводится к тому, увеличивается ли масса фиксированного капитала по сравнению с ежегодным об'емом продукции или нет. Преувеличение роли этой фиксированной части капитала приводило экономистов ранней капиталистической эпохи к выводу, что капитал из страны вообще не может экспортироваться самостоятельно, независимо от перемещения людей. Вот, что писал в свое время, напр., В. Годскин. «Ясно, что большая часть товаров, которые составляют капитал страны, не может быть вывезена. Общеупотребительные инструменты и орудия бесполезны без искусных рук, и многие из них связаны с определенными помещениями или зданиями, которые не могут переменить своего места, как сама земля. Они могут быть уничтожены, но их нельзя вывозить. Улучшения земли, осушка и удобрение уже произведены. Другие работы могут их устранить, но ни они, ни польза, которую

---

[1]) Другой транспортный парадокс: чем совершеннее средства сообщения, чем дешевле издержки транспорта, тем в большей степени хозяйство освобождается от территориальных границ, но вместе с тем и по этой же причине повышается значение каждой местной особенности, каждого, хотя и незначительного локального преимущества и территориальное разделение труда углубляется все больше. Идеальное состояние транспорта ведет не к тому, что все будет производиться повсеместно (эта «повсеместность» характеризует как раз эпоху крайней отсталости средств передвижения), а, наоборот, к тому, что каждый специфический род производства будет сосредоточен в специально ему благоприятствующей местности. Промышленная дифференциация отдельных районов и территорий усиливается с развитием транспорта, хотя это усиление вытекает не только из транспортных условий, как таковых, но и из факта перехода от «повсеместного» сырья и материалов производства к локализованному сырью и материалам.

они доставляют, не может быть переправлена во Францию, или в Америку. Мосты, улицы, каналы можно запустить и дать им погибнуть или их можно сломать; но никто не возьмет на себя труда доставить полученные, таким образом, материалы в Испанию или Бразилию... Ни одна часть капитала страны не может быть удалена или отправлена, кроме приобретенных полезных способностей рабочих и того, что они могут увезти с собой, ибо некоторые инструменты и вспомогательные средства, как, напр., корабли, легко транспортабельны... Капитал никогда не изгоняется и не отправляется за границу, если не выселяются люди» [1]).

Соображения Годскина носят на себе печать своей эпохи,—эпохи, когда экспорт капитала еще не приобрел решающего значения в экономике передовых стран. Его ошибка совершенно очевидна. Прежде всего, он смешивает материальную форму основного капитала с его стоимостью. Первая, разумеется, не может быть вывезена из страны (равно как перемещаться сколько-нибудь значительной массой внутри страны), но если стоимость основного капитала не погашается в виде регулярных затрат для поддержания его в исправном состоянии, если амортизационные фонды принимают другую материальную форму, более транспортабельную и легко вывозимую за границу, то это по существу и есть экспорт капитала за границу, притом именно того капитала, который завяз как будто внутри страны и «сросся» с отечественной почвой.

Но, кроме того, Годскин не принимает в расчет чистой продукции, которую страна производит из года в год и которая тем в большей мере состоит из производительных средств, чем больше размеры основного капитала, фигурирующие в лице готового производственного аппарата страны. А эти средства производства уже ничто не прикрепляет к земле, и их движение в гораздо большей степени обусловлено экономическими, чем физическими законами. Эта чистая продукция в течение небольшого периода создает материальные ценности, превосходящие весь колоссальный механизм производства, накопленный обществом с прошлых веков. По этому поводу Маркс, повидимому, с полным сочувствием цитирует следующую выдержку из Томпсона: «Не многие задумываются над тем, а большинство совершенно не подозревает, как ничтожно и по величине и по своему влиянию фактическое накопление общества по сравнению с производительными силами человечества, даже с обычным потреблением одного человека в продолжении немногих лет. Причина очевидна, но влияние очень пагубно. Богатство, потребляемое ежегодно, исчезает вместе с потреблением, оно находится перед глазами только на одно мгновение и производит впечатление, только пока им наслаждаются или пока его потребляют. Но часть богатства, потребляемая лишь медленно,—мебель, машины, здания стоят перед нашими глазами с нашего детства и до старости прочными памятниками человеческих усилий. Вследствие обладания этой устойчивой, прочной, лишь медленно потребляемой частью общественного богатства—землей и сырыми материалами, к кото-

[1]) Th. Hodskin, Popular political Economy, London 1827, pp. 252—253. Цитир. по «Теориям приб. стоим.», т. III, стр. 262.

рым прилагается труд, и орудиями, которыми выполняется труд, домами, которые служат кровом во время работы,—вследствие такого обладания собственники этих предметов в своих личных выгодах овладевают годичными производительными силами всех действительно производительных работников общества, как бы ни были незначительны эти предметы по сравнению с постоянно возобновляемыми продуктами этого труда» [1]).

Конечно, во времена Томпсона эти «прочные памятники человеческих усилий» были во много раз меньше, чем в наше время. Но ведь и создаваемые ежегодно новые ценности были ничтожны по сравнению с нынешними размерами. Отношение годовой продукции к накопленному капиталу в наше время во всяком случае не ниже, чем 50—100 лет тому назад, хотя точная статистика в этой области отсутствует для прошлых периодов. Ежегодная продукция важнейших стран составляет в наше время 15—20% по отношению к стоимости национального имущества каждой страны. Но в сумму этого имущества входит земля. За вычетом земли, годовая продукция составит по отношению к имуществу не меньше 35—45%. Если же взять отношение этой продукции только к основному капиталу, то оно во всяком случае не будет ниже единицы. Другими словами: ежегодное производство составляет величину, равную стоимости всего производительного аппарата общества. В промышленности же, напр., продукция превосходит стоимость основного капитала в среднем в 1½—1,6 раза. Это отношение—по стоимости. Отношение физических об'емов еще больше, ибо стоимость основного капитала исчисляется по старым нормам производительности труда, которая прогрессирует из года в год [2]). Как быстро теряют значение «памятники человеческих усилий» и с какой невероятной быстротой изменение темпа развития производительных сил изменяет экономические взаимоотношения богатейших стран, показывает факт перемены ролей Америки и Европы в мировом хозяйстве, происшедшей на протяжении каких-нибудь полутора—двух десятилетий.

Такие же перегруппировки происходили между важнейшими странами и в довоенное время. Так, по свидетельству Лифмана, «прирост богатства за последние десятилетия перед войной совершался в Германии быстрее, чем у тех наций, которые раньше имели значительный перевес по богатству—у Англии, Франции, Голландии, и то же самое —в пределах их производительной способности—справедливо в отношении Италии, Швейцарии, Скандинавских стран» [3]).

[1]) «Капитал», т. II, стр. 295.

[2]) Современные экономисты, как, напр., Шумпетер, используют этот незначительный удельный вес наличных основных фондов по сравнению с массой продукции для доказательства того, что капиталистическая форма хозяйства имеет своей базой вовсе не собственность на орудия производства, а личную творческую инициативу капиталиста, организующего производство (см. I. Schumpeter, Theorie d. Wirtschaftlichen Entwicklung, изд. 1912 г., S. 530 и сл.).

Шумпетер предусмотрительно упускает из виду, что базу этой хваленой капиталистической инициативы образует именно производственный аппарат, которым владеет капиталист.

[3]) R. Liefmann, Vom Reichtum der Nationen, 1925, S. 23 При всем том, разумеется, длительность экономического господства тех или других стран на мировом рынке гораздо больше, чем сроки господства передовых предприятий внутри страны.

Не будем здесь останавливаться на причинах этих перегруппировок,—к этой теме мы еще вернемся,—а ограничимся здесь только констатированием фактов. Богатство современных наций—с точки зрения его материального об'ема—не имеет, по выражению Маркса, «старой даты». «Оно всегда со вчерашнего дня». А отсюда и поразительный рост его подвижности, несмотря на тяжеловесность и громоздкость его современных форм. Прогресс транспорта преодолевает любой вес и форму, и делает возможным перевозить целые «фабрики», как «игрушки для детской елки». Удешевление перевозок в гораздо большей степени благоприятствует перемещению производительных средств, чем готовых товаров. Так, напр., транспортирование сырых материалов, с появлением железных дорог, облегчилось в большей степени, чем транспорт фабрикатов [1]).

Вообще говоря, если брать понятие «капитала» в его техническом смысле (что с точки зрения проблемы материальных перемещений вполне допустимо),—то для современной ступени развития международных отношений в высшей степени условным является противопоставление товарооборота и капиталооборота. Что такое торговля товарами, если большинство этих товаров относится к категории средств производства? Это есть перераспределение производительных сил. Если Англия экспортирует машины в Индию, то даже в том случае, когда стоимость этих машин целиком покрывается деньгами или товарами, т.-е. даже в том случае, когда в экономическом смысле Англия не экспортирует в Индию капитал, машина все же переместилась в новое место и вместе с собой перенесла частицу производительных сил чужой страны. Она способствует индустриализации отсталой страны независимо от того, отпущена ли она в кредит или за наличные, организует ли с ее помощью промышленное предприятие капиталист, живущий в Англии или туземный промышленник. Все эти различия приобретают, разумеется, громадное значение с других точек зрения, которые мы здесь оставляем в стороне. С той точки зрения, которая нас здесь специально интересует—подвижности, перемещаемости средств производства,—они несущественны.

Не всякий товарный экспорт есть экспорт капитала. Но всякий экспорт капитала обязательно осуществляется в форме товарооборота; даже тогда, когда вывозимый капитал фигурирует в виде денег, он импортируется в страну назначения в виде товаров, приобретаемых в разных пунктах мирового рынка, уменьшая на соответственную величину товарный импорт той страны, которая экспортирует капитал. Всякий капитал, импортированный в какую-либо страну, обязан своим происхождением товарной торговле [2]). Поэтому совершенно нелепо представлять себе, как это иногда делали классики, взаимоотношения двух стран, как отношения двух торгующих друг с другом «экономических тел» («trading body», если пользоваться термином Джевонса), производственные отношения кото-

---

[1]) См. E. Sax, Die Verkehrsmittel in Volks- und Staatswirtschaft, т. II, 1879 г.

[2]) См. Sartorius v. Waltershausen, Das Volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Ausland, изд. 1907, стр. 15.

рых не подвергаются изменениям. Там, где существует торговля, там, где предметом торговли служат в числе прочих средства производства, в особенности орудия производства, там неминуемо происходит и перемещение производительных сил, даже если никакой миграции капитала не происходит.

Но внешняя торговля неизбежно порождает и экспорт капитала в собственном смысле слова. Между той и другой формой экономических отношений существует тесное взаимодействие. Шильдер показал на примере Англии, с какой правильностью чередуются там под'ем и падение товарного экспорта, падение и под'ем экспорта капиталов. Всякая заминка в сбыте товаров за границу вызывает рост капитального экспорта, другими словами, увеличивается масса товаров, отпускаемых в кредит, либо же загранице предоставляются денежные займы, с помощью которых она приобретает английские товары, либо, наконец, за границу вывозится оборудование и т. д. для непосредственной организации промышленных предприятий английскими предпринимателями. Приобретение ценных бумаг представляет собой внешнюю оболочку подобных экономических явлений. В общем «взаимная зависимость экспортной торговли и вложений капитала за границей образует регулирующий механизм, который работает наподобие механизма, основанного на взаимозависимости вексельных курсов и внешней торговли, хотя и более медленно» [1]). Другую форму взаимозависимости между оборотом товаров и капиталов отмечает О. Бауэр. «Капиталистическая хозяйственная политика,—пишет он,—стремится к сферам вложения капитала и к рынкам сбыта своих товаров. Но надо понять, что это не разные задачи, а в основе одна и та же задача. Когда я мертволежащему капиталу открываю новую сферу вложения..., я создаю этим сбыт для товаров: потому что не мертволежащий денежный капитал, а производительный капитал покупает товары... И наоборот. Если я открываю новый рынок сбыта товарам, сокращается время оборота капитала, увеличивается прибыль, возникает усиленный спрос на капиталы. мертволежащие капиталы приливают в производство. Когда я открываю новый рынок для товаров, я доставляю этим также и для капитала новую сферу вложения» [2]).

Мы оставили здесь в стороне вопрос о том, какое влияние на экспорт капитала и пр. имеет различие норм прибыли в разных странах,—т.-е. самую влиятельную причину капитального экспорта. К этой теме мы вернемся впоследствии. Но тем более показательно, что, даже отвлекаясь от нормы прибыли, мы неизбежно приходим к выводу о необходимом превращении товарной торговли в миграцию капиталов, о перемещении производительных сил между странами в результате простого товарообмена между ними. Фантазия о странах, производительные силы которых прикреплены к месту, и которые сообщаются между собой только посредством торговли товарами. не имеет смысла даже как фантазия, ибо лишена внутренней логики.

---

[1]) S. Schilder, Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft, т. II, стр. 377.
[2]) Otto Bauer, Die Nationalitätenfrage u. die Socialdemokratie. 2-te Auflage, 1924, S. 464.

Перемещение производительных сил включает в себя не только миграцию мертвых капиталов, но и людей. Было бы, однако, грубейшей ошибкой думать, что между экспортом капиталов и людей должно существовать какое-либо точное соответствие, как думал Годскин. Это немыслимо уже по той простой причине, что вещи и люди обладают совершенно различной транспортабельностью. Различия языка, культуры, политических учреждений и пр. имеют прежде всего отношение к **людям**, а не к **вещам**. Вот почему наблюдается такое парадоксальное на первый взгляд явление, что «из всех видов багажа человек—наименее транспортабелен» (Ad. Smith), хотя он в то же время обладает наибольшей подвижностью, как живой организм. По отношению к капиталистам дело обстоит наиболее просто. Экспорт капиталов, в том смысле, какой ему принято давать, есть такой вывоз капитала, при котором сам капиталист остается в своем отечестве. Если вместе с капиталом переселяется и капиталист, то этот капитал совершенно потерян для той страны, откуда он происходит, и тут обычно говорят уже не об экспорте, а о переселении капиталов. Хотя между этими обеими формами разница не столь велика по существу, как может показаться, хотя гибкая система фондового капитализма создала целый ряд переходов между ними, тем не менее само это различение говорит о том, что капиталисты, вывозящие капитал, обычно не следуют за ним по пятам. Это особенно характерно—поскольку речь идет о довоенном времени—для французской и английской формы экспорта. Немцы большей частью сопровождали свой капитал в его странствованиях.

Что касается рабочей силы, которая является составной частью производительных сил, то и здесь никакого соответствия между экспортом капитала и эмиграцией рабочих установить нельзя. Для современности можно установить скорее **обратную** тенденцию. Страны, экспортирующие капитал, вместе с тем **импортируют** к себе рабочую силу (С. Штаты — наиболее яркий пример). И, наоборот, рабочая сила эмигрирует из тех стран, куда приливают иностранные капиталы (густонаселенные страны—Индия, Китай и др., в довоенное время Россия и вообще страны Восточной Европы были потребителями иностранных капиталов и вместе с тем поставщиками рабочей силы на мировой рынок). Рабочая эмиграция из передовых промышленных стран, экспортировавших капитал, имела место только в течение первых трех четвертей XIX столетия, и с тех пор резко пошла на убыль. Но и тогда не существовало никакой пропорции между вывозом рабочих и вывозом капитала. «Английский добавочный капитал,—пишет Маркс,—ежегодно вывозимый за границу с целью извлечения из него прибыли, представляет гораздо более значительную величину по сравнению с ежегодным накоплением, чем ежегодная эмиграция по сравнению с ежегодным приростом населения... итак, большая часть ежегодно нарастающего прибавочного продукта, отбираемого у английских рабочих без эквивалента, капитализируется не в Англии, а в других местах» [1].

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 625.

Мы отметили, что для современного периода наиболее характерным является движение капиталов и рабочей силы не в одном и том же, а в противоположных направлениях. Капитал ищет место скопления рабочей силы, рабочая сила ищет мест скопления капитала. Рабочая сила идет туда, откуда экспортируется капитал, потому что, несмотря на отлив капитала, в стране экспорта нехватает рабочих рук для приведения в движение оставщегося капитала. Капитал идет туда, откуда эмигрируется рабочая сила, потому что, несмотря на эту эмиграцию, в стране остается огромный избыток рабочих рук, для которых нехватает средств производства, т.-е. капиталов. Разумеется, здесь набросана только схема, которая в действительности видоизменяется под влиянием разнообразных обстоятельств. Так, напр., экспорт капитала в странах редкого населения (Канада, Австралия и др.) сопровождается одновременно и рабочей эмиграцией в эти страны.

С другой стороны, чрезмерное изобилие в стране рабочей силы и вытекающая отсюда крайняя дешевизна рабочих рук может стать препятствием к импорту в эту страну капиталов в форме технических средств современной крупной индустрии. Машины, применяемые, напр., в европейской и американской индустрии, далеко не всегда могут проникнуть в Китай или Индию. Дешевизна рабочих рук делает для капиталиста невыгодным механизацию производства. В таких случаях приходится скорее говорить об импорте капитализма, чем об импорте капитала в эти отсталые страны. Функция буржуазии господствующих стран состоит в том, что она организует капиталистическое производство в колониях на основе тех средств производства, которые она там застает в готовом виде, а не при помощи производительных сил более развитых промышленных стран. Это случается не только с машинами. Та же самая причина препятствует, напр., проникновению искусственных удобрений в китайское земледелие, которое с гораздо большим успехом пользуется человеческими экскрементами, хотя и поглощает при этом неисчислимое количество человеческого труда[1]).

При этом встречном движении средства производства (капитал) обнаруживают гораздо большую подвижность, чем рабочая сила, которая в более сильной степени локализована. Отсюда возникает так назыв. «рабочая ориентация» современной индустрии по терминологии Ал. Вебера, т.-е. тенденция промышленности концентрироваться в местах скопления рабочей силы, тенденция, преодолевающая как сырьевую, так и топливную и потребительскую ориентацию. Таким образом, соображения классической школы имеют гораздо больше основания по отношению к труду, чем к капиталу (что и было отмечено Эджуорсом).

Не подлежит сомнению, что и подвижность рабочей силы находится в зависимости от ступени культурного и хозяйственного развития. Но здесь много труднее вскрыть основную тенденцию. При анализе условий подвижности капитала мы показали, что развитие капитализма, уничтожая одни препятствия движению, одновременно воздвигает другие препятствия, причем верх берет неизменно первая тенденция. Что касается ра-

[1]) См. Aereboe, Die Bevölkerungskapazität der Landwirtschaft, Berlin 1927 г., стр. 20.

бочей силы, то здесь таких бесспорных выводов получить нельзя. Поскольку рабочая сила испытывает притяжение со стороны промышленных центров, сила притяжения должна быть пропорциональна величине центров притяжения. Концентрация и централизация промышленности должна поэтому вызвать более оживленное движение рабочих из периферии—приток из деревни в города, из аграрных в промышленные страны служит наглядной иллюстрацией этой закономерности. В том же направлении действуют улучшение транспортных средств, усовершенствование форм сношения (телеграф, телефон, радио и пр.), создающие известную «солидарность рабочих рынков» наподобие солидарности рынка капиталов или вексельных курсов, хотя в несравненно более слабой степени, поскольку стоимость рабочей силы поддается в гораздо меньшей степени унификации и нивелировке, чем норма прибыли или вексельный курс. Наконец, прогрессирующая машинизация и механизация производства, сопровождаемая деквалификацией многих профессий, также облегчает передвижение рабочей силы из одних отраслей в другие в интернациональном, как и в национальном масштабе. Здесь стоит отметить любопытную аналогию. Степень квалификации рабочего вполне аналогична удельному весу основного капитала в составе средств производства. И то и другое по мере роста увеличивает инерцию, стесняет передвижение. Но в то время, как основной капитал имеет тенденцию расти вместе с развитием капитализма, квалификация рабочих en masse обнаруживает обратную тенденцию к убыванию, именно в силу увеличения удельного веса основного капитала в производстве. Одна и та же причина, уменьшая подвижность средств производства, увеличивает подвижность труда. (Машинизация создает, правда, потребность в высококвалифицированном труде техников, механиков и пр., но последние составляют сравнительно небольшой процент в общей массе малоквалифицированного труда.) Таковы, в самых общих чертах, те причины, которые содействуют росту подвижности рабочей силы в современном капиталистическом хозяйстве [1]).

Но есть тенденции, действующие в обратном направлении. Тенденции эти настолько ощутительны, что некоторые авторитетные буржуазные исследователи приходят к выводу о возрастающей оседлости человечества, по мере роста капитализма. Вот что говорит, напр., Бюхер: «Ко всему фактическому материалу, который можно привести в пользу того положения, что человечество в историческом своем развитии становилось все более оседлым, присоединяются еще два соображения общего характера. С развитием культуры основной капитал увеличивается:

---

[1]) Насколько движение рабочей силы подчинено воздействию экономических факторов, показывают довоенные данные об иммиграции в С. Штаты. Вот, что говорит исследователь этого вопроса И. Гурвич: «Сравнительная статистика промышленности и населения С. Штатов показывает, что иммиграция определяется в общем возможностью достать работу. Во времена промышленного под'ема иммигранты прибывают в возрастающем количестве; во время депрессии их число уменьшается. Далее, иммиграционное движение балансируется эмиграцией из С. Штатов. По общему правилу те самые причины, которые задерживают иммиграцию в страну, ускоряют вместе с тем обратное движение отсюда» (I. Hourwich, Immigration and Labor, New-York. 1912, стр. 3).

производитель делается неподвижным, благодаря орудиям производства. Странствующий южно-славянский кузнец и вестфальские металлургические заводы, вьючная лошадь средневекового купца и универсальные магазины современных городов, странствующий балаган и постоянный театр обозначают исходные и конечные точки этого процесса развития. Далее, современные средства сообщения в гораздо большей мере облегчили перевозку товаров, чем людей. Вследствие этого, нередко имеет большое значение распределение по месту рабочих сил, чем естественных средств производства, так как последние следуют за первыми; ранее же отношение было обратным».

И далее, он указывает, что «все новейшее развитие промышленности ведет к образованию оседлого рабочего сословия, которое уже теперь, благодаря ранним бракам, стало менее подвижным, чем прежние ремесленники, и которое в будущем несомненно так же прочно будет прикреплено к фабрике, как крестьянин крупного средневекового поместья к земле» [1]).

Соображения Бюхера относятся к вопросу о внутренних перемещениях рабочей силы, но они имеют и общее значение. В какой степени их можно принять? Поскольку речь идет о фактической стороне дела, Бюхер сам приводит цифры, опровергающие его стройную концепцию. Так, напр., по его сведениям, «число жителей Европы, обязанных своим местом жительства не рождению, а переселению, значительно превышает сотню миллионов»,— это было в конце прошлого столетия. С другой стороны, он сам подчеркивает сильнейшее передвижение рабочей силы из деревни в город, характерное именно для капиталистической эпохи. Но это передвижение он считает результатом того, что мы находимся еще «в переходном периоде, в котором еще не законченное превращение городского территориального хозяйства в национальное ведет непрестанно к перемещению границ разделения труда и к изменению центров различных отраслей промышленности, а в связи с этим к передвижению рабочей силы». Другой причиной является тот факт, что «большинство крупных предприятий пока еще не достигло полного своего развития и, расширяясь, вынуждено покрывать спрос на новых рабочих привлечением избыточного сельского населения» [2]). Легко узнать сродство этих рассуждений с знаменитой теорией Бюхера о ступенях развития народного хозяйства: замкнутое (домашнее) хозяйство, городское, народное хозяйство. Курьезно звучит утверждение Бюхера, что у нас (в Германии) «еще не закончился процесс превращения городского хозяйства в национальное». Он «не заметил», что национальное хозяйство Германии давным давно успело стать частью мирового хозяйства.

Если считать передвижение рабочей силы из деревни в город «переходным» явлением, то с этой точки зрения и весь капитализм является переходом к другому строю, и ему, пожалуй, конец наступит раньше, чем в мировом масштабе закончится перемещение рабочей силы в города из деревень. Не выдерживает критики также утверждение Бюхера, что рост основного капитала обусловливает неподвижность производителей. Мы выше обосно-

[1]) К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, Петроград 1923 г., стр. 223 и 239.

[2]) Там же, стр. 239.

нали прямо противоположный вывод. Рост основного капитала есть рост неподвижности **материальных элементов** этого капитала, но не людей, не говоря уже о том, что капитал, производимый с помощью этого основного капитала, обладает полной подвижностью и в наше время. Из всех соображений Бюхера верно только то,—и мы это уже отметили,—что развитие транспортных средств в большей мере облегчило перевозку товаров, чем людей, и поэтому средства производства чаще перемещаются в сторону рабочей силы, чем наоборот. Это действительно серьезная причина, увеличивающая «оседлость» рабочей силы. Необходимо только заметить, что большая легкость перевозки товаров, чем людей, вытекает не столько из физических, сколько из экономических условий. Так как норма прибыли обусловлена нормой прибавочной стоимости, а последняя—при прочих равных условиях—определяется высотой заработной платы, которая ниже всего в районах густого рабочего населения, то отсюда понятно, почему капиталу «легче» передвигаться по направлению к рабочей силе, чем, наоборот, передвигать рабочих к средствам производства. Но это относится уже к рассуждению о норме прибыли.

Несомненно также и то, что население, уже **сосредоточенное** в больших городах и в промышленных центрах, проявляет большую инерцию, чем население, находящееся в стадии передвижения из деревни в город, или из мелких городов в крупные города. По крайней мере так обстоит дело в эпоху восходящей линии развития капитализма. Современная капиталистическая Европа, несущая тяжелый груз в несколько миллионов «стабилизованных» безработных, которым нет места в промышленном хозяйстве, являет другую картину. Причина большей «оседлости» городского населения вытекает не из тех причин, о которых говорит Бюхер, не из роста основного капитала и пр., а из того простого факта, что разница в условиях жизни между большими городами одной и той же страны или разных стран меньше, чем разница в условиях жизни деревни и города. Как бы то ни было, можно констатировать здесь явление прямо противоположное тому, что установила классическая школа: чем ближе подходят друг к другу различные страны по уровню культуры, материальным условиям жизни и пр.,—тем слабее тенденция к перемещению труда между ними. Миграция рабочей силы между Германией, Англией, Францией гораздо слабее, чем миграция рабочих из Восточной в Зап. Европу, из Азии в С. Штаты и т. д. [1]).

---

[1]) Помимо разницы в уровне жизни между деревней и городом, а также многих других причин, значительную роль играет также большая устойчивость жизни в городах (и в промышленных странах), по сравнению с деревней (и аграрными странами). В прежние времена «при неразвитых средствах сообщения, городское население много терпело от сильных местных колебаний цен на пищевые продукты, обусловленные колебанием урожаев, тогда как деревенское население испытывало относительно слабые колебания в своих доходах: при неурожаях цены повышались, при урожае понижались, и отсюда слабый рост городского населения...

С усовершенствованием транспортных средств устанавливается обратное отношение между деревней и городом. Независимые от местных колебаний урожая цены на с.-х. продукты обеспечивают городскому населению устойчивый жизненный уровень, тогда как благосостояние деревенского населения попадает в зависимость от урожая» (ибо цены определяются на мировом рынке. *И. Д.*). L a u n h a r d t, Mathematische Begründung der Volkswirtschafslehre, 1898, стр. 213).

В сущности то же самое можно сказать и о перемещении капиталов. Тяга к передвижению тем слабее, чем ближе подходят друг к другу нормы прибыли в разных местах, т.-е. чем однороднее их экономическая структура. Мы пришли, таким образом, к весьма парадоксальному заключению: подвижность капитала и труда уменьшается по мере развития условий, облегчающих передвижение средств транспорта, сношений, общности культурного, политического и социального строя и т. д. Парадокс исчезает, однако, если мы придадим словам их настоящий смысл. Необходимо различать способность к передвижению и фактическое передвижение. Кроме того, само передвижение может быть односторонним и всесторонним. Способность к передвижению вне всякого сомнения тем выше, чем развитее капиталистический строй. Но именно по этой причине, именно благодаря возрастающей легкости перемещения, уменьшаются стимулы к передвижению, поскольку разница в условиях жизни или доходности капитальных вложений не может быть значительной. Малейшее различие немедленно выравнивается соответствующей передвижкой средств и сил, подобно тому, как малейшее колебание вексельных курсов в каком-либо пункте мирового денежного рынка вызывает немедленную реакцию других пунктов, ликвидирующую это колебание (вексельный или валютный арбитраж). Высокий уровень подвижности капиталов и рабочей силы в наиболее развитых капиталистических странах выражается в том, что это движение принимает всесторонний характер,—характер беспрерывных флуктуаций, приливов и отливов, в которых каждая страна попеременно выступает то в роли экспортера, то в роли импортера рабочей силы и капиталов. Вернее говоря, она одновременно выступает в обеих ролях. То же самое, та же флуктуация происходит и между крупнейшими промышленными центрами одной и той же страны. Основную роль в этих беспрерывных передвижениях производительных сил играют частичные колебания кон'юнктуры, не совпадающие по времени в разных местностях или в разных отраслях промышленности. Вот эта постоянная «смена движений», беспрерывно меняющий направление переменный ток создает впечатление относительной устойчивости и неподвижности целого, ибо встречные колебания действительно взаимно уничтожают друг друга.

Совершенно иной характер носит перемещение, происходящее между странами и областями, представляющими собой разные экономические типы. Тут передвижение носит резко односторонний характер, совершается, как правило, только в одном направлении. Капиталы, по общему правилу, экспортируются только в одном направлении—из передовых промышленных стран в отсталые, рабочая сила, по общему правилу, движется в обратном направлении (хотя может принять и другие направления, в зависимости от конкретных условий). Такая подвижность есть низшая форма подвижности, ибо она не всесторонняя, ее можно сравнить не со свободным движением автономного организма, а с принудительным движением различных частей машинного механизма, направление которого раз навсегда предписано соответственным устройством, соотношением частей и пр.

Вся путаница в понимании условий и форм передвижения производительных сил вытекает из смешения разных эко-

номических типов движения. Между тем точные разграничения в этой области установлены Марксом с полной ясностью. Он устанавливает три формы движения капиталов (к которым причислена и рабочая сила): 1. Перемещение капиталов внутри каждой отдельной сферы производства, в результате которого на рынке складывается однообразная рыночная стоимость продуктов этой отрасли. Как правило, это передвижение совершается в направлении от менее производительных к более производительным единицам. Но если перемещение ограничивается только этой формой, то в разных отраслях неизбежно устанавливаются разные нормы прибыли, благодаря различиям в органическом строении капиталов. Отсюда возникает вторая форма перемещения капиталов между отраслями по направлению к наиболее высокой норме прибыли. Второе перемещение совершается по общему правилу в обратном направлении: из передовых в отсталые отрасли. В результате передвижений второго рода на рынке складывается общая норма прибыли и рыночная стоимость превращается в цену производства. 3. Наконец, после того, как средняя норма прибыли приобрела вполне устойчивые количественные очертания и стала вполне об'ективным фактом, передвижения капиталов из одних сфер в другие определяются колебанием индивидуальных норм прибыли вокруг среднего уровня, вследствие чего само движение принимает колебательный характер, в противоположность одностороннему его направлению в тот период, когда общей нормы прибыли вообще еще не существовало.

Каждый следующий тип движения пред'являет более высокие требования подвижности к капиталу и к труду. Перемещение последнего рода требует вместе с тем более высокого развития капиталистического способа производства, чем перемещения первого рода.

«Постоянное выравнивание постоянно возникающих неравенств («колебательное движение». *И. Д.*) осуществляется тем быстрее, чем 1) подвижнее капитал, т.-е. чем легче он переносится из одной сферы или из одного места в другое, 2) чем быстрее может быть переброшена рабочая сила из одной сферы в другую и из одного производственного пункта в другой. № 1 предполагает полную свободу торговли внутри общества и ликвидацию всех видов монополии, кроме естественной, а именно тех монополий, которые вытекают из самого капиталистического способа производства. Далее, развитие кредитной системы, подчинение различных сфер производства капиталистам.

Последнее включено уже в ту предпосылку, что превращение стоимости в цену производства охватывает все капиталистически эксплоатируемые отрасли производства; но это выравнивание наталкивается на большие препятствия, когда многочисленные, массовидные, некапиталистические сферы производства (напр., земледелие мелких крестьян) вклинивается среди капиталистических предприятий и переплетается с ними. Наконец, большую густоту населения.—№ 2 предполагает ликвидацию всех законов, препятствующих рабочим переселяться из одной сферы производства в другую или из одного производственного пункта в другой. Безразличие работника к содержанию своего труда. Возможное сведение труда во всех областях производства к

простому труду. Освобождение рабочих от всех профессиональных предрассудков. В особенности, наконец, подчинение всех рабочих капиталистическому способу производства» [1]). Все перечисленные условия развиваются вместе с развитием капитализма и в наибольшей степени осуществлены в самых передовых промышленных странах [2]).

Вопрос о формах и о возможности перемещения ценностей из одной страны в другую приобрел за последние годы актуальный интерес в связи с германскими репарациями, планом Дауэса и так называемой «проблемой трансферта».

При попытках взыскать в пользу Антанты громадные суммы репараций победители натолкнулись на «неожиданное» препятствие: невозможность *взять* те миллиарды, которые германское правительство соглашалось *дать*. Подробно изучавший этот вопрос американский экономист Мультон так характеризует создавшееся положение:

«Если отдельное лицо получает свой доход в деньгах и может непосредственно передавать эти деньги своему кредитору, то доход нации, хотя ценность его и выражается в деньгах, не может быть передан другой нации наличными. Если годовая продукция нации превышает ее годовое потребление на 10 миллиардов долларов, то эти десять миллиардов не лежат в каких-либо национальных сундуках. Их невозможно перевезти в чужую страну просто путем выписки и передачи чека на 10 миллиардов долларов. Внутри страны было создано в различнейших формах имущество, превышающее потребленное в течение года на 10 миллиардов долларов. Но этот излишек имущества отнюдь не существует обязательно в таком виде, который пригоден для вывоза за границу. Излишек может существовать в виде фабрик, машин, железных дорог, шоссе, мелиораций и т. д., короче говоря, из недвижимых капиталов, предназначенных для будущего расширения производства, но не пригодных для вывоза в другие страны для покрытия долгов. *Чужой стране может быть передана только та часть годовой продукции, которая пригодна для вывоза.* При этом нужно иметь в виду,

---

[1]) *Marx*, Kapital, III, 1, стр. 176, II изд., 1919 г. (изд. Ф. Энгельса).

[2]) Рост подвижности капитала и труда, идущий рука от руку с ослаблением тенденций к действительному передвижению между пунктами, достигающими наивысшей зрелости условий движения, представляет одну из форм того «единства противоположностей», которые вообще характерны для капиталистической системы. На этих предпосылках, между прочим, основываются многочисленные в наше время попытки теоретиков математической школы политэкономии построить модель *стационарного* хозяйства, обладающего абсолютной подвижностью всех своих элементов и в то же время лишенного стимулов к движению, находящегося в состоянии *абсолютного равновесия*. Так наз. «теорема о максимуме» формулирует это состояние равновесия, как такое состояние, в котором достигается наибольшая экономическая эффективность с точки зрения общества в целом, и которое поэтому лишено стимулов к дальнейшему изменению раз достигнутого положения. Достижение всеобщей равной нормы прибыли — с точки зрения капитализма — и есть осуществление такого состояния, при котором исчезают стимулы к дальнейшим передвижениям и пр., хотя осуществление этой абстракции предполагает вместе с тем величайшую подвижность всех элементов хозяйства (См. по этому поводу соображения у *Шумпетера*, «Das Wesen u. der Hauptinhalt der theoretischen Nationalöconomie, 1908 г., стр. 196—212).

что нация может сознательно избегать перевеса вывоза над ввозом, чтобы об'явить себя неплатежеспособной» [1]).

Рассуждения Мультона правильны, но они не опровергают наших выводов. Все дело в том, что страна может превратить в пригодную для вывоза форму большую или меньшую часть излишка своей продукции в зависимости от того, насколько это ей будет экономически выгодно, насколько этому будут благоприятствовать международные экономические отношения. Между тем в условиях репарационного бремени вопрос вообще приобретает внеэкономический характер, который отнюдь не благоприятствует созданию стимулов к перемещению ценностей за границу, тем более, что и заграница не очень охотно принимает этот вывоз. Поэтому Германия будет, напр., накоплять излишки своей продукции не в форме железнодорожных рельс, годных для вывоза, а в форме железных дорог, построенных при помощи тех же рельс, но недоступных перемещению за границу.

К этому надо добавить, что вообще все рассуждения о возможности или невозможности перенесения ценностей в их непосредственной материальной форме mutatis mutandis относятся и к области внутреннего хозяйственного оборота. Дорогу или туннель нельзя переместить не только из одной страны в другую, но вообще из одного места в другое, сколько-нибудь отдаленное.

Влияние капиталистических отношений на характер международного обмена и на распределение производительных сил.

Мы разбирали до сих пор вопросы международного обмена, отвлекаясь от его капиталистической формы. Но капитализм и международная торговля неразрывно связаны. Вместе с тем капиталистическая форма обмена и экономических сношений вносит массу новых элементов в проблему, которые совершенно были обойдены классической теорией и только фрагментарно исследованы Марксом. Тема эта заслуживает подробного самостоятельного рассмотрения. Здесь мы ограничимся только конспективным наброском важнейших особенностей, которые, по нашему мнению, следует в первую очередь выделить для анализа.

Мы определяем международный обмен, как обмен между странами, находящимися на разных ступенях экономического развития, тем самым предполагается, что в мировом хозяйстве еще не установилась единая средняя норма прибыли. Ведь для существования таковой необходима полная и всесторонняя подвижность капитала и труда. Там, где этой подвижности поставлены помехи, неизбежно образование более или менее отграниченных друг от друга хозяйственных территорий с самостоятельными средними нормами прибыли, процента и т. д. Различные страны находятся между собой приблизительно в таких же отношениях, в каких находились друг к другу различные сферы производства, между которыми на разных ступенях развития капитализма было затруднено передвижение капитала и труда. По Марксу это есть такая ступень развития, ко-

[1]) Г. Мультон и Мак Гвайр, Платежеспособность Германии, стр. 11.

торая характеризуется образованием *единой рыночной* стоимости, *но отсутствием средней нормы прибыли* и *цен производства*. Такую же картину мы имеем в масштабе мирового хозяйства: Единую мировую стоимость, единую цену мирового рынка, по крайней мере, на важнейшие предметы международной торговли, и отсутствие *цены производства* в мировом масштабе, *отсутствие мировой средней* нормы *прибыли*. Мировая цена, даже отвлекаясь от всяких дополнительных влияний, представляет, такнм образом, категорию весьма сложной структуры. Это не есть мировая *стоимость* данного товара. Поскольку на внутреннем рынке каждой отдельной страны цены товаров отклоняются в ту нли иную сторону от стоимости в снлу закона выравнивания по средней норме прибыли, цена мирового рынка на этот товар, являющаяся *равнодействующей национальных цен*, также не совпадает с его стоимостью: она отклоняется и от национальной, и от мировой стоимости. От национальной стоимости она отклоняется по причинам, изложенным выше. От мировой—вследствие того, что данная сфера производства имеет множество соединительных каналов разной пропускной способности, через посредство которых она сообщается с другими сферами производства, а где существует такая «диффузия», там уже невозможно совпадение рыночной цены со стоимостью. Цена мирового рынка не есть в то же время и цена производства, нбо не существует в мировом хозяйстве единой средней нормы прибыли. Каждая страна, вернее говоря, предприниматели каждой страны выручают в этой цене нормы прибыли, различные по своей велнчине, поскольку они несут *различные издержкн* по производству данного товара, и эти нормы тяготеют *к национальным средним*, а не к мировой средней. Конечно, можно «абстрагироваться» от фактических различий в национальных нормах прибыли и попытаться конструировать мировую норму, как некую идеальную среднюю, которая определяет интернациональное движение капиталов. На самом деле! Ведь перемещаются же между странами капиталы в поисках более высоких прибылей так же, как это происходит внутри страны. Почему же не обобщить внутренние и внешние движения при помощи одной общей схемы, как мы это сделали с законом стоимости? По той простой причине, что *интернациональные движения капиталов принципиально отличаются от внутренних*—и мы это уже выяснили в другом месте: внутри страны передвижения капиталов носят *колебательный* характер, и средняя норма прибыли играет роль реального центра колебаний. Наоборот, в международном масштабе движения носят *односторонний* характер и никакого *центра* движений не существует. Это есть движение капиталов *на пути* к образованию средней нормы прибыли, но не *вокруг* этой нормы. С мировой стоимостью дело обстоит существенно иначе: для образования единой цены и стоимости достаточно развитой товарной торговли, которая возможна и при неразвитых формах перемещения капиталов.

Таким образом, мировая цена представляет из себя своеобразный рыночный феномен, который не совпадает ни с какой из существующих марксистских категорий и ждет еще своего исследования.

Теперь о влиянии капитализма на эквивалентность международного обмена. Рассуждая абстрактно, можно было бы допустить, что законы обмена, описанные в предыдущей главе, полностью продолжают действовать и в условиях капитализма. Капиталисты, рассматриваемые, как представители национального хозяйства, получали бы на свою долю все те преимущества, которые достигаются более производительной нацией за счет менее производительной. В первой стране норма прибыли—поскольку она вытекает из преимуществ внешней торговли—была бы выше, чем во второй. Все то, что мы говорили раньше о нациях, можно было бы «переадресовать» на имя капиталистов каждой нации (разумеется, с необходимыми поправками вроде того, что капиталисты не обменивают своего собственного труда, а труд своих рабочих и т. д.)—в остальном все должно было бы итти попрежнему. Более высокие прибыли капиталистов передовых наций имели бы два источника. С одной стороны, капиталы, непосредственно занятые во внешней торговле, дают большую прибыль, которая, поступая «в раздел» между капиталистами данной нации, повышает общую норму. С другой стороны, внешнеторговый обмен, способствуя удешевлению многих продуктов, получаемых из стран с наиболее благоприятными условиями для их производства, позволяет соответственно снизить заработную плату и тем самым повысить, при прочих равных условиях, капиталистическую прибыль. Здесь нужна оговорка. В более развитых капиталистических странах норма прибыли, по общему правилу, ниже, чем в отсталых по общеизвестным причинам (высокий органический состав капитала и пр.). Но более благоприятное положение этой страны на мировом рынке может до известной степени противодействовать тенденции нормы прибыли к понижению. Мы видим здесь любопытное явление: две противоположные экономические тенденции прямо вытекают из одной общей экономической причины. Общая причина—рост органического состава капитала и рост производительности национального труда. Она обусловливает, с одной стороны, понижение нормы прибыли, с другой—ее повышение, поскольку более производительный национальный труд выступает на мировом рынке, как труд более высокого удельного веса. Общее движение нормы прибыли определяется, как равнодействующая этих двух, а также многих других тенденций капиталистического развития.

Таким образом, эквивалентный международный обмен мог бы совершаться беспрепятственно и в капиталистической оболочке, осуществляя, так сказать, легальные методы эксплоатации отсталых стран. Но мы исходили из допущения, в которое надо внести «маленькую» поправку. Мы изобразили капиталистов простыми «представителями» национального труда, которые кроме этой функции «представительства» никаких других не имеют и которые своим участием не вносят вообще никаких перемен в народнохозяйственную структуру. В действительности отношения складываются «немножко» иначе. Дело в том, что капиталисты «представляют» трудящиеся массы не так, как последние сами бы себя представляли (Маркс). Распределение производительных сил в национальном хозяйстве также существенно видоизменяется вмешательством капитализма. И то и другое вытекает из простого факта: что продукт стоит произво-

дителю, и что он стоит капиталисту—это две разные вещи. Нации, представленные самими трудящимися, обменивали бы свой труд. Будучи представлены капиталистами, они обмениваются товарами, цены которых капиталист измеряет не затратами труда, а издержками производства.

Осуществляет ли капитализм такое распределение производительных сил—в национальном или интернациональном масштабе—при котором силы нации действительно затрачиваются в наиболее выгодных направлениях, с точки зрения затрачиваемого труда и получаемого эффекта? Это отнюдь не вытекает с необходимостью из капиталистических отношений. Возьмем общеизвестный закон превращения стоимости в цены производства. Если перевести этот закон на язык распределения производительных сил, то он гласит следующее: В виду того, что отрасли с низким органическим строением капитала (т.-е. в большинстве случаев более отсталые отрасли) доставляют норму прибыли выше среднего уровня, туда приливают капиталы из других отраслей до тех пор, пока индивидуальная норма прибыли в этой отрасли не сравняется с средней нормой. Наоборот, из передовых отраслей, с высоким органическим строением, капиталы отливают. Такой перелив капиталов имеет свою положительную и отрицательную сторону. Положительная состоит в том, что передвижение капиталов способствует в известной степени техническому переоборудованию отсталых отраслей, подгонка их под уровень более передовых отраслей хозяйства. (Отсталость сельского хозяйства, напр., вызвана именно существованием разнообразных препятствий, мешающих приливу новых капиталов). Но, с другой стороны, прилив капиталов в отсталые отрасли, вызываемый повышенной нормой прибыли, поскольку он ведет не к повышению органического состава уже действующего капитала, а к созданию новых предприятий такого же отсталого типа (зачем улучшать технику, когда прибыли и без того высоки?)—имеет, несомненно, вредные последствия для народного хозяйства в целом. Он способствует росту продукции в наименее производительных отраслях, вместо того, чтобы использовать до предела выгоды производства в технически совершенных отраслях. Не будь капиталистической формы хозяйства, будь это хозяйство «ассоциированных производителей», распределение производительных сил было бы существенно иным. Больше «капиталов» работало бы в наиболее высокоразвитых отраслях, меньше—в отсталых. Разумеется, прилив средств шел бы и тогда в направлении последних. Но он имел бы тогда только одно назначение: техническое переоборудование предприятий, а не просто их приумножение. Эти добавочные средства для переоборудования отсталых отраслей были бы отчасти получены в результате изменения ценностных отношений. При капитализме товары, произведенные в отраслях низкого органического строения, имеют цену производства, которая ниже стоимости. Ликвидация капиталистических отношений ликвидирует и цены производства, и цены товаров этой категории должны были бы повыситься до уровня их стоимости. Это до известной степени компенсировало бы ослабление притока новых капиталов в эти отрасли. Это, конечно, только схема, которая очень далека от многообразия реальных отношений, но она дает представле-

ние об общих тенденциях перераспределения производительных сил.

Во всяком случае ясно одно: капитализм, содействуя одной стороной своих отношений техническому прогрессу и росту производительности труда, другой стороной поощряет **невыгодное** с точки зрения баланса национального труда распределение производительных сил, форсируя сверх нужных пределов продукцию отсталых отраслей, которые—знаменательное совпадение!—в значительной степени являются отраслями, поставляющими предметы потребления господствующих классов. Больше того: именно технический прогресс в условиях капитализма питает отсталость хозяйственных форм во многих отраслях. Чем быстрее растет органический состав капитала в передовых отраслях, чем интенсивнее машина вытесняет живой труд (непосредственно в самих предприятиях, посредственно, путем конкуренции с отсталыми формами мелкого «самостоятельного» производства),—тем гуще становятся ряды резервной рабочей армии, обеспечивающей настолько дешевые рабочие руки, что капиталистам невыгодно заменять их машинами, и они служат базой технической отсталости, являясь вместе с тем притягательной силой для капиталов, ищущих быстрого оборота и высоких прибылей. Несомненно, что такое распределение производительных сил менее всего похоже на осуществление пресловутого закона максимальной выгоды для народно-хозяйственного целого.

Далее. Хотя в каждой стране существует теоретический средний уровень зарплаты и средняя норма эксплоатации $\left(\frac{m}{v}\right)$, обе эти «средние» колеблются в очень широких пределах. Существуют такие области хозяйства, в которых складываются наиболее выгодные условия для каторжной эксплоатации труда. Это преимущественно отрасли, питающиеся неквалифицированной рабочей силой, где больше всего свирепствует конкуренция рабочих рук, выбрасываемых из мелкого производства, из деревни и т. д. Нет нужды распространяться о том, что условия труда здесь хуже, чем где бы то ни было, так что, **несмотря на низкую производительность** (которая могла бы быть повышена при другой организации производства) капиталист получает здесь исключительно высокие прибыли. Но, кроме того, важно отметить здесь следующее. Рабочая сила, поставляемая в эти отрасли, воспитывается в мелком производстве. Капиталист находит ее **готовой** и не должен оплачивать стоимость ее воспроизводства и воспитания. Определенная сумма труда, затраченного на содержание и воспитание этой рабочей силы, вообще не принимает участия в образовании **стоимости**: капиталист ведь интересуется в конце концов не стоимостью товара, а прибылью, а в данном случае он имеет возможность продавать свои товары значительно ниже стоимости и все же с громадной прибылью. Маркс отмечает это же самое явление применительно к условиям мелкого крестьянского производства, находящегося в капиталистическом окружении. Как известно, мелкий крестьянин, который по народническому представлению «не заинтересован» в получении прибыли и ренты в цене своей продукции, на самом деле вынужден продавать ее по таким ценам, которые еле обеспечивают ему существование, т.-е. «зарплату», хотя про-

дукт содержит в себе количество труда, соответствующее доли прибыли и ренты в ценах капиталистически произведенных продуктов. «Это—одна из причин, почему в странах, в которых господствует парцеллярная собственность, цена хлеба ниже, чем в странах капиталистического способа производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, даром предоставляется обществу и не принимает участия в регулировании цен производства и в образовании стоимости вообще. Следовательно, эта сравнительно низкая цена есть результат бедности производителей, но отнюдь не производительности их труда»[1]. Как мы отметили уже, это явление характерно не только для мелких производителей, которые «сами себя представляют» на рынке, но и для тех масс подневольных производителей, которые «представлены» капиталом. Несмотря на то, что последний «интересуется» и прибылью, и рентой, и всеми прочими земными благами, он получает в составе своих прибылей такое количество мяса и крови своих рабов, что может позволить себе «роскошь» сделать скидку с действительной стоимости продукта, вынося его на рынок для продажи. Таким образом, очень внушительная доля национального труда фактически не участвует в обмене, хотя и отчуждается сначала капиталисту-предпринимателю, через посредство купли-продажи рабочей силы, а при посредничестве капиталиста—потребителям, национальным и заграничным, путем купли-продажи произведенного товара. Это есть основная форма подлинно неэквивалентного обмена. С. и Б. Вэбб, анализируя влияние капиталистической свободной торговли на распределение и использование национального труда, могли поэтому с полным правом сказать: «При свободной торговле давление интернациональной дешевизны всегда заставляет нации, участвующие в мировом обороте, специализироваться в таких отраслях промышленности, в которых рабочие могут производить наиболее дешево... Вместо такого мира, в котором каждая страна посвящает себя работе в наиболее подходящей для нее области, при помощи потогонной системы, создается мир, в котором каждая страна делает все, чтобы довести свое население до низшей степени деградации. Поэтому протекционист прав, утверждая, что, при осуществлении необузданной свободы торговли в каждой стране, международная свобода торговли легко привела бы отнюдь не к лучшему, а к самому порочному международному разделению труда»[2].

Очевидно, что на экспорт и импорт оказывают влияние не сумма человеческих усилий и жертв, затрачиваемых в производстве, а попросту издержки производства со стороны капиталиста»[3].

Международный обмен при капиталистическом «представительстве» меньше всего напоминает, таким образом, хваленую гармонию, столь идиллически описанную классической школой. Отнюдь не всегда страны сосредоточивают свои силы в тех отраслях производства, где их труд способен дать наибольший эффект. Наоборот, сплошь и рядом капитализм приводит к уродливым

[1]) Маркс, Капитал, т. III, 2, стр. 343.

[2]) S. and B. Webb, Industrial democracy, Newed. 1902. Appendix. II, стр. 864.

[3]) Там же, стр. 865.

формам международного разделения труда, при котором обе стороны теряют. Достаточно напомнить типы односторонне-индустриальных и односторонне-аграрных стран. Гармония отсутствует не только в области конкретного труда. Ее нет также и в отношении баланса абстрактного труда. Отсутствует эквивалентный обмен (что вовсе не означает, будто эквивалентный обмен есть благо: мы показали, что национальная эксплоатация осуществляется в обеих формах).

Между тем с внешней стороны дело принимает самый невинный вид. Осуществляется ли эксплоатация в эквивалентной или неэквивалентной форме, капитализм имеет для той и другой благовидное прикрытие в виде торгового и платежного баланса, прикрытие настолько надежное, что сплошь и рядом даже проницательные наблюдатели проходят мимо него. Так, в нашей марксистской литературе, несмотря на частое упоминание о неэквивалентном обмене, каждый раз, когда делаются попытки конкретного анализа форм угнетения колониальных стран, не идут дальше сопоставления актива и пассива в платежном балансе. Как правило, колониальные страны больше вывозят, метрополии, наоборот, больше ввозят. (С молодыми колониями и метрополиями дело, чаще всего, обстоит наоборот.) Дань колоний метрополиям изображается, как излишек вывоза из колоний. Но она на самом деле гораздо больше и не поддается уловлению в стоимостных величинах. Тут обязательно привлечь к исследованию физический об'ем экспорта и импорта, расчленить его по группам и видам товаров и установить ценностные эквиваленты. Тогда, несомненно, обнаружится, что даже при равновесии платежного баланса колониальные страны фактически отдают больше, чем получают, ибо они свою продукцию вывозят по более дешевым ценам, чем это соответствует стоимости, а продукты метрополий приобретают по более дорогим ценам. Точнее говоря, дело происходит так: молодая колониальная страна, которая на первых порах импортирует к себе капитал из метрополии (и имеет перевес ввоза над вывозом), переплачивает обычно на импортируемых товарах. Ей иногда предоставляют займы даже по низкому проценту, но заставляют делать закупки в кредитующей стране и назначают при этом, пользуясь монополией продавца, такие цены, которые с лихвой покрывают «уступки» в отношении процентов. Наоборот, старые колониальные страны, которым наступает срок платить по векселю, и которые должны больше вывозить, чем ввозить, уплачивают, помимо этого излишка вывоза, дань в виде чрезмерно низких цен за вывозимые товары. И вынуждает их к этому на сей раз монополия покупателя, который вместе с тем является и кредитором. Надо платить проценты, но так как расплата может быть произведена только товарами, и так как продавец вынужден продать, то ясно, что не он оказывается в наиболее выгодном положении. Кто знаком с историей нашего довоенного торгового баланса и с нашими международными отношениями до революции вообще, для того эти вещи достаточно известны. Напомним лишь, что если даже обмен совершается по эквивалентам, то он все же продолжает быть обменом неравных количеств труда, которые суб'ективно не могут не восприниматься, как тот же не эквивалентный обмен.

Капитализм внутри каждой страны подготовляет почву для интернациональной эксплоатации, которая потом осуществляется, главным образом, при содействии отношений, возникающих из экспорта и импорта капиталов. Капитал превращает производителей собственной страны в своих рабов, и сам превращается в агента господствующего капитализма других стран.

Миграция капиталов не единственная причина, вызывающая неэквивалентный или эксплоататорский обмен. Грабительская торговля существует, как известно, с тех пор, как существует торговля. Но миграция капиталов создает для систематического грабежа наиболее солидную базу, обеспечивает ему, так сказать, постоянное воспроизводство.

С другой стороны, выгоды, достающиеся на долю господствующей страны, т.-е. страны, экспортирующей капитал, не достаются на долю ее народных масс. Было бы слишком значительным уклонением от темы, если бы мы занялись здесь вопросами о перераспределении национального дохода под влиянием империализма и пр. Достаточно только сказать, что страна, экспортирующая капитал, в конце концов попадает на линию государства рантье, со всеми чертами застоя и загнивания, которые гарантируют ей более или менее быстрое «выведение из строя», как это и произошло на наших глазах с Англией. Перераспределение производительных сил страны совершается в сторону, наименее благоприятствующую их подлинному развитию, растет удельный вес непроизводительных элементов общества и т. д. Наступает застой при подавляющем богатстве, а еще Смит заметил, что плата за труд всего выше не в самых богатых странах, а в интенсивно развивающихся.

Под влиянием капиталистической формы международного обмена отсталая страна может быть приведена к такому положению, что с т о и м о с т ь продукта ее годового производства будет уменьшаться, вместо того, чтобы увеличиваться. Это происходит в тех случаях, когда товары, произведенные при более высокой технике, проникая в отсталую страну, разрушают ее собственное производство этих товаров, при чем выброшенные из данной сферы работники не могут найти приложения своей рабочей силы в других сферах. Страна абсолютно б е д н е е т от внешней торговли вместо того, чтобы богатеть, согласно классической теории, усматривавшей во внешней торговле только гармонию интересов. В подобных случаях интернациональная эксплоатация выражается не только в том, что передовая страна обменивает меньшее количество своего труда на большое количество труда другой страны, но и в том, что труд населения передовой страны з а м е н я е т труд отсталой, а в капиталистических условиях освобождение от труда есть вместе с тем освобождение от средств существования.

Анализируя условия международного обмена, мы все время вращались в сфере стоимостных отношений. Но нации потребляют не стоимость товаров, а сами товары, как потребительские блага (или производительные блага, если речь идет о средствах производства). Поэтому исследование форм интернациональной эксплоатации обязательно должно включать в себе вопрос о том, ч т о ввозится в страну и ч т о вывозится из нее, для к о г о ввозятся и у к о г о берутся продукты для вывоза. Если из страны экспор-

тируются, напр., ископаемые богатства или продукты ее почвы, а импортируются такие блага, как алкоголь, кокаин, всевозможные фальсифицированные продукты «цивилизованных» стран, то совершенно независимо от стоимостных отношений страна беднеет от такой торговли. Если страна вывозит продукцию мелких производителей или рабочих, за счет недоедания тех и других, а ввозит предметы потребления господствующих классов по преимуществу (как, напр., в Индии, или до войны в России), то также совершенно очевидно, кто в «стране» получает выгоды от международного обмена. То международное разделение труда, которое под влиянием этих обстоятельств осуществляет капитализм, ничего общего не имеет с распределением производительных сил в мировом хозяйстве, которое должно сложиться «на другой день» после крушения капиталистического строя.

Международный обмен интернационализирует продукты национального труда. Только на мировом рынке они превращаются в товары «sans phrase». Но то же самое происходит с капиталом. Он развертывает все свои «качества» только тогда, когда окончательно освобождается от местной ограниченности, когда он интернационализируется. И движущая сила здесь та же, что и при интернационализации продукта: стремление к абстрактной форме богатства и к ее неограниченному возрастанию. Не останавливаясь здесь на этой обширной теме, мы хотели бы подчеркнуть только следующий момент. С точки зрения классиков, капиталы должны были бы эмигрировать из менее производительных стран в страны более производительные. К этому выводу они приходили неизбежно, поскольку они об'ясняли падение нормы прибыли законом падения последовательных затрат труда и капитала, т.-е. падением производительности труда. С этой точки зрения классики не смогли бы об'яснить всего последующего хода развития капитализма, характеризуемого непрерывным движением капиталов как раз в противоположном направлении—в отсталые страны, в страны мало производительного труда (это, конечно, было не единственное направление, но мы берем вопрос в его грубых штрихах). Правда, Рикардо и др. исходили из представлений о «естественных условиях» производительности, которые как будто уже и не так противоречат фактам. Но мы показали всю недостаточность и неисторичность такой схемы. Одной из громадных заслуг Маркса явилось разрешение этого противоречия. Маркс показал, что именно низкая производительность труда чаще всего идет параллельно с высокой нормой прибыли, и наоборот. Тем самым была вскрыта «тайна движения капитала» в сторону отсталых стран. Передвижение капиталов между сферами производства, а особенно между разными странами обусловлено, однако, не только высокой нормой прибыли, взятой в общем виде (т.-е. как отношение всей прибавочной стоимости к капиталу), но и той пропорцией, в которой прибавочная стоимость распределяется между землевладельцем, представителем ссудного капитала, промышленным капиталистом. Другими словами, движение капиталов определяется не только зарплатой, но и величиной ренты и процента, которые различны в разных местах, а иногда и в разных отраслях хозяйства. Это обстоятельство часто упускается из виду, хотя совершенно очевидно, что та норма прибыли, о которой говорят

обычно, анализируя причины отливов и приливов капитала, есть прежде всего промышленная или, вернее, предпринимательская норма прибыли, которая образует только часть прибавочной стоимости. При одном и том же органическом составе капиталов норма прибыли может, поэтому, быть больше или меньше, в зависимости от того, как изменятся величины процента и ренты (о зараб. плате мы уже говорили), которые, понятно, тоже обусловлены органическим строением общественного капитала, но только в конечном счете, при посредстве целого ряда промежуточных звеньев. Это обстоятельство подчеркивает и Маркс: «Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке, данные и заранее предположенные величины зар. платы, проценты и ренты входят в расчеты, как величины постоянные и регулирующие, постоянные не в том смысле, что они неизменны, а что они в каждом частном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно меняющихся рыночных цен.

На мировом рынке дело идет о том, чтобы при данной зарплате, проценте и ренте продать товар по господствующей цене с прибылью. Если в одной стране зарплата и цена земли низки, процент высок, в другой зарплата и цена земли номинально высоки, а процент низок, то первая страна употребляет больше труда и земли, а вторая — больше капитала» («Капитал», III, II посл. отдел).

Эти многосторонние влияния об'ясняют, почему перемещения капитала совершаются очень часто вовсе не в направлении, предуказанном разницей в органическом составе капиталов разных стран, а в самых разнообразных направлениях. Так, напр., в высокоразвитой промышленной стране органический состав капитала высок, общая норма прибыли низка, но при низком проценте на занятый капитал предпринимательская прибыль может оказаться выше, чем в отсталой стране, и промышленный капитал не будет иметь стимула к перемещению за границу. Наоборот, рента действует в противоположном направлении: она тем выше, чем ниже процент на капитал, и она способствует понижению предпринимательской прибыли в тех странах, где низкий процент обусловливает повышение этой прибыли.

Мистически настроенные умы могли бы во всем этом видеть какую-то предустановленную гармонию. В самом деле! Как иначе могла бы культура распространиться по земному шару, если бы капитал, влекомый к неведомым берегам жаждой накопления, не взял на себя цивилизаторскую миссию. И не может ли вместе с тем явиться опасение, как бы с «преждевременной» ликвидацией капитализма не взяла верх обратная тенденция,—тенденция к автаркии, к «исходу» капиталов из колоний, или, вернее говоря, к прекращению прилива туда новых капиталов и т. д.

Что капитализм выполнил «железом и кровью» определенную миссию и в мировом, и в национальном масштабе—это совершенно бесспорно. Было бы бессмысленно заниматься гаданиями насчет того, как обернулось бы дело без капитала. Но факт тот, что мировой рынок и мировое хозяйство им созданы. Можно ли опасаться того, что с ликвидацией капитализма произойдет распад этого мирового хозяйства? Чудовищная идея! Она звучит так же дико и так же «убедительно», как утверждение о том,

что с концом капитализма наступит гибель современной культуры и техники. Наоборот! Гибель могла бы грозить, если бы существование капитализма затянулось надолго, и он успел бы исчерпать себя во всех отношениях, в том числе и в своей мирохозяйственной миссии. Именно капитализм становится сейчас препятствием на пути индустриализации таких колоссальных стран, как СССР, которую он пытается экономически блокировать, как Китай, куда он вместо капитала шлет сейчас войска и снаряды.

Мировое хозяйство нуждается сейчас в высшем единстве, в единстве более высокого типа, чем мировой рынок, тогда как послевоенный капитализм бессилен даже рынок организовать на сколько-нибудь сносных началах. Мы уже не говорим о том, что пронизывающие капиталистическую систему противоречия сказались и в тех методах, при помощи которых он установил мировое разделение труда, которое в нынешнем своем виде меньше всего отвечает рационалистическому использованию рабочей силы человечества. Ликвидация капитализма не может ликвидировать мирохозяйственное единство, не может прекратить подлинную культурную миссию передовых стран, по той простой причине, что существование последних совершенно немыслимо вне теснейшей смычки с отсталыми странами, помощи им в деле хозяйственной и технической реорганизации. То, что капитализм начал, гоняясь за прибылью, то докончит социалистическая революция путем сознательно направленных усилий, ликвидируя вместе с категорией капитала все формы эксплоататорского обмена и обмана, постепенно ликвидируя и самый интернациональный обмен в его нынешней форме. Пожалуй, до образования мировой средней нормы прибыли и цены производства дело и не дойдет. Эти категории так и останутся недоделанными.

———

Проблемы с.-х. экономии в связи с теорией земельной ренты.

(К критике тов. Я. Берзтыса).

А. Сивогривов.

Можно сказать, что «Аграрным вопросом» Каутского и некоторыми работами Ленина исчерпывается марксистская литература о земельной ренте. Работы самого Маркса в этой области доступны лишь узкому кругу читателей, и поэтому вполне понятно, что появившаяся книга тов. Я. Берзтыса вызвала живейший интерес у нашей вузовской и исследовательской молодежи. Эта книга широко используется в вузах. Но не всегда и не все сумеют отнестись к ней критически: во-первых, известно, что она принадлежит автору-марксисту, во-вторых, много ли найдется таких студентов, которые самостоятельно справятся с теоретическими ошибками и неясностями, которые имеют место в книге т. Берзтыса. На этих последних мы и предполагаем остановиться в нашей статье.

Ради ясной постановки теоретических проблем, прежде всего, необходимо напомнить, что Маркс своими теоретическими исследованиями выбил почву из-под ног не только у вульгарной экономии, но и освободил от противоречий классическую экономию, которые привели лучших ее представителей (Рикардо) в тупик, оставив неразрешенными кардинальнейшие проблемы теоретической экономии.

Через призму диалектики Маркс подверг глубочайшему анализу проблемы теоретической экономии, исследовал структуру капиталистического общества и на место «вечных» категорий и «естественных» законов, созданных буржуазными учеными, — установил общественные законы. В этом принципиальное отличие марксизма от всех прочих доктрин.

Рента, как и стоимость или зарплата, по Марксу, есть выражение общественных отношений, а не естественных законов. «Рента создается общественными отношениями, при которых происходит обработка земли. Она не может вытекать из более или менее прочной и постоянной природы земли. Творцом ренты является общество, а не почва» [1]).

Тов. Берзтыс непоследовательно проводит этот, установленный Марксом, принцип.

---

[1]) Маркс, Нищета философии, стр. 132.

«Естественное стремление американского фермера,—пишет тов. Берзтыс,—механизировать труд по обработке земли, по собиранию урожая, вытеснить дорогую рабочую силу машинами, наживать капитал на эксплоатации и расхищении даровых естественных сил земли... Процесс германского сельского хозяйства не мог базироваться на эксплоатации первоначальных даровых сил почвы... На экстенсивной стадии этот процесс умеряется наличием богатства даровых сил почвы» и т. д. и т. п.[1]).

Эта трактовка тов. Берзтысом теоретических проблем сельскохозяйственной экономии мало что имеет общего с марксизмом. Речь идет, конечно, не о терминологии, а о существе вопроса. Апелляция автора к «даровым силам» природы, «естественным законам» в земледелии в анализе этапов капитализма в сельском хозяйстве ярко напоминает методологический прием Булгакова в известной его книге: «Капитализм и земледелие».

«То, что являлось свободным подарком природы,—пишет Булгаков,—теперь должно быть сделано человеком... Искусственные процессы все больше становятся на место естественных. Но если в индустрии в этом выражается победа человека над природой, то в земледелии это указывает на растущую трудность существования, для которого природа сокращает свои дары»[2]).

Подобное утверждение нужно было Булгакову для доказательства существования в земледелии «закона падающей производительности последующих затрат».

К этому же выводу приходит и т. Берзтыс. Он говорит: «Естественные производительные силы почвы мало-по-малу иссякают, урожайность падает, производители становятся перед выбором: или опускаться постепенно в нищету, или же спасти свою хозяйственную самостоятельность путем перехода к новым формам хозяйства»[3]).

Неужели неизвестно тов. Берзтысу, что борьба идет не только между обществом и природой, но и внутри самого общества, между классами, и что именно класс производителей—батрак, полупролетарий-бедняк и вообще мелкий ремесленник-крестьянин, в результате даже радикальнейшей реформы в земледелии в смысле рационализации почвы, при капитализме ничего не получают, кроме закабаления и более повышенной эксплоатации[4]).

Конечно, и Маркс неоднократно рассматривает естественные производительные силы, как «даровой» элемент общественного производства. Однако трактовка Маркса принципиально отличается от берзтысовской. Вот что пишет Маркс по этому вопросу: «Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами существования... плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественные богатства средствами труда... действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. На низких ступенях культуры—первый род, на высоких ступенях—второй род имеют решающее значение... Чем меньше число есте-

[1]) Я. Берзтыс, Теория земельной ренты, стр. 11, 15. Курсив наш. *А. С.*
[2]) «Капитализм и земледелие», изд. 1900 г. Цитируем по Ленину, т. IX.
[3]) См. стр. 63.
[4]) Ср. Маркс, т. I, стр. 719, 723.

ственных потребностей, которое абсолютно необходимо удовлетворить, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочего времени, необходимого для поддержания и воспроизводства жизни производителя» (т. I, стр. 495).

В другом месте, в отделе ренты Маркс пишет: «К естественным законам земледелия относится то обстоятельство, что при известной высоте культуры и соответствующем его истощении почвы капитал... становится решающим элементом земледелия, и хотя плодородие является об'ективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно предполагает известное отношение к данному уровню развития земледельческой химии, механики и изменяющейся с этим уровнем развития» (т. III, ч. 2, стр. 191, 216).

Так представлял себе Маркс значение естественных производительных сил природы. В одном случае он рассматривает их как условие производства, облегчающее или затрудняющее борьбу человека с природой. В другом—признавая плодородие об'ективным свойством почвы, Маркс прямо говорит, что, с развитием агрономической химии, механики и пр., капитал играет решающую роль в восстановлении плодородия, естественное же «истощение» почвы отодвигается на задний план.

Вот что писал в этой связи Ленин против ревизии Булгакова: «Очевидно, г-ну Булгакову не дают спать лавры г.г. Струве и Тугана-Барановского, додумавшихся до того, что не человек работает при помощи машины, а машина при помощи человека... Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок—это глупая побасенка, за которую Булгакова могут освистать даже начинающие студенты... Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность (слушайте, тов. Берзтыс!) получения пищи для рабочего увеличилась потому, что капиталистическое развитие вздуло земельную ренту, об'яснить эту трудность существования рабочих тем, что природа сокращает свои дары, значит становиться буржуазным апологетом» [1]). Обойдя Маркса и Ленина, тов. Берзтыс в этом вопросе, как видим, встал на «теоретические высоты» Булгакова.

С другой стороны, логикой вещей тов. Берзтыс должен прийти к признанию тождественности факторов—труда, земли и капитала в сельском хозяйстве и к неправильному толкованию основных проблем сельскохозяйственной экономии—интенсивности и экстенсивности. Вся классическая литература буржуазной сельскохозяйственной экономии (Тэер, Тюнен, Гольц, а из новейшей—Бринкман и др., из русских ученых—Людоговский, Скворцов и т. д., «организационно-производственная школа»—Чаянов, Макаров и проч.) не различают труд, землю и капитал в исследовании развития земледелия и его производственных типов. Это обстоятельство предопределяет и дальнейшие выводы буржуазных и мелкобуржуазных ученых. Игнорируя диалектический метод, они бессильны разрешить стоящие перед ними теоретические проблемы с.-х. экономии. Процесс сельскохозяйственного производства протекает сложнее промышленного производства, благодаря наличию класса землевладельцев и

[1]) Ленин, т. IX, стр. 56.

большей доли участия в производственном процессе естественной силы природы, выступающей здесь в качестве основного средства производства (земля), двигающей силы (водопад), инсоляции растением солнечных лучей и т. д.

Процесс производства и возникающие отсюда производственные отношения в сельском хозяйстве буржуазные экономисты пытаются представить упрощенно, в свете «знаменитой триады»: труд, земля и капитал, рассматриваемые ими как идентичные понятия.

Смешение экономических категорий с техническими понятиями (труд, земля и капитал)—методологически неверный и теоретически глубоко-ошибочный прием. Оно покоится на ложном толковании буржуазной сельскохозяйственной экономией законов общественного производства в сельском хозяйстве: закономерность вещных отношений для них скрывает производственные отношения и экономические категории выступают здесь вечными. Живой труд, активно воздействующий на производственные процессы, и вместе с тем создающий новую стоимость, отождествляется с мертвым, застывшим трудом, воплощенным в средствах производства, который, вместе с тем, выступает в качестве капитала, т.-е. определенной общественной категории. Различные социально-экономические типы сваливаются в одну кучу, и не понятно, где и когда средства производства в сельском хозяйстве выступают как капитал.

Как обстоит здесь дело у т. Берзтыса? В рассуждениях об экстенсивном хозяйстве автор приходит к удивительным выводам:

«*Экстенсивным хозяйством называется такое хозяйство, которое зиждется на хищнической эксплоатации даровых производительных сил* (даровые силы не дают покоя т. Берзтысу) *и на методах увеличения производительности земледельческого труда путем введения сберегающих рабочую силу машин*» (курсив автора. *А. С.*) [1].

Не всякий способен так немного сказать и так много напутать! Это определение экстенсивности хозяйства т. Берзтыса неправильно.

Маркс, вслед за ним Ленин, различали экстенсивное и интенсивное хозяйство затратами капитала на единицу площади, что мы попытаемся показать несколько ниже. Иного мнения у марксистов на этот счет быть не может. Встав на ошибочную точку зрения, т. Берзтыс дает неверное определение экстенсивности хозяйства и продолжает дальше множить свои ошибки, местами впадая в очевидные противоречия [2].

«Экстенсивное сельское хозяйство,—продолжает наш автор,—поставлено в определенные рамки времени и пространства, суживающиеся по мере истощения естественных производительных сил почвы и иссякания запасов земли» [3]...

И дальше:

«Исторически экстенсивное сельское хозяйство предшествует интенсивному, и развитие капитализма в земледелии проходит через этот этап во всяком случае... В этом особенности земле-

[1] Стр. 13.
[2] Ср. также стр. 5 и 17.
[3] Стр. 15.

делия» [1]). Бесспорно, что интенсивному хозяйству, исторически предшествует экстенсивное, скажем, плодосменной системе предшествует переложно-зерновая, переложно-зерновой — пастбищная и т. д.

Но следует ли отсюда, что процесс интенсификации совершается тогда и постольку, когда и поскольку «даровые силы» природы «расхищаются», почва «иссякает», а человечество стоит перед альтернативой: или впасть в нищету, нужду, варварство, или, прибегая к новым формам эксплоатации почвы, устранить надвигающуюся «общественную катастрофу» и вместе с тем поднять и расширить материальный базис народного хозяйства. Неужели в этом своеобразие сельского хозяйства, т. Берзтыс?

Во-первых, выводы т. Берзтыса неверны по той простой причине, что прогресс сельского хозяйства (эволюция и революция в технике земледелия) совершается под непосредственным давлением экономических факторов, под стремительным напором проникающего в сельское хозяйство капитала, при непрерывно расширяющейся дифференциации труда и обособления земледелия в особую отрасль производства.

Во-вторых, чем ближе и теснее соприкосновение рынка с сельским хозяйством, тем глубже и непосредственнее влияние его на всю природу земледелия, на производственный тип и систему, отрасль и отдельную культуру. Независимо от того, завершилась ли фаза эволюции экстенсивной системы, как результат «иссякания почвы» и утраты «даровых сил» природы, врывающийся в сельское хозяйство капитализм ломает и реформирует земледелие применительно к слагающимся общественным отношениям и потребностям; вследствие этого бывают и такие случаи, когда в процессе эволюции сельского хозяйства совершается переход от интенсивных к экстенсивным системам хозяйства, экономически более рациональным (т. Берзтыс отождествляет интенсивное сельское хозяйство с рациональным). Например, в северо-западной Германии исторически шел обратный процесс: пастбище вытесняло пашню, то же имело место в Англии — при огораживании, когда на смену зерновому земледелию пришло пастбищно-овцеводное. Таких примеров можно привести не мало [2]).

Ошибка автора кроется в том, что он экстенсивную форму земледелия трактует как естественную категорию, «абсолютную» форму во времени и пространстве, обусловленную закономерностью «минимума» биохимической среды почвы.

---

[1]) Стр. 17.

[2]) См. Маркс, Капитал, т. I, стр. 718, 719, 723. Подобное уничтожение мелкой земельной собственности наблюдается и в Шотландии и др. государствах. Этим мы хотим сказать, что: 1) революция в земледелии совершается под действием общественных факторов, 2) при известной конъюнктуре возможен переход от интенсивных систем хозяйства к экстенсивным, 3) совершившийся переход к новым формам земледелия вместо благосостояния повлек за собой голод, нищету класса производителей. Удивительное дело. Тов. Берзтыс пространно говорит о накоплении капитала и влиянии его на сельское хозяйство, о прогрессе техники, воздействии рынка на хозяйство, цитирует Маркса — и все это не мешает ему утверждать неверные положения, делать неправильные выводы.

И совершенно не случайно тов. Берзтыс соглашается с проф. Кажановым в проблеме локализации (штандарта) сельского хозяйства. А Кажанов не только последовательный ученик Скворцова (впрочем, в отличие от своего учителя, он признает закон падающей производительности), но он, кроме того, развил тонкую философию биологической конструкции животного и растительного организма, где—стройно и даже с некоторым блеском,—бесконечно цитируя Маркса, пытается доказать неразрушимость биологической клетки. Отсюда он перебрасывает мост к штандарту сельского хозяйства. Локализующими сельское хозяйство факторами у него оказываются естественно-исторические или географические условия. Вместе с тем и проблема падающей производительности последовательных затрат получает у Кажанова как бы теоретический фундамент.

Для подкрепления своих положений Берзтыс цитирует Кажанова, где он развивает следующую мысль: «Если теоретически мыслимо обеспечить голландской корове даже искусственное дыхание для ее ослабленных легких, то, во всяком случае, изменить легочный обмен веществ в организме каким-либо механическим способом не придумает никакая пылкая фантазия... Дальше мы наталкиваемся на проблему искусственного синтеза крахмала, белков и вообще органических веществ и дальше в этом же духе» [1]).

Как видите, проф. Кажанов хватается за легкие голландской коровы и вопрошает: если вы компенсируете естественное дыхание искусственным, то все же не сумеете обеспечить легочный обмен веществ животного; неразрешенной остается также проблема синтеза крахмала, белка и пр.,—и все эти аргументы направлены в сторону доказательства закона падающей производительности.

Тов. Берзтыс приемлет позицию проф. Кажанова, как увидим ниже, не без основания.

В понятие интенсивности системы хозяйства тов. Берзтыс внес не меньше путаницы, чем в понятие экстенсивности.

«Интенсивным сельским хозяйством,—пишет он,—мы называем хозяйство, которое развивает производительность земледельческого труда преимущественно восстановлением и увеличением естественных производительных сил почвы, путем организации производства на научных рациональных началах» (курсив автора. *А. С.*).

Дает ли автор в этом витиеватом определении интенсивности ясное представление об этой экономической категории? На это мы должны ответить отрицательно.

Проблема интенсивности и экстенсивности сельского хозяйства принадлежит к важнейшим теоретическим проблемам сельскохозяйственной экономии. Это в свое время подчеркнуто было и т. Лениным.

В последнее время вокруг этих понятий разгорелись горячие споры как на страницах нашей печати, так и на диспутах. И надо прямо сказать, что буржуазные ученые в понимании проблем

---

[1]) Кажанов, Основные положения сельскохозяйственной экономии, стр. 21.

интенсивности стоят ближе к истине, чем тов. Берзтыс. Прежде всего интенсивность и рациональность сельского хозяйства не идентичные понятия, что подмечено даже буржуазными учеными.

Еще тридцать с лишним лет тому назад проф. Скворцов писал: «Рациональность» часто смешивают с «интенсивностью»... Когда немецкие и русские авторы... впервые познакомились с английским хозяйством, которое давно уже стояло на высокой ступени интенсивности и тем бросалось в глаза всякому наблюдателю, они не выяснили себе, почему английское хозяйство процветает... и ошибочно полагали, что английское хозяйство потому и рационально, что ведется интенсивно» [1]).

То же самое пишет современный буржуазный экономист-эклектик Бринкман: «Нельзя... отождествлять понятия интенсивности и рациональности. Рациональным, т.-е. дающим наивысший доход (nachkaltigen Gewinn), может быть хозяйство любого уровня интенсивности» [2]).

Таким образом, тов. Берзтыс декларирует свои открытия в области сельскохозяйственной экономии с небольшим опозданием, лет, этак, на 35—40; еще тогда они были подвергнуты надлежащей критике со стороны буржуазных ученых. В свете своих определений тов. Берзтыс ошибочно рассматривает эволюцию сельского хозяйства С.-А. С. Ш., как не «рационального» хозяйства, а эволюцию немецкого сельского хозяйства, как «рационального»; но и этого мало.

О какой, собственно, рациональности в сельском хозяйстве ведет речь т. Берзтыс—«технической» или «экономической»? Или для него вообще не существует разграничения между ними? Повидимому, нет! В противном случае он не стал бы противопоставлять систему экстенсивного хозяйства интенсивной, как «нерациональную» систему хозяйства «рациональной». Другого содержания в экстенсивную и интенсивную системы хозяйства автор не способен вложить, поскольку он исходит от весьма упрощенной посылки в анализе этих проблем. Экстенсивное хозяйство покоится на «расхищении даровых сил» природы, а интенсивное, наоборот, на «рациональной» организации труда, искусственном восстановлении «иссякшей» почвы. Тов. Берзтыс преподносит (сознательно или бессознательно) «теорию компенсации Либиха, развившуюся в дальнейшем в теорию статики». Эта теория утверждает примерно следующее: ограниченное количество питательных веществ почвы должно находиться в постоянном равновесии, нарушаемом непрерывным процессом жатвы, истощающей почву. Проблема прогресса сельского хозяйства требует «эквивалентной» компенсации питательных элементов, взятых из почвы, или восстановления равновесия биохимической среды почвы, иначе на известной ступени своего развития человечество станет перед фактом глубочайшего кризиса, который наступит тем скорее, чем быстрее будет размножаться население («мальтузианство наизнанку»). И в основу классификации систем хозяйства Либих кладет свой принцип: хозяйства, расхищающие даровые силы природы, квалифицируются нецелесооб-

---

[1]) Скворцов, Основы экономики земледелия, стр. 44.

[2]) Бринкман, Экономические основы организации с.-х. предприятий, стр. 4, перевод Солдатова.

разными и нерациональными, в отличие от них рациональными будут хозяйства, структура которых зиждется на поддержании равновесия питательных веществ в почве. Теория сельскохозяйственной экономии и практика организации сельского хозяйства имели «теорию компенсации и теорию статики».

Этот суб'ективно-психологический подход, несмотря на то, что он опирается на законы естествознания, не имеет ничего общего с реальными фактами эволюции сельского хозяйства.

Теория Берзтыса в этой части, таким образом, пытается вернуть нас к середине XIX столетия, к учению Либиха, концепция которого в то же время была развита несравненно-стройнее, глубже и оригинальнее, чем это сделал Я. Берзтыс теперь.

И тем не менее идеи Либиха и его школы отвергнуты в наше время. При ближайшем рассмотрении связи «хищнической» и «рациональной» системы хозяйства с динамикой сельского хозяйства, надо указать, что прогресс сельского хозяйства определяется развитием производительных сил общества. С этой стороны координация средств производства с отраслями сельского хозяйства, как момент «рационализации» земледельческого производства, есть в сущности определенный способ добывания продуктов земледелия и животноводства, олицетворяющийся в той или иной системе сельского хозяйства.

При данном уровне техники и определенной системе сельского хозяйства затраты капитала регулируются равной нормой прибыли, т.-е. тем феноменом, наличие которого, с одной стороны, служит постоянной гарантией нормального воспроизводства капитала, с другой—стимулирующим началом к повторению производства тем же техническим способом.

Может ли итти речь о «хищнической системе хозяйства», если утилизация почвы, без искусственного поддержания ее питательных элементов, позволяет предпринимателю-фермеру реализовать урожай с полной выгодой для него? Нет. Тем более, если смотреть с точки зрения товарно-капиталистического производства при наличии частной собственности на землю—этого постоянного препятствия на пути [1]) интенсификации и рационализации сельского хозяйства.

Но процесс интенсификации, т.-е. переход к наиболее совершенным техническим способам производства—от одной системы

---

[1]) Этим мы отнюдь не хотим сказать, что капиталистическое производство в сельском хозяйстве вообще не прогрессивно. Наоборот, капиталистический способ производства революционизирует технику земледелия и широко использовывает данные агрономической науки. «Один из великих результатов капиталистического способа производства заключается в том, что он превращает земледелие из чисто эмпирических и механических наследуемых методов наименее развитой части общества в сознательное применение агрономии. Но в то же время земельная собственность—одна из величайших помех рациональному землевладению, потому что фермер избегает всяких улучшений, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока аренды» (Маркс, т. III, ч. 2, стр. 157, 160). Проблема технической рационализации земледелия при капиталистическом способе производства ограничивается условиями самого производства и распределения. С другой стороны, искусственное восстановление плодородия почвы происходит не только ради пополнения взятых из почвы питательных веществ. Здесь главным образом необходимо иметь в виду процесс концентрации капитала вообще, с целью извлечения наибольшей прибыли. Этого многие не понимают.

к другой, скажем, от трехпольной зерновой к животноводческой зерновой—при известных условиях совсем не обязателен.

Если переложно-залежная система хозяйства (экстенсивная система) естественным путем восстанавливает плодородие почвы, то не лишним ли будет искусственное восстановление плодородия и поддержание равновесия питательных элементов почвы? и насколько подобное мероприятие будет рентабельно? Со стороны естественных законов почвы эти меры восстановления плодородия абсурдны, экономически не рентабельны. «Хищническое хозяйство в экономическом смысле мы имеем лишь в том случае, когда безвозвратно затрачиваются вещества из того запаса питательных веществ почвы, которые необходимы для получения соответствующих условиям максимального урожая (средней прибыли, надо сказать. *А. С.*), но размер этого запаса на каждой ступени развития различен» [1]).

Допустим даже такой случай, когда залежи пущены в обработку, и переложная система земледелия уступает место трехпольной. Существуют ли в этом случае элементы хищничества почвы, раз плодородие восстанавливается простым паром, хотя и в недостаточном количестве, но экономически приносит надлежащий эффект, т.-е. соответствующую прибыль? Очевидно, нет. Вложенный капитал в данную систему хозяйства в большем количестве, чем это требуется (в средствах производства или живом труде), есть не рациональная затрата—и со стороны предпринимателя, и со стороны капиталистического общества. Это было бы не что иное, как расхищение полезных ценностей. Это подтверждается и фактами: громадные количества чилийской селитры, вывозимой из Южной Америки, фосфорно-кислые удобрения, вывозимые из Алжира и Флориды, в Среднюю и Западную Европу, суть факты, которые говорят обратное тому, что утверждает тов. Берзтыс.

Структура хозяйства, приносящая наивысшую прибыль при капиталистическом производстве, экономически рациональна, независимо от принадлежности к системе. Ничем не оправдывается и такое утверждение т. Берзтыса, будто только в интенсивном хозяйстве возможна реализация научных методов в организации хозяйства.

С другой стороны, если итти вслед за автором, то придется признать, что чересполосное трехполье, вносящее на десятину навоза 400 пудов вместо полагаемых 2.400, с сошной обработкой, напр., хозяйство крестьянина Рязанской губернии, не только интенсивное, но и рациональное. Более того, оно окажется «рациональнее», чем, скажем, хозяйство американского фермера Северо-Восточных Соединенных Штатов—ведь оно же экстенсивное: с тракторной зяблевой вспашкой, с применением рядовой сеялки, косилки-сноповязки, паровой молотилки и пр. Да, фермерское хозяйство окажется менее рациональным, чем крестьянское хозяйство в Рязанской губернии, если следовать за тов. Безртысом.

До сих пор мы пытались осветить сущность экономической рациональности системы хозяйства в связи с интенсификацией

---

[1]) Aereboe, Beiträge zur Wirtschaftslehre des Landbaues, стр. 33.

сельского хозяйства. Здесь необходимо в двух словах остановиться на технической рациональности хозяйства.

Интенсивное хозяйство должно быть «технически» более рациональным, чем экстенсивное, так как зоны интенсивных систем хозяйства, концентрируясь обычно вокруг емких рынков, находятся не только в более «благоприятном» рыночном положении по сбыту продукции, но и в более «выгодном» положении по приобретению средств производства (отсутствие транспортных издержек). Но главнейшим, интенсифицирующим систему хозяйства фактором, в частности впитывание с.-х. техники,—является, конечно, не только рынок, а главным образом развитие производительных сил общества. И обратно, экстенсивные системы хозяйств, расположенные в менее «выгодном» рыночном положении, лишены побудительных причин к интенсификации, и то, что технически рационально первым, нерационально вторым. Другими словами, техническая рационализация интенсивных систем хозяйства соответствует их экономической эффективности. В условиях же экстенсивного хозяйства на данной ступени развития сельского хозяйства техническая рационализация вступает в противоречия с экономической рационализацией, уступая место последней.

Поэтому было бы грубейшей ошибкой считать экстенсивное хозяйство нерациональным вообще. Тов. Берзтыс допускает двойную ошибку: не различая технической и экономической рациональности хозяйства, он безапелляционно квалифицирует экстенсивную систему хозяйства не «рациональной» и систему интенсивного хозяйства «рациональной».

Ко всему сказанному следует заметить, что понятия «интенсивности» и «экстенсивности» весьма относительны: при капиталистическом способе производства теоретически можно допустить, это не будет противоречить и историческим фактам, обратное движение (в известных пределах) от интенсивного к экстенсивному, не говоря уже о перемещении центра интенсивных систем в экстенсивные зоны и прогрессирующих их развития (постройка порта, железных дорог, проведение каналов и т. д.). Займемся теперь анализом понятия интенсивности и в данной связи ограничимся лишь общей принципиальной постановкой вопроса.

Маркс подходит к проблеме интенсивности следующим образом:

«В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал: главными агентами производства являются труд и земля... При овцеводстве и вообще скотоводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплоатируется более или менее сообща, при чем эксплоатация с самого начала носит экстенсивный характер... Новый способ производства представляет контраст крестьянскому именно по размеру земельной площади, обрабатываемой за счет капиталиста, т.-е. опять-таки по экстенсивной затрате капитала на земельной площади большего протяжения»[1]). Следовательно, при относительно больших затратах труда и меньших капиталах на единицу площади хозяйство будет экстенсивным.

---

[1]) Маркс, т. III, ч. 2, стр. 215—216.

«В экономическом смысле,—пишет дальше Маркс, определяя интенсивность,—под интенсивной культурой мы разумеем не что иное, как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения ее между земельными участками, находящимися один возле другого»... [1]). Под интенсивностью, таким образом, надо понимать концентрацию капитала на единицу земельной площади. Чем больше капитала вложено в данную площадь земли, тем интенсивнее система сельского хозяйства. Так понимал интенсивность и тов. Ленин [2]).

Вот что он пишет: «В интенсивных штатах больше долларов приходится на 1 акр обрабатываемой земли (447 : 36=12 долларов на 1 акр), чем в экстенсивных (1552 : 164=9 долларов). В единицу земельной площади вкладываются большие капиталы в форме скота. И общий оборот торговли кормами... несравненно выше по расчету на единицу площади в интенсивных штатах (26+84=110 мл. долларов на 36 мл. акр.), чем в экстенсивных штатах (174+76=250 мл. долларов на 164 мл. акр.)» [3]).

Итак, под интенсивностью следует понимать капиталонапряженность земли, характеризующуюся концентрацией капитала на единицу площади, т.-е. конденсацию, «плотность» капитала на единицу земельной площади. Так ставят проблему Маркс и Ленин. Процесс концентрации капитала на одну и ту же площадь земли идет в различных формах и видах, например, в виде приобретения новых с.-х. машин, минеральных удобрений, увеличения капиталовложений в продуктивное животноводство, дренаж и т. д., и т. п.

Во всех этих случаях процесс интенсификации сельского хозяйства стоит в непосредственной связи с концентрацией капитала на единицу земельной площади. Границей концентрации капитала являются производительные силы общества (техника), с развитием коих раздвигаются постоянно рамки для новых и вполне рациональных затрат капитала на единицу площади. Дальнейшие соображения лежат за пределами этой статьи.

Однако чрезвычайно важно в связи с этим знать, каким образом практически можно измерить интенсивность системы сельского хозяйства.

«Сумма затрат капитала на единицу площади определенного участка земли единственно правильно может быть представлена (в капиталистическом хозяйстве) при определении интенсивности лишь в форме постоянного и переменного капитала и интенсивность, таким образом, может быть выражена дробью:

$$i = \frac{к}{Н} = \frac{c + v}{Н}$$ [4])

---

[1]) Там же, стр. 214.

[2]) Не всякое интенсивное хозяйство является рациональным. Лучшим примером этого служат хозяйства крестьян во многих губерниях Советской России, в которых единица труда оплачивается слишком скудно и крестьянину (бедняку) с большим трудом удается покрывать издержки своего производства.

[3]) Собр. сочин., т. IX, стр. 218.

[4]) i—уровень интенсивности данной системы хозяйства;

к—сумма затрат капитала на единицу определенного участка земли, которая во второй части уравнения представлена в форме постоянного капитала (с) и переменного (v);

Н—подвергнутая обработке площадь земли.

в зависимости от высокого или низкого органического строения капитала интенсивность будет высокого органического строения или низкого органического строения»[1]).

К сказанному необходимо добавить следующее: поскольку в основании органического строения капитала лежит его технический состав[2]), постольку могут быть случаи, когда высокий капитал по стоимости (отношение $\frac{v}{c}$) может на самом деле быть низкого строения, например, благодаря повышению цены элементов постоянного капитала. Итак, в анализе этапов капитализма в земледелии и теоретических проблем с.-х. экономии тов. Берзтыс, потеряв руль диалектического метода, по сути дела оказался жертвой буржуазной и ревизионистской экономии. Благодаря этому динамика сельского хозяйства, проблема интенсивности и само понятие «рациональности» хозяйства в связи с понятием интенсивности и экстенсивности представлены в ложном свете.

II.

В учебниках и в специальных теоретических исследованиях о земельной ренте, рента на низких ее ступенях обычно игнорируется. По традиции, следуя, так сказать, доброму примеру, тов. Берзтыс опустил эту часть проблемы в своем «целом» курсе— теории ренты. Такое невнимание к этому вопросу мы считаем значительным пробелом нашей экономической литературы. Маркс подверг основательному анализу докапиталистические формы землевладения и, таким образом, исследовал ренту в ее генетической связи и причинной зависимости. При таком методологическом приеме Маркс шире развернул и глубже исчерпал проблему ренты. В этом еще одна из коренных заслуг Маркса, которая также ставит его на неизмеримую высоту по сравнению с Рикардо.

Переходя к капиталистической земельной ренте, прежде всего следует отметить следующее: известно, что дифференциальная рента имеет своим источником добавочную прибыль, получающуюся на лучших участках земли (лучших или по плодородию, или по положению). Эта добавочная прибыль, улавливаемая землевладельцем в силу монополии частной земельной собственности, превращается в ренту.

Тов. Берзтыс только вскользь касается проблемы добавочной прибыли и законов ее движения. Однако, лишь после того, как проблема добавочной прибыли вскрыта, а значит вскрыты и причины, ее вызывающие, дальнейший анализ земельной ренты сравнительно легче поддается изучению. Трудность исследования земельной ренты лежит в этой части, о чем Маркс неоднократно говорит.

---

[1]) См. нашу рецензию в «Большевике», № 18 за 1926 г.

[2]) «... В техническом отношении (капиталы. *А. С.*) составлены одинаково... могут тем не менее оказаться составленными различно вследствие того, что постоянные капиталы имеют различную стоимость... Капитал сравнительно низкого органического состава вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей может произвести такое впечатление, как будто он поднялся на одну ступень с капиталом более высокого органического строения капитала» (Маркс, т. III, ч. 2, стр. 301—302). Маркс придавал громадное значение взаимоотношению капитала по стоимости с его техническим составом. Особо кардинальное значение имеет это разграничение в применении органического состава к измерению интенсивности.

«При анализе ренты вся трудность заключается в том, чтобы об'яснить излишек земледельческой прибыли над средней прибылью, об'яснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой среде производства избыточную прибавочную стоимость... опять-таки не «чистый продукт», а излишек этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей промышленности» [1]). Конечно, в статье мы лишены возможности подробно остановиться на этом; это может быть предметом специального исследования по теории ренты.

Итак, мы переходим сейчас к конкретному рассмотрению дифференциальной ренты и к той трактовке ее, с которой мы встречаемся у т. Берзтыса. Ошибочными положениями и выводами тов. Берзтыса мы сейчас и займемся.

Трактовку проблемы добавочной прибыли тов. Берзтыса, не касаясь общей методологии, о чем речь ниже, и превращения ее в дифференциальную ренту 1-ю в общем надо признать удовлетворительной.

Однако и здесь есть неясности и противоречия.

«Итак, ограниченность земли,—пишет т. Берзтыс,— или, что то же, монополия на землю, как об'ект хозяйства,—вот причина, порождающая дополнительную прибыль в земледелии на основе различий в месторасположении и плодородии отдельных участков земли, как ее естественном базисе» [2]) (курсив автора. *А. С.*).

И несколько дальше:

«Дополнительная прибыль на лучших сортах земли... вытекает из равенства цен, созданного конкуренцией. Она воздается уравнением различных цен в одну общую рыночную цену, но отнюдь не различным плодородием почвы» [3]).

И на следующей странице читаем:

«Дополнительная прибыль в земледелии представляет собой разницу между ценой производства на худшем сорте земли... и индивидуальной ценой производства на лучшем».

Спрашивается, какой же вывод остается в силе: первый и третий или второй? Ответа на этот вопрос мы у т. Берзтыса не найдем. Несомненно, что среднее из 3-х определений исключает собой первое и третье. Правильно ли подобное противопоставление: добавочная прибыль вытекает из уравнения различных цен в общую рыночную цену и отнюдь не из различного плодородия почвы? Нет! Это значит «из-за деревьев не видеть леса».

Что такое добавочная прибыль?—Это разность между индивидуальной ценой производства и общественной ценой производства. Откуда вытекает обособившаяся форма прибавочной стоимости—добавочная прибыль?—Из равенства цен или из общей рыночной цены, по которой реализуются продукты земледелия при различных издержках производства.

Что лежит в основе различных издержек? Индивидуальные затраты капитала в лучших или худших усло-

---

1) Маркс, т. III, ч. 2, стр. 319.
2) См. стр. 54.
3) См. стр. 60—61.

виях (по плодородию почвы или по положению участков).

Добавочная прибыль вытекает из равной (общей) цены производства при различных индивидуальных издержках на различных по плодородию или положению участках земли, при чем индивидуальные издержки производства приносят добавочную прибыль лишь потому, что конкуренция, выравнивая рыночные цены в общую цену производства, позволяет реализовать произведенные в наилучших условиях продукты земледелия по общей цене производства.

«Это большая для индивидуального случая производительная сила прилагаемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и... цену производства» [1]).

Само собою понятно, что закон стоимости прямо или в модифицированном виде регулирует обмен товаров. И, следовательно, обмен продуктов земледелия по ценам производства определяется отнюдь не различием плодородия почв. Буржуазный закон конкуренции, устанавливая равную цену на продукты земледелия, обособляет добавочную прибыль на основе различных издержек производства при монополии на землю, как об'ект хозяйства.

Именно в этом смысле Маркс говорит, что рыночная стоимость продуктов земледелия на базисе капиталистического производства «порождает обманчивую социальную стоимость», которая всегда превышает общую цену производства. Другими словами, различное плодородие почвы нисколько не определяет рыночную стоимость продуктов земледелия, при обмене на другие продукты.

То обстоятельство, что рыночная стоимость продуктов земледелия устанавливается выше цены производства, есть результат общественных отношений, покоящихся на базисе капиталистического способа производства и распределения. Мы меньше всего, в противовес т. Берэтысу, склонны утверждать, что качественное различие или положение участков земли определяет рыночную стоимость, значит и цену производства и добавочную прибыль. Вместе с тем мы считаем ошибочным противопоставление плодородия отдельных участков земли и общей цены производства, усматривая в этом параллельно-действующие причины, из коих—первая будто не имеет отношения к добавочной прибыли.

Это значит ломиться в открытую дверь. Ведь из этого противопоставления, только не плодородия, а индивидуальной цены производства, олицетворяющей это плодородие, и общей цены производства, вытекает добавочная прибыль.

Таким образом, закон буржуазной конкуренции позволяет наиболее производительному труду, вытекающему из исключительного плодородия или положения отдельных участков земли, в своих продуктах реализовать кроме средней прибыли еще и сверхприбыль.

---

[1]) Маркс, т. III, ч. 2, стр. 182.

Из нижеследующей таблицы видно, что конкуренция искажает истинный смысл вещей и положительные явления выступают отрицательными.

Сорта земли	Авансированн. капитал	Прод. в пудах	Рыночн. цена производств. 1 пуда	Прод. выраженный в цене	Действительная цена производства 1 пуда	Действительная средняя цена производства 1 п.	Действительная цена производства всего продук.
А	50	50	1,25	62,50	1,25	0.71,5	62,50
В	50	75	1,25	93,75	0,83		62,50
С	50	100	1,25	125,00	0,62		62,50
Д	50	125	1,25	156,25	0,60		62,50
	200	350	1,25	437,50	—	0.71,5	250,00

Однако отрицательные экономические явления, на основе капиталистического способа производства, носят закономерный характер, и, следовательно, в общественном сознании воспринимаются, как нормальные, естественные факты.

Из таблицы видно, что действительная цена производства 350 пуд., скажем, ржи, равняется 250 рубл. и, следовательно, действительно средняя цена производства 1 пуда ржи—71,5 коп.

При капиталистическом способе производства в земледелии рыночная стоимость 350 пудов ржи=437 рубл. 25 коп., по цене 1 р. 25 к. за пуд.

Таким образом, общество переплачивает на 350 пуд. 183 р. 50 к. и на каждый пуд 53,5 коп. или 74,8%. «Общество, рассматриваемое, как потребитель, переплачивает за земельные продукты... то, что составляет минус реализации его рабочего времени в земледельческом продукте, составляет теперь плюс для одной части общества, для земельных собственников»[1]).

Вместе с тем таблица показывает, как на базисе капиталистического способа производства в земледелии и рыночной конкуренции порождается ложное общественное представление о рыночной стоимости продукта: фигурирует стоимость в 437 рубл. 25 коп. вместо 250 рубл. «Конкуренция порождает обманчивую социальную стоимость» (Маркс).

Превышение рыночной стоимости над общей ценой производства и есть добавочная прибыль, которая в форме дифференциальной ренты улавливается землевладельцем.

Итак, мы пришли к прежнему положению: добавочная прибыль, значит и дифференциальная рента 1-я (в данном случае) вытекает из равной общей цены производства при различных индивидуальных издержках производства, благодаря различию в плодородии или положении участков земли.

«Этот излишек рыночной ценности для всего продукта (особого) класса над индивидуальной ценностью его продукта, излишек, обусловленный относительно большим плодородием

[1]) Маркс, т. III, ч. 2, стр. 201.

земли..., образует дифференциальную ренту, так как цена производства для капитала не изменилась» [1]).

Как видно, Маркс не противопоставляет плодородия земли общей цене производства с тем, чтобы вывести дифференциальную ренту I-ю. При капиталистическом способе производства в земледелии базисом дифференциальной ренты 1-й служит различное плодородие и различное положение отдельных участков земли, но рента вытекает не из «неразрушимой силы почвы» (Рикардо), а из цены производства, установленной конкуренцией.

Повидимому, ради ясного, четкого и наиболее глубокого исследования дифференциальной ренты I и II т. Берзтыс привлек почвы Самарской губ. Исходя из классификации почв Самарской губ. (по Челинцеву и Бушинскому) и других особенностей именно этой губернии, наш автор «воздвиг» теорию дифференциальной ренты.

Капиталы на лучших сортах земли,—пишет тов. Берзтыс,—будут реализовать при продаже своего продукта помимо издержек производства и средней прибыли еще и дополнительную прибыль. Проследим это на примере Самарской губ.

...Для выведения ренты мы возьмем одну десятину пашни из супесчаного чернозема западной части губернии (I), вторую—из лесных суглинок северной части губернии (II), третью—из суглинистого чернозема (III) и червертую с тучным черноземом (IV).

...Эти 30 рублей будут представлять затраты капитала на рабочую силу и средства производства, необходимые для возделывания пшеницы на одной десятине земли... нормы прибыли для удобства... вычисления берем 20% [2]) и т. д. и т. п.

После этого автор дает место таблицам, при помощи которых он рассматривает дифференциальную ренту I и II, взаимоотношения между рентой I и II, порядок, в котором поступают под обработку различные участки земли—переход от лучших к худшим землям и обратно, образование дифференциальной ренты: 1) при постоянной, 2) при понижающейся и 3) при повышающейся цене производства на продукты земледелия... Короче, законы земельной ренты исследованы автором на пример Самарской губернии.

Признаться, надо обладать «особой силой воли» и «мужеством», прежде чем взяться за построение «теории земельной ренты» на примере Самарской губернии. Может быть, с точки зрения тов. Берзтыса примененная им в анализе земельной ренты методология квалифицируется весьма и весьма оригинальной; но поверьте, т. Берзтыс, ваша методология не выдерживает марксистской критики. Не ясно ли т. Берзтысу, что земельная рента, как историческая и классовая категория, при таком «оригинальном» методе изучения смазана! Смазана по той простой причине, что в основе исследования ренты лежит «упрощенная конкретизация». В известных пределах «упрощение» и «конкретизация» вещи прекрасные. Но когда упрощение исторического понятия граничит с вульгаризацией его, то подобному исследованию грош цена.

---

[1]) Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 31.
[2]) См. стр. 56—90.

В самом деле, получает ли у Берзтыса свою социальную сущность земельная рента, характеризующая капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и вместе с тем олицетворяющая собою паразитизм класса землевладельцев? Отражает ли земельная рента у Берзтыса классовый антагонизм и постоянное обострение классовых противоречий? Нет. Рента у Берзтыса вытекает чуть ли не из «природы земли»[1]). Мы отнюдь не думаем, что автор склонен признать земельную ренту функцией естественных законов почвы, но методология автора при исследовании ренты заставляет читателя сделать только последнее заключение, в чем мы еще не раз убедимся. Совершенно тщетны доходящие до курьеза попытки представить ренту по Марксу, раз анализ ренты ограничен масштабом Самарской губернии. Например, на стр. 60 в таблице, построенной на самарских почвах, автор выводит дифференциальную ренту I и на стр. 61 цитирует Маркса: «рента есть результат общественных отношений... своим происхождением она обязана не земле, а обществу». Маркс под обществом подразумевает производственные отношения при капиталистическом способе производства в земледелии, а Берзтыс «самарские почвы», самое большее «общественные отношения» в Самарской губернии. Хочет этого или не хочет т. Берзтыс, но иного логического вывода быть не может. Буржуазные и мелкобуржуазные ученые впадают в грубейшую ошибку, смешивая земельную ренту—плод капиталистического способа производства—с формами ее на более низких ступенях общественного развития. Тов. Берзтыс, анализируя земельную ренту в условиях хотя бы Самарской губ., вероятно, «отвлекся» от крестьянского хозяйства (забыл, что общество создает ренту, а не почва) и вывел законы капиталистической земельной ренты. Но если бы даже автор учел и это последнее обстоятельство—условия крестьянского хозяйства, то все равно невозможно вывести общих законов земельной ренты и для крестьянского хозяйства в целом, не говоря о ренте капиталистической.

Конечно, в качестве иллюстрации теоретических положений не только нужно, а просто необходимо привлекать отдельные страны, части стран (области, губернии, штаты). Но опять-таки не произвольные (поскольку речь идет о конкретных примерах) страны, а те, которые в истории развития капитализма в сельском хозяйстве являются типичными. Не надо забывать, что эти примеры служат не больше как характеристикой общей тенденции движущегося в земледелии капитала и развития земельной ренты.

Не кто другой, как Маркс, богато иллюстрирует историческими фактами развитие и модификацию законов земельной ренты. Так он говорит о штате Мичиган, почва которого была сравнительно скуднее других западных штатов, и тем не менее он один (Мичиган) из первых стал вывозить хлеб, благодаря каналу Эри, соединяющему его с штатом Нью-Йорк,—этот пример должен показать случай перехода (в противовес Рикардо) от лучших к худшим почвам. Больше всего Маркс ссылается на Англию, где земельная рента представляла в то время класси-

---

[1]) Рикардо выводил ренту из неразрушимых первоначальных сил почвы. Однако до такого «упрощения» проблемы земельной ренты он никогда не спускался.

ческий образец классовой борьбы (хлебные законы и пр.) и развития постоянно нарастающего противоречия между классами.

Маркс великолепно знал естественно-исторические и экономические условия Англии (классической страны развития капитализма в сельском хозяйстве), не хуже знал историю капитализма в других странах, и, как видно, не счел возможным положить в основу исследования земельной ренты почвы Англии, а ограничился только ссылками на эту страну. Около трех десятков таблиц Маркса-Энгельса, которыми они иллюстрируют движение ренты, взяты ими чисто абстрактно. Берзтыс не счел нужным воспользоваться методом учителей. Он предпринял «невероятные» методологические попытки в анализе проблемы ренты и, как следовало ожидать, потерпел полнейшее фиаско.

Но этот методологический подход к анализу земельной ренты находит свое полное оправдание в преподносимой автором «теории земельной ренты». В начале нашей статьи было уже отмечено сходство в толковании отдельных теоретических вопросов между Берзтысом, с одной стороны, Булгаковым, проф. Кажановым и др.—с другой.

Об'ясняется это просто тем, что тов. Берзтыс слишком «пристрастен» к «даровым силам природы», «естественным законам земледелия» и не видит реальной силы законов общества.

Итак, в толковании теории земельной ренты—кардинальнейшей проблеме, где марксисты имеют свою определенную точку зрения,—тов. Берзтыс стал на позиции противников Маркса.

Послушаем трактовку Берзтыса дифференциальной ренты II [1]).

«Предположим, что все улучшения нашли на десятине II, III и IV, в результате чего затраты капиталов на них увеличились на половину, т.-е. на 15 рублей, что вместе со средней прибылью составит 18 рубл.

В результате дополнительной затраты 15 руб. урожайность десятины II увеличилась на 20 пудов, десятины III—на 25 и десятины IV—32 пуд. производительность дополнительной затраты оказывается н и ж е первоначальной. Дополнительный капитал будет производить добавочный сбор пшеницы:

на десятине	II	за	(18 р. : 20)	90	коп.
»	III	»	(18 » : 25)	72	»
»	IV	»	(18 » : 32)	56,25	»

Итак, добавочная продукция вся покрывается добавочным спросом со стороны возросшего городского населения, и рыночная цена попрежнему будет—1 р. за 1 п. Следовательно, при продаже каждого дополнительного произведенного пуда пшеницы будет выручаться добавочная прибыль над издержками производства и средней прибылью на дополнительный капитал:

на десятине	II	в размере	(1 р.—90 к.) . .	10	коп.
»	III	»	(1 »—72 ») . .	28	»
»	IV	»	(1 »—56,25 ») . .	43,75	»

[1]) Мы просим читателя не сетовать за столь длинную выдержку из книги т. Берзтыса. Обычно автор, отвечая критике, обвиняет ее в недобросовестности, выхватывании цитат и т. п. Мы обвиняем т. Берзтыса в грубейшей ошибке—«в признании закона падающей производительности», от которого он отпирается. Здесь, в цитате, дается законченная мысль автора. Подобные воспроизведенной таблице см. стр. 77—83.

Со всего добавочного сбора излишек будет составлять:

на десятине II (10 к. × 20) . . . . . . 2 руб.
» III (28 » × 25) . . . . . . 7 »
» IV (43,75 » × 32) . . . . . . 14 »

Сведем все итоги в одну таблицу. Из таблицы I получим таблицу II.

Сорта земли	Сбор в пудах		Цена производства в рублях		Цена производст. пуд. в коп.		Дополнительная прибыль в коп.		Дополн. прибыль или рента с дес. в рублях	
	Первонач.	Дополнит.	Первонач.	Дополнит.	Первонач.	Дополнит.	Первонач.	Дополнит.	Первон. I	Доколн. II
Десят. I . .	36	—	36	—	100	—	—	—	—	—
» II . .	45	+20	36	+18	80	90	20	10	9	2
» III . .	60	+25	36	+18	60	72	40	28	24	7
» IV . .	72	+32	36	+18	50	56,25	50	43,75	36	14
	—	—	—	—	—	—	—	—	69	+23

Как видно, производительность добавочных капиталов менее производительности первоначальных капиталов на одной и той же десятине. Добавочный капитал на дес. II приносит 20 п. пшеницы, в то время как на равновеликую часть капитала приходится 25,5 п. Добавочный капитал в 15 р. на дес. III производит 25 п., в то время как первоначально 30 п., на дес. II соответствующие цифры: 32 и 36.

Те даровые силы природы, которые раньше принимали участие в производстве пшеницы, не требуя никаких издержек, теперь при производстве дополнительного продукта или совсем не участвуют или участвуют в более слабой степени. Поэтому их приходится заменять человеческим трудом, который входит в качестве нового элемента в капитал (подчеркнуто нами. *А. С.*). Итак, при последовательных добавочных затратах капитала на одну и ту же земельную площадь влияние естественного плодородия земли ослабевает; иными словами, естественное плодородие почвы убывает (курсив автора. *А. С.*)[1].

Вот перед вами плоды ложной методологии, принятой Берзтысом в исследовании ренты, фундаментом которой служит закон падающей производительности, вытекающий из «даровых сил природы». Этот доминирующий фактор в глазах автора и обусловливает динамику капитала в сельском хозяйстве.

Тов. Берзтыс конструирует теорию земельной ренты под гипнозом «даровых сил природы». И неудивительно, что ложный

[1]) Стр. 164—167.

методологический подход в анализе земельной ренты привел автора к двум грубейшим теоретическим ошибкам: 1) он утверждает, что труд замещает силы природы, и 2), выставив это положение, автор неизбежно приходит к признанию «закона падающей производительности» последующих затрат.

Так неумолимо и безжалостно логика вещей принудила автора, помимо его воли, принять антимарксистские позиции. Чтобы убедиться в этом, послушаем еще раз Булгакова:

«То, что являлось свободным подарком природы, теперь должно быть сделано человеком... В этом замещении сил природы человеческим трудом, естественных факторов производства—искусственными и заключается закон убывающего плодородия почвы»[1]).

А вот пишет Берзтыс: «Те даровые силы природы, которые раньше принимали участие, не требуя никаких издержек... теперь участвуют в слабой степени... их приходится замещать человеческим трудом, который удорожает производство дополнительного продукта. Иными словами, естественное плодородие почвы убывает»[2]).

Если снять фамилии, то (читатель согласится с нами) трудно сказать, где говорит Булгаков, а где т. Берзтыс.

Ленин отвечал Булгакову:

«Заменить силы природы человеческим трудом, вообще говоря, так же невозможно, как нельзя заменить аршин пудами! И в индустрии, и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если только он познал их действие, и облегчать себе это пользование посредством машин». Вся классическая буржуазная политическая экономия до и после Рикардо, классическая буржуазная сельскохозяйственная экономия со времен Тэера, Тюнена, включая всех современных немецких и русских ученых, совсем не находила различия между трудом, землей и капиталом—этими не идентичными понятиями[3]).

И все эти буржуазные ученые, за редким исключением, исповедуют концепцию падающей производительности последующих затрат.

Здесь нет ничего удивительного. В их глазах труд выступает не как активная, созидающая новую стоимость сила, а как сила, тождественная с силой природы или с капиталом. Они трактуют эти три фактора, как простую комбинацию, одинаково в промышленности и сельском хозяйстве. Процесс производства товаров, совершающийся ради производства прибыли, где все элементы производства в одинаковой степени участвуют в создании стоимостей, стоят в одинаковой зависимости между собой; для них этот процесс представляет собой, так сказать, «равнодействующую силу». Этот, скользящий по поверхности экономических явлений, взгляд буржуазных ученых оказался бессильным проникнуть в сокровенные тайны буржуазного производства, оказался не способным понять социальную природу человеческого труда.

[1]) Капитализм в земледелии, стр. 16.

[2]) См. стр. 67.

[3]) О вульгарной и ревизионистской политической экономии не приходится и говорить.

Динамика сельскохозяйственного производства для этих ученых разрешается под углом зрения падающей производительности последующих затрат, раз земля, труд и капитал не различаются между собой. Труд и капитал, приложенные к доселе не возделанной почве, ограничиваются на первых порах простой утилизацией даровых сил природы. Если комбинированные труд и капитал функционируют пропорционально друг другу, то при неиссякших силах почвы производство становится «оптимальным», «гармоническим».

Но по мере того, как «даровые силы природы—питательные элементы почвы — уменьшаются, нарушается структура оптимального равновесия, «гармоничность» земледелия, как неизбежное следствие этого процесса, и искусственные агенты труда выступают на место естественных, удорожая продукты земледелия; иными словами, плодородие почвы убывает. В итоге, концепция дифференциальной ренты получает теоретический фундамент—закон падающей производительности.

Эти плоские соображения ученых всех мастей и являются теоретическим источником закона падающей производительности, который в свою очередь кладется в основу теории дифференциальной ренты.

Отправной пункт и логическая цепь рассуждений по вопросам земельной ренты т. Берзтыса взяты в только что изображенном нами ошибочном направлении; они и привели его к признанию пресловутого «закона».

Можно спросить, неужели т. Берзтыс не видит своей ошибки? Нет, он ее видит, пытается ее «смягчить», но это ему не удается [1]).

«Носит ли убывающая производительность добавочных затрат,—так вопрошает Берзтыс,—абсолютный характер или только относительный характер? Какой характер носит убывающее влияние естественного плодородия?—И тут же отвечает: «...Понижающая производительность добавочных затрат капитала, или, что то же, убывающее естественное плодородие почвы носит не абсолютный, а относительный характер» (курсив автора. *А. С.*).

Это ли не шедевр! Удивительная логика! Автор «хитроумным» маневром пытается спасти свое неловкое положение, маскируясь «относительным признанием падающей производительности». Но не все ли равно, что в лоб, что по лбу!

Однако здесь встают два вопроса: 1) где проходит «демаркационная линия между «абсолютной» и «относительной» падающей производительностью, т.-е. как мыслит себе автор эти понятия теоретически? и 2) может ли автор указать хотя бы ни одного представителя из числа признающих законы падающей производительности, который бы утверждал, что этот закон применяется им в абсолютном смысле?

---

[1]) Окончательно из'ять свою ошибку автор не может. Это значит «исправить» всю книгу.

Мы пока подождем ответа т. Берзтыса... Здесь же в двух словах отметим, что теоретическая постановка проблемы у автора абсурдна! Обладает ли т. Берзтыс определенным критерием, с помощью которого он мог бы провести различие между такими абстрактными понятиями, как: 1) абсолютная падающая производительность последующих затрат? и 2) относительная падающая производительность последующих затрат?—Ни один еще предприниматель кирпичного завода не додумался до подобных методов измерения производства кирпичей, количество коих в производстве по-сезонно изменяется.

С другой стороны, все буржуазные ученые и ревизионисты признают «закон падающей производительности», как относительно-постоянно действующую силу—в чем легко можно убедиться.

«Если бы капитал мог беспредельно прилагаться без уменьшения выручки к старой земле, то не могло бы вовсе быть роста ренты, потому что рента неизменно происходит от вложения добавочного капитала при соответственном уменьшении выручки» [1].

Рикардо ни звука не обронил об абсолютном падении производительности, однако это нисколько не препятствует выводам относительно дифференциальной ренты, возникающей из этого закона».

«Принимая этот закон,—пишет Булгаков,—мы вовсе не утверждаем непрерывного увеличения трудности производства продукта или не отрицаем сельскохозяйственного прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы итти против очевидности. Несомненно, что трудность эта растет непрерывно, развитие движется зигзагами. Агрономические открытия, технические усовершенствования превращают бесплодные земли в плодородные, временно упраздняют тенденцию, отмеченную в законе убывающего плодородия» [2].

Как видите, т. Берзтыс, Булгаков торжественно признает прогресс земледелия: применение агрономии, технические усовершенствования (о чем и т. Берзтыс очень и очень много говорит), что совсем не мешает ему стоять на точке зрения «закона падающей производительности».

Тов. Ленин разоблачил истинный смысл положений Булгакова.

«Не правда ли, как глубокомысленно? Технический прогресс—временная тенденция, и закон убывающего плодородия... имеет универсальное значение»... выходит, что остановки поездов на станциях представляют из себя универсальный закон парового транспорта, а движение поездов между станциями—временная тенденция» [3].

Итак, «относительный закон падающей производительности» не приемлем, потому что принципиальное положение, лежащее в основе этого понятия, ничего общего не имеет с марксизмом! Одна-

---

[1]) Рикардо, Принципы политической экономии, перевод Чернышева стр. 116.

[2]) «Капитализм и земледелие», изд. 1900 г., стр. 16.

[3]) Ленин, том IX, стр. 57.

ко, автор пошел еще дальше по линии «смягчения» допущенной им ошибки. Признав «закон», он посвящает целую главу, опровергающую его существование. Атаку на закон падающей производительности т. Берзтыс ведет вооруженный цифрами.

Но какой толк в самом деле имеют подобные махинации, если, несколькими страницами дальше, автор заявляет:

«Постоянное улучшение в господствующем способе производства вызывает последовательные добавочные затраты капитала с понижающейся производительностью... из которых возникает дифференциальная рента II» [1]), и на следующей странице жирным шрифтом в концентрированной формулировке преподносит: «дифференциальная рента вообще — это разница между регулирующей и индивидуальной ценой производства, создаваемая монополией на землю, как об'ект хозяйства, на основе естественного понижения плодородия различных участков земли» (курсив автора». *А. С.*) [2]).

«Гони природу в дверь, она врывается в окно». Тов. Берзтыс целиком стоит на точке зрения закона падающей производительности; через призму этого «пресловутого закона» он и рассматривает этапы капитализма в сельском хозяйстве и дифференциальную ренту I и II.

«Дифференциальная рента,—пишет Каутский,—проистекает из избытка, из сверхприбыли, доставляемой трудом более производительным на лучшей земле, или при лучшем местоположении» [3]).

«Цену производства земледельческого продукта определяют условия производства не на средних, а на худших землях... Разницу между индивидуальной ценой производства и высшей ценой производства и составляет дифференциальная рента» [4]).

Таким образом, и в общей трактовке вопросов земельной ренты и в своих выводах и Каутский, и т. Ленин ни одного звука не обронили в пользу признания хотя бы «относительного» закона падающей производительности.

Итак, дифференциальная рента есть разность между индивидуальной ценой производства и общей, устанавливаемой на рынке ценой производства, в результате более производительного применения труда на отдельных участках земли при капиталистическом способе производства.

Принятая же т. Берзтысом точка зрения в трактовке дифференциальной ренты в силу логики должна привести его к двум основным выводам: 1) к извращению принципиальных идей, вложенных Марксом в дифференциальную ренту, II и 2) к включению в марксово учение о ренте «относительного закона» падающей производительности. И действительно, в исследовании взаимозависимости между дифференциальной рентой I и II, а также в главе, посвященной сходству и различию ренты I и II, т. Берзтыс обнаружил полнейшую несостоятельность своей собственной «доктрины» и исказил Маркса.

[1]) Берзтыс. стр. 89.
[2]) Там же, стр. 91.
[3]) Каутский, Аграрный вопрос, стр. 56.
[4]) Ленин, том IX, стр. 508.

Рассмотреть подобающим образом все ошибки, совершенные автором в трактовке ренты I и II, не представляется возможным в нашей статье. Здесь же ограничимся самыми необходимыми замечаниями.

На протяжении двух десятков страниц автор доказывает развитие дифференциальной ренты I и превращение ее в ренту II, а также и обратное превращение ренты II в I. Превращение ренты I в ренту II происходит в результате переворотов в способе производства в земледелии. И, таким образом, рента I, служа основой ренты II, с каждым новым переворотом в технике земледелия (как, напр., при введении машин, улучшении севооборота, наиболее глубокой вспашке, применении искусственных удобрений и т. д.) претерпевает существенные изменения, и рента II каждый раз оседает на новом базисе. Изменяющимся базисом является при этом капитал, который при данном уровне техники является минимальным.

Если при данном уровне техники минимальный капитал на единицу обрабатываемой земельной площади будет 50 при регулирующей цене производства 2, то при более высоко-развитой технике минимальный капитал на ту же единицу земельной площади будет составлять уже 75 при регулирующей цене производства $1^1/_2$. Как видно, минимальный капитал с изменением способа производства возрастает, одновременно меняется основание для дифференциальной ренты II, раз принято положение, что дифференциальная рента I служит основанием ренты II и что капитал в 50 или 70 прилагается к различным участкам земли в восходящем ли порядке от А к В, С, Д или в нисходящем от С к Д, В...

Во всех этих случаях образование дифференциальной ренты I будет происходить при различном минимальном капитале, и образование дифференциальной ренты II будет происходить каждый раз на новой основе—дифференциальной ренты I.

Собственно, эта несколько измененная мысль Маркса совершенно справедлива.

Тов. Берзтыс, восприняв идею Маркса, извратил ее, и в таком виде применил ее к анализу взаимозависимости дифференциальной ренты I и II.

Принципиальная идея Маркса, лежащая в основе дифференциальной ренты II, состоит в опровержении закона падающей производительности затрат при возрастающей концентрации капитала на единицу обрабатываемой земельной площади и возрастающей норме ренты с акра, а значит и увеличения суммы рент.

Маркс противопоставил Рикардо анализ дифференциальной ренты, в котором показал всю несостоятельность его теории. Рикардо утверждал: что 1) рост населения и увеличивающийся спрос на продукты более худших земель (или с наименьшей производительностью) заставляет вкладывать капитал в одну и ту же земельную площадь и в этом он видел единственный нормальный случай образования дифференциальной ренты; 2) что рента возрастает или падает в соответствии с возрастанием и падением цены земледельческих продуктов, и 3) если рента возросла, это свидетельствует о переходе к обработке наихудших земель.

Маркс блестяще показал действительные законы образования дифференциальной ренты, соглашаясь с Рикардо в том отношении, что возрастание цен на продукты земледелия влечет за собой повышение дифференциальной ренты; он, таким образом установил, что: 1) закон убывающей производительности не стоит ни в каком отношении с образованием дифференциальной ренты II; 2) ошибка Рикардо заключается именно в том, что он за дифференциальной рентой II не видит ренту I, изолирует при анализе ренту II от ренты I; 3) порядок обработки земель совершается не только путем перехода от лучших земель к худшим, но и обратно; 4) падение цен на продукты земледелия совсем не понижает ренты, а повышает ее.

Доказав это, Маркс похоронил «закон» падающей производительности.

Здесь надо сказать более. Маркс рассматривал следующие случаи: 1) при постоянной цене производства—случай постоянной, падающей и возрастающей производительности; 2) при понижающейся цене производства—постоянную, падающую и возрастающую производительность и 3) при повышающейся цене производства—постоянную, падающую и возрастающую производительность, и показал их равнозначимость. Другими словами, все эти случаи он рассматривал как равно допустимые случаи.

Занимаясь рентой I и II, Берзтыс опирается на авторитет Маркса. Трудно сказать, какими соображениями руководствуется т. Берзтыс, когда он те же идеи преподносит по-иному. Что это просто непонимание Маркса или «дополнение» и «углубление»? Факт тот, что Берзтыс говорит не от Маркса, в чем нетрудно убедиться.

«Оба вида дополнительной прибыли об'единяют то обстоятельство, что образование их совершается по одному и тому же закону. Как тот, так и другой вид ренты на стадии товарного производства возникает с железной необходимостью в силу естественной монополии на землю, как об'ект хозяйства. Как тот, так и другой вид ренты возникает при одном и том же условии: при относительном понижении производительности отдельных затрат капитала или, что то же самое, при относительном понижении естественного плодородия почвы» (курсив автора. *А. С.*).

Эту пилюлю Берзтыс преподносит в конце анализа—в выводе о сходстве и различии между дифференциальной рентой I и II.

Так, так, т. Берзтыс, рента возникает с железной необходимостью из закона падающей производительности!

Неужели неизвестны вам работы Ленина, в которых он, зло издеваясь над Булгаковым, уничтожил этого ревизиониста?

Однако Берзтыс пишет дальше:

«Спрашивается, в чем выражаются те различия, которые заставили Маркса подразделить дифференциальную ренту на две формы? Различия начинаются с вопроса о том, какие причины обусловливают относительное понижение производительности отдельных затрат капитала или относительное понижение естественного плодородия почвы. Относительное понижение плодородия почвы в одном случае обусловливается такими чисто-естественными явлениями, как неравномерное распределение даровых природных благ (это называется по Мар-

ксу? *А. С.*) между отдельными участками земли... В другом случае относительное падение плодородия почвы обусловливается причиной чисто-общественного характера, как неравномерное распределение капитала (это тоже по Марксу? *А. С.*) в земледелии».

В этом духе автор продолжает и дальше развивать мысль «относительного закона» [1]).

Прежде всего, никто не поверит тов. Берзтысу, когда это он приписывает Марксу: это клевета на Маркса [2]). Правда, Маркс говорил о падающей производительности, но это имело у него совсем другой смысл. В самом деле:

«Вместе с тем отпадает та первая ложная предпосылка дифференциальной ренты, которая остается еще господствующей у Эста, Мальтуса, Рикардо и заключается в том, что будто бы дифференциальная рента непременно предполагает переход к землям все худшего, худшего качества или постоянное убывающее плодородие земли... Она может образоваться в том случае, если низкую ступень занимает более хорошая земля вместо прежней худшей; она может образоваться в связи с возрастающим прогрессом земледелия. Условием ее возникновения является лишь (слушайте, т. Берзтыс!) неодинаковость сортов земли» (подчеркнуто нами. *А. С.*) [3]).

Спрашивается, есть ли у Маркса в этой до прозрачности ясной, глубоко содержательной и исчерпывающей характеристике дифференциальной ренты, хотя один атом соображений в пользу закона падающей производительности?

Наоборот, Маркс первый подметил и на анализе проблемы дифференциальной ренты доказал несостоятельность доктрины Рикардо и др., которые прибегают к «закону падающей производительности» для об'яснения земельной ренты.

Таким образом, тов. Берзтыс не понял ренты и не понял принципиального отличия концепции Маркса от концепции Рикардо; теория земельной ренты Маркса осталась для него «тайной за семью печатями».

Весь корень ошибок Берзтыса лежит в той методологии, которой он пользовался в конструировании «теории земельной ренты».

Мы совсем не касаемся, считая это второстепенным, вопроса экстенсивности, связанной с рентой I-й и интенсивности, связанной с рентой II.

Эту «теорию» автор ~~перенял или~~ у Рикардо, или у Людоговского, и не свел концы с концами.

На этом мы кончаем с дифференциальной рентой. Абсолютная рента и рента в советских условиях, где Берзтыс во многом не прав, требуют специального рассмотрения.

---

[1]) Стр. 90—91.

[2]) Но под выводами Берзтыса с удовольствием подпишутся антимарксисты. В прошлом году на пленуме Совета Научно-Исследов. Институтов с.-х. экономии в закрытом заседании был сделан доклад И. Н. Жирковича и продолженный на следующий раз П. П. Масловым на тему: «Экономическое учение Маркса и закон падающей производительности». Так вот они-то приложили всю энергию, способности и знание, чтобы доказать, что Маркс признает этот закон.

[3]) Т. III, ч. 2, стр. 143.

В заключение приводим новейшие данные буржуазного профессора, Е. Лаура, опровергающие «законы падающей производительности».

«Приведенные соображения делают ясным, что данные сельского хозяйства не только не подтверждают действия этого закона, но указывают на существование таких закономерностей, действующих в противоположном направлении. Данные сельскохозяйственного счетоводства, охватывающие несколько тысяч хозяйств и сгруппированные швейцарским секретариатом по степени интенсивности, указывают на существование одной и той же закономерности, правильно повторяющейся из года в год, как это видно из следующих средних цифр за время с 1906 г. по 1913 г.:

Интенсивность	Очень низкая	Низкая	Средняя	Высокая	Очень высокая
Число бюджетов.	131	559	709	602	183
Затраты на гектар	291,65	334,64	418,23	496,32	591,83
Валовой доход.	309,50	430,68	563,99	697,35	881,08
Чистый доход на гектар . . .	17,82	96,04	145,76	201,03	289,25
Чистый доход в процентах .	0,78	2,82	3,42	4,18	5,39
Валовой доход на каждые 100 м. затрат.	106	129	135	141	149

С возрастанием интенсивности хозяйства увеличивается и производительный эффект затрат. Учение об организации сельскохозяйственного предприятия должно поэтому отклонить выводы, сделанные из этого закона политической экономии. Это учение никоим образом не оспаривает действия этого закона при известных условиях. Но даже в областях интенсивного сельского хозяйства условия сельскохозяйственного производства допускают весьма часто и дальнейшую интенсификацию без повышения стоимости производства на единицу продукта» [1]). Так говорит архибуржуазный ученый.

Выдуманные вычисления привели Берзтыса к признанию «закона падающей производительности».

Реальные факты, взятые из области научных опытов, опровергают их.

---

[1]) E. Laur, Wirtschaftslehre des Landbaues, стр. 81.

Литературоведение и марксизм.

(Заметки публициста).

Валерьян Полянский.

Буржуазная мысль, вытесненная у нас пролетарской революцией из экономических, исторических и философских наук, упорно держится в области литературоведения. Временами она переходит от обороны к нападению. Марксисты-коммунисты, работающие в научной области и занятые всякими государственными делами, не в состоянии сосредоточить своего внимания и энергии целиком и исключительно на научных вопросах. Чуждая и враждебная марксизму мысль, наоборот, прочно об'единяется в некоторых научно-исследовательских учреждениях, напряженно и упорно работает над целым рядом проблем литературоведения, общих и частных.

По «постановлению ученого совета» Госуд. Акад. Худож. Наук в Москве и по «распоряжению отдела словесных искусств» Госуд. Инст. Истор. Искусств в Ленинграде публикуется ряд работ, которые по своей сущности являются серьезным вызовом марксизму. Буржуазная мысль, работая над узко-специальными вопросами, например, о границах литературоведения, о сущности романа, о происхождении и значении поэтического образа, метафоры и т. п., строит новый фундамент современного литературоведения,—фундамент, который в будущем марксизму придется разбивать и перестраивать. Литературоведение, как наука, окончательно еще не сложилось. Оформление началось за последние годы. Марксизм в этом процессе должен принять самое энергичное участие.

Госуд. Акад. Худож. Наук выпускает журнал «Искусство», в котором, как ни странно, мирно и даже идиллически, наряду с марксистскими статьями уживаются статьи заостренно-антимарксистские. Печатаются они, конечно, с одобрения ученого совета, но без всяких примечаний редакции, без всяких ответов и протестов марксистов—членов академии, как будто академия ноев ковчег, а журнал складочное место. Или марксисты стали не чутки к этому? Или у них нет достаточно энергии бороться с враждебным направлением мысли? Или на идеологическом фронте наступил мир? Или мы не заметили, как марксистские мечи за последние годы перекованы на плуги, и они мирно ведут свои борозды наравне с сохой полумарксистской, либерально-социологической, формалистской и даже, позвольте так выразиться, безликой мысли?

Основной и общий вопрос, который сейчас стоит в центре внимания, это вопрос: что такое литературоведение и где его границы? На этом вопросе мы и остановимся. В том или другом виде он затрагивается литературоведами всех направлений.

Был момент, когда внутри марксистов дебатировался вопрос: литературоведение—наука или нет? После некоторых сравнительно недолгих споров и колебаний решили, что наука. В этом как будто сходятся все теперь—и марксисты и просто социологи и формалисты. П. Н. Сакулин, как всегда, мобилизовав всех ученых: Пирсона, Рибо, Пуанкаре, Тимирязева, Риккерта, сославшись на Белинского и других, считает историю литературы несомненной наукой, хотя быть может и не сложившейся окончательно. Б. И. Ярхо, жалуясь, что «на стороннего наблюдателя общее состояние литературоведения невольно производит самое досадное впечатление: не то наука, не то лирика, не то лингвистика, не то социология, ex omnibus unum, nec hoc, nec illud», пытается литературоведение ввести в определенные границы и даже систему других наук.

Не решен другой вопрос: что составляет предмет литературоведения? каковы свойства этого предмета? как этот предмет изучать?

Полемизируя с Венгеровым, Андреевичем, Перетцем и другими, П. Н. Сакулин в своих соображениях «о возможности номологических обобщений» указывает, что «имманентно изученные и каузально об'ясненные явления литературы складываются нами, с помощью историко-социологического метода, в общую картину исторического развития. Номологические обобщения, будучи абстрактными положениями, выведенными из конкретных явлений, призваны сыграть свою организующую роль при синтетическом построении литературы». П. Н. Сакулин a priori склонен «предполагать, что есть какой-то основной стержень, какая-то «руководящая идея», в пестрой смене фактов, называемой историей русской литературы». Он особенно ценит, когда подчеркивают «органическую связь между древней и новой русской литературой». Связь этих периодов для нас, марксистов, очевидна a priori, поскольку литература есть отражение жизни, сама жизнь, как любил говорить Белинский, поскольку исторические периоды нашей жизни органически связаны между собою и представляют результат экономического развития страны. «Основным стержнем» жизни и «руководящей идеей» истории литературы является классовая борьба, чего не хочет четко формулировать профессор Сакулин в полемике с Андреевичем.

В своей работе «Наука о литературе», в выпуске 1-м, еще не вышедшем в свет, П. Н. Сакулин обещает дать точное определение науки о литературе и провести грани между историей литературы и литературной критикой. В данном случае мы вынуждены ограничиться его общими заявлениями: «История литературы изучает художественную литературу в ее историческом развитии». Признавая единство формы и содержания и в то же время разделяя их, он полагает, что «об'ектом изучения, в конце концов, будет весь комплекс явлений, определяемых термином «литературная жизнь», а не только отдельные произведения, отдельные писатели и литературные направления. Литературная жизнь представляет собою сложный процесс, являю-

щийся частью общего процесса социальной жизни. В результате должно быть дано синтетическое построение истории литературы».

Как будто бы довольно ясная и верная формулировка, однако имманентный метод и каузальное толкование многое смещают в иные плоскости. По поводу работ Венгерова и Андреевича П. Н. Сакулин замечает, что «строго говоря, и Венгеров, и Андреевич занимаются тем, что по литературе характеризуют общественную мысль, идеалы русской интеллигенции, ее героическую борьбу. И хронологически, и художественно, и социологически оба берут русскую литературу не в полном ее составе». В общем какая-то неопределенно-компромиссная точка зрения, вытекающая из сознательно-эклектического мировоззрения П. Н. Сакулина [1]).

Совершенно ясную и четкую позицию занимает Б. И. Ярхо. Он «не приемлет» взгляда, что «литературоведение есть изучение художественных произведений слова». Он считает неправильным ограничивать литературоведение «ограничением материала». Он находит возможным строить литературоведческую науку «согласно области интереса», «с точки зрения художественности, т.-е. с точки зрения эстетических элементов». «Деления на литературные и не литературные произведения, по его мнению, нет». «Предметом литературоведения является вся словесность, но не все в ней заключенное». Отсюда—логический вывод, хорошо всем известный: «Литературоведение есть наука, изучающая литературную форму». Поэтому «история критики есть глава эстетики, а не литературоведения».

И. Корницкий, опасаясь крайностей Андреевича и Ярхо и ссылаясь на авторитет К. Маркса, пишет: «В полном противоречии с основным духом марксизма,... обыкновенно, совершенно не учитывается специфический характер искусства, как особого проявления общественной деятельности, в результате чего, сплошь и рядом, вместо социологического изучения искусства, вместо обоснования явлений и процессов искусства явлениями и процессами общественных отношений—получается обоснование этих последних (в лучшем случае их иллюстрация) при помощи того или другого памятника искусства или группы их, рассматриваемых лишь, как еще один документ, как добавочный материал для изучения социальных отношений в целом. Наука об искусстве, как об особой форме общественной деятельности—подменяется наукой об обществе в целом, «историей» в широком смысле слова».

Формула: наука об искусстве—как наука об особой форме общественной деятельности явно не состоятельна и резко расходится со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса на науку. Ударение сделано не тут. Дело не в особой форме, а в содержании, характер формы только видоизменяет приемы исследования. Возможно, автор намеревался сказать нечто иное, что искусство есть особая форма, но и тогда формула не приобретет ясности и четкости, так как всякая область исследования неиз-

[1]) Вал. Полянский. «Вопросы современной критики». Госиздат 1927 г. Есть специальная статья о литературных взглядах проф. Сакулина.

бежно имеет свои особые формы, хотя быть может и не такие характерные, как искусство.

Итак, мы видим в данном вопросе два направления мысли. Одно предлагает изучать всю словесность, но только со стороны художественности, формы. Другое, не определяя ясно предмета литературоведения, заботится, как бы наука о литературе не превратилась в историю вообще, в которой литературные явления только иллюстрации в потоке социальной жизни.

Направление мысли того или другого ученого целиком обусловливается его классовым положением и общественными симпатиями. Эти условия естественно и неизбежно отражаются и в спорах о литературоведении. Марксисты-коммунисты, стоя на пролетарской точке зрения, смотрят на художественную литературу и на ее историю, как на одно из выявлений социального процесса классовой борьбы. Для них литература — социальная функция, которая не только отражает жизнь, но и способствует ее организации, как и всякая другая идеология.

Мы полагаем, что предметом литературоведения служит и теоретическая поэтика, и литературная критика, и история литературы, и, наконец, методология предмета. Все эти более или менее самостоятельные части литературоведения настолько тесно и органически связаны между собою, что выделять их из системы литературоведения совершенно нельзя, хотя это и не исключает возможности и даже неизбежности отдельного изучения истории литературы или истории критики. В историю литературы не следует включать историю критики, поскольку первая имеет дело с литературными явлениями непосредственно, а вторая с отношениями к этим литературным явлениям тех или других общественных групп. Результаты, полученные при специальном изучении поэтики, неизбежно войдут той или иной частью своего содержания и в историю литературы и в историю критики. Предмет изучения отчасти определяет метод исследования, если метод не сводить исключительно к мировоззрению, а рассматривать его в отдельных моментах как прием. Следовательно, и методологию не выкинешь из литературоведения.

Марксизм, изучая те или другие явления, прежде всего рассматривает процесс в целом и только по выяснении основной сущности этого процесса берется за ту или другую сторону явления в отдельности. Также и в литературоведении, марксизм должен исследовать все стороны литературного процесса, социальные, психологические, технические и всякие другие и только после точной разработки их он сможет строить историю литературы, как своеобразное отображение общественного процесса. Естественно, что для последней задачи марксизм берет не всю словесность, а только то, что отвечает определенному, хотя бы и минимальному, требованию художественности. Художественность же произведения в конечном счете, как писал Плеханов, определяется удельным весом содержания. Отсюда вывод, диаметрально противоположный взглядам Б. И. Ярхо, что история литературы имеет дело с содержанием и формой художественного явления, но в первую очередь с содержанием. Отсюда и дальнейший вывод, что для марксизма история литературы не история литературных стилей и форм, а история отра-

жения в художественной форме классовой борьбы. Все остальные проблемы, как бы они важны ни были, каких бы специфических сторон искусства ни касались, играют все же подчиненную роль.

Марксист Андреевич, хотя и невсегда последовательный, первый написал интереснейшую книгу по истории литературы. Он не прав в отдельных своих оценках и обобщениях, но задачу свою поставил правильно, так как история литературы в конечном итоге все же есть художественная иллюстрация истории вообще. Рисунок иллюстрирует книгу, художественное произведение историю человечества, страны.

Когда мы изучаем историю мебели, мы должны ознакомиться с историей материала, с историей краски, с историей производства, ремесленного или фабричного. В изучении этих подготовительных вопросов не раз придется обратиться к экономике общества. Все же история мебели сведется к изучению более общего вопроса, к установлению стилей мебели и об'яснению их смены. Стиль будет изучаться не только со стороны красоты формы, но и со стороны удобства этих форм при пользовании мебелью и их соответствия запросам и характеру быта. Предметы мебели даже и тогда, когда они являются просто украшением, все же являются предметом психологического удовлетворения и так или иначе способствуют организации жизни индивида, класса и, наконец, даже общества.

История литературы в своем принципиальном построении мало чем будет отличаться от построения истории мебели. Историю материала, красок и производства заменит история классовой борьбы с ее отражениями в жизни, история стиля, формы, техники построения художественного произведения и т. п. Эти подготовительные вопросы, как и история красок и материала, будут изучаться не имманентно, как какая-то самодовлеющая сущность словесного искусства, а в тесной, неразрывной связи со всем общественным строем страны. Кто в наше время не знает, что язык общества развивается и усложняется с развитием техники, ритм произведения отражает ритм жизни того или другого исторического момента, музыкальность и живописность выражают психологическую настроенность класса, интересы которого выражает данное литературное направление. Но не эти отдельные вопросы составят историю литературы, она сложится из классового толкования литературных произведений, литературных направлений и установления причинной связи между общественными явлениями и литературными фактами. Но для того, чтобы глубоко проникнуть в сущность подготовительных вопросов и дать действительно целостную историю литературы в первую очередь необходимо знать, необходимо изучить общую историю общества. Не зная этой истории, литературоведу трудно будет проникнуть в глубину предмета и взять его во всем об'еме; ему будет трудно, временами совершенно невозможно, отличить в литературном явлении общее от частного, основное от случайного, настоящее и будущее от прошлого, а без этого никакой истории литературы не построить.

Если мы говорим, что писатель прежде всего обязан быть гражданином, то историк литературы тем более должен быть гражданином, больше—политиком. Он, конечно, может сам и не

творить политики, но он обязан ясно понимать ход классовой борьбы, задачи дня, экономические, политические и культурные мероприятия, которыми эти задачи разрешаются. Историк литературы, как и критик, в политическом отношении неизбежно должен быть выше писателя-художника. Если бы сейчас кто-либо взялся за писание истории послеоктябрьской литературы и стал бы ее просто делить на пролетарскую, крестьянскую, попутническую, ново-буржуазную и старо-буржуазную, то из этого ясной и четкой картины еще не получилось бы. Оценка писателя даже с самой общей точки зрения, советский он или не советский, обязывает подходить к нему, исходя из общественных задач или периода военного коммунизма, или нэпа, или смычки города и деревни. Даже больше: придется обстоятельно анализировать период восстановления промышленности и период ее реконструкции. Судить о современном писателе на десятом году пролетарской революции с общесоветской точки зрения, естественно, пустая и никчемная задача. Конечно, историк литературы не должен смотреть на литературные явления как только на иллюстрации к большой книге—жизни. Эти иллюстрации он должен изучать в их органической связи с общественностью и между собою.

Тут мы сталкиваемся с вопросом, с чего начинает исследователь, идет он от текста произведения к жизни, или, наоборот, от жизни к тексту. Ценность текста со стороны его содержания и формы может быть определена только тогда, когда историк литературы хорошо знает и понимает жизнь и классовую борьбу в ней. Только в этом случае можно убедительно показать, что в тексте есть, чего нет, какова ценность имеющегося материала и почему нет отражения тех или других общественных явлений у того или другого литературного направления.

Скажут: вот это и значит историю литературы сводить к истории общественной мысли. Посмотрим, так ли это? История литературы с марксистской точки зрения может быть построена только тогда, когда ее историк будет в достаточной мере знаком с экономикой, политикой, историей, философией, общественной мыслью и целым рядом других вопросов. Без соответствующего знания указанных проблем бесполезно браться за историю литературы.

Писатель-художник, давая ту или другую картину, очень часто не сознает, какое значение имеет его художественное обобщение, даже отрицает его, когда на него указывает критика,—ярким примером могут служить С. Малашкин, Л. Гумилевский и П. Романов со своими проблемами пола,—историк литературы должен подойти к материалу, к своей задаче, как тонкий математик, с тою только разницей, что вместо математической формулы он будет руководствоваться законами общественного развития. Из этого, конечно, не следует, что исследователь игнорирует текст, дает ему своевольное толкование, как это сделал Чернышевский с повестью Тургенева «Ася», или Сакулин с «Муму». Текст точно определяет конкретное содержание данного произведения. Суживать и расширять его нельзя. Но приступить к изучению его можно только после соответствующей общественной подготовки, иначе внутренний смысл текста останется историку литературы не понятен, как часто ему

бывает не понятна сущность классовой борьбы и политики. История литературы может быть хорошо написана только тогда, когда литературные явления в целом и в отдельности и даже со стороны технической будут сопоставлены, сравнены и об'яснены содержанием общественной жизни. Всякое имманентное изучение текста ни к чему не приведет.

Превращает ли такая постановка вопроса историю литературы в историю общественной мысли? История общественной мысли значительно шире истории литературы, потому что она широко захватывает экономическую, историческую, философскую и всякую другую мысль. Литературная мысль только часть общественной мысли. Литературно-художественное произведение может быть иллюстрацией общественной мысли и почти всегда мысль никогда не была еще полностью отражена в истории литературы. Да в этом и нет необходимости. По одной истории литературы не напишешь историю общественной мысли.

Когда говорят о литературе, как художественно словесной иллюстрации к жизни, некоторым кажется, что историю литературы снижают как науку и даже лишают ее самостоятельного значения. Глубоко ошибочное мнение. Даже либералы и идеалисты пишут историю литературы не для того, чтобы написать только историю искусства, а для того, чтобы уяснить общественный смысл и значение литературы, чтобы из всего этого извлечь те или другие организационные выводы, как принято сейчас говорить.

Если историю литературы ограничить историей литературных форм, хотя бы и об'ясненных с марксистской точки зрения, будет история только формы и скорее всего получится пособие для изучения техники и механики творчества, общественный же смысл литературы для пролетариата не в этом. Мы также не допускаем, чтобы литературное явление, хотя бы на одно мгновение, можно рассматривать как нечто самодовлеющее, и потом уже каузально его об'яснять. Литературное явление во всех стадиях и видах изучения ни на минуту не отделимо от общественной жизни. Всякий отрыв неизбежно ведет к ложным выводам и обобщениям, к неверной обработке материала. История литературы не история общественной мысли, но все же в литературе нас интересует прежде всего содержание, мысль, а потом уже и воплощение мысли в той или другой форме. При этом мы повторяем, в конечном счете мысль определяет художественную значимость литературного произведения.

Итак предметом истории литературы являются литературно-художественные произведения, не сами по себе, а как отражение, познание и средство организации жизни в ее диалектическом развитии.

Истории для истории, вне утилитарно общественного назначения, для нас нет.

Б. И. Ярхо убеждает своего читателя: «От идеи художественного произведения не требуется **новизны**, т.-е. затасканность идеи не мешает эстетическому впечатлению». Для обоснования этой мысли он приводит лирическое стихотворение:

Любовь одна веселье жизни хладной,
Любовь одна мученье сердец,
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.

Автор даже утверждает, что «от идеи не требуется ни убедительности, ни логической аргументации», больше—«идеи в художественном произведении не должны быть ясно выражены».

Может быть на все это и не следовало бы отвечать, если бы данное направление литературоведческой мысли не вело длительной борьбы с марксизмом, если бы это не печаталось с одобрения ученого совета Гос. Акад. Худож. Наук, выросшей из недр пролетарской революции [1]).

Б. И. Ярхо без малейших колебаний пишет: «На этой банальной мысли построено не только это пушкинское стихотворение, но и множество ему подобных; однако художественность их никто не отрицает». А что такое художественность? Разве кто-нибудь еще не знает, что Плеханов, а с ним и все марксисты, совершенно не согласны с пониманием художественности Б. И. Ярхо. И напрасно, Ярхо думает, что мы коммунисты и весь рабочий класс согласимся, что жизнь наша «хладна», и «любовь одно веселье». Когда-то для других общественных групп это было так, но не в наши дни и не для нас. Мы требуем доказательств, выставленных утверждений, и напрасно Ярхо и другие думают, что убедительность ведет к тенденциозности. Во-первых, тенденциозность есть извращение действительности в угоду какой-либо предвзятой идее, следовательно не всякая убедительность есть тенденциозность. Во-вторых, убедительность в художественном произведении может быть достигнута не только логичностью отвлеченной, сухой мысли, но логичностью содержания словесных образов, логичностью их связи и развития. Мы все, конечно, знаем, что многие художественные произведения, особенно поэзия, сплошь и рядом не содержит в себе определенной, ясной идеи, все содержание их ограничивается каким-либо смутным психологическим настроением, которое даже трудно выразить словами, но все же это не дает никаких оснований к обобщению, что «идеи в художественном произведении не должны быть ясно выражены». Ярхо ссылается на символистов. Как раз марксизм за эту туманность и нападает на них. Словом, для нас всякое утверждение идейности художественных произведений настолько очевидно и несомненно, что ощущаешь какую-то неловкость доказывать это. Это настолько же непреложно для марксизма, как и то, что капиталистическое общество состоит не вообще из людей, а из буржуа и рабочего класса.

---

[1]) Мы с большим удовлетворением констатируем, что редакция «На лит посту», № 7 за 1927 г., констатировала: «Сейчас в недрах ГАХН... вырастает историко-литературное течение, основывающееся на явно-идеалистическом мировоззрении». В только что вышедшей V книге „Кр. Нови“ в разборе сб. „Ars poetica“ подчеркивается, что „в целом книга позволяет судить, что в подсекции теоретической поэтики ГАХН об'единены довольно консервативные круги нашего литературоведения“.

В «Печати и Революции», книга третья, в рецензии на книгу А. Грифцова «Теория романа» также указано, что «несостоятельна работа Грифцова со стороны метода, если только можно найти метод в капризных выходках и противоречивых оценках».

Для формалиста идея «играет служебную роль при стилистических конструкциях,... идея является орудием спайки формальных элементов». Всякие другие свойства идеи формалист отрицает. Мы можем согласиться с Б. И. Ярхо, что не всегда идея рождает художественное произведение, часто оно возникает и оформляется из случайного образа. Об этом весьма убедительно писал еще Н. Добролюбов. Но всякое произведение, даже и «безыдейное» имеет свою классовую идею, как прекрасно доказал Г. Плеханов. Ярхо этому не верит. Ну, что делать! Ставя вопрос о связи науки с художественным творчеством, Н. Добролюбов писал: «Мыслитель,—или, говоря проще, человек рассуждающий,—пользуется, как действительными фактами, и теми образами, которые воспроизведены из жизни искусством художника. Иногда даже эти самые образы наводят рассуждающего человека на составление правильных понятий о некоторых из явлений действительной жизни».. Это, конечно, совершенно правильно, и если читатель не всегда в состоянии понять произведение и найти его сущность, критик и историк литературы должен отыскать доминирующую идею, основное классовое содержание. «Предупредить жизнь литература не может, но предупредить формальное, официальное проявление интересов, выработавшихся в жизни, она должна. Пока еще известная идея находится в умах, пока еще она только должна осуществляться в будущем, тут-то литература и должна схватить ее, тут-то и должно начаться литературное обсуждение предмета с разных сторон и в видах различных интересов. Но когда уже идея перешла в дело, сформулировалась и решилась окончательно, тогда литературе делать нечего»—так писал Н. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии литературы». Н. Добролюбов был просветитель и выставленное им положение должно быть принято с известными оговорками, но все же он прав, когда требует от большой и серьезной литературы, на которой и должна строиться история литературы, не простой регистрации развернувшихся и оформившихся событий и направлений жизни, а умения проникать в глубь современности, нащупывая, отыскивая и вскрывая ростки и тенденции будущего, грядущего. Не даром он писал, что если наука помогает искусству, то и искусство может натолкнуть на большие открытия ученого. Новое явление, еще редко и нежно обнаруживающее себя, может ускользнуть от внимания ученого, а писатель-художник своей интуицией это явление может выдвинуть на первый план и обратит на него должное внимание ученого. Это единственно правильный подход к литературе и ясно, что в таком случае идея сыграет не случайную и второстепенную роль, а основную, первую.

Если бы из истории живописи, музыки, театра, литературы и других искусств выкинули идейное содержание и свели ее исключительно к истории формы и законов развития формы, то вместо истории искусств мы имели бы техническую историю ремесл и не больше.

Когда Ярхо всячески протестует против «придумывания» идеи для произведения, мы можем к его протесту присоединиться, так как идея произведения действительно не должна «придумываться», она должна выявляться путем тщательного

и глубокого анализа. Но когда Ярхо с победоносным видом спрашивает: «какая, например, идея заключается в былине о Добрыне и Маринке-еретице и тысяче подобных произведений», мы в полном недоумении. Какие общественные идеи скрыты в тысячах подобных произведений, может быть и не совсем полно, все же достаточно ясно, показано акад. Вс. Ф. Миллером и проф. В. Аф. Келтуялой в их интересных по этому вопросу работах. Ярхо отрицает обязательность доминирующей идеи, а отыскивать идеи: «многие женщины коварны», «надо слушаться матери», «старухи умнее молодых» и т. д., он считает «элементарным упражнением ума и сомневается в смысле подобного занятия». Но что такое доминирующая идея и как она в художественном произведении отыскивается? Доминирующая идея—это общая, основная, главная идея произведения, в котором все остальные идеи, мелкие и большие, являются частью общей идеи, дополняют, развивают, обосновывают ее и т. п. Прежде чем выявить основную идею, неизбежно отыскать все мелкие идеи, хотя бы и вроде той, что «старухи умнее молодых»; только целостный комплекс этих идей даст возможность определить доминирующую идею и взвесить ценность мелких, второстеидеи, хотя бы и вроде той, что «старухи умнее молодых»; нелепа и смешна, то во времена Добрыни это было далеко не так, тогда это была глубокая основная идея, на которой держалась дисциплина в обществе и семье. Если мы хотим проникнуть в историческую сущность былины и сказания о Добрыне, все такие идеи мы должны самым тщательным образом отыскать и изучить. Только они помогут создать идеологический и психологический колорит эпохи и выявить доминирующую идею, основной общественный смысл произведения.

Ярхо отрицает, «что доминирующая идея способна об'единить все художественные элементы произведения, что с нею можно привести в согласование метрику и все стилистические обороты». Против кого удар направлен? Марксисты никогда так вопроса не ставили. Они говорят не о доминирующей идее, а о содержании произведения, содержание же произведения складывается из темы, идеи, сюжета и фабулы. Все это вместе, действительно, обусловливает форму художественного произведения. Если же Ярхо под доминирующей идеей разумеет содержание произведения, то он дважды не прав методологически. Смешал идею с содержанием и части приписал свойства целого. Отсюда был естественен вывод, что «идея не является таким элементом, при изменении коего все произведение непременно должно распасться». Мы можем сказать больше, при изменении всего содержания не всегда обязателен распад произведения. Но все это ни в какой мере не ведет к отрицанию той роли идеи в произведении, которую ей отведет марксизм.

Итак, историки литературы прежде всего и главным образом имеют дело с идейным содержанием литературно-художественного произведения, рассматривая содержание как своеобразное художественное отображение общественности, классовой борьбы, не забывая, что художественность произведения в конечном счете целиком зависит от общественности и определяется удельным весом содержания.

Поднимая вопрос об эмоциональном содержании художественного произведения и его чувственных образах, Б. И. Ярхо, как всегда, четко и безоговорочно утверждает: «Вообще, художественная литература никаких реальных эмоций, кроме эстетической, возбуждать не обязана. Агитационная и порнографическая литература потому то и ощущаются некоторыми, как не художественные», что вызывают такие посторонние эмоции, мешающие часто эстетическому восприятию. Фактически художественные произведения вызывают лишь представления об эмоциях, и только этим представлениям принадлежат разные эстетические функции». «Эта кажущаяся нехудожественность остается, например, за агитационным произведением до тех пор, пока оно продолжает возбуждать у читателей реальную ненависть или зависть. Но, когда ситуация теряет свою остроту, или, когда предмет ненависти перестанет существовать, произведение может восприниматься чисто эстетически, т.-е. так, как мы сейчас воспринимаем диатрибы Томаса Мурнера против лютеран».

Величайший «кладезь мудрости», отражающий архибуржуазный и в высокой степени ненаучный подход к вопросу. И все это преподносят со страниц журнала научного государственного учреждения, рожденного пролетарской революцией. В течение десяти лет революции мы боремся за то, чтобы художественная литература отражала революционную современность, чтобы она помогала видеть ускользающее от нашего глаза, помогала оформлять классовое сознание и настроение, служила средством организации нашей жизни, чтобы она заражала нас эмоционально, словом «учила» нас. А тут нам преподносят за новинку затасканные, истрепанные мысли, что литература не обязана возбуждать ничего, кроме эстетических эмоций. Как коновалы, хотят оскопить художественную литературу, чтобы она не была опасна для барчуков и служила только их эстетическому наслаждению. Пролетариат этого не допустит. Он поставит дело так, что литература будет служить ему, и не тем, что будет «вызывать лишь представления об эмоциях», а тем, что будет заражать широкие читательские массы своими возвышающими эмоциями, сконцентрированными и воплощенными в словесных образах. Пролетариат не размагниченный интеллигент. В нем бурлит кровь, в нем еще не потух огонь классовой борьбы, а Ярхо хочет питать его тухленькими теориями эстетствующего барина, который не видит дальше своего окна. Литература, которая нас не заражает своим социальным содержанием, не литература, а хлам. Люди же, которые не в состоянии сильно переживать данные художником эмоции должны быть распределены по богадельням, пускай там они занимаются воспроизведением представлений об эмоциях. Бестолковое занятие, но для них, очевидно, приятное. Пролетариат же освободится от барских гнилых проповедей, как он освободился от поповских проповедей.

В своей «научности» Ярхо убежден, что агитационные произведения могут возбуждать только «ненависть или зависть». Какое ограниченное понимание классового восприятия литературы! Что же, такие вещи, как, например, «Цемент» Гладкова, «Разгром» Фадеева, «Доменная печь» Ляшко, вся поэзия военного коммунизма и т. п., пропитаны ненавистью и завистью? Нет, они пропитаны энтузиазмом творчества, энтузиазмом порыва к

новой жизни, к борьбе за нее, есть в них и ненависть, но, конечно, не зависть, к своим классовым врагам, но не только она окрашивает современную литературу. Конечно, Томаса Мурнера мы не можем сейчас эмоционально воспринимать с той же остротой, как его воспринимали современники. Но историк литературы, если он хочет понять писателя и об'яснить его читателям, должен суметь на время стать человеком эпохи писателя и воспринять всю гамму настроений и систему взглядов, отраженных в произведении. Острота эмоции пропадает или благодаря давности изображенных явлений, или благодаря тому, что эти эмоции чужды нам, выросшим в других условиях. Спустя много лет, мы спокойно и даже благодушно вспоминаем нашу борьбу с царизмом, наши хождения по тюрьмам, ссылкам и каторгам, но это благодушие ни в какой мере не убивает классовой ненависти к монархическому и буржуазному строю. Сглаживается только непосредственное переживание, но иногда и воспоминание заставляет жить интенсивнее, чем непосредственное восприятие. Бывает, что роман, в котором дана жизнь рабочего, изображена эксплоатация его труда капиталистом, скорее и сильнее зажигает пролетария гневом и жаждой борьбы, чем его непосредственная жизнь. Эмоция художественного произведения может и теряет свою остроту, это бесспорно, но она никогда не теряет своего классового содержания и не переходит в чисто-эстетическую категорию.

Шарахаясь от классового пролетарского подхода к литературе и опасаясь, как бы эстетика не была принесена в жертву общественности, Б. И. Ярхо, говоря об соотношениях образа и действительности, утверждает, что «реальный субстрат образа интересует литературоведа постольку, поскольку в образе содержатся черты с ним сходные или несходные». Это совсем не так. Литературовед-марксист прежде всего выясняет, в каком об'еме данный образ отражает свой «реальный субстрат», насколько этот субстрат и образ отвечают состоянию науки и классовому мировоззрению пролетариата. И только после этого возможно определить содержание и художественную ценность образа, тем более, что образ является связующим звеном между формой и содержанием. Чтобы во всем этом разобраться, действительность приходится брать не одной стороной, которой касается образ, а значительно шире и глубже. Конечно, все эти «реалии» изучаются не сами по себе, а лишь как вспомогательный элемент». Это ясно и не за чем ломиться в открытую дверь.

Развитие капитализма с его разделением труда характеризуется развитием науки и образованием длинного ряда научных дисциплин, часто друг с другом не связанных и даже изолированных. С течением времени эта тенденция превратилась в тормоз научного развития и начался процесс об'единения научных дисциплин и отыскивания их внутренних связей. Из отдельно существовавших химии и физики образовалась физическая химия. Психология, прежде оторванная от физиологии, сводится сейчас всецело к физиологии, а последняя по существу есть изучение физических и химических законов внутри животного организма. Физиологию человека нельзя изучать вне изучения общественной среды. Природа, свет, температура, питание влияют на рост.

состав крови, на внутреннюю секрецию, на функциональность нервной системы и т. п. Без изучения общественной среды сейчас двинуться нельзя. Даже, как всем хорошо известно, содержание воздуха и то зависит от хозяйственного строя страны и местности. В такой момент всякая попытка свести литературу в чисто-эстетическим эмоциям безумная, бесплодная попытка. Точно также обречено на гибель и стремление оторвать литературу от классовой общественной борьбы. Как бы неистово не кричали об устремлении превратить литературу, словесное искусство, в историю вообще, связь между литературой и историей будет расти и устанавливаться все крепче и крепче. И совершенно правильна и неизбежна постановка вопроса о том, что литература, пользуясь известной самостоятельностью, которую никто никогда не отрицал, по существу своему все же является иллюстрацией, хотя бы и своеобразной, к историческому процессу, точно так же, как психология есть часть физиологии и т. п.

Поскольку в жизни внешне сглаживается острота классовой борьбы, противники марксизма не должны думать, что марксисты будут жить лишь воспроизведением своих прежних классовых эмоций. Сейчас понемногу, постепенно, украдочкой, краешком то там, то тут начинают выглядывать остатки прежней идеологии, конечно, несколько подкрашенной в современный цвет. Если эта тенденция будет сильна и опасна, марксизм найдет достаточно сил, чтобы парализовать антиобщественные тенденции, будут ли они выражаться в призывах к эстетическим теориям или в стремлении оторвать литературу от пролетарской революции.

Позитивизм и эклектизм в эстетике.

Л. Зивельчинская.

I.

В 8-й книге «Печать и Революция» за 1926 г. помещена интересная статья проф. П. Н. Сакулина «К проблематике современного литературоведения». В ней автор высказывает справедливую мысль о необходимости и своевременности разработки эстетики, как самостоятельной научной дисциплины, призванной помогать в разрешении трудных задач литературоведения, а также искусствоведения,—прибавим мы.

Вслед за этим правильным утверждением последовал длинный ряд странных недоразумений. «Кто хочет строить позитивную эстетику, обязывается говорить как раз об «основных свойствах человеческой природы» и об «общих законах психической природы человека»; последние фразы составляют выдержки, приводимые проф. Сакулиным из работ т. Луначарского по эстетике. Я не буду сейчас задерживаться на критике несомненно ошибочных взглядов т. Луначарского [1]) на основные вопросы эстетики, а последую далее за проф. Сакулиным. «В своей эстетике А. В. Луначарский как бы продолжает дело, начатое Н. Г. Чернышевским и его немногими преемниками (вспомним названного выше Велямовича)».

Вот об этом последнем стоит сейчас поговорить не только для того, чтобы убедиться в том, что он в очень малой степени является преемником и последователем Чернышевского. У Вл. Велямовича—автора книги, носящей заманчивое название «Психофизиологические основания эстетики», в самом деле имеется много ценных мыслей, и проф. Сакулин достоин всяческого одобрения за то, что извлек имя Велямовича из незаслуженного забвения.

Вл. Велямович, опубликовавший свою книгу в 1878 году, был основательно знаком с произведениями Герберта Спенсера, чьим подлинным последователем в области психологии и эстетики и является. Ниже я приведу внушительное количество доказательств этого обстоятельства. Будучи позитивистом, Велямович, однако, примыкал к гносеологии Канта, что является бесспорным свидетельством эклектизма, впрочем, неизбежного для всякого позитивиста.

Вот как Велямович излагает свои кантианские убеждения:

---

[1]) Тов. Луначарский—не только выдающийся знаток искусства, но и несравненный мастер художественного слова, однако его эстетическая теория несостоятельна. Симптоматично, что несомненные эклектики и позитивисты пытаются найти прикрытие и убежище за широкой спиной т. Луначарского.

«Понимаемый в этом смысле, т.-е. в смысле причинности, характер внешней природы есть не что иное, как характер внутренней природы, т.-е. психический характер человека. В самом деле, причинность есть самое основательное свойство, т.-е. характер человеческого духа, но вовсе не об'ективной природы. Об'ективная природа не нуждается в причинах; она беспричинна. Причинность есть свойство человеческой мысли, свойство человеческого мозга (причинность есть свойство мозга! Гм. *Л. З.*), свойство чисто суб'ективное (если оно свойство мозга, как же оно суб'ективно? *Л. З.*), не имеющее ничего общего с действительными отношениями об'ектов. Вообще, непосредственное познание об'ектов и их взаимных отношений абсолютно недоступно человеку, как это доказал еще Кант» [1].

«Способность постижения вещей есть не что иное, как способность сознавать совокупность одновременных явлений нашего духа; способность же постигать деятельность вещей есть, другими словами, способность сознавать последовательные явления нашего духа» [2].

Приведенная выдержка из книги Велямовича показывает с непреложной очевидностью, что он ничего общего не имеет с Чернышевским—последователем Фейербаха, выдающимся противником кантианской философии.

Велямович начинает книгу характеристикой умственного настроения его времени как материалистического по преимуществу. Мистика изгоняется из всех ее прежних убежищ, в том числе и из эстетики. Автор различает, однако, два рода мистики—сверхразумную или религиозную, которая, по его мнению, не подлежит устранению, а усвоению путем веры, как учит св. писание, и противоразумную, которая гнездится в разных областях науки и укромных уголках быта. Здесь опять на лицо взгляд Канта, а не Фейербаха, на религию, как область, не подлежащую ведению чистого разума, а составляющую сферу исключительно практического разума.

Теперь обратимся к изложению и анализу эстетических воззрений Велямовича, который в самом деле напрасно нигде не упоминается (даже в энциклопедии Брокгауза и Эфрона это имя отсутствует).

Велямович разбивает свое исследование на три группы вопросов: что такое прекрасное в природе? Что такое прекрасное в искусстве? Что такое эстетическое чувство?

Велямович исходит из ошибочной предпосылки, будто бы понятия о красоте в разные исторические эпохи и в разных местах существенно едины. В доказательство такого единства Велямович приводит тот общеизвестный факт, что античные статуи, мадонна Рафаэля и Венера Тициана, всем нравятся. Кто же это «все»? Сомнительно, чтобы они нравились австралийцам, папуасам, во-первых. Во-вторых, здесь, как в историческом ряде, мы не имеем возможности проверить, нравилась ли бы античным грекам Мадонна Рафаэля. Дозволительно предположить, что она спартанцам несомненно не нравилась бы, так как там женщина, принадлежащая к господствующему классу, принимала некото-

[1]) Вл. Велямович, Психофизиологические основания эстетики, Спб. Фомин. 1878, стр. 131.

[2]) Там же, стр. 179.

рое участие в общественной обороне своего класса, и поэтому выражение кротости, мягкости и «неземного» величия были им чужды. Итак, уже первоначальная предпосылка изобилует ошибками, недоказанными и частично недоказуемыми положениями, вследствие признания биологического корня и единства понятий красоты.

Полезность составляет краеугольный камень прекрасного. Под полезностью для организма разумеется наивыгоднейшее приспособление его к окружающей природе, а также к социальной среде, если речь идет о человеке (оба эти понятия у Велямовича крайне недифференцированы, смутны и спутаны) ради наиболее успешной борьбы за существование. Полезность, воспринимаемая сложной совокупностью акустических или оптических атрибутов, есть красота. Против такой общей формулировки решительно ничего нельзя возразить, но при конкретном применении ее к неисчерпаемому многообразию предметов, называемых прекрасными в разное время различными людьми, она опустошается и становится бесплодной [1]).

Ландшафт, местность нравится человеческому роду, если она обладает всеми условиями, необходимыми для человеческого обитания. Созерцающий индивид может в момент восприятия прекрасной местности не сознавать утилитарного значения воды, низменности, перемежающейся холмами, и других наличных в данной местности условий человеческого существования, но в его сознании действуют ассоциации, унаследованные от бесконечного ряда предшествующих поколений; эти отложившиеся в его мозгу следы жизни его бесчисленных предков образуют инстинктивное, т.-е. бессознательное восприятие полезностей, а, стало быть, и красот данной местности. Кроме того, та местность нравится человеку—роду, если она содержит условия для многообразной смены впечатлений, которая требует меньшей затраты нервного вещества, нежели однообразное течение восприятий. Контрасты и разнородность восприятий составляют причины наслаждения сложными гармониями. Коллективные и индивидуальные полезности, слагаясь, образуют наслаждение красотой.

Человек нравится своей внешностью в зависимости от тех анатомических признаков, которые имеют биологическое функциональное значение для процветания индивида и вида, скажем, широкий таз для женщины и узкий таз для мужчины, высокий лоб для мужчины и низкий лоб для женщины. Вот здесь и обнаруживается беспомощность биологического и антропологического метода освещения эстетических вопросов.

Велямович, разумеется, неспособен удержаться на биологической позиции. Когда он прослеживает различия и изменения в понятиях о человеческой красоте у греков и у западно-европейских обществ позднейших периодов, Велямович вынужден признать: «Это различие в типах красоты вполне соответствует различию в исторической среде (различие идеалов во вре-

---

[1]) Рассуждение о биологической полезности тех или иных признаков национального характера приводит к чудовищным выводам; например, у турок,— думает Велямович, — наблюдается повальное пьянство и курение, то хотя эти явления для самой нации несомненно вредны, но однако в интересах всего человечества, быть может, полезно уничтожение турецкой нации. Недаром книга издана в год русско-турецкой войны!

мени); если для грека физическая сила играла преобладающую роль в борьбе за существование, то в наше время такое преобладание перешло к силе интеллектуальной». Почему совершился означенный переход? Не в силу биологических причин и факторов, а вследствие развития материально-производительных сил общества. Значит, изменение представлений о красоте имеет социальные причины.

Гораздо существеннее другое обстоятельство, на которое указывает Велямович. Все условия и внешние признаки мужской и женской красоты связываются, по Велямовичу, с представлением о возможности полового наслаждения или с воспоминанием об испытанном уже сексуальном ощущении, и это лежит в основе наслаждения красотой человеческого тела,—думает наш автор. Если при взгляде на красивую человеческую внешность возникает по ассоциации и идеальное половое наслаждение, то из него непреодолимо вытекает, что прекрасными мужскими телами, их пластическими или живописными воспроизведениями способны наслаждаться только женщины, а прекрасными женскими телами и их изображениями способны восхищаться только мужчины. Если логически рассуждать, то мужчины-художники должны были творить только женские тела, и, наоборот, женщины—мужские. На самом же деле в классической Греции преобладают в подавляющем количестве мужские статуи, хотя скульптурой занимались исключительно мужчины, а зрителями было все население, независимо от пола. В эпоху ренессанса в скульптуре преобладают мужские статуи, а в живописи—женское тело. Эти факты могут быть об'яснены только таким путем: античная пластика служила воспитанию доблести, силы, ловкости бойцов, защищающих господствующий класс и его государство, женщины не находились в рядах бойцов, и поэтому они в искусстве занимают задворки. В искусстве ренессанса станковая картина призвана удовлетворять индивидуальным гедонистическим потребностям, наслаждениям распущенного кардинала и богатого банкира и торговца.

Эстетическое наслаждение есть идеальное потребление сложной совокупности полезностей. Тут автор приводит могущее возникнуть возражение. Оно состоит в том, что эстетическое наслаждение, возбуждаемое красивой человеческой внешностью, не заключает в себе сложной совокупности идеальных наслаждений, но сводится исключительно на о д н о идеальное, половое наслаждение. Автор пытается опровергнуть приводимое возражение таким образом: «Хотя красивая внешность, действительно, возбуждает идеальное половое наслаждение, наслаждение это, однако, отнюдь не е д и н и ч н о е, т.-е. простое, но представляет весьма сложную совокупность идеальных половых наслаждений, и вот почему: каждый признак красивой внешности в отдельности возбуждает уже, в известной степени, половое ощущение: так, например, нам приятно видеть красивые зубы, волосы, руки и т. д. даже в отдельном их существовании; вот почему совокупность красивых признаков, составляющая красивую внешность, возбуждает такую же совокупность идеальных половых ощущений.

Совокупность эта еще более усложняется оттого, что к ней присоединяется, путем оживания, множество темных, идеальных,

половых наслаждений, давно прошедших, и не только испытанных в течение индивидуальной жизни, но также и в жизни предыдущих поколений (наследственность ассоциаций).

Таким образом, чувство красоты, возбуждаемой красивой внешностью, есть не простое, идеальное, половое чувство, но бесконечно сложное целое, образованное слиянием бесчисленных, более или менее темных, половых ощущений (наслаждений). Вот почему эстетическое наслаждение красотой может, по интенсивности, весьма сильно превышать реальное половое наслаждение.

Этим же об'ясняется и то, почему наслаждение красотой (человеческой) вовсе непохоже по качеству на половое наслаждение, так суммарное чувство (каково эстетическое) не может быть равно одному из слагаемых чувств» [1]).

Эта длинная выдержка заключает в себе некоторые правильные мысли. Бесспорно, что эстетическое чувство есть «суммарное чувство», сложная совокупность, состоящая из компонентов, не только приобретенных индивидуальным опытом, но также итогов унаследованного опыта, а поэтому не уловимых, не поддающихся полному раскрытию. Но почему это должны быть только половые ощущения? Ведь красивые зубы, волосы и руки ни в какой непосредственной или посредственной связи с половыми сношениями не стоят. Они являются признаками не функционального, а нейтрального значения для сексуальных отправлений.

В удовольствии от созерцания прекрасной внешности несомненно участвуют моменты, берущие свое начало в инстинкте сохранения вида; но это понятие несравненно шире представления о половых наслаждениях, так как красивые, т.-е. здоровые зубы нужны как для сохранения и благополучия индивида, так и вида; в восхищении красивой внешностью, быть может, заключаются какие-либо темные бессознательные рефлексы сексуального происхождения, но выводить из этого сексуальную метафизику нет основания. Однако, если признать, что эстетическое сознание содержит темные следы половых ощущений, тогда придется отрицать наличие эстетических переживаний у детей до периода половой зрелости, так как секреторная функция половых желез возможна лишь после их созревания, а половые ощущения есть результат секреторной деятельности. Признавать же вместе с Фрейдом эрогенные зоны на губах и в кишечнике ребенка значит вдаваться в нелепую сексуальную метафизику. Итак, по Велямовичу, половое и эстетическое чувство суть суммарные чувства, сложные совокупности; различие их только в том, что первое р е а л ь н о, а второе—и д е а л ь н о. Такое утверждение очень схоже с фрейдовским положением: художественная и эстетическая деятельность есть лишь сублимация половой энергии.

Если же признать, что эстетическое состояние сознания содержит моменты, необходимые не только в целях сохранения вида, т.-е. биологические факторы, а также, и в большей мере, социальные моменты и при том классового характера, то не понадобится вся та путаница, которую усиленно предлагает Велямович. Нужно раз навсегда усвоить, что биологические моменты в общественной жизни имеют подчиненное значение, и в эсте-

---

[1]) Стр. 62—63.

тическом состоянии, как и во всей общественной психике действуют законы, изучаемые методами *исторического* материализма, а не биологии, имеющей здесь второстепенное значение.

II.

Переходя к изучению прекрасного в искусстве, Велямович исследует, является ли оно (прекрасное в искусстве) заимствованием, копированием прекрасного в природе. Автор живо полемизирует против Тэна, хотя он признает несомненный талант и обширную эрудицию выдающегося французского писателя, полагавшего, что предмет, достойный художественного воспроизведения, есть прекрасное в природе. Прекрасное в искусстве или художественная красота есть специфическая красота, а именно *выразительность*, т.-е. выражения психического характера или настроения человека-художника, творящего искусство,—думает Велямович. Ни о каком об'ективном воспроизведении внешнего мира не может быть и речи, так как об'ективный мир вовсе не доступен познанию, и художник выражает в искусстве лишь свое *понимание* действительности, а не самую действительность. Та же мысль выражена дальше равнозначащей формулой: сущность художественного произведения состоит в выражении впечатлений, возбуждаемых в художнике какой-либо вещью, в их причинной связи. Это и значит создавать художественный тип, так как тип есть истинное выражение действительности, как она выражается в духе художника. Велямович был бы прав, что искусство выражает *понимание* действительности художником, а не самую действительность, если бы это «понимание» означало классовую идеологию, так как на самом деле действительность дана в искусстве, идеологически *преображенной*, а не так, как она есть; в этом одно из ее главных, существенных отличий от подлинного совершенно научного познания.

Искусство, в частности поэзия, выражает отношения вещей.—продолжает далее Велямович,—имея в виду отношения представлений вещей, поэтическая речь выражает не только отношения между нашими представлениями, но и также и самые представления, чего не умеет делать прозаическая речь.

Велямович употребляет старое деление на прозаическую и поэтическую речь. Точнее говорить о художественной и нехудожественной речи, и тогда научная речь может быть иной раз и весьма художественной.

III.

По Велямовичу эстетическое чувство,—возбуждается ли оно в нас природой или искусством,—всегда представляет чувство *одного и того же рода*. Велямович, употребляя слово «в нас», имел в виду весь человеческий род.

Во-первых, приравнивать результаты анализа эстетического чувства культурного человека последней четверти XIX века к эстетическому чувству людей всех времен, всевозможных культурных ступеней, есть коренная, вопиющая ошибка не только с точки зрения исторического материализма, но даже позити-

визма, который ведь обязан исходить прежде всего из описания и анализа фактов. Где же те факты, которые позволяют думать, что эстетические чувствования примитивного австралийца и Шпенглера однородны. Их нет и быть не может.

Во-вторых, эстетическое чувство, возбуждаемое предметами природы и искусства в сознании культурного человека XIX и начала XX века, ни в коем случае не может быть одинаково. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствуют споры современной эстетики о том, что чему предшествует, наслаждение прекрасным в искусстве или в природе,—а еще раньше Гегель отрицал даже возможность эстетического восприятия природы.

Непосредственный анализ эстетических впечатлений от объектов природы и искусства показывает с непререкаемой очевидностью несравненно большую сложность и разнородность художественных восприятий. Относительно красоты какого-либо ландшафта легко могут сговориться члены различных классов современного европейского общества, чего нельзя сказать относительно художественных ценностей.

Вернемся к цепи рассуждений Велямовича. Эстетическое чувство слагается из зрительно-слуховых восприятий и ассоциаций полезно-красивых предметов, но полезно-прекрасных деятельностей.

«В самом деле,—пишет Велямович,—естественный подбор должен был обеспечить за человеком, как и за всяким животным вообще, способность к выполнению деятельности, полезной для его существования. И вот именно вследствие этого в нашем представлении должна была установиться крепкая ассоциация между полезной деятельностью и половыми наслаждениями, так что при виде первой в нас тотчас же пробуждается некоторое слабое подобие полового наслаждения; а совокупность множества подобных идеальных половых наслаждений (разрядка Велямовича) и составляет эстетическое наслаждение, т.-е. чувство красоты. Таким образом, полезная деятельность человека пробуждает в нас чувство красоты; а это и значит, что деятельность полезная есть в то же время и деятельность красивая» [1]).

Фрейд бурно обрадовался бы, если бы случайно набрел на книгу Велямовича. В самом деле, если мы радостно воспринимаем спектакль «Любовь Яровая», то это означает, что мы радуемся полезной деятельности пролетариата, которая обеспечит ему возможность половых наслаждений! Вот так «материализм»!

Кроме идеальных половых наслаждений, в состав эстетического чувства входят те чувства удовольствия или удовлетворения, которые характеризуют выполнение всякой плодотворной целесообразной деятельности, даже тогда, когда она осуществляется не нами, а мы лишь ее созерцаем, в силу закона симпатических движений.

Это последнее соображение в своей общей формулировке верно, однако не вполне, так как симпатические движения вызываются лишь таким актом, который уже имел место в нашем опыте в той или иной степени. Кроме того, симпатическое дви-

[1]) Стр. 196.

жение может быть парализовано целым рядом причин: например, ловкий стрелок нацеливается на нас или наших друзей, тут уж симпатическое движение будет не на стороне ловкого борца, а обреченной жертвы. Опять, стало быть, для эстетического чувства играет решающую роль симпатическое движение, взятое не вообще, а в данном конкретном случае; здесь же будут иметь определяющее значение социальные факторы. Все художественные произведения суть выражения психического характера, полезного для человека. Велямович имеет в виду не психические характеры изображаемых героев, а самого художника. Характер художественного творчества Велямович об'ясняет в тесном согласии с Тэном, влиянием **среды**. Полезность художественного произведения определяется не тем, **какую** часть мира изображает художник, а тем, **как** понимает художник изображаемый предмет. Художественное произведение тем ниже, чем уже, ограниченнее та «естественная» (термин Велямовича) группа людей, с чьей выгодой согласуется полезный психический характер художника.

Естественные группы людей, по Велямовичу, таковы: сословие, нация, племя или раса, человечество. Согласно этой градации естественных групп, устанавливается и градация художественных произведений по их достоинству. Если психический характер художника, или иначе его понимание действительности наиболее выгодно для наиболее широкой из названных групп людей, то тем выгоднее, а стало быть и выше художественные достоинства творений художника. Кроме того, то произведение, которое с наибольшей полнотой характеризует наиболее общие и наиболее постоянные черты человека, то и есть наиболее художественное, так как оно наиболее полезно наибольшему количеству людей. **Бентамизм** в эстетике! Стоит вспомнить остроумное замечание Маркса относительно Бентама и его утилитарной арифметической этики; оно, как известно, гласит: «Иеремия Бентам—гений буржуазной глупости».

Вот до чего неминуемо доходят эстетические изыскания, если они исходят только из анализа «основных свойств человеческой природы» и «общих законов психической природы человека». Нет, биологическую и антропологическую эстетику необходимо сдать в исторический архив, вместе с биологической социологией! Заменить ее может только эстетика, которая еще **должна** быть построена на фундаменте материалистической диалектики.

Прошлое, настоящее и будущее физики.

Речь на юбилейном торжестве Мюнхенского университета 19 июня 1926 г.[1]

Вильгельм Вин.

Когда я полгода тому назад имел честь произнести здесь свою вступительную ректорскую речь, я уклонился от обычая и говорил не о моей собственной области, а об общих вопросах нашей духовной жизни. При этом я выразил надежду, что мне еще представится возможность наверстать упущенное, и я хотел бы использовать для этой цели сегодняшнее торжество. При этом я отлично сознаю, что нахожусь перед опасностью вступить в конфликт с самим собою, потому что я знаю, как трудно,— почти невозможно подробно трактовать вопросы физики перед слушателями, у которых я не в праве предполагать необходимых предварительных сведений, и я надеюсь, что вы мне не поставите в упрек, если я сочту подобное предположение относительно большинства присутствующих неосновательным. Если я, несмотря на это, хочу говорить о физике и притом как раз о вопросах, которые затрагивают самые основы моей науки и из спокойного прошлого, измененную бурным настоящим, увлекают ее в будущее, то я не могу рассчитывать на безусловное доверие с вашей стороны. Я не могу пытаться вести вас по путям современной физики, в которых сами физики не ориентируются еще надлежащим образом. Но я хочу представить вам ту борьбу, которую ведут современные физики за разоблачение истины, борьбу, которая длится вот уже три десятилетия, и конца которой еще не предвидится.

Желая последовательно изложить вам, как это случилось, что наука, привыкшая к строжайшим законам, а потому особенно консервативная, устремилась в революционный вихрь, я должен сначала сказать кое-что о старой физике, которую называют классической. Следует заметить прежде всего, что революционное движение охватило не всю физику. Большие области ее покоятся еще исключительно на приобретениях давнего времени. Это можно сказать почти о всей механике, которая весьма мало соприкасалась с пресловутой теорией относительности. Это вполне относится к учению о звуке, к большей части учения о теплоте, а также к большим областям электромагнетизма. Если вы займетесь шаровым разрядом, то вы можете быть совершенно спо-

[1]) Речь печатается с небольшим сокращением. *Ред.*

войны, что находитесь на почве, совершенно не тронутой революцией. Таким образом, вы видите, что физика еще никоим образом не потрясена до основания, но что большие части прежних достижений остаются нетронутыми пожаром.

Величайшей эпохой физики было, несомненно, то время, когда была основана механика и когда оказалось возможным посредством ее предвычислять с величайшей точностью движение небесных тел, когда на место астрологии встала теоретическая астрономия. Тогда человеческому духу впервые стало действительно ясно, что он способен своей логической силой постигать причинность естественных процессов. Неудивительно, что этот успех наполнил человека гордостью, и что он в самом деле счел себя способным хватать звезды. Великий успех, который вскрыл титаническую силу человеческого духа, приводил к столь же титаническому стремлению. В восемнадцатом столетии и, можно сказать, вплоть до конца девятнадцатого прочно укоренилась уверенность, что в лице механики мы обладаем теоретической основой всего бытия. Это мнение привело, между прочим, к заключению, что если бы математика оказалась в состоянии проинтегрировать всю систему дифференциальных уравнений механики, тогда мы знали бы, кто был железной маской. Физик при этом во всяком случае подумает, что математическая физика до сего времени стоит перед величайшими трудностями даже при решении проблемы трех тел, т.-е. при вычислении движения трех материальных точек, которые притягиваются по закону всемирного тяготения, и он не мог бы поручиться, что уже открыт путь для применения механики к решению исторических проблем. Но в настоящее время возникает еще другое сомнение,—именно, что в самом ли деле достаточно только преодолеть трудности вычислений, чтобы быть в состоянии предсказывать все совершающееся. Современный физик не мог бы утверждать, что в основах механики мы имеем ключ ко всем тайнам природы.

Издавна имелась в физике область, которая всегда была несколько загадочна и никогда не достигала вполне удовлетворительного выражения, это—учение о свете. Если бы вы могли сказать мне, что собственно есть свет, из каких процессов слагаются лучи, процессов, которые мы так охотно обходим, не будучи в состоянии всю жизнь их себе представить, тогда тотчас же были бы преодолены те трудности, с которыми мы теперь боремся.

Когда творец закона всемирного тяготения основывал и учение о свете, он установил гипотезу о природе этого самого важного, самого универсального и самого загадочного процесса природы. По его мысли свет должен был состоять из малых частичек, которые посылаются светящимся телом и пронизывают прямолинейно и с большою скоростью пространство и все прозрачные тела. Уже в то время эта теория оказалась недостаточной, она не могла удовлетворить тому немногому, что было известно о свете и его свойствах. Тогда Гюйгенс выразил другой взгляд, по которому свет, как и звук, должен был состоять из волн, распространяющихся во все стороны от светящегося тела. Но в то время наука двигалась вперед медленно, и обе теории более ста лет уживались друг с другом, пока лишь в начале девятнадцатого столетия более точное исследование про-

цессов интерференции и поляризации света не привело волновую теорию к окончательной победе. При интерференции два световых луча, исходящие из одного и того же источника и по прохождении неодинаково-длинных путей вновь совмещающиеся, могут друг друга усилить, если гребни и впадины их вновь совпадают, или взаимно уничтожиться, если гребень одной волны совпадает со впадиной другой. Периодическое чередование между светом и темнотой характерно для явления интерференции при свете и может быть выведено во всех своих особенностях из его волновой природы.

Учение о свете оказалось поставленным на твердую почву, и все новые наблюдения поставили таким образом создавшуюся теорию вне сомнения. Несмотря на это, положение оптики не сделалось вполне удовлетворительным. Свет должен был быть волновым процессом, но волна может распространяться лишь в некотором теле. Мы не можем понять, как возможен волнообразный процесс в совершенно пустом пространстве. Таким образом, учение о волновой природе света потребовало, чтобы мы пустое пространство заполнили средой, которая явилась бы носительницей световых волн, и привело к допущению пресловутого мирового эфира. Но этот эфир упорно ускользал от всякой попытки доказать его существование каким-либо другим способом. Каждый опыт, предпринимаемый для доказательства материальной природы эфира или его движения, терпел крушение.

Новые наблюдения на г. Вильсон в Калифорнии, которые должны были принести возможность заключить о движении эфира, еще слишком мало освещены, чтобы воздействовать на науку. Если они действительно должны показать, что световой эфир приводится в движение массой земли, то мы встали бы перед величайшими преобразованиями физической картины мира.

Но так как и до сих пор нет действительно ясного указания на материальность [1]) эфира, то все учение о свете, основанное на его существовании, было проблематическим. Казалось удивительным, что все другие известные волновые процессы ведут себя иначе, чем световые волны. Было ясно, что эфир должен обладать совершенно иными свойствами, чем другие известные тела.

В середине прошлого века сюда привзошло нечто новое. Скорость, с которой распространяется свет, была определена астрономами и физическими способами в полном согласии друг с другом и оказалось чрезвычайно большой. При разработке электрических измерений также встретилась скорость, совпадающая со скоростью света. По установленной Максвеллом электро-магнитной теории она явилась скоростью электрических волн, и ее совпадение со световой скоростью привело к электромагнитной теории света, утверждающей, что световые и электрические волны одно и то же и отличаются друг от друга лишь длиною волны.

Это совпадение подтвердилось наблюдениями над волнами Герца и волнами беспроволочной телеграфии, и мы теперь знаем, что свет принадлежит к великой области электромагнетизма.

---

[1]) Под материей здесь Вин, как обычно и другие физики, понимает обычную материю инертных тел, отличая ее от эфира. *Ред.*

Но все великие исследователи, которые подготовили и закончили это открытие — Вильям Томсон, Максвелл, Гельмгольц, Герц,—твердо держались убеждения, что электромагнитные процессы, в том числе, следовательно, и свет, имеют механическое происхождение, и Герц на исходе своей жизни строил новую механику, с помощью которой он надеялся охватить и электромагнитные процессы. Но эти надежды не исполнились; напротив того, укрепилось убеждение, что электромагнитные процессы имеют другую природу, чем механические.

Таково было положение физического знания тридцать лет тому назад, и таковым остается оно и посейчас в обеих больших областях физики, в механике и электромагнетизме.

Между тем открылась новая область,—физика атома. Она также происходит от середины прошлого столетия, от эпохи, которая принесла особенно глубокие физические мысли.

К первым началам «физики атома» приводила механическая теория теплоты. По этой теории теплота состоит из энергии движения атомов, и из измерений в области теплоты можно заключить о скорости, пути и даже о величине и численности атомов. Эти сами по себе крайне поражающие данные, в истинности которых первоначально еще можно было усомниться, получены самыми различными путями в столь полном согласии друг с другом, что они должны быть отмечены, как вполне твердо установленные.

При этих исследованиях был впервые применен метод, который мы издавна встречаем во всевозможных областях исследования—статистика. Если вы хотите хладнокровно играть за игорным столом в Монако, вы должны отдавать себе отчет в том, что банк имеет небольшое преимущество в возможности выиграть. Это не исключает того, что вы можете выиграть миллионы, но банк знает с абсолютной достоверностью, что в конце концов, когда число игроков достаточно велико, у него получается совершенно определенный выигрыш. Эта достоверность статистических выводов при больших числах принимает значение закона, и такие статистические законы играют в учении о теплоте большую роль. Каждый страховой банк зиждется на этой основе. Статистические законы могут поэтому иметь столь же большое значение, как и простые законы, в которых господствует причинность [1]). Но они все же совсем другого рода, поскольку они справедливы не без исключений. Как расчеты монакского банка справедливы лишь при очень большом числе игроков, а не тогда, когда мы учитываем лишь малое число последних, так и в движениях атомов мы находим процессы, уклоняющиеся от статистических законов, когда число взаимодействующих атомов недостаточно велико. Подобный случай представляет броуновское молекулярное движение, наблюдаемое в микроскоп на очень маленьких взвешенных в жидкости частичках, которые делают очевидным беспорядочное тепловое движение молекул жидкости. В таком виде статистика вводится в круг всеобщих физических законов без нарушения требования причинности.

[1]) Вин, как и многие другие естествоиспытатели, под причинностью понимают лишь механическую причинность; отсюда легко, ввиду незнания диалектики, проистекают у них выводы о крушении понятия причинности. *Ред.*

Но здесь со стороны света, который доставляет физике столько трудностей, неожиданно приходит новое затемнение физической картины мира.

Как вы можете видеть на каждом раскаленном угольке, при достаточно высокой температуре теплота превращается в свет, который, следовательно, также происходит от атомов светящегося тела. Статистические законы теплоты должны остаться поэтому справедливыми и для света. Но как раз при этом рассуждении приходили к выводам, находящимся в грубом противоречии с фактами. Далее оказалось, что и в самом учении о теплоте статистические законы при низких температурах становятся недействительными. Из этих трудностей и противоречий и возникла теория квант. Планк указал, что противоречия с опытом исчезают, когда статистика ставится на другое основание, именно, если принять, что свет, как и материя, состоит из неделимых элементов, так называемых квант. Необходимо приписать каждому цвету квант определенной величины; элементы голубого света, напр., больше, чем красного. Эта необыкновенно чуждая духу физики гипотеза, приписывающая волновому процессу свойства, которые мы могли себе представить лишь как свойства материи, сделалась источником трудностей, с которыми и борется современная физика.

Мы можем не удивляться этим трудностям, коль скоро мы вспомним, что квантовая теория имеет статистическое происхождение. Легко вывести статистические законы, по которым протекают процессы для изолированных элементов. Но невероятно труден обратный путь: из статистики заключить о законах элементарных процессов. Пусть, например, точно известно, сколько людей ежегодно играет в Монако, известен ежегодный оборот и прибыль банка. Если бы вы были поставлены перед задачей из этих данных заключить о правилах игры, то вы, без сомнения, оказались бы в затруднительном положении. Так и квантовая теория все время старается сорвать статистическое одеяние и вскрыть те процессы в атоме, которые приводят к излучению. Самой многообещающей попыткой в этом направлении была, безусловно, теория Бора. Согласно этой теории атомы состоят из ядер положительного электричества, вокруг которых атомы отрицательного электричества—электроны—вращаются, как планеты вокруг солнца. В самом деле, сначала казалось, что макрокосм небесных тел повторяется в микрокосме атомов. Но движение небесных тел может быть выведено всецело и без противоречий из законов механики и всемирного тяготения. Все вычисления астрономов совпадают с наблюдениями самым совершенным образом. В микрокосме атома все это оказалось не столь удовлетворительным. Прежде всего электрическая теория требует, чтобы электрическая частица, бегающая по орбите с очень большой кривизной, постоянно излучала и этим замедлялась бы в своей скорости. Вращающийся, но не излучающий электрон требует, таким образом, для себя исключения из общего закона природы. Далее, боровская теория желает, чтобы для электрона были возможны лишь совершенно определенные орбиты, в то время как механика не исключает и всех промежуточных. По боровской теории излучение света должно последовать лишь во время скачка электрона с одной орбиты на

другую, при чем не высказывается ничего определенного о том, каким именно образом излучение происходит. При обычных обстоятельствах боровская теория вследствие ее противоречий тотчас же была бы выброшена за борт. Но теория сумела выполнить то, чего домогались, но не добились многие десятилетия,—именно, она внесла порядок в, казалось бы, неразрешимый хаос спектральных линий, число которых все более росло и издевалось над всяким физическим подходом. Именно, когда электрон перескакивает с одной орбиты на другую, по этой теории возникает спектральная линия, и ее длину волны можно определить с поразительной точностью из математических уравнений, относящихся к орбитам, когда в формулы подставляется ряд целых чисел.

Откуда являются эти правила, остается совершенно темным. и если вам было трудно следить за моими выводами, то вы можете успокоиться на мысли, что физику приходится немногим лучше. Не без основания при оценке этой теории говорят поэтому о «мистике цифр» и невольно вспоминают при этом учение пифагорейцев. Если квантовая теория спектральных линий предприняла все же поход в мир атома, несмотря на большие достижения, она так запуталась во внутренних противоречиях, что в строгом смысле о физической теории здесь говорить не приходится. При дальнейшем продвижении эти трудности непрерывно возрастали, пока, наконец, сам основатель теории, Нильс Бор, не заявил в произнесенной прошлым летом в Копенгагене речи следующее: «Из этих данных следует заключить, что в связи с общей проблемой квантовой теории приходится говорить не об изменении механических и электродинамических теорий в рамках обычных физических представлений, а о далеко идущем отказе от пространственно-временных образов, посредством которых пытались до сих пор описывать явления природы».

Это трагические слова, в которых заключается отказ от боровской теории в ее до сих пор известной форме, потому что, если приходится принципиально отказаться от всяких возможных пространственно-временных образов, то это значит, что эти процессы скрыты от физического представления. Физики всегда открывали всему миру те трудности, с которыми они боролись, и делали это с полным основанием, потому что лишь при этом условии мы можем надеяться преодолеть общими силами противостоящую нам природу. Но мы должны быть чрезвычайно осторожны в утверждениях, смысл которых выходит далеко за пределы физической области. Мы должны иметь в виду, что физика во многих отношениях является основанием для всех других естественных наук. Говоря, что есть физическая область, принципиально замкнутая для нашего понимания, мы забываем изречение «rerum congoscere causas», что нашей задачей является изучение причинного взаимоотношения вещей. Если мы об'являем решение невозможным для физики, оно становится таковым и для всего естествознания. Я никогда не соглашался с мыслью, что не все вопросы человеческой души подлежат разрешению в смысле научной причинности, но здесь речь идет не об этом. Туда, куда может проникнуть физический опыт, как этого удалось достигнуть в такой большой степени в физике атома;

туда сможет последовать и теоретическое понимание. Если мы должны расстаться с микрокосмосом электронных орбит в атоме, то этим еще не сказано, что физика атома вообще недоступна нашему пониманию. Неудивительно, что мы не можем проникнуть с первым ударом молотка в пещеру, сложенную из столь твердых пород, но что мы проникнем в нее, я считаю несомненным, потому что экспериментальная физика проникла уже далеко. Мне кажется невозможным, чтобы естественные процессы, поддающиеся физическому наблюдению и измерению, долгое время уклонялись от обнаружения их причинного соотношения в форме законов природы, потому что эксперимент указывает нам, где господствует причинность. Я уверен также, что люди не остановятся и не успокоятся, пока окончательно не завоюют физическую область, в которую экспериментальная физика уже пробила брешь, т.-е. пока не подчинят эту область закону причинности. Представим себе теперь в общих чертах то наиболее существенное, что достигнуто опытом в области физики атома. Я миную при этом измерения, которыми определяются величина, скорость, свободный путь и вес атома, при чем эксперимент и теория оказываются вполне совпадающими, точно так же я оставляю наблюдения над радиоактивными веществами, которые не привели ни к каким теоретическим трудностям. Как мы увидим, совпадение между наблюдением и опытом прекращается, как только возбуждаются вопросы о происхождении света. Но эту участь разделяет не все учение о свете в целом. Напротив того, оптика, старое, хорошо перекрытое и прочно возведенное здание, остается нерушимой. Трудности возникают лишь там, где встает вопрос о возникновении света. Поэтому сюда относятся уже всевозможные наблюдения, установленные над светом, излучаемым раскаленным телом. Каждая лампочка накаливания в этом смысле—неразрешенная проблема, но не во всех отношениях и не во всех вопросах, сопряженных с излучением света. Так, из старой теории можно было заключить, каково общее количество возбужденного посредством теплоты светового излучения и как его спектр изменяется с температурой. Но вопрос, как интенсивность света распределяется по отдельным цветам, не мог быть освещен, и это также приводило к новой квантовой теории. Но тогда было сделано наблюдение, к которому волновая теория света не была подготовлена—фотоэлектрическому эффекту. Если свет падает на металлическую пластинку, из нее излучается отрицательное электричество в форме электронов, атомов отрицательного электричества. Скорость, с которой эти электроны выталкиваются, не зависит от силы падающего света, но лишь от его длины волны. Если мы заставляем падать рентгеновские лучи, которые являются светом весьма короткой волны, то скорость освобождающихся электронов так велика, как если бы мы их возбуждали посредством напряжений в десятки тысяч вольт. Квантовая теория может дать этому наблюдению очень простое об'яснение, утверждая, что элемент энергии падающего излучения превращается в энергию движения вылетающего электрона, но она не может дать никакого об'яснения интерференциям, которые получаются, напр., при отражении рентгеновых лучей кристаллами. Сейчас методы наблюдения так усо-

вершенствованы, что можно наблюдать отдельные вырываемые рентгеновыми лучами электроны. Случается при этом, что электроны на своем пути разлагают атомы воздуха на положительные и отрицательные. Такие заряженные частицы материи могут конденсировать водяной пар с образованием облаков, при охлаждении влажного воздуха. Каждый электрон оставляет поэтому вдоль своего пути облачный след, который хорошо заметен при достаточном освещении. Таким способом можно точно расследовать, как испускаются электроны частицами, на которые падают рентгеновы лучи. При этом можно установить, что электроны предпочитают некоторое направление движения, определяемое электрическими силами падающего излучения. Следовательно, электрическая сила приходящей волны действует на самом деле именно в том направлении, в котором выталкиваются электроны.

Следующий соприкасающийся с новыми наблюдениями вопрос: как распространяется световая волна. В согласии с электромагнитной теорией света она должна распространяться подобно волне беспроволочной телеграфии, которая может быть принята во всей окрестности. Наблюдения над рентгеновыми лучами, однако, показали, что волны, исходящие от единичного атома, идут лишь в одном предпочтительном направлении. Хотя подобное распространение не противоречит электромагнитной теории, в деталях пока что понять его невозможно.

Важнейшая область, которую эксперимент завоевал для физики атома, это все-таки спектроскопия. Первые спектральные линии были открыты Фраунгофером в солнечном спектре, Бунзен и Кирхгофф показали, что спектральные линии принадлежат отдельным химическим элементам. С тех пор измерение и регистрация спектральных линий сделались особой наукой внутри физики. Теория квант имела свой наибольший успех в области систематики спектров, но и здесь битвы были большею частью весьма упорны; о них я и буду говорить. Если теории квант удалось почти при первом набеге завладеть электрическим расщеплением спектральных линий, то магнитное—эффект Зеемана—доставило ей большие трудности. Проникнуть в механизм излучения света, выяснить длительность этого процесса, она оказалась совершенно не в состоянии и, таким образом, длительность свечения атомов, которая для целых групп спектральных линий одна и та же и, следовательно, заставляет предполагать простой закон природы, остается совершенно вне какой-либо теоретической разработки.

Если теперь мы должны отказаться от теории квант в ее до сих пор принятой боровской форме, то это хотя и является острым разочарованием, но в то же время дает также и некоторое облегчение.

Противоречия, с которыми сначала теория встретилась, на радостях могли быть забыты, благодаря успехам, но они остались. Физика, воспитанного на строгих старых методах, тяготит забота. Это молодое поколение, вырастающее на теории квант, так освоилось с этими противоречиями, что оно более не сознает вполне необходимости для физической теории быть свободной от противоречий.

Если мы теперь расстанемся с боровской теорией в ее прежнем виде, она все же еще долгое время будет светить науке. То, что она выполнила,—систематизация спектров, а также спектральных линий, расщепленных магнитными и электрическими воздействиями, останется навсегда. Боровская теория была необходимым звеном на пути к действительному познанию строения атома, но она не была и не могла быть окончательным познанием его законов.

Каждому, кто берется выяснить эти вопросы, проникающие в самую природу вещей, будет задан вопрос: что же? Чем должен быть заполнен этот внезапно открывающийся пробел? На это может быть дан такой ответ: боровская теория не настолько обанкротилась, чтобы не быть в состоянии и далее служить спектроскописту нитью Ариадны в его лабиринте. И из основ теории, именно там, где мы отдаем ей должное, как раз теперь начинают развиваться зародыши новых представлений. Вновь пытаются со всех сторон проникнуть в неизвестную область. Эти исследования еще настолько новы, что, пожалуй, преждевременно о них говорить, но об одном из них я все же хотел бы сказать несколько слов. То, что особенно задевало в квантовой теории, это—полнейший отрыв от прежних теорий, непонятность кратных чисел и невозможность создать представление о действительных процессах.

И вот, Шредингер в Цюрихе сделал попытку истолковать всю проблему, как проблему колебаний, и сделать ее, таким образом, опять доступной нашему пониманию.

Каждый скрипач знает, что струна способна к определенным собственным колебаниям; она имеет самый низкий тон—основной тон, при котором сильнее всего колеблется середина струны, и лишь концы ее остаются в покое. Ближайшим колебанием является первая октава, при которой в середине струны образуется точка покоя—узел; далее следует квинта с двумя узлами, которыми струна делится на три части, и так далее. Числа колебаний этих тонов как раз стоят в отношении целых чисел: 1, 2, 3 и т. д., и здесь эта кратность обусловливается самым способом возникновения колебаний. Хотя пифагорейцам не были известны числа колебаний различных тонов, они знали, что тоны струн задаются отношениями расстояний между узлами, которые выражаются теми же целыми числами. Мистика чисел, с которой они это связывали, уступила место прогрессирующему физическому знанию и кратность гармонических обертонов не заключает в себе для нас уже ничего поразительного.

И вот, Шредингер пытается целые числа квантовой теории свести на подобные собственные колебания, физический смысл которых пока что остается невыясненным. Если бы это действительно удалось, то с особой ролью, которую играют целые числа в квантовой теории, было бы покончено, и здесь также мистика чисел была бы вытеснена смелой логикой физической мысли,— но не к всеобщей радости. Ибо мистика представляет для многих бо́льшую притягательную силу, чем холодный и трезвый образ мыслей физической теории. Каждый, кому по сердцу здоровое развитие физики, должен приветствовать совершающуюся, по-видимому, в квантовой теории перемену. Но мы не должны также предаваться нашей радости слишком рано. Теории всего

полгода, и при исключительно быстром темпе научного прогресса еще нельзя вынести окончательный приговор теории, которая так недавно увидела свет.

Тем не менее это весьма значительные идеи, которые уже начинают оформляться.

Уже давно выяснилось, что законы механики не достаточны для малого мира атома. Нечто подобное с давних пор обнаружилось в теории света. Мы привыкли говорить о световых лучах, но мы говорим редко или никогда о звуковых лучах. Откуда проистекает это различие, раз в обоих случаях речь идет о волнообразных процессах? Оно происходит от того, что длины волн света несравненно меньше, чем звука. Длина волны зеленого света составляет лишь около половины тысячной доли миллиметра, в то время как волна среднего тона рояля, так наз. камертона, имеет длину приблизительно в три четверти метра, т.-е. более, чем в миллион раз больше, чем длина волны зеленого света. Но во всех процессах, которые основаны на волнах, имеет место так называемая диффракция. Под нею понимается отклонение распространяющейся волны от прямолинейного направления, и всеобщий закон распространения волн, выражающийся принципом Гюйгенса, высказывает, что волна, минующая препятствие или проходящая через отверстие, распространяется прямолинейно лишь при условии, что длина ее много меньше препятствия или отверстия. Поэтому в случае света мы имеем почти всегда прямолинейное распространение, как мы видим это в образовании теней, потому что длина световой волны столь мала, что мы наблюдаем диффракцию лишь при исключительно малых об'ектах и отверстиях, обыкновенно же нет. В случае звука мы имеем почти всегда диффракцию, звуковую тень мы наблюдаем лишь за большими зданиями или скалами. Свет мы можем правильно отразить самым маленьким зеркальцем, эхо же мы получаем лишь от больших стен. Отсюда следует, что в случае света, коль скоро не принимается в расчет диффракция, мы можем говорить о прямолинейных или преломленных лучах. Так обстоит дело в большой области оптики. На этом основано действие линз в телескопах и микроскопах и об'ективов фотографических камер. Но этот способ рассмотрения имеет свои границы, когда мы свет заставляем падать на очень маленькие тела. Здесь прямолинейное распространение не имеет места, и отсюда, между прочим, следует, почему мы наталкиваемся на непреодолимый предел для разрешающей способности микроскопа. Именно мы не можем хорошо видеть в микроскоп тела меньше длины световой волны. Отсюда можно заключить, что механика становится недействительной, когда мы проникаем в микрокосм атома, совершенно подобно тому, как при переходе к слишком малому приходится отказываться от прямолинейного распространения света. И основание должно быть одно и то же, потому что и там и здесь речь идет о волновых процессах.

Мы могли бы допустить, что малейшая частичка вещества всегда сопровождается системой волн, связанных с нею и занимающих такое пространство, что они покрывают весь об'ем атома.

Тогда, само собой разумеется, не придется говорить об обращении столь обширной волновой системы вокруг атома, если протяжение обращающегося тела много более, чем сама орбита.

Так мы приходим к волновой механике, принимающей наличие волн во всех основных процессах. Подобное развитие не должно нас особенно удивлять. Сначала механика составляла основу физической теории, и все казалось возможным свести к движению. Но ей не удалось обнять электричества и магнетизма. Напротив того, электричество отразило копье и принудило механику перейти в подчиненное положение. Мы теперь привыкли считать материю, состоящей из электричества. Затем квантовая теория попыталась устранить волновую теорию света. Но она осталась непоколебленной, отразила нападение и перешла в контратаку, чтобы, вероятно, завоевать весь физический мир.

То, что я вам нарисовал, не является законченным физическим зданием; это—научное соревнование, но не людей друг с другом, хотя и эта черта не всегда отсутствует. Но в наиболее существенном эта борьба человеческого духа не против сил природы, но за научное знание. Как во всякой настоящей войне расточительность чудовищна. Одна идея за другой бросаются в борьбу и исчерпываются. Клочок за клочком отвоевывается почва; она переходит не без ответных ударов. Мы не должны считать, что борьба близка к концу. То, что я изложил, это лишь очередное нападение, и оно не заканчивает борьбы.

При борьбе за познание, которую я пытался изложить в общих чертах, идет речь о великих вопросах человеческой природы. Никто более не сомневается в том, что победа человека над бесцельно действующими силами природы для подчинения их моральным и культурным целям возможна лишь через научное познание. Истинная наука мыслима лишь как познание причинных соотношений.

Теперь поставим вопрос: возможно ли и дальше это проникновение в причинные соотношения вещей, начатые в старые времена и продвинутые вперед в наши дни? По моему мнению, ответ должен быть утвердительным, и я считаю кое-где возникающие сомнения лишь временным параличом слишком напряженных сил.

Мы должны, напротив, настаивать на том, что приобретения физики в последние десятилетия были особенно велики, может быть, больше, чем когда-либо за тот же промежуток времени. Неизбежным следствием крупных научных достижений является то, что, коль скоро возникает новая проблема, обнаруживаются неожиданные затруднения. Преодоление этих трудностей является заветом ближайшего времени.

Механический период в химии.

(Из истории химического сродства).

Б. Выропаев.

Вопрос о сродстве является в химии одним из основных. «Если бы удалось,—пишет известный химик Центнершвер,—найти количественное выражение химического сродства как для отдельных элементов по отношению друг к другу, так и для самых различных соединений, то химия могла бы превратиться в систематическую науку о сродстве, подобно тому, как астрономия была превращена Ньютоном в механику небесных тел»[1]). В известном смысле это, конечно, так.

Можно сказать, что вокруг этого вопроса сосредоточивается внимание большинства химиков, особенно более раннего периода. Определение основной пружины химических процессов, об'яснение всей химической «механики» пытались искать главным образом в том или ином представлении о химическом сродстве.

Мир чрезвычайно разнообразен. Но в то же время он состоит из сравнительно незначительного числа простых, элементарных веществ. Из непрерывно меняющихся сочетаний этих элементов образуются все предметы в природе.

Спрашивается, можно ли в этом процессе сочетания подметить какой-либо порядок, закономерность? И что, наконец, заставляет одни элементы соединяться с другими и давать сложные вещества? Есть ли здесь какая-либо одна общая причина?

Химия с давних пор выдвинула для разрешения этих вопросов идею о химическом сродстве. «Старой идеей,—пишет Центнершвер,—является идея химического сродства. Мысль, что в основе всех химических процессов лежит одна общая причина, была введена в натурфилософию Гиппократом в V столетии. Однажды возникши, это понятие химического сродства пережило все перевороты в химических воззрениях средневековья: от алхимии до учения о флогистоне. К нему примыкает антифлогистоновское учение Лавуазье. Вокруг этого понятия поочередно группировались все представления о внутреннем строении молекул, о взаимном расположении атомов, о механике химических процессов—все те гипотезы, которые в течение истекшего столетия с большей тщательностью были развиты и разработаны, чтобы впоследствии одна за другой быть оставленными. И чрезвычайно инте-

---

[1]) Центнершвер, Химическое сродство и его значение для техники, стр. 105.

ресно проследить, что едва ли можно на протяжении всей истории указать на какой-нибудь существенный успех в какой-либо области естественных наук, который бы не оказал влияния на определение сродства в химии. Так, толчок к развитию понятия сродства дается то биологическими науками, то философией; то сказывается на нем влияние точных законов механики, то—результаты исследования электрохимических явлений. Лишь новейшее направление в химии, выразившееся в физико-химических исследованиях, дало понятию о химическом сродстве точное определение; оно создало точные методы для измерения величины сродства и подняло это понятие на ступень основного понятия химии»[1]).

На протяжении всей истории химии можно выделить ряд периодов, в пределах которых все представления и теории о сродстве, несмотря на все различия и оттенки, имеют под собою одну общую основу. Так, новая концепция мира, созданная Ньютоном, наложила свою печать на все последующее естествознание, в том числе и на представления о химическом сродстве. Химики XVII и XVIII веков создавали учение о сродстве, исходя из представления о всеобщем тяготении. Открытия в области электричества выдвинули новую силу—силу электрического притяжения. И Берцелиус (главным образом), считая электричество причиной химического сродства, развил эту мысль в обширную электрохимическую теорию. И, наконец, последний период, начатый термохимическими работами Бертло и Томсена, привел к физико-химическому представлению о сродстве. Ряд выдающихся физиков и химиков—Вант-Гофф, Горстман, Гельмгольц, Больцман, Нернст и др.—разрабатывали термодинамику химических процессов, и современное представление о сродстве входит составной частью в учение об энергетике.

Данный очерк посвящен первоначальному периоду в развитии научных взглядов на сродство. Этот период, начатый Бойлем и Ньютоном, заканчивается классическими работами Бертолле в области химической статики. Общая черта всех теорий—попытка дать механическое представление для всех явлений сродства.

Эпоха Бойля—Ньютона—Лавуазье.

> «Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство». Ленин.

Исторической заслугой алхимиков является тот большой фактический материал, который они собрали на протяжении многих столетий. Но на-ряду с этим, как это ни странно на первый взгляд, среди алхимиков (да и не только их) не было ясного сознания важности эксперимента и, главное, не было представления о том, что опыт, эксперимент является последней проверкой всякого исследования.

На грани новой исторической эпохи восходящий класс—буржуазия—выдвинул вопрос о новом методе и новых формах изу-

[1]) Ibid., стр. 5—6.

чения природы. Англичанин Ф. Бэкон, «родоначальник английского материализма и всей опытной науки новейшего времени»,—как его назвал К. Маркс,—выступил с резкой критикой старой науки. Отвергая средневековую схоластику, основанную на анализе слов и понятий, он выдвинул на первый план естествознание и главным источником познания провозгласил при этом опыт, понимаемый в об'ективно-материалистическом смысле.

I.

Ф. Бэкон умер в 1626 году. В том же году в Ирландии родился Р. Бойль, основатель современной химии и один из крупнейших ученых того времени. «После смерти Бэкона,—пишет Бокль,—одним из самых даровитых людей между англичанами был, конечно, Бойль, которого по сравнению с его современниками можно считать стоящим непосредственно после Ньютона» [1]).

Естествознание нового времени, начало которого можно считать, примерно, с середины XV столетия, накопило к этому периоду в большом количестве сырой эмпирический материал. Основная задача естествознания заключалась, в том, чтобы справиться с этим уже имевшимся на-лицо материалом. Вполне естественно, что первое место заняла наиболее элементарная отрасль естествознания—механика и вместе с ней развитие и усовершенствование методов математики. Декарт разрабатывает и обосновывает в основных чертах аналитическую геометрию, Ньютон и Лейбниц—дифференциальное и интегральное исчисление, Непер—логарифмы.

Выясняются главные законы механики твердых тел. Механика жидких и газообразных тел отстает в своем развитии. И только физика находится в зачаточном состоянии и химия не поднялась еще до уровня самостоятельной науки.

Влияние философии Бэкона и успехи в области точных наук сказались и в работах Бойля и в его общих взглядах на химию. Последняя, по мнению Бойля, должна стать, прежде всего, самостоятельной наукой. Поэтому необходимо освободить ее от ятрохимических и алхимических обязанностей, как это было до сих пор; надо отказаться от бесплодного схоластического анализа понятий и отдельных слов и перейти к анализу фактов, положив в основу всего наблюдение и опыт. С чрезвычайной для того времени ясностью эти взгляды высказаны Бойлем в одной из его работ—«Preliminary Discourse»: «Химики до сих пор руководствовались узкими принципами и были лишены широких взглядов. Они видели свою задачу в приготовлении лекарств и в извлечении и превращении металлов. Я пытался подойти к химии с совершенно иной точки зрения, не как врач или алхимик, а как должен это сделать философ. Я наметил здесь план химической философии, который будет, как я надеюсь, дополнен моими опытами и наблюдениями. Если бы люди больше дорожили успехами настоящей науки, чем своими личными интересами, то им легко можно было бы доказать, что лучше всего направить все свои силы на постановку опытов и накопление

---

[1]) Бокль, История цивилизации Англии, изд. Павленкова, 1895 г., стр. 153.

наблюдений и не высказывать никаких теорий, не проверив сначала относящихся к ним явлений»[1]).

Плодотворная деятельность Бойля могла иметь известный успех не только среди ученых Англии, но и в более широких ее кругах. Это было вообще довольно любопытное время. Карл II, король английский, покровительствует созданию королевского общества, выросшего из частного кружка ученых-естествоиспытателей. Естествознание становится как бы модой. Им интересуются, им даже увлекаются. Известный английский историк Маколей приводит по этому поводу такие любопытные факты: «Опытные науки,—рассказывает он в своей истории Англии,—сделались всеобщей модой. Переливание крови, взвешивание воздуха, сгущение ртути заняли в общественном мнении ту роль, которая перед тем занята была прениями Роты[2])... Все классы были увлечены господствовавшим настроением. Кавалер и круглоголовый, епископал и пуританин соединились на время друг с другом. Богословы, юристы, государственные люди, аристократы, принцы увеличивали торжество Бэконовой философии... И главный судья Гель и лорд хранитель печати Гильфорд урывали по нескольку часов от служебных занятий, чтобы писать о гидростатике. ...Химия вместе с вином и любовью, с театром и карточным столом, с интригами царедворца и интригами демагога занимала некоторое время внимание непостоянного Бокингама. ...Сам Карл имел лабораторию в Вайтголле и был там гораздо деятельнее и внимательнее, нежели в государственном совете. Для репутации изящного джентльмена почти необходимо было уметь что-нибудь сказать о воздушных насосах и телескопах; и даже изящные дамы по временам считали нужным притворяться любительницами науки... и разражались криками восторга, когда находили, что магнит действительно притягивал иголку и что микроскоп представлял муху величиной с воробья. Дух Френсиса Бэкона распространился повсюду... Астрология и алхимия сделались посмешищами...»[3]).

О чем может свидетельствовать подобное увлечение широких слоев тогдашнего английского общества вопросами естествознания? Несомненно, что под внешней оболочкой общественных симпатий и увлечений должны действовать более глубокие социальные процессы.

Развитие естествознания всегда было теснейшим образом связано с успехами философии, с одной стороны, и с развитием производительных сил—с другой. Только с ростом и укреплением промышленной буржуазии, заинтересованной в гораздо большей степени, чем все существовавшие до нее классы в развитии производительных сил—только с ее приходом наука получает действительно прочный фундамент для своего существования. Эпоха Карла II и была эпохой начинающегося расцвета нового класса—промышленной буржуазии.

Может, конечно, вызвать некоторое недоумение то обстоятельство, что во главе этого прогрессивного движения стоял двор и аристократия.

---

[1]) В. Герц, Очерк истории развития основн. воззрен. химии, изд. НТО ВСНХ, 1924, стр. 33.

[2]) Рота — клуб английских политиков.

[3]) Маколей, Собрание сочинений, т. IV: История Англии, издание Тотлебена, 1861 г., стр. 403—407.

Наука, как известно, не была никогда в особом почете у аристократов-помещиков.

Но здесь мы присутствуем лишь при некоем историческом маскараде. Старые феодальные бароны смогли в достаточной степени уничтожить друг друга в продолжительных войнах между белой и алой розой. Их наследники, хотя и носили старинные аристократические фамилии, имели, однако столь отдаленное родство, что составляли уже совершенно новую корпорацию, их привычки и стремления были больше буржуазными, чем феодальными. Генрих VIII в большом количестве создавал новых буржуазных лэндлордов, щедро раздавая и продавая по дешевой цене церковные имущества. Этому же способствовала беспрерывно продолжавшаяся до конца XVII века конфискация крупных поместий, переходивших в дальнейшем совсем не в аристократические руки. Вот почему многие из крупных землевладельцев из экономических и политических соображений принимали участие в совместной деятельности с финансовой и промышленной буржуазией. «Вот почему английская «аристократия» со времени Генриха VIII не только не противодействовала развитию промышленного производства, но, наоборот, старалась извлечь из него пользу» (Энгельс) [1].

Бойль, как мы уже сказали, подверг критическому пересмотру существовавшие до него взгляды на химию, как на средство приготовления лекарств и добычи дорогих металлов. Бойль отводил химии место самостоятельной науки.

Вполне понятно, что мыслитель, настроенный столь критически, должен был пересмотреть и все основные общепринятые представления химии, что он и проделал прежде всего по отношению к учению об элементах.

Еще Парацельс (1493—1540), которого обычно расценивают, как неисправимого фантаста, отвергал представление об элементах в аристотелевском смысле, относя это понятие не к «качествам», а к самому веществу.

Бойль пошел в этом направлении дальше, и высказанный им взгляд на элементы в основном сохранился в науке и до сих пор. Взгляд Бойля по этому вопросу формулирован им в его знаменитом «Chimicus Scepticus» следующим образом: «Под элементом я подразумеваю теперь первичные простые или совершенно не смешанные тела, которые не могут быть получены из какихлибо других тел или одно из другого. Они суть составные части, из которых непосредственно состоят все так называемые хорошо смешанные тела, и в которые они в конце концов переходят».

Здесь нет еще разграничения между смесью и химическим соединением. То, что мы теперь называем простым или сложным химическим телом, у Бойля фигурирует, как «первичные простые и хорошо смешанные» вещества. Но не в этом заключается то принципиально новое, что дано Бойлем. Новым является его представление об элементах, как веществах качественно индивидуальных, которые не превращаются одно в другое.

Вопрос о составе тел мог уже к тому времени более или менее удовлетворительно решаться экспериментально. Этому в значительной степени

[1] Энгельс. Предисловие к англ. изд. «Развитие научного социализма».

способствовали успехи химии в области анализа, связанного с развитием химической технологии и в частности металлургии.

В области химической промышленности в Англии многое было сделано еще в эпоху Елизаветы. Значительно увеличилось производство мыла, возросла добыча селитры, развилась выработка оконного стекла, кожи и пр. Усиленный интерес к химическому производству проявлялся одновременно и во Франции Кольбером, Фридрихом Великим в Германии и Марией Терезой в Австрии. Но исключительно быстро развивалась металлургия.

Кроме нормально увеличивающегося ежегодно спроса на металлические изделия, росту металлургии в чрезвычайной степени способствовало создание небывалых до этого по своим размерам регулярных армий. Появление больших регулярных армий, начиная, примерно, уже с XVI века, подняло спрос на предметы вооружения и тем самым на металлы (главным образом, конечно, железо). Достаточно привести такой пример. В начале 1652 года английское правительство потребовало немедленно выделки 335 пушек и в конце того же года вновь об'явило, что ему необходимо и опять-таки немедленно 1.500 железных артиллерийских орудий весом в 2.230 тонн, столько же повозок, 117.000 снарядов, 5.000 ручных гранат и, кроме того, 12.000 баррелей пороху. Правительственные агенты об'езжали всю страну, брали на учет каждого мастера и все же невозможно было удовлетворить столь внезапный и для того времени огромный спрос. «Какой переворот все это должно было вызвать в старинном процессе производства мастеров-оружейников. И не их одних. Рядом с производством ружей, пистолетов, пушек и других предметов вооружения (кирасс, алебард), снарядов, селитры, пороха, рядом с появлением литейных заводов для литья пушек и гранат, производства ружей, пороховых заводов—крупный спрос на эти предметы должен был повлиять на производство нужных для них материалов—металлов: железа, меди, олова—и преобразовать процесс их переработки, в особенности превращение руды в литое и ковкое железо; армия стала крупным потребителем последнего, в сущности единственным массовым потребителем железа. В связи с этим находится повсюду развитие горного дела с XVI ст., расширение добычи железной руды и развитие в Англии медных, свинцовых, оловянных рудников. Отсюда появление и новых доменных печей—без них не могло обойтись литье железа, необходимого для пушек, ядер, труб»[1]).

Работы в горной промышленности требовали экономически мощных организаций. Дорого стоящие приспособления для откачивания воды и расходы, связанные с удалением вредных газов, вели к об'единению и укрупнению горнозаводского производства. Так, уже в начале XVI века в Мансфельде существовало очень крупное предприятие по сбыту меди. Но наиболее мощным предприятием были английские каменноугольные копи Ньюкестля, на долю которых приходилось до $^3/_5$ всего производства в стране. На крупных рудниках и заводах употреблялись все технические усовершенствования. Появились домны с толчеей для размалы-

[1]) Кулишер, Лекции по истории экономического быта Западной Европы, изд. «Мысль», 1923 г., т. II, стр. 86.

вания руды и поддувальные меха. Большинство машин приводилось в действие силой воды. В результате этого стала возможной обработка более тугоплавких руд.

Свойства минералов и руд, способы их добычи и обработки являлись важнейшим об'ектом изучения химии. Почти все наиболее крупные химики уделяли большое внимание вопросам металлургии.

В связи с этим получил стимул для своего развития химический анализ. Анализ сухим путем развивается особенно быстро после введения паяльной трубки[1]). Открываются специально аналитические лаборатории. Так, шведский король Карл XI устраивает в 1686 г. техническую лабораторию, в которой производятся исследования руд, сортов почвы, минералов и пр. То же самое мы наблюдаем и в Англии.

Вторым обстоятельством, способствовавшим развитию анализа, были потребности медицины и санитарии и, главным образом, исследование минеральных источников и благоустройство городов. Требовалось определять состав лекарств и приготовлять новые (вспомнить ятрохимию!), определять состав и свойства целебных и других минеральных вод и пр. Много анализов минеральных источников проделал, например, известный химик и профессор медицины Гоффман. Чрезвычайно остро стоял и вопрос коммунального благоустройства в связи с ростом городов. Трудно даже представить, до какой степени были загрязнены и необорудованы тогдашние даже наиболее крупные города. Вот как описывает, например, Маколей некоторые части Лондона времен Бойля: «Если бы самые модные части столицы могли предстать перед нами такими, какими они были тогда, мы с отвращением отшатнулись бы от их гадкой наружности и задохлись бы в их зловонной атмосфере. В Кавент-Гардене грязный и шумный рынок примыкал к жилищам вельмож. Овощницы кричали, извозчики дрались, кочерыги и гнилые яблоки валялись кучами у самых порогов графини Беркшир и епископа Доргамского». И далее: «Если таково было состояние местности, населенной самой роскошной частью общества, то мы легко можем поверить, что масса столичных жителей терпела такие неудобства, которые теперь были бы сочтены невыносимыми. Мостовые были отвратительны; водостоки были так дурны, что в ненастье канавки быстро превращались в потоки. Некоторые юмористические поэты воспели ярость, с какою эти черные ручьи бушевали, неся огромную дань животных и растительных остатков из мясных и зеленных лавок» [2]).

Эпидемия чумы 1665 года, причинившая Лондону громадные опустошения, побудило Королевское общество заняться самым тщательным образом подысканием способов улучшить дренаж, вентиляцию и водоснабжение города. А эти изыскания требовали в свою очередь применения химического анализа.

Вернемся, однако, к Бойлю. Роберт Бойль был одним из создателей анализа мокрым путем. До него химический анализ производился преимущественно в сухом виде. Многие аналитические приемы, предложенные Бойлем, применяются еще и до сих

[1]) Впервые паяльную трубку начали употреблять в Швеции для исследования руд.

[2]) Маколей, стр. 353, 355.

пор. Таковы реакции осаждения хлора серебром, определение аммиака по образованию тумана в присутствии кислот; кроме того, Бойль изучал лечебные средства и их химико-физиологическое действие, занимался вопросами, связанными непосредственно с производством, как отделение металлов, приготовление стеклянных плавней, протрав, красок и пр.[37]

Но основным недостатком тогдашних работ по анализу химических веществ и работ препаративной химии вообще является слабое знакомство с газами.

Еще В. Гельмонт (1577—1644)—врач, последователь Парацельса и алхимик, отвергая общепринятые представления о превращении воды в воздух, признавал самостоятельное существование различных газов. При этом он впервые ввел различие между газами и парами. Но идеи Гельмонта были забыты.

Бойль также уделял газам много внимания. Его основные работы касались преимущественно газов. Только полстолетия отделяют их от исследований Гельмонта, но разница и в самой работе и в описании результатов поразительна. Бойль изучал прежде всего физические свойства газов, в результате чего он нашел в 1660 г. основной закон газового состояния, названный его именем. Бойль, один из первых, собирал газы в особых сосудах под водой. В его химических наблюдениях газов преобладала, главным образом, качественная сторона, при чем многие его взгляды страдали неясностью или были просто ошибочными, и все-таки на-ряду с этим Бойль внес чрезвычайно много нового в понимание процессов горения, дыхания и окисления вообще. У большинства тогдашних химиков существовал взгляд, что газы—это атмосферный воздух с различными примесями. Подобную же неясность и ошибку обнаруживал и Бойль. Так, он не был, например, вполне убежден, что углекислота и водород существенно отличаются от воздуха. Он не видел, как будто вообще разницы между воздухом и газами, которые он называл «искусственным воздухом». Но на-ряду с этим Бойль указывал на то, что в воздухе есть какая-то составная часть, есть «какое-то рассеянное в нем жизненное вещество», необходимое для горения и дыхания, что при окислении металлов вес их увеличивается, что удельный вес окиси металла легче удельного веса чистого металла. Он показал также, что при обжигании свинца часть воздуха пропадает и что в пространстве без воздуха сера не может гореть.

Таким образом, Бойль так безупречно описал ряд химических явлений, имеющих первостепенное значение для правильного понимания теории окисления, что порой можно только недоумевать, как он не смог открыть самого кислорода. Во всяком случае аналитические работы Бойля и его современников давали уже достаточно экспериментального материала, чтобы ставить и разрешать вопрос об элементах по-новому. И Бойль дал, как мы уже видели, новое и настолько удовлетворительное представление об элементах, что оно в основном не нуждается в исправлении и до сего времени. Но необходимо здесь же отметить, что взгляды Бойля на элементы в дальнейшем не привились, и учение о четырех элементах Аристотеля сохранилось в химии вплоть до конца XVIII века.

Бойль первый пытался применить для об'яснения химических явлений понятие об атомах. К этому времени забытые идеи греческих натурфилософов были вновь воскрешены в работах французского философа Гассенди. Бойль был аристократ и обладал большим состоянием. Будучи еще юношей, он имел возможность путешествовать по Европе. Эта поездка Бойля совпала с знаменитым спором между Декартом, отрицавшим пустоту и атомистическое строение материи, и Гассенди, горячим защитником атомистики. Когда же Бойль окончательно поселился в Оксфорде, где в дальнейшем протекала вся его научная работа, основные сочинения Гассенди об атомистике были уже широко известны.

Гассенди свое учение, представляющее собою возрождение забытого и извращенного учения Эпикура, изложил в главном своем труде «Syntagma philosophicum», которое было напечатано уже после его смерти (в 1658 г.). Гассенди и так называемые гассендисты составляли в XVIII столетии самостоятельное направление в физике, которое в противоположность теории вихрей Декарта защищало атомистическую теорию строения материи. Все тела, по мнению Гассенди, состоят из атомов. На-ряду с атомами существует пустое пространство, разделяющее их. Атомы не могут быть воспринимаемы, так как они чрезвычайно малы. Они отличаются друг от друга по своей величине, форме и весу. «Тела бывают,—говорит Гассенди,—либо конкретными, т.-е. сложными, либо такими, из которых сложные тела образуются. Тела второго рода, если они первичны и просты, составляют первую материю вещей и называются началами, а у новейших писателей элементами». И дальше: «Необходимо, чтобы так называемые начала сложных тел были по своей природе полными, плотными, неизменными и совершенно неделимыми; потому они и называются атомами. Атом называется так не потому, что он чрезвычайно мал, что он нечто вроде точки (ибо он имеет величину), а потому, что он не может быть разделен, так как не доступен никакому воздействию и не содержит в себе никакой пустоты» [1]). Итак, атомы по своей природе являются полными, плотными и неизменными. Все же свойства вещей определяются различной группировкой и движением атомов. Атомы могут сближаться и расходиться, что влечет за собою сжатие и расширение тел.

Бойль воспринял атомистические взгляды Гассенди.

Атомистическая теория, введенная в химию Бойлем, была более детально развита его учеником Лемери—в получившем большую известность учебнике Cours de la chymie (1675 г.). Учебник Лемери был переведен на многие языки и служил одним из основных пособий еще и в XVIII веке. Лемери мыслил более решительно и, так сказать, свободно, нежели Бойль. Лемери пытался не только дать общие представления о причинах сродства и химического взаимодействия, но и применять эти представления к отдельным частным видам реакций. На основании, например, определенных фактов, характеризующих свойства кислот и щелочей, Лемери выводил эти свойства, допуская различ-

---

[1]) Гассенди, Syntagma philosophiae Epicuri. Цит. по А. Деборину Книга для чтения по истории философии, изд. 1924 г., т. I, стр. 190—191.

ную форму частиц. Так, частицы кислоты, по мнению Лемери, имеют форму игол, что подтверждается как будто игольчатой формой кристаллов кислоты. Различие же в форме атомов об'ясняет процесс соединения и разложения веществ, процесс их химического взаимодействия. Вот что пишет по этому поводу Лемери в своем учебнике: «Подобно тому, как нельзя лучше об'яснить природу такого таинственного вещества, как соль, придав частичкам, из которых она состоит, формы, отвечающие всем действиям, эффектам, ими вызываемым, я скажу, что кислотность раствора заключается в острых частицах солей, которые находятся в движении. Я не думаю, что меня будут оспаривать, что кислота имеет острые иголочки, так как это доказывают все опыты; ее надо только попробовать, чтобы испытать это чувство, напоминающее укол, похожий или очень близкий к тем уколам, которые производят очень тонко очиненные предметы. Но наглядным и убедительным доказательством, что кислота составлена из острых частиц, является тот факт, что не только кислые соли кристаллизуются в иглах, но и все растворы, полученные из различных кислых растворителей, принимают при кристаллизации этот вид. Эти кристаллы состоят из игл, отличающихся между собой по длине и по величине; это разнообразие кристаллов надо приписать иглам различных кислот, более или менее острым; эта разница в тонкости игл, благодаря которой одна кислота лучше другой проникает и растворяет смесь, которую другая не может перевести в жидкость».

Соответствующее и о щелочах: «Щелочь—это вещество, состоящее из тупых частиц, ломающихся, поры которых сделаны таким образом, что острые иглы, войдя в них, разбивают и отстраняют все, что препятствует их движению» [1]).

Нельзя отрицать известного остроумия в этих об'яснениях Лемери, добытых якобы «опытным» путем. Но, вместе с тем, сколько здесь произвола и просто фантазерства. Иначе, впрочем, и не могло быть. Атомистическое направление в физике и естествознании XVIII столетия знало только либо непосредственный удар атомов, либо сцепление крючкообразной и иной формы частиц.

II.

Новые представления о свойствах материи были даны Ньютоном. Ньютон примыкал к школе атомистов. В 1687 году было опубликовано произведение, открывшее новый период в развитии естествознания—«Математические начала Натуральной Философии». Уже в этом сочинении Ньютон высказывает тот взгляд, что универсальная сила тяготения может быть распространена формально на все элементы материи, в том числе и на отдельные частицы тел. Более же подробно на вопросе взаимодействия атомов и частиц и на понимании их сродства Ньютон останавливается в своей «Оптике» [2]). По мнению Ньютона, следует различать те силы, которые действуют между частицами вещества, и силу тяготения. Притяжение между частицами переходит на

---

[1]) Lemery, Cours de la chymie. Цит. по Вальдену.

[2]) Ньютон занимался сам не только химией, но и алхимией. Подробнее см. Цейтлин, Наука и гипотеза. Гиз, 1926 г., стр. 192.

очень малом расстоянии в отталкивание. Сила тяготения приводит в движение небесные тела, движение же частиц зависит от другой силы, которая притягивает и отталкивает. Законы проявления этих сил аналогичны. Но дальше этого в смысле полного отождествления этих сил Ньютон не идет. «Частицы притягиваются лишь на очень малых расстояниях, за пределами которых начинает действовать отталкивание, как отрицательные величины в алгебре начинаются там, где уничтожаются и кончаются положительные». На отдельных примерах Ньютон с достаточной ясностью выражает свои взгляды на химическое сродство, сводя его к действию внутримолекулярных сил. Разбирая влияние серной кислоты на поваренную соль и селитру, влияние медных солей на железо и серебряных солей на медь, он об'ясняет все явления замещения различной силой притяжения частиц реагирующих веществ. Говоря далее о процессе растворения солей винной кислоты в воде, он пишет: «Не обладают ли частицы тел некоей силой, благодаря которой они взаимодействуют на расстоянии, чтобы воспроизвести большую часть явлений природы... Не происходит ли растворение солей винной кислоты, благодаря сродству их частиц, к частицам воды, которые носятся в воздухе в виде паров» [1]). Эти идеи легли в дальнейшем в основу всех представлений о сродстве.

Физика Ньютона, как известно, далеко не сразу получила свое признание. Достаточно привести лишь один в высшей степени показательный факт. Наиболее употребительным руководством по физике был в то время картезианский учебник Рого, издававшийся, между прочим, несколько раз и в Англии.

Физическая система Ньютона в течение приблизительно 30 лет со дня выхода в свет «Начал» не могла вытеснить картезианской системы, положенной в основу этого учебника. Так обстояло дело в Англии. То же самое было и во Франции: французские ученые во главе с Парижской Академией Наук долго и упорно продолжали стоять на картезианской точке зрения. И даже сорок лет спустя, Вольтер после поездки в Англию писал в своих «Философских письмах»: «В Париже считают вселенную, состоящей из вихрей тонкой материи; в Лондоне ничего этого не признают. У нас давление луны вызывает морские приливы, а у англичан море тяготеет к луне, так что, когда вы думаете, что луна должна была вызывать прилив, эти господа полагают, что должен быть отлив... Вы заметите, кроме того, что солнце, которое во Франции не имеет никакого отношения к этому делу, в Англии производит около одной четверти результата. У наших картезианцев все совершается благодаря толчку, который непонятен; у г. Ньютона—благодаря притяжению, причина которого так же неизвестна... Ваша химия производит все свои реакции с кислотами, щелочами и с тонкой материей; у англичан притяжение господствует даже в химии» [2]).

Однако, с каждым годом физические принципы Ньютона все больше и больше продолжали завоевывать общее внимание и признание как в самой Англии, так и на континенте.

---

[1]) Newton, Optik, Ostw. Klas. № 97, вопр. 31.

[2]) Oeuvres completes de Voltaire, Paris 1879 t. 22, p. 121—132. Цит. по А. Деборину, Книга для чтения по истории философии, т. II, стр. 12—13, изд. 1925 г.

Система Ньютона оказала громадное влияние на все естествознание. В области химии это влияние сказалось, в первую очередь и главным образом, в изменении взглядов на молекулярные движения и природу химического сродства.

Одним из наиболее ревностных и неутомимых защитников взгляда Ньютона в этой области был знаменитый голландский химик и профессор медицины Бургав [1]). Так, например, в своем знаменитом учебнике «Elementa chemiae» (1732 г.) он пишет: «На ежедневном опыте можно наблюдать, что частицы после того, как растворят своим действием, тотчас же соединяются с частицами растворенного вещества, образуя новое соединение, по природе резко отличающееся часто от взятых веществ. Разве между каждой частицей золота и царской водки не наблюдается с ясностью некая сила, которая взаимно притягивает... соединяет и удерживает частицы» [2]). Между частицами действует «некая сила» и поэтому совершенно отпадает необходимость измышлять крючкообразную и иную форму частиц для об'яснения их взаимного притяжения.

Еще с большей решительностью и определенностью эти взгляды защищал знаменитый Бюффон в своей энциклопедической работе «Histoire naturelle». «Законы сродства,—пишет Бюффон,—те же, что и основной закон, по которому действуют друг на друга небесные тела; частичные же притяжения изменяются только действием форм составных частиц, потому что эта форма входит в пространство, как элемент... Форма, которая при взаимном влиянии небесных тел, благодаря большому расстоянию их друг от друга, не принимается в расчет, имеет, наоборот, при небольшом промежутке или полном отсутствии такового решающее значение... Ученые будущих столетий с помощью вычислений откроют здесь новое поле для познаний и установят, может быть, форму элементов тел» [3]). Законы сродства те же, что и закон тяготения. Но вместе с тем в межмолекулярных взаимодействиях «решающее значение» имеет уже не сила тяготения, которая лежит в основе, а форма частиц. Тем самым закон тяготения не уничтожается, а лишь видоизменяется, усложняется. Став на точку зрения физической системы Ньютона, Бюффон не отвергает совершенно и значения форм частиц, пытаясь это об'единить и дать об'яснение явлению, по его мнению, более сложному, чем тяготение.

Таким образом, представление о сродстве, как некоей силе, родственной или даже тождественной силе тяготения, укрепилось в химии [4]). Этим мы обязаны в первую очередь самому

---

[1]) См. также работы Кавендиша, несколько преувеличенно названного «Ньютоном химии».

[2]) Boerhave, Elementa chemiae, ч. I, стр. 676. Цит. по Потылицыну, О способах измерения химического сродства, Спб. 1880 г.

[3]) Buffon. Histoire naturelle, т. I, стр. 85, т. 13, стр. XII. Цит. по Вальдену.

[4]) Любопытный отголосок старых взглядов мы находим в одной из повестей Гете: «В этом отчуждении и сближении, в этом разделе и слиянии видишь как будто в самом деле назначение свыше, в таких существах предполагаешь волю и выбор, которые вполне оправдывают техническое выражение избирательное сродство... Надо собственными глазами видеть деятельность этих мнимо-мертвых, но внутренно всегда готовых на дело существ; надо с уча-

Ньютону. Взгляды Ньютона на сродство легли в основу всех теорий по этому вопросу, имевших место в XVIII столетии и в XIX, примерно, до шестидесятых годов [1]).

На-ряду с этим чрезвычайно рано возникли попытки определить количественные законы проявления сродства, найти отношения между величинами этой силы в различных телах.

На практике давно уже было замечено, что различные вещества соединяются и реагируют друг с другом не с одинаковой легкостью и дают при этом новые соединения различной прочности. Но все эти наблюдения были по необходимости довольно отрывочны и случайны.

И лишь развитие химической промышленности, понимаемой в широком смысле, в первую же очередь металлургии и связанное с этим использование полезных ископаемых ставило более повышенные требования в смысле систематизации этих фактов.

Выше мы уже отмечали, что рост выработки металлов и минеральных залежей вообще создавали условия для развития и совершенствования анализа. Внимание теоретической и технической химии было направлено на изучение способов и методов лучшей обработки продуктов горнозаводской промышленности. И ведь не даром одним из основных вопросов химии всего периода от Бойля и до Лавуазье было горение и обжигание металлов. Развитие же аналитической химии и понимание многих сторон химической «механики» находилось в теснейшей связи с успехами в области изучения газов. Процессы окисления и раскисления, исследование сложных продуктов, в состав которых входят и летучие газообразные вещества, могли получить правильное об'яснение только при хорошем знакомстве с газами.

Бойль, как мы уже видели, один из первых много сделал в изучении газов. Следующий шаг в этом направлении был сделан шотландским химиком Блэком (1728—1799). Ход исследования Блэка был приблизительно следующий. До Блэка слабые (углекислые) щелочи считались простыми веществами. Превращение таких щелочей в сильные об'ясняли прибавкой к ним чего-то (например, «огненной материи»), Блэк опроверг это. Пользуясь помощью весов, он показал, что слабые щелочи при переходе в сильные становятся легче, и обратно. Блэк пришел к выводу, что щелочи слабые должны быть по своему составу более сложными, чем щелочи сильные. В первых должен содержаться газ, который теряется при переходе во вторые. Блэк демонстрировал это на известняке. Известняк состоит из едкой извести и газа (углекислоты). Едкая известь жадно вбирает в

стием смотреть, как они друг друга ищут, притягивают, проникают, разрушают, истребляют, поглощают и потом выступают из теснейшего союза в обновленном, новом, неожиданном образе; тогда-то только начинаешь верить, что в них есть вечная жизнь, даже рассудок и смысл, ибо чувства наши едва способны верно наблюдать их, разум едва в силах понимать» (Избирательное сродство).

[1]) Но отсюда еще никак нельзя согласиться с мнением Дюма, который пишет, что «Ньютон дал о химическом сродстве понятие, к которому н и ч е г о не прибавили (курсив мой. *Б. В.*), после того, как он связал его с всеобщим тяготением и показал, как при известном расстоянии центров частичного действия оно может сделаться равным нулю и даже отталкивательным» (Dumas, Annal. de chim. et de phys., S. 4, t. 15, p. 70).

себя углекислоту, например, из органических веществ. Известняк тяжелее и, следовательно, сложнее едкой извести. (При решении этого, вопроса и в большинстве прочих исследований Блэк в широкой степени пользовался весами) [1]. И Блэк в одной из ранних своих диссертаций (1755 г.) впервые выдвигает мнение, что газы являются одним из видов существования вещества и что они могут входить составной частью в химические соединения. Как это ни кажется теперь абсолютно элементарным, следует иметь в виду, что в свое время эти принципиально новые взгляды Блэка имели для развития химии колоссальное значение. Химический анализ и вся химия лишь с этого времени могли стоять на достаточно прочной почве. Исследование любого химического превращения должно было теперь учитывать все компоненты, входящие в процесс взаимодействия, и вещества, получающиеся в результате этого процесса во всех трех возможных состояниях—твердом, жидком и газообразном.

Многое в изучении свойств газов сделал английский физик и химик Кавендиш (1731—1810). Кавендиш с большой тщательностью и с редким мастерством исследовал и описал свойства углекислоты и водорода. Для характеристики газов он ввел физическое понятие об удельном весе.

Продвинулось в сильнейшей степени изучение кислорода. Не останавливаясь на довольно многочисленных наблюдениях и выводах по этому поводу, мы вкратце коснемся замечательных работ рано умершего английского врача Майова (1645—1679).

Майов (одновременно с Бойлем и Гуком) пришел к заключению, что в воздухе должна находиться составная часть, поддерживающая горение. Майов назвал ее «селитрянно-огненным воздухом»—spìritus nitro-aëreus. Этот spiritus есть составная часть воздуха, способная поддерживать горение. Spiritus должен быть простым веществом, воздух же, вопреки существовавшим представлениям—сложным. Майов совершенно отчетливо представлял себе аналогию между процессом горения и дыхания. Так непосредственно из опыта он убедился, что воздух, в котором происходило горение, коренным образом меняет свои свойства: перестает поддерживать горение и дыхание. Свеча, введенная в такой воздух, тухнет, мышь задыхается. При одновременном присутствии в воздухе горящего тела и мыши горение и жизнь прекращаются быстрее; другими словами одна и та же часть воздуха поддерживает горение и дыхание. И, наконец, Майов алый цвет артериальной крови и образование теплоты в организме животных приписывает присутствию того же spiritus nitro-aëreus [2]. Можно сказать таким образом, что Майов дал вполне ясное и довольно исчерпывающее описание свойств кислорода, не изолировав его в чистом виде. Это сделали впервые Пристлей и Шееле только через столетие, уже во второй половине XVIII в.

Английский химик Пристлей получил в 1774 году посредством нагревания окиси ртути новый газ. Полученный газ лучше обыкновенного воздуха поддерживал горение лучины и дыхание

---

[1] См., например, Столетов, Очерк развития учения о газах.

[2] См. также Чугаев, Открытие кислорода и теория горения, изд. НТО ВСНХ, 1919 г.

животных. Пристлей назвал его в духе господствовавших воззрений «дефлогистинированным воздухом». Это был кислород. Пристлей тщательно исследовал свойства полученного им газа; так он установил, что кислород несколько тяжелее воздуха и азота, что кислород соединяется с водородом, при чем наилучшие об'емные отношения для такого соединения 2 : 1 и что при соединении получается взрыв. Пристлей выяснил роль кислорода при дыхании и предлагал использовать его при грудных болезнях. Он указывал также на возможность использовать смесь кислорода и водорода в технике для получения высоких температур.

Несколько раньше (1771—1772 гг.) получить кислород удалось также шведскому химику Шееле и притом различными путями: разложением азотнокислой магнезии, селитры и углекислого серебра.

Таким образом, во второй половине XVIII века в необходимой степени был заполнен важнейший пробел в химии: были открыты наиболее распространенные газы и изучены их главнейшие свойства. Это давало возможность привести в некоторую систему накопившийся эмпирический материал, что и пытались сделать—и надо сказать с достаточной для того времени удовлетворительностью—развитием и применением общеизвестной теории флогистона.

Каков же был фактически материал, собранный к этому времени в химии? В основных чертах он сводился к следующему. Были известны многие металлы и металлоиды—золото, серебро, медь, железо, олово, свинец, ртуть, сурьма, висмут, цинк, кобальт, никкель, платина, марганец, сера, уголь, мышьяк, фосфор, хлор. В особую группу выделялись так называемые металлические извести (окислы) и землистые вещества: известь, глинозем, горькозем. Щелочи—например, едкое кали, сода—разделялись на едкие и мягкие (углекислые). Употреблялись основные минеральные кислоты: соляная, серная, азотная и плавиковая. Было открыто значительное количество органических кислот: синильная, виннокаменная, яблочная, молочная, лимонная, щавелевая и мочевая. И были известны соответствующие соли. Из газов были открыты: углекислота, водород, кислород, хлор, закись азота, окись углерода, газы сернистой и соляной кислот, аммиак, фтористый кремний.

Таков приблизительно был фактический материал. «Нет ничего менее справедливого,—вполне основательно замечает Э. Мейер,—как утверждать, будто химия того времени была наукой только по имени и что лишь Лавуазье сделал ее таковой. История трудов Бойля, Сталя, Блэка, Бергмана, Шееле, Кавендиша, Пристлея, Маркграфа и других достаточно внушительна для того, чтобы доказать несостоятельность подобного утверждения».

Чтобы представить себе, как располагался и систематизировался этот материал, удобнее всего обратиться к какому-либо из употреблявшихся тогда учебников. Одним из наиболее распространенных руководств был учебник французского химика, члена Парижской академии наук Макера. Этот учебник (Elements de chimie thé orique, 1756) пользовался в свое время чрезвычайной

популярностью, был переведен на многие языки, в том числе и на русский [1]).

С достаточной ясностью классификация всего материала видна из самого оглавления этого сочинения.

«Оглавление.

Теория флогистона пыталась в известном смысле привести в порядок накопившийся экспериментальный материал. Но быстрый рост самой химии и потребности развивающейся химической промышленности нуждались в более широкой систематизации и охвате этого материала. И все попытки создать какую-либо систему распределения искали своего основания в том или ином представлении о химическом сродстве.

И, например, Макер по поводу общего значения теории сродства для современной ему химии пишет следующим образом: «Все прежние и нынешние опыты,—заявляет он,—доказывают, что находящиеся между различными телами, как первозданными, так и сложенными, сходство, сообобщение, сродство или, так сказать, притягательная сила, которая причиняет, что многие тела бывают способны к взаимному соединению и между тем с другими телами ни малейшего соединения учинить не могут. Сие действие, которого причина какая бы ни была, послужит нам к подаянию основательного доказательства и к связыванию всех в химии бываемых явлений» (стр. 23).

И можно действительно наблюдать, как интерес к этому вопросу—вопросу о сродстве—усиливается все в возрастающей

---

[1]) Приводим полное заглавие этого перевода: «Господина Макера. Начальные основания умозрительной химии (перевел с французского языка Косьма Флоринский). В Саинктпетербурге при императорской Академии наук, 1774 г., ч. I, 428 стр.; 1775 г., ч. II, 624 стр.». Русский перевод использован в данном случае.

[2]) Любопытно отметить, что газы еще не выделены в особую группу; в основе еще стихии Аристотеля.

степени и привлекает к себе в той или иной форме внимание всех химиков. Общей руководящей мыслью в понимании природы химического сродства служит на протяжении всего рассматриваемого периода теоретические представления Ньютона по поводу химической кинетики, развитая им в «Оптике». Но даже независимо от какого-либо представления о природе химического сродства требовалось, измерив силу этого средства между отдельными элементами и между сложными веществами, полученными из этих элементов, располагать их таким образом, чтобы создать некоторую классификацию, которая, с одной стороны, располагала бы весь материал в известную систему, и, с другой стороны, давала бы возможность предугадывать заранее направление и результат реакции между различными веществами. Попытки подобной классификации приводили к созданию соответствующих таблиц, в которые и располагались исследуемые тела по силе их взаимодействия, их сродства.

Одна из первых попыток создания таких таблиц относится к началу XVIII века и принадлежит знаменитому французскому химику Жоффруа. Он собрал все известные до него опытные данные, дополнил частью результатами своих наблюдений, систематизировал и издал отдельными таблицами.

Его исходная точка зрения была такова: если два вещества стремятся соединиться, они соединяются; если же при этом имеется третье вещество, обладающее большим стремлением к одному из них, оно входит с ним в соединение, вытесняя второе. В результате такого распределения Жоффруа получил «таблицы отношений», которые он и опубликовал в одном из мемуаров Королевской Академии Наук в 1718 г. [1]).

Одну из таких таблиц приводит в своем учебнике химии и Макер (см. табл. № 1, стр. 109). Каждый столбец представляет собою ряд веществ, расположенных в нисходящем порядке сродства к тем веществам, которые стоят в начале ряда. Так, например, в третьем столбце наибольшее сродство к «селитряной» (азотной) кислоте имеет железо, меньше медь, затем идут свинец, ртуть и серебро. И т. д.

При внимательном отношении в настоящее время можно уже сравнительно легко подметить ряд существенных недостатков: вытеснение в растворе и вытеснение сухим путем сравниваются в одной таблице; не принимаются совершенно во внимание температурные условия, влияние концентрации и пр.

И все же заслуга Жоффруа в том, что он один из первых признал сродство физической величиной, которую можно измерять и выражать числом. Некоторые из историков химии склонны иногда недооценивать результаты исследований Жоффруа. А это было научное обобщение на основании тогдашнего опыта и притом обобщение, имевшее выдающееся для своего времени значение. В руководствах того времени подобные таблицы прилагались обычно в конце и играли роль некоторой сводки, которую по аналогии, конечно, лишь в известном смысле можно сравнить с периодической системой элементов. Так, тот

[1]) В статье Table de différents rapports observés en chymie entre différents substances. Жоффруа избегал употребления недостаточно, по его мнению, определенного и притом одиозного алхимического термина—сродство «affinitas» и заменял его термино «rapport»—отношение.

же Макер, приводя в своем учебнике одну из таблиц отношений или средства Жоффруа, отводит ей такую роль в системе тогдашней химии: «Почти все химические явления,—пишет он,—основаны на сродствах, которые между различными существами, а особло простейшими находятся. Г. Гофроа, доктор лечебной науки парижского медицинского факультета, член Академии Наук и один из лучших химиков, предвидел пользу, которая от того произойти может трудящимся в химии, если они всегда будут иметь перед собой утвержденные сродства главных химических действующих начал, первый вздумал, чтобы оные привести в порядок и посредством росписи все перед глазами представить... Думаем, что химики найдут в ней удобный способ открыть то, что трудно разобрать во многих опытодействиях» (стр. 343—344) [1].

Таблицы Жоффруа оказали громадное влияние. Изучение сродства сделалось модным занятием. И ему придавалось большое значение при разрешении многих практических вопросов. Известный химик Дюма приводит по этому поводу такой любопытный случай. Во время французской революции не хватало соды. До этого сода привозилась во Францию, но теперь стал вопрос об ее искусственном приготовлении внутри страны. Требовалось для этого разработать соответствующий прием. И как же поступили? Прежде всего обратились к таблицам сродства и нашли, что, например, баритовая щелочь должна разлагать морскую соль и давать соду. В проекте требовалось одно: иметь барит по дешевой цене. С этой целью в Париже был построен баритовый завод, который смог давать барит по вполне удовлетворительной цене. Было выработано несколько сот центнеров барита. Оставалось немногое, о чем меньше всего думали,—разложить морскую соль баритом. И тут неожиданно оказалось, что барит, несмотря на таблицы сродства, не разлагает соль [2].

В конце XVIII века взгляды большинства химиков на природу химического сродства и его отношение к тяготению сводились к тому, что предполагалось существование нескольких аналогичных сил—силы тяготения, соприкосновения, сцепления, сродства. Тяготение действует на столь большом расстоянии, что единственным фактором, его обусловливающим, является масса тел. Сила соприкосновения требует для своего проявления малого расстояния между частицами, и оно должно быть пропорционально поверхности соприкасающихся тел. Сила же сцепления проявляется только между частицами одного и того же вещества. Химическое сродство (сила сродства) подобно последней силе,—силе сцепления,—не обладает избирательным свойством. Таков, например, взгляд по этому вопросу известного химика де-Морво [3]. Все эти теоретические представления и фактические данные, относящиеся к концу XVIII столетия, сумел увязать в одну систему шведский химик и минеролог Бергманн (1735—1784).

Бергманн считался одним из наиболее авторитетных знатоков этого вопроса. В свои ранние годы Бергманн увлекался

[1]) Составлением и исправлением таких таблиц занимались очень многие химики: Гроссе, Гелерт, Рюдигер, Де-Фурси, Экслебен, Вейгель, Виглек, Бергман, Кирван и др. Установилась особая кличка—«токаря таблиц».

[2]) Dumas, Leçons sur la philosophiechimique, Paris 1878, p. 470.

[3]) См. его Encyclopedie méthodique.

Таблица № 1. Из Макера. Начальные основания умозрительной химии.
«Роспись различным сродствам, примеченным между различными существами».

Кислоты	Кислота морской соли	Кислота селитряная	Кислота купоросная	Всасывающие земли	Постоянная щелочная соль	Летучая щелочная соль	Металлические существа	Сера минеральная	Ртуть	Свинец	Медь	Серебро	Железо	Сурьмянист. королек	Вода
Постоянная щелочная соль	Олово	Железо	Флогисток (масляное начало первоб. сера)	Кислота купоросная	Кислота купоросная	Кислота купоросная	Кислота морской соли	Постоянная щелочная соль	Золото	Серебро	Ртуть	Свинец	Сурьмянистый королек	Железо	Винный и горючие спирты
Летучая щелочная соль	Сурьмяный королек	Медь	Постоянная щелочная соль	Кислота селитряная	Кислота селитряная	Кислота селитряная	Кислота купоросная	Железо	Серебро	Медь	Гальмей	Медь	Серебро, медь, свинец	Серебро, медь, свинец	Соли
Металлические существа	Медь	Свинец	Летучая щелочная соль	Кислота морской соли	Кислота морской соли	Кислота морской соли	Кислота селитряная	Медь	Медь						
	Серебро	Ртуть	Всасывающие земли		Уксусный спирт		Уксусный спирт	Свинец	Цинк						
	Ртуть	Серебро	Железо		Сера минеральная			Серебро	Сурьмянист. королек						
			Медь					Сурьмянист. королек							
			Серебро					Ртуть							
								Золото							

астрономией. Размышляя впоследствии над природой молекулярного движения, он пришел к выводу, что следует применить закон всемирного тяготения и к молекулярным движениям. Как можно судить по его работам, мысль эта была положена в основу всех дальнейших его исследований [1]). Молекулярные притяжения повинуются иным законам, чем притяжение мировое. Таков вывод, к которому в результате пришел Бергманн. Может быть, осторожно замечает он, эти виды притяжения качественно и однородны, но на близком расстоянии на проявление химического сродства между молекулами оказывает влияние форма и положение частиц. «Форма и положение не только целого, но и частиц оказывает значительное влияние на притяжение». При определенных данных условиях степень сродства всех его видов есть по Бергманну величина определенная и постоянная. Это положение составляет наиболее важный центральный пункт, определяющий общее направление всей системы. Но в различных телах и при различных, вообще говоря, условиях притяжение не одинаково. Вследствие же различной силы притяжения, данное тело избирает такое, с которым наилучше соединяется. Поэтому Бергманн предлагал называть химическое сродство избирательным притяжением. При этом он принимал (что было в высшей степени надуманным) несколько видов сродства. Однородные вещества подлежат притяжению сложения, разнородное—притяжению состава. Соединение двух веществ мокрым путем имеет место вследствие притяжения растворения, соединение же сухим путем есть результат притяжения плавления. Взаимодействие трех веществ при исключении одного обусловливается простым избирательным сродством. Четыре вещества при взаимодействии подпадают под влияние двойного избирательного сродства и т. д.

Но не в этих, конечно, столь скрупулезных подразделениях историческая заслуга Бергманна. Основным недостатком всех предшествующих попыток сродства являются игнорирование условий реакций. Правда, намеки на это обстоятельство, хотя и в слабой степени, делались уже и до Бергманна. Но он первый со всей ясностью подчеркнул значение этих условий и, главным образом, температуры. Нагревание нарушает, а иногда даже извращает обычное проявление сродства. Это влияние теплоты Бергманн иллюстрирует таким примером: пусть вещество А имеет больше сродства к Б, нежели к С, но при этом А и С менее летучи, чем Б. При обыкновенной температуре будет происходить соединение А и Б, но при нагревании вещество Б улетучится и А соединится с С. С некоторой недоговоренностью Бергманн признавал, кроме того, влияние растворителя на течение реакций и на проявление сродства. Поэтому он, составляя таблицы сродства, принимал это во внимание и делал свои таблицы в двух видах—для реакций сухим и мокрым путем. Бергманн употребил много попыток для количественного определения сродства (поэтому, между прочим, он интересовался составом средних солей и производил с этой целью чрезвычайно много опытов, но результаты этих исследований были далеко не верны и не имели большого значения).

[1]) См. его Opuscula phisica et chemica, немецк. пер. Kleine physische und chemische Werke.

[illegible] положение теории Бергмана состояло, как мы видели, в том, что сила сродства есть величина определенная и постоянная. Большое затруднение для этого положения составляли обратимые реакции. Явления обратимых реакций, [illegible] называли, «аномалией» были известны давно. [illegible] всю противоречивость своей теории в данном пункте [illegible] выйти из этого затруднения путем добавочного допущения об избыточном сродстве. Его об'яснения порой чрезвычайно остроумны, но они не имели под собой уже решительно никакой экспериментальной почвы. А новые факты набирались все в большем числе и не укладывались в рамках системы.

Еще раз: теория сродства выросла из потребностей самой жизни и химической технологии. Но в своем дальнейшем развитии, по мере накопления и усложнения опытного материала, усложнялось также и представление о сродстве, приобретая при этом все более искусственно-спекулятивный характер. Прекрасной иллюстрацией этого может служить только что приведенная теория сродства Бергманна с ее разнообразными силами.

Почему и в каком направлении происходит процесс взаимодействия между веществами? Для об'яснения этого обычно прибегалось на помощь понятие о силе или о силах, которые якобы лежат в основе химических реакций и сообщают этим реакциям определенное направление. При этом различалось почти столько же сил, сколько имелось необ'ясненных явлений—сила соприкосновения, сцепления, сродства, проявляющаяся, в свою очередь, в притяжении сложения, состава, растворения, плавления и пр., и пр. Чрезвычайное обилие всевозможных сил, к которым вынуждена была прибегать химия того времени для удовлетворительного истолкования явлений химического сродства, в достаточной степени об'ясняется самим характером науки. Теоретические взгляды на многочисленные процессы химической «механики» не могли уже без неизбежных противоречий укладываться в слишком простую схему. Проявления химического сродства представляют собою довольно сложные явления, а теоретическая мысль ставила своей задачей свести эти явления к наименьшему, по возможности, числу основных принципов. И здесь необходимо констатировать коренной недостаток тогдашней химии, проявлявшийся с исчерпывающей ясностью и при решении данной задачи. Прежде всего, почти совершенно не принимались во внимание и не подвергались в силу этого соответствующему опытному определению те окружающие условия, в которых протекает любой химический процесс—температура, концентрация, давление и т. д. Правда, например, Бергманн стал уже на этот путь, но сделал это не совсем последовательно, подчеркнув значение только температуры и мало обратив внимания на остальные факторы. Второе—это неумение оперировать с переменными величинами, с процессами вообще, что и вынуждало, до необходимости, вводить почти всякий раз новую силу при попытке дать об'яснение незнакомой или более сложной группе явлений. Сила химического сродства есть величина определенная и постоянная—таково основное положение теории Бергманна. А отсюда понятная невозможность об'яснить несколько явлений при отрицании переменной величины. Оба эти недостатка—неумение брать явления в связи с окружающими усло-

виями и неумение оперировать с изменяющимися величинами, с процессами—соответствовало «тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, т.-е. антидиалектическому, методу философского мышления» (Ф. Энгельс, «Л. Фейербах»).

Результаты опыта с вытеснением и замещением, собранные в таблицы сродства, получили свое отражение в гипотетическом взаимодействии веществ с флогистоном—что роднит известным образом обе теории.

Флогистон представлял собою по сути дела некое специфическое вещество, и, варьируя при достаточном умении и остроумии признаки и свойства этого флогистона, можно было до бесконечности видоизменять теорию и приспособлять ее к фактам. Основным недостатком флогистонной химии является то, что она не различала материи и энергии. Флогистон являлся как бы переходным звеном, будучи по представлению флогистиков несомненно веществом и, находясь, с другой стороны, в одном ряду с различными видами энергии. Это было в полном соответствии с обычными для того времени представлениями о различных видах энергии, как о «невесомых жидкостях», соответствующих различным формам энергии современной физики. Устанавливая определенное тождество, флогистонная химия не отличала существующего при этом и различия.

Таким образом, флогистонная теория и теория сродства—два обобщающих фактора в химии—зашли в некоторый тупик. Требовался основательный пересмотр всех теоретических положений, что и было сделано, как известно, в конце XVIII столетия. Вполне естественно, что эти преобразования были совершены в одной из передовых стран—во Франции и притом одним из представителей наиболее революционного ее класса—Лавуазье и его школой.

III.

Здесь нет возможности останавливаться сколько-нибудь подробно на работах Лавуазье. В связи с данной темой необходимо лишь отметить следующие моменты из его деятельности. Опираясь на работы предшественников (Пристлей, Шееле и др.), Лавуазье обосновал с исчерпывающей ясностью процесс дыхания и горения [1]). Большинство фактов в этой области было уже известно и до Лавуазье. Но в то время, как его предшественники старались обосновать эти факты с точки зрения старых взглядов (теории флогистона и пр.), Лавуазье решительно рвал со старым и формулировал новые законы и новые теории. После почти десятилетней работы над процессами окисления и связанными с этим исследованиями по синтезу воды и анализу воздуха, Лавуазье опубликовал свои «Размышления о флогистоне» (1783 г.). Этим как бы заканчивался период критики старых положений. На месте порядком разрушенного, предстояло создать новую систему химии. Лавуазье пытался это сделать своим двухтомным учебником—«Элементарным курсом химии» (1789 г.). В

---

[1]) Огромное, между прочим, значение для того времени имели его работы по физиологии дыхания, в области органического анализа (сахара, воска, масла) и его борьба с витализмом, господствовавшим в физиологии.

основу новой системы были положены молекулярная гипотеза строения вещества (забытая после работ Бойля и вновь возрожденная Лавуазье) и закон сохранения вещества. Вместе с этим еще раз опять-таки после Бойля устанавливается точное понятие об элементе, что дало впоследствии возможность совершенно по новому классифицировать весь экспериментальный материал. И, наконец, Лавуазье один из первых предложил ввести новую химическую номенклатуру и совместно с Фуркруа, де-Морво и Бертолле опубликовал по этому вопросу специальное сочинение «Метод химической номенклатуры» (1789 г.).

Успешная реформаторская деятельность Лавуазье и его школы об'ясняется, конечно, не только личными качествами этих ученых, но и той социальной обстановкой, в которой им пришлось работать. Революция уже носилась в воздухе. Буржуазия в лице лучших своих представителей предпринимала решительную переоценку всего старого. В руках прогрессивной оппозиции наука составляла одно из главнейших орудий борьбы, и не даром двор и правительство относились с большим подозрением к науке. Старое подвергалось тщательной критике, и этот критицизм обратился и в работе Лавуазье.

С наступлением революции был открыт широкий простор и экономическому развитию Франции, и прогрессу науки и техники.

Перед революцией промышленность существовала почти в каждой провинции. Так Лангедок и долины Севеннов имели главным образом суконные фабрики; Нормандия—шерстяные и хлопчато-бумажные; Пикардия, Шампань—фабрика вязаных изделий и сукон; долина Луары, Ронская долина, Тур, Роан, Лион—фабрики шелковых изделий; Арденны и долина Соммы—металлургические заводы и плавильни, откуда Бабеф в критические минуты призывал «адскую армию»; Эльзас-Лотарингия—фабрики металлургических изделий; Артуа—каменноугольные копи (особенно в Анзене).

Разнообразие различных отраслей промышленности, в том числе и химической, достигало значительной степени. Чрезвычайно показательным примером в этом отношении может служить промышленность хотя бы одного города—Марселя. В 1789 году в Марселе существовали следующие предприятия: 38 мыловаренных заводов, 40 шапочных фабрик, 12 сахарных заводов, 10 фаянсовых фабрик, 12 фабрик крашеных ситцев, 20 фабрик шелковых чулок, 12 парусных фабрик, 20 ликерных заводов, 10 крахмальных фабрик, 8 стекольных заводов, 10 кожевенных заводов, мануфактуры с серебряными и золотыми тканями, ковровые фабрики, сафьяновые, водочные, перчаточные, купоросные, серные фабрики и заводы, фабрика сальных и восковых свечей и пр. Как видно из приведенного перечня, химические предприятия занимают в данном случае выдающееся место.

В общем, индустриальное производство Франции носило еще характер мануфактуры, но некоторые предприятия приближались уже по своему типу к крупно-капиталистическим учреждениям. Такими были многие анзенские и фрэнские копи, некоторые аббевильские и эльбэвские суконные мануфактуры, фабрики и заводы в портовых городах, крупнейшие фабрики Нормандии, и заводы в промышленных центрах запада. Всем известный Мирабо, в одной

из своих речей дает интереснейшее описание одного из таких крупно-капиталистических предприятий. «Чтобы дать понятие,— рассказывает он, — о тех громадных затратах, которых требует разыскивание копей, я приведу, в качестве примера, Анзенскую кампанию, оперирующую вблизи Валансьена. Она получила концессию не на разработку залежей, а на их разыскивание, когда не существовало никакого признака, который указывал бы на их местонахождение. После двадцатилетних розысков, она отыскала залежи. Первая жила находилась на расстоянии трехсот футов, при чем из нее нельзя было ничего извлечь. Чтобы добраться до нее, пришлось преодолеть подземный поток, преграждавший к ней доступ на протяжении нескольких миль. Бурав касался залежи, и предстояло не вычерпать эту массу воды, что было бы невозможно, но пробраться через нее. Была устроена огромная машина, а именно шахта, обложенная деревом; при помощи ее удалось сдержать напор воды и перебраться через поток. Эту шахту пришлось продолжить так, что ее глубина равнялась 300 метрам. Вскоре понадобились и другие шахты такого же рода и масса иных машин. В Анзенских копях каждая обложенная деревом шахта, глубиною в 460 туазов по отвесу (ведь глубина копей равняется 1.200 футам) обошлась в 400.000 ливров. Таких шахт имеется 25 в Анзене и 12 в копях Френа и Кондэ. На одни эти шахты было затрачено 15 миллионов. Имеется 12 паровых насосов, каждый из которых стоил 100.000 ливров. На штольни и другие машины было израсходовано 8 миллионов; на копях употребляется 600 лошадей, и находят занятие 4.000 рабочих. Издержки на вознаграждение, размер которого установлен на основании тогдашних уставов, на уплату налогов и на пенсии больным рабочим, вдовам и детям рабочих, превышает 100.000 ливров в год»[1]).

Революция дала сильнейший толчок развитию промышленности и науки. Революция способствовала реформе самого преподавания точных наук. Возник ряд научных учреждений. Взамен старых академий Конвент создал «Институт», который должен был об'единить все ученые и учебные организации. «Институт» охватывал все науки и представлял собою как бы «живую энциклопедию». Для работы в нем были привлечены все наиболее выдающиеся научные силы: математики Лагранж, Борда и Монж, астрономы Лаплас, Лаланд, химики де-Морво, Вокален, Фуркруа и Бертолле, палеонтологи Ламарк и Кювье, геологи, минерологи и ряд историков, юристов, музыкантов и пр. Королевский сад был преобразован в «Естественно-научный музей», сделавшийся впоследствии всемирноизвестным ученым учреждением.

В сравнительно короткий промежуток времени от начала революции французские ученые дали ряд крупных открытий. Организация же обороны республики способствовала новым техническим изобретениям и усовершенствованиям. В 1793 году академия выработала метрическую систему мер и весов. В том же году был введен революционный календарь. Химик Фуркруа изобрел новый способ приготовления стали для быстрой выделки

---

[1]) Из речи Мирабо в Национальном Собрании 21 марта 1791 г., цитир. по Ж. Жоресу, История Велик. Франц. револ., Гиз, 1920 г., т. I, стр. 57.

оружия. Бертолле разработал методы добычи селитры из грунта погребов. Таким путем в течение 9 месяцев было получено селитры на 12 милл. франков. Были усовершенствованы способы обработки кожи. По приказу Конвента, была сооружена для передачи военных «телеграмм» цепь сигнальных станций от Парижа до северной границы. Производились первые опыты по аэронавтике и в армии существовали уже специальные воздухоплавательные команды и т. д.

В эпоху революции Франция занимала одно из первых мест в области точных наук и естествознания вообще. Во многих отделах естествознания, в том числе и в химии в последние годы XVIII столетия и в начале XIX, царило значительное оживление. Химиками разрабатывались обильные и плодотворные взгляды Лавуазье, и на основе этих взглядов пересматривалась почти вся химическая система.

Этот бурный реформаторский период в химии не мог, конечно, не сказаться и на рассматриваемом вопросе о химическом сродстве. Новые идеи в этой области были выдвинуты одним из наиболее выдающихся современников Лавуазье и его последователем—Бертолле.

В 1803 году появилась одна из основных работ Бертолле «Essai de statique chimique», произведшая сенсацию в тогдашнем научном мире. Центральной идеей всего сочинения являлась разработка новых теоретических представлений о сродстве. Учение о сродстве является, по мнению Бертолле, одним из общих и наиболее важных принципов химии. «Лишь с того времени,—подчеркивает он в самом же начале своей работы,—как ввели понятие сродства в качестве причины всех соединений, стало возможным рассматривать химию, как науку, имеющую общие принципы; с тех пор пытались подчинить точному закону последовательность соединений, которые могут образоваться различными элементами и определить пропорции, входящие в эти соединения»[1]).

Придавая столь большое значение выработке правильного представления о химическом сродстве, Бертолле выступил с резкой критикой против господствовавших до него взглядов на этот вопрос и против связанных с этими взглядами злоупотреблений таблицами сродства.

Бергманн первый, как мы видели, стал учитывать влияние температуры и значение мокрого и сухого пути для течения и результата реакций. Большинство же химиков никаких иных факторов, кроме химического сродства, в расчет не принимали. Способность к взаимному соединению и конечный результат всякой химической реакции определяется природой составных частей, их сродством. Сила сродства постоянна и при всяких условиях образует соответствующее соединение там, где это сродство является наибольшим.

Главнейшая заслуга Бертолле и состоит в том, что он с поразительной для своего времени ясностью обосновал значение подобных факторов и доказал их влияние на результаты химических процессов.

Бертолле совершенно по новому взглянул на самое течение реакций. Считалось, что всякий химический процесс идет в том

[1]) C. Berthollet, Essai de statique chimique, Paris 1803 (I, p. 6).

или иной направлении до конца. Оуществовало только или-или. По мнению же Бертолле реакция может итти не только в определенном, данном направлении, но и в обратном, что в силу этого большинство реакций до конца не доходят, и мы имеем в таком случае неполные, обратимые процессы. Если некоторые процессы и идут до конца, то это об'ясняется влиянием вторичных, побочных условий. Таким образом обратимые, неполные процессы должны быть признаны, как общее явление, частным случаем которого являются процессы, идущие в одном направлении до конца.

В реакциях общего типа, т.-е. в обратимых в результате двух противоположно направленных процессах, устанавливается некоторое равновесие, для существования которого необходимо присутствие всех реагирующих веществ. Как только удалено одно из реагирующих веществ, данное равновесие нарушается и устанавливается новое. Бертолле отмечает два пути удаления какого-либо из реагирующих веществ: перевод вещества в газообразное или твердое состояние и отстранение его тем самым от процесса взаимодействия.

Необходимо при этом отметить, что, несмотря на совершенно новое представление о химических процессах, внимание Бертолле направлено все же на изучение не самих процессов, а их конечных результатов. Другими словами взгляды Бертолле носят еще статический характер, что сказалось и в самом названии его сочинения—«Essai de statique chimique». Во всякой новой теории даже при наиболее критическом ее отношении ко всему предшествующему содержатся и некоторые элементы старого.

Итак, в результате химического взаимодействия устанавливается некоторое равновесие. Но чем это равновесие обусловливается? На этот основной вопрос химической статики Бертолле отвечает следующим образом: «Всякое вещество, стремящееся войти в соединение, действует соразмерно своему сродству и количеству. Это положение является последним выводом всех химических наблюдений»[1]). Некоторое количество вещества () производит, по мнению Бертолле, при определенных условиях всегда одинаковое химическое действие, которое зависит от данного количества вещества и его сродства и которое пропорционально произведению сродства на количество вещества. Такое произведение Бертолле называет химической массой — masse chimique[2]).

Однако подобная зависимость закономерна лишь в каждом конкретном случае. Вообще же конечный результат химического равновесия зависит не только от массы и сродства. Он видоизменяется вместе с изменением степени плотности вещества, т.-е. зависит непосредственным образом от условий опыта. «Исходя из разнообразных соображений, я пришел к выводу, что химическое сродство совершенно не следует особым законам, но что все явления, зависящие от взаимодействия тел, служат проявлением тех же самых свойств, которыми химия пытается охватить все следствия, и что ввиду этого не следует устанавливать никакого различия между физикой и данной наукой и что сродство

[1]) Ibid., p. 2.
[2]) Ibid., p. 72.

различных веществ, образующее их соединения, не является избирательным. Оно изменчиво в зависимости от действующего количества и условий, способствующих его проявлению»[1]).

Плотность же материи, по мнению Бертолле, есть следствие двух противоположных сил: упругости, с одной стороны, и сцепления—с другой. Преобладанием упругости об'ясняется газообразное состояние вещества, преобладанием же сцепления—твердое. В жидкостях обе силы находятся в равновесии.

Свои теоретические положения Бертолле выяснял главным образом на реакциях нейтрализации.

Так, если к раствору соли прибавить какую-либо кислоту, то находящееся в растворе основание распределяется по Бертолле уже между двумя кислотами в зависимости от их химической массы (произведения сродства на количество вещества). В растворе должно находиться, таким образом, две кислоты и две соли, но это будет наблюдаться лишь в том случае, когда растворимость солей приблизительно одинакова. Правда, этого явления нельзя обнаружить в растворе, хотя бы путем выпаривания и кристаллизации, так как уменьшение количества воды влияет на растворимость и в результате всего начинает проявляться в большей степени сила сцепления. Например, при кристаллизации смешанного раствора серной кислоты и азотнокислого калия выпадает только сернокислый калий, как наименее растворимый, в растворе же находится азотнокислый калий и частью сернокислый калий.

В химической практике чаще всего приходится встречаться с подобными реакциями обменного разложения, в которых процесс не идет до конца. Гораздо реже мы имеем случаи, когда один из продуктов выходит из сферы взаимодействия. Например, полное осаждение бария при действии серной кислоты на азотнокислый барий об'ясняется по Бертолле малой растворимостью бария, т.-е. его выходом из реакции. Аналогичное же наблюдается и при летучих солях угольной кислоты.

Из всего этого Бертолле делает вывод, что при реагировании одних и тех же веществ в зависимости от их химической массы устанавливается, вообще говоря, различная степень равновесия. И, таким образом, химическое соединение может образоваться с различными пропорциями входящих в такое соединение веществ. Существование же соединений с постоянным отношением состава об'ясняется особыми, частными причинами[2]). Для подтверждения своих взглядов Бертолле пользовался такими веществами, как растворы, сплавы и пр.

И если позднейшее развитие химии показало несостоятельность этих взглядов, необходимо при этом иметь в виду, что Бертолле, подметив одну сторону явлений,—их связь и несомненное во многом тождество, не смог в достаточной степени оттенить характерного в данном случае своеобразия. «Виноват» в этом не столько Бертолле, сколько характер самих химических явлений, в которых нет резких переходов от механических смесей к ясно выраженным химическим соединениям. Пограничная область растворов и до сих пор является предметом наиболее

[1]) Ibid., p. 541.
[2]) Ibid., p. 343, 344.

внимательного и усиленного изучения со стороны химии и физики. Методологическая же ошибка Бертолле коренится, таким образом, в той ограниченности эмпирического мышления, которое было присуще большинству тогдашних естествоиспытателей.

Подобно большинству своих предшественников, Бертолле исходил из той гипотезы, что химическое сродство аналогично силе тяготения. Следующий отрывок из его «Essai» с полной ясностью характеризует его взгляд: «Все силы, порождающие химические явления, производятся взаимным притяжением молекул вещества; притяжение это названо сродством, чтобы отличить его от притяжения астрономического. Вероятно, что и та и другая сила одного и того же свойства, но астрономическое притяжение проявляется только между массами, находящимися на таком расстоянии, где конфигурация молекул, их промежутки и их своеобразное взаимодействие не имеют никакого влияния—действие этого притяжения, всегда пропорциональное массам и обратно пропорциональное квадрату расстояния, может быть точно вычислено; действия же химического притяжения или сродства, наоборот, своеобразными и часто неопределенными условиями настолько изменяются, что их невозможно вывести из одного общего принципа; и их можно лишь последовательно констатировать... И лишь наблюдение должно определить химические свойства или сродство веществ, путем которых последние взаимодействуют при определенных обстоятельствах. Между тем, весьма вероятно, что сродство по своему происхождению не отличается от общего притяжения и должно также подчиняться законам, которые механика выводит для явлений, зависящих от действия масс; и естественно полагать, что большинство принципов, которые установит химическая теория, будут иметь общность, больше—они будут аналогичны принципам механики» [1]).

Итак, вполне вероятно, что химическое сродство не отличается по своей природе от общего притяжения; при этом астрономическое притяжение не зависит от расположения молекул, действие же химического сродства определяется своеобразными, трудно учитываемыми химическими условиями. А раз так, то естественно полагать, что законы химических явлений аналогичны законам механики, что нет никакого различия между физикой и химией, и задача теоретической химии состоит в том, чтобы свести законы химических явлений к законам механики.

Теперь, по прошествии уже больше ста лет со времени деятельности Бертолле, мы имеем возможность говорить о всей условности подобного сведения. По замечанию такого авторитета в области теоретической химии, как Нернст, нет ни одного, известного в физике, взаимодействия между телами, которое не привлекалось бы для об'яснения химических явлений. «Успех, однако, до сих пор ни в каком случае не соответствовал потраченному остроумию; нельзя не сознаться, что мы еще и поныне очень далеки от поставленной цели, свести химическое превращение к взаимодействию физически определенных и изученных сил. Ввиду такого неопровержимого факта приходится задать себе вопрос, удачно ли выбрана эта проблема и не является ли она преждевременной» [2]).

[1]) Ibid., p. 1-2.
[2]) Нернст, Теоретическая химия.

Станем ли мы считать наиболее важным для выяснения природы сродства так называемых «электросродство» (Аббег и Бодлендер) или «электрофильность» (Левис), создадим ли стереохимию атома (Томсон, Лангмюр) и т. д. для теоретической химии наиболее важным будет являться выяснение индивидуальных особенностей каждого атома при проявлении сродства в сложных химических соединениях. Механика или электродинамика лежат в основе химического сродства, но при изучении этого вопроса необходимо учитывать всю конкретность и своеобразие данного ряда явлений.

Следует при этом заметить, что теоретическая химия до сих пор ближайшую свою задачу видела не в разрешении вопроса о сущности химических сил, а в выяснении способов их действия, учитывая при этом главным образом влияние внешних условий.

Среди многих естествоиспытателей распространено представление, что процесс научного познания проходит через две стадии: прежде всего выясняется качественная сторона явлений, после чего результаты исследования подвергаются количественному определению.

Дело обстоит не совсем так. Прежде всего история самого естествознания некоторыми своими фактами противоречит такой последовательности.

Мы относительно в достаточной степени изучили количественную сторону проявления сродства, но гораздо меньше можем сказать о качественной стороне явления, о его химизме. Законы газового давления были найдены раньше того, как это давление было сведено к ударам молекул. Закон Ньютона прекрасно определяет образ действия притяжения, но нисколько не об'ясняет его сущности и т. д.

Действительно первая ступень всякого исследования—это определение качественных связей явлений, вторая—количественное выражение этих связей. Но наше познание не может останавливаться только на общих, абстрактных, т.-е. количественных, определениях и отношениях и должно перейти к теоретическому об'яснению процесса в целом, как бы вновь беря этот процесс со всеми его конкретными свойствами и качествами. Поэтому, например, для такого глубокого мыслителя, как Маркс, конкретное, как начальный пункт, и конкретное, как результат исследования, являются двумя конечными моментами, в пределах которых и развивается процесс познания. В первом случае, по его мнению, конкретное есть лишь «хаотическое представление о целом», во втором же—конкретное является уже «результатом с многочисленными определениями и отношениями».

В заключение следует сказать, что, несмотря на все недостатки во взглядах Бертолле, его работа останется в истории науки, как образец классического произведения, создавшего эпоху в химии. И вместе с Бертолле кончается период исключительно механического об'яснения химических явлений.

В НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ.

Первый математический с'езд.

С'езды математиков в старое время помещались в одной комнате. Они ютились при с'ездах естествоиспытателей и врачей. Первый в нашей стране большой и самостоятельный с'езд математиков является поэтому событием особенно большого культурного значения.

С'езд собрался после долгих лет оторванности от общения ученых нашего союза с мировой наукой, поэтому очень большое значение имели для се'зда обзорные доклады, цель которых была—охарактеризовать современное положение соответствующих областей математики, отметить сделанные достижения и выявить стоящие перед наукой задачи. Эти доклады ввели с'ехавшихся со всего Союза математиков в круг самых основных и самых современных математических проблем нашего времени.

Во всех этих докладах было много критического, но общий тон этой критики был бодрым, и эту бодрость тона следует у математиков позаимствовать. Мы можем сейчас благодаря с'езду сказать, что математическое творчество у нас в полном ходу. Наша страна дала за эти годы ряд работ очень значительной научной ценности, а научная деятельность у нас не прекращалась даже в самые тяжелые годы разрухи и голода.

Профессор Лузин открыл работу с'езда обзорным докладом «Современное состояние теории функций действительного переменного». Эта теория создавалась в Москве. Это достижение самого Лузина и созданной им школы. В этом докладе проф. Лузин дал полное освещение теории функций действительного переменного и, кроме того, подробно осветил процесс, который подлежит дальнейшему освещению со стороны ученых с диалектическим подходом к вопросам науки.

Уже второе десятилетие продолжается, по выражению самого Лузина, непрерывное научное землетрясение, и оно, по мнению многих математиков, разрушило целые математические города. Во главе его стоят математические кратеры, голландский математик Броуер и швейцарский математик Вейль, доказавшие, что ряд математических дисциплин, считавшийся установленным и доказанным, совершенно не установлен и не доказан. Они взяли под сомнение самую логику и в особенности закон исключенного третьего, основной закон Аристотелевой логики, который под их ударами рушился в областях, где его применяли к так называемым бесконечным процессам. Эти математики утверждают, что без конечного числа реальных испытаний закон исключенного третьего не имеет места, и из неправильности утверждения А есть В не следует, что А не есть В, а возможно отсутствие и того и другого утверждения, названного ими третьей или терциальной возможностью. Эти идеи в последнее время обстоятельно изложены Больдусом в его работе «Формализм и интуитивизм».

Под влиянием работ Броуера и Вейля ряд современных математиков стал строить вместо математики логику. Это направление дошло

до попыток обратить математику в логику, и в этой утонченно-формальной работе математики дошли, повидимому, до безнадежного расслоения, они дошли до того, что такой математик, как Адамар, об'явил себя и Вейля людьми с разно построенными мозгами, которые друг друга понять не могут, благодаря органическим особенностям такого порядка, как разное осмотическое давление в их мозгах. Так или иначе, но сейчас одни математики не понимают, других и, быть может, никогда не поймут. Так или иначе, но это уже не расхождение, а расслоение. Это расхождение, повидимому, навсегда. Школа Броуера и Вейля имеет в Варшаве даже отдельный математический орган. Так или иначе, но сейчас поле действия математики рядом математиков суживается, и они все более зажимают себя в тупик формализма и формальной науки.

Следует отметить, что сомнение в обязательной справедливости закона исключенного третьего выражал еще Джон Стюарт Милль [1]), который в своей знаменитой логике приводит такой пример: абракадабра есть второе мнение и абракадабра не есть второе мнение. Он ставит вопрос, какое из этих двух положений правильно, и правильно указывает, что нельзя применять закон исключенного третьего, когда оба предложения лишены содержания. На математическом с'езде было отмечено, что историю отказа математиков от Аристотелевского закона исключенного третьего даже и тогда, когда предложение не лишено содержания, следует начинать с работ одесского математика С. Шатуновского, который за много лет до Броуера и Вейля поставил эти вопросы во всем их об'еме и сам построил алгебру без применения закона исключенного третьего. Ни проф. Лузин, ни весь с'езд не подошли и не могли еще подойти к той простой мысли, что утонченное, рафинированное здание формальной математики, построенной на фундаменте формальной логики, должно постепенно рушиться, так как задача не в том, чтобы математика соответствовала логике, а в том, чтобы и математика, и логика соответствовали реальным вещам, система постулатов, лежащих в основании той или другой системы математики, только тогда не зависима и не заключает противоречия, когда можно указать систему вещей, где эта система постулатов выполняется. Эти математические землетрясения представляют собой в сущности мировые подземные удары по идеалистическому, чисто формальному построению науки. Выход лежит там, где он уже давно указан для обоснования геометрии и математики вообще, он в системе фактов, в системе вещей, из которых она выполняется в своих основных предпосылках и в своих последующих утверждениях. Удар по формальной логике, это удар по самому понятию бесконечного, требующему материалистического пересмотра. Это вода на нашу мельницу, и именно поэтому все это заслуживает нашего особенного внимания.

Тон доклада проф. Лузина в части, касающейся основ науки, мог бы быть глубоко консервативным: все рушится, прочные, вечные математические сооружения гибнут, будем их спасать. Но он был прогрессивным, и это в свое время окрасит школу проф. Лузина в красный цвет, когда она дойдет до диалектического материализма. Эта вера в прогресс математики базировалась у проф. Лузина на том, что кратер долго действующего вулкана всегда обрастает виноградниками, садами и пашнями, и проф. Лузин показал это на примере области теории

[1]) До Милля формальная логика подвергнута была основательной критике немецкой классической философией и особенно Гегелем. *Ред.*

В НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ.

Первый математический с'езд.

С'езды математиков в старое время помещались в одной комнате. Они ютились при с'ездах естествоиспытателей и врачей. Первый в нашей стране большой и самостоятельный с'езд математиков является поэтому событием особенно большого культурного значения.

С'езд собрался после долгих лет оторванности от общения ученых нашего союза с мировой наукой, поэтому очень большое значение имели для се'зда обзорные доклады, цель которых была—охарактеризовать современное положение соответствующих областей математики, отметить сделанные достижения и выявить стоящие перед наукой задачи. Эти доклады ввели с'ехавшихся со всего Союза математиков в круг самых основных и самых современных математических проблем нашего времени.

Во всех этих докладах было много критического, но общий тон этой критики был бодрым, и эту бодрость тона следует у математиков позаимствовать. Мы можем сейчас благодаря с'езду сказать, что математическое творчество у нас в полном ходу. Наша страна дала за эти годы ряд работ очень значительной научной ценности, а научная деятельность у нас не прекращалась даже в самые тяжелые годы разрухи и голода.

Профессор Лузин открыл работу с'езда обзорным докладом «Современное состояние теории функций действительного переменного». Эта теория создавалась в Москве. Это достижение самого Лузина и созданной им школы. В этом докладе проф. Лузин дал полное освещение теории функций действительного переменного и, кроме того, подробно осветил процесс, который подлежит дальнейшему освещению со стороны ученых с диалектическим подходом к вопросам науки.

Уже второе десятилетие продолжается, по выражению самого Лузина, непрерывное научное землетрясение, и оно, по мнению многих математиков, разрушило целые математические города. Во главе его стоят математические кратеры, голландский математик Броуер и швейцарский математик Вейль, доказавшие, что ряд математических дисциплин, считавшийся установленным и доказанным, совершенно не установлен и не доказан. Они взяли под сомнение самую логику и в особенности закон исключенного третьего, основной закон Аристотелевой логики, который под их ударами рушился в областях, где его применяли к так называемым бесконечным процессам. Эти математики утверждают, что без конечного числа реальных испытаний закон исключенного третьего не имеет места, и из неправильности утверждения А есть В не следует, что А не есть В, а возможно отсутствие и того и другого утверждения, названного ими третьей или терциальной возможностью. Эти идеи в последнее время обстоятельно изложены Больдусом в его работе «Формализм и интуитивизм».

Под влиянием работ Броуера и Вейля ряд современных математиков стал строить вместо математики логику. Это направление дошло

до попыток обратить математику в логику, и в этой утонченно-формальной работе математики дошли, повидимому, до безнадежного расслоения. они дошли до того, что такой математик, как Адамар, об'явил себя и Вейля людьми с разно построенными мозгами, которые друг друга понять не могут, благодаря органическим особенностям такого порядка, как разное осмотическое давление в их мозгах. Так или иначе, но сейчас одни математики не понимают, других и, быть может, никогда не поймут. Так или иначе, но это уже не расхождение, а расслоение. Это расхождение, повидимому, навсегда. Школа Броуера и Вейля имеет в Варшаве даже отдельный математический орган. Так или иначе, но сейчас поле действия математики рядом математиков суживается, и они все более зажимают себя в тупик формализма и формальной науки.

Следует отметить, что сомнение в обязательной справедливости закона исключенного третьего выражал еще Джон Стюарт Милль [1]), который в своей знаменитой логике приводит такой пример: абракадабра есть второе мнение и абракадабра не есть второе мнение. Он ставит вопрос, какое из этих двух положений правильно, и правильно указывает, что нельзя применять закон исключенного третьего, когда оба предложения лишены содержания. На математическом с'езде было отмечено, что историю отказа математиков от Аристотелевского закона исключенного третьего даже и тогда, когда предложение не лишено содержания, следует начинать с работ одесского математика С. Шатуновского, который за много лет до Броуера и Вейля поставил эти вопросы во всем их об'еме и сам построил алгебру без применения закона исключенного третьего. Ни проф. Лузин, ни весь с'езд не подошли и не могли еще подойти к той простой мысли, что утонченное, рафинированное здание формальной математики, построенной на фундаменте формальной логики, должно постепенно рушиться, так как задача не в том, чтобы математика соответствовала логике, а в том, чтобы и математика, и логика соответствовали реальным вещам, система постулатов, лежащих в основании той или другой системы математики, только тогда не зависима и не заключает противоречия, когда можно указать систему вещей, где эта система постулатов выполняется. Эти математические землетрясения представляют собой в сущности мировые подземные удары по идеалистическому, чисто формальному построению науки. Выход лежит там, где он уже давно указан для обоснования геометрии и математики вообще, он в системе фактов, в системе вещей, на которых она выполняется в своих основных предпосылках и в своих последующих утверждениях. Удар по формальной логике, это удар по самому понятию бесконечного, требующему материалистического пересмотра. Это вода на нашу мельницу, и именно поэтому все это заслуживает нашего особенного внимания.

Тон доклада проф. Лузина в части, касающейся основ науки, мог бы быть глубоко консервативным: все рушится, прочные, вечные математические сооружения гибнут, будем их спасать. Но он был прогрессивным, и это в свое время окрасит школу проф. Лузина в красный цвет, когда она дойдет до диалектического материализма. Эта вера в прогресс математики базировала у проф. Лузина на том, что кратер долго действующего вулкана всегда обрастает виноградниками, садами и пашнями, и проф. Лузин показал это на примере области теории

[1]) До Милля формальная логика подвергнута была основательной критике немецкой классической философией и особенно Гегелем. *Ред.*

функций действительного переменного и на ее достижениях, среди которых одно из первых мест занимают работы Ленинградского профессора Фихтенгольца и его учеников.

Исключительным по глубине и содержательности был доклад академика Бернштейна о современном состоянии теории вероятностей. Противники этой теории всегда указывали на безнадежность теории, которая якобы пытается незнание обратить в знание. Конечно, незнание можно только заменять знанием, но есть области, где нам доступны лишь методы исследования того, как часто то или иное событие может случиться. В этих областях теория вероятностей сумела связаться с действительностью и выявить ряд ее ценнейших законов. В процессе такой практической работы эта наука освободилась как от излишних претензий в деле ее применения, так и от несуразностей и парадоксов, вроде парадокса Бертрана, дававшего разные величины для вероятной длины хорды в окружности. Обращение теории вероятностей в честную советскую науку в значительной мере дело наших советских математиков, в первую очередь—самого Бернштейна. Ее приложения становятся все более многообразными и все более надежными. Она находит приложение в статистике, в экономике, а в самое последнее время, из обобщения ее применения для изучения теории газов статистическим методом, выросла статистическая механика. Мы имеем достижения в применении теории вероятностей к биологии и где при ее помощи выводятся законы менделизма. Проф. Хинчин использовал теорию вероятностей в самой математике для изучения теории чисел.

Самыми блестящими обзорными докладами с'езда следует признать доклады проф. Александрова «Современное состояние топологии» и проф. Делоиэ «О неопределенных уравнениях третьей степени». В этих двух докладах сделан новый шаг для сближения анализа и геометрии.

Проф. Александров дал исчерпывающий доклад о развитии молодой науки топологии, охватившей всю область математики. Благодаря ее своеобразному методу построения пространств из их элементов и благодаря своеобразной теории расположения этих элементов, топология дала всей математике новый подход и новые методы, вполне себя оправдавшие. Проф. Александров, сам еще очень молодой, указал на мировое значение в этой науке молодого русского математика Урысона, захваченного во время купанья в Ламанше приливом и трагически разбитого волной прилива о скалу, до которой ему удалось добраться и около которой он во время отлива мог бы гулять. Научное наследие Урысона было собрано и разработано в Голландии на средства института Карнеджи в Америке Броуером при содействии Александрова, прожившего для этого в Голландии год и опубликовавшего ряд больших посмертных работ Урысона, сейчас отчасти доложенных с'езду.

Третий докладчик проф. Делоиэ, наоборот, осветил одну из старейших областей математики, и он показал, как мало в этой области сделано и как много еще сделать необходимо. Теория чисел, в которой работает проф. Делонэ, стара, как сама математика, наука о числе; мы, тем не менее, стоим здесь перед проблемами, далеко не исчерпанными, но мы не стоим на месте—наоборот, это область бурного творчества, ярко освещенная докладчиком в ее динамическом состоянии. Такие доклады—удел не только больших знатоков, но и больших мастеров, к которым проф. Делоиэ следует отнести в полной мере.

Большой доклад и по значению и по размеру «Современное развитие идей Римана в дифференциальной геометрии» сделал проф. Каган. На этом докладе необходимо остановиться.

100 лет тому назад гениальный русский математик Лобачевский осмелился разработать и сумел осуществить дошедшие до него идеи, гениально высказанные до него еще молодым, но пользующимся мировой известностью, немецким математиком Гауссом, не осмелившимся, однако, его поддержать своим авторитетом и влиянием. Через 30 лет, после опубликования работ Лобачевского, когда эти идеи стали общепризнанными, молодой математик Риман всходил в первый раз на занятую им кафедру математики Геттингенского университета, ставшей с тех пор для математика самой почетной в мире, как кафедра Римана. Он должен был прочесть пробную лекцию и из трех предложенных им тем старик Гаусс уже счел возможным выбрать тему «О гипотезах, лежащих в основании геометрии». Гениальный Риман делал доклад для гениального Гаусса. Это придало докладу такую форму, что доклад Римана был тогда понят только одним Гауссом. Этот доклад представлял собою ряд глубоких абстрактных мыслей, вообще недоступных современникам Римана. Этот сгусток величайших идей был с комментариями опубликован Дедекиндом после недолгой жизни Римана и составил исходный материал для 50-летней огромной работы ряда величайших геометров, начиная с Христофеля и Липшица и кончая Скаутеном и Картаном. Сейчас идеи Римана не только претворились в законченные новые геометрии, для которых и геометрия Евклида и геометрия Лобачевского стали частными случаями общей грандиозной теории, но, что не менее значительно все его идеи не только давно поняты, но они уже стали доступны вдумчивому студенту физмата. Процесс накопления человеческих знаний был бы бесполезен, если бы это было только количественное накопление, так как оно давно бы превосходило человеческую способность к их восприятию и усвоению. Рядом с накоплением новых знаний идет не менее глубокий и важный процесс их упрощения и конденсаций. Так в свое время идеи Коперника, Галилея и Ньютона стали доступны всякому школьнику и могут быть элементарно изложены в немногих словах. Так в наше время переменные токи и электромагнитные волны стали доступны мальчишкам радио-любителям.

Доклад проф. Кагана нужно рассматривать, как смелую и успешную попытку дать такую общепонятную конденсацию для работ, все еще доступных только немногим специалистам. Следует отметить предложенную им для геометрии систему терминов, давно уже усвоенную физиками. Они свои основные величины назвали вольтами, амперами, кулонами, фарадами и т. д. по имени тех физиков, которые их создали. Проф. Каган вводит в математику для характеризующих геометрию форм аналогичные названия: гауссы, риманы, христофели, вейли, скаутены. Этот доклад, как и все перечисленные, несомненно заслуживает общеевропейского внимания.

В дополнение к изложенному надлежит указать, что из современников Римана его работу, кроме Гаусса, понял только физик и физиолог Гельмгольц, который также гениально пришел к тем же результатам, занимаясь физиологической оптикой и исходя из естественнонаучных положений. Гельмгольц положил в основу не гипотезы (Hypotesen), а факты (Tatsachen). Его мемуар называется: «О фактах, лежащих в основании геометрии» и дает тот же подход, что и мемуар Римана «О гипотезах лежащих в основании геометрии». Надлежит указать и на то, что уже на заре современной геометрии геометрия Лобачевского была обоснована не им самим и его теоремами, в которых он не нашел логического противоречия, быть может, потому, что его

логическая цепь до этого не дошла, а она была обоснована построенной Бельтрами псевдосферой, на которой она выполняется.

Теория чисел на с'езде была представлена еще тремя обзорными докладами, один того же проф. Делонэ: «О неопределенных уравнениях третьей степени», другой проф. Кузьмина: «Аналитическая теория чисел» и третий проф. Хинчина: «Диофантовы приближения». Доклад проф. Хинчина нужно признать лучшим педагогическим достижением лучшего педагога-математика, сумевшего труднейшую теорию сделать общедоступной всему с'езду, включая и присутствующее на с'езде студенчество как московское, так и прибывшее на с'езд из других городов. Точно так же геометрия была представлена вторым обзорным докладом проф. Финикова: «О современном состоянии дифференциальной геометрии». Ни одна из основных областей современной математики не осталась без обзорного доклада. К ним относится исчерпывающий яркий доклад проф. Привалова «Современное состояние теории аналитических функций», доклад проф. Степанова: «Почти периодические функции» и др.

Нужно высказать сожаление, что по болезни докладчика не состоялся доклад проф. Костицина: «Новые математические методы в современном математическом естествознании», и необходимо выразить пожелание, чтобы этот доклад появился в печати в сборнике обзорных докладов с'езда. Нужно также выразить сожаление, что на с'езде не было обзорных докладов по так называемой элементарной математике и по методике преподавания математики, так как не было секции элементарной математики и секции преподавания математики.

Вся теоретическая работа, все оригинальные работы участников с'езда были доложены в секциях в вечерних заседаниях. Секций было 4, а именно: секция анализа и теории чисел, секция геометрии, секция математического естествознания и секция математической статистики. В секциях прошли все основные математические работы в нашем Союзе. Их было около 100, и они были очень разнообразны. Доложенные на с'езде работы: Александрова, Бари, Делонэ, Котельникова, Фихтенгольца, Шмидта, Ястремского и др. являются научными в лучшем смысле этого слова. 2 доклада О. Шмидта лишний раз доказывают, кроме своей темы, что ответственная советская работа вполне совместима с научным творчеством. Доклад Бари тоже лишний раз доказывает, что право женщины на научную работу завоевано твердо, и точно так же доклад Котельникова лишний раз подтверждает, что в Москве есть большие и опытные мастера математики.

В наше время индустриализации и перехода к массовому организованному производству следует отметить особенность первого с'езда математиков, соответствующую духу времени. Доклады делались целыми математическими школами, если можно так выразиться—направлениями, по существу мастерскими. К ним относится школа теории функций Лузина, топологическая—Александрова, геометрическая—Кагана и др.

Отсутствие секции преподавания математики было в некоторой мере компенсировано усиленной работой московского математического кружка с участием в ней большинства членов с'езда. На двух его собраниях был высказан ряд ценных соображений. Реформа преподавания математики в мировом масштабе давно назрела. Математика преподается формально безжизненная и неприложимая. Эта реформа была начата по инициативе Геттингенского математика Феликса Клейна в созданном им международной комиссии, работавшей в разных

странах. Ее членами в России были: Каган, Соннн н Коялович. Ее работа оборвалась империалистической войной; Клейн умер, дело распалось.

Преподавание в Европе и Америке идет по методу двойного забвения: при переходе из средней школы в высшую учащийся должен забыть то, чему он в ней усился по выбранной им специальности, и его переучивают по-новому. При возвращении из высшей школы в среднюю для преподавания в ией он должен забыть все то, чему он учился в высшей школе, так как все это ему бесполезно. У нас система двойного забвения об'ективными условиями времени заменялась до сих пор системой двойного незнания. Учащийся при поступлении в высшую школу ие знает того, что он должен был усвоить в средней, и при переходе для преподавания из высшей в среднюю, не знает того, что он должен был усвоить в высшей.

С'езд не дал ярких и быстро действующих средств для выхода из этого положения; он наметил лишь усиление качественного подбора учителя, усиление интуиции в преподавании, усиление семинарского метода, уменьшение числа студентов на одного преподавателя. Все это общеизвестно, но тут, повидимому, обезьяны не выдумаешь.

Связь с диалектическим материализмом, с советской общественностью и с вопросами индустриализации на с'езде не нашли никакого отражения. Это еще музыка будущего. Это дело математической молодежи, показавшей себя на с'езде мощной, владеющей большой потенциальной энергией, выступившей боевым авангардом, быстро идущей, уже пришедшей бодрой сменой.

Проф. Я. Шатуновский.

Киевская научно-исследовательская кафедра марксизма-ленинизма при Всеукраинской Академии Наук.

Года три тому назад среди киевских научных работников-марксистов начала остро ощущаться потребность в таком организационном и идеологическом центре, вокруг которого они смогли бы сплотиться и совместными усилиями приступить к углубленной разработке тех или иных теоретических проблем марксизма, выдвинутых на очередь дня все более и более разрастающимся процессом нашего социалистического строительства. Потребность в таком центре до некоторой степени была удовлетворена созданием так наз. Межвузовского Марксо-Ленинского семинара, сумевшего в течение какого-нибудь года собрать вокруг себя довольно крепкое марксистское ядро из работников местных вузов и партийных школ, проделавшее довольно большую работу как по линии организационной, так и научной. На публичных заседаниях семинара было зачитано не мало научных докладов, как, напр., о Плеханове—доклад И. Давидсона и содоклад Я. Розанова, по поводу столетней годовщины Лассаля—ряд докладов Посвольского, Розанова, Маренко, Либерберга, Загорулько, о Ленине—Левика, Маренко, Розанова; о «Диалектике природы» Энгельса и современной физике (проф. Гольдман); «О современных теориях строения веществ» (Штрум); о «франко-масонских ложах, как формах политической организации буржуазии накануне Великой французской революции» (И. Либерберг); «Противоречия специализации в буржуазной философии» (Асмус); «Немецкая идеология» Маркса-Энгельса и некоторые проблемы диалектического материализма» (Юринец) и др.

Однако в процессе работы выяснилось, что ее дальнейшее развертывание требует и соответствующего изменения и организационных форм. Дальнейшее развертывание работы тормозилось также тем, что семинар существовал, как безбюджетное учреждение, со всеми отсюда вытекающими дефектами, дававшими себя особенно чувствовать при попытке расширить, углубить и упорядочить научную работу.

По инициативе руководящих работников семинара, встретивших энергичную поддержку со стороны как местных, так и центральных партийных и советских органов, таковой был с начала текущего 1926—27 учебного года реорганизован в научно-исследовательскую кафедру марксизма-ленинизма при Всеукраинской Академии Наук.

По своему уставу кафедра имеет своей задачей:

1. Научно-исследовательскую разработку как вопросов теории, истории и практики марксизма-ленинизма, так и разработку с точки зрения марксизма-ленинизма других вопросов из области общественных и естественных наук.

2. Педагогическую работу—подготовку научных работников и в частности преподавателей социально-экономических дисциплин для вузов.

3. Научно-пропагандистскую работу—содействовать делу распространения марксистско-ленинских знаний в рабочей массе и помощь партийным органам в области теоретической проработки боевых проблем, выдвигаемых современной партийной и политической жизнью.

Эти намеченные задачи кафедра под руководством бюро (состав бюро: руководитель т. Левик, ученый секретарь Розанов и члены: Семковский, Маренко, Посвольский, Гермайзе, Левицкий) осуществляет с осени истекшего 1926 года.

Научно-исследовательская и педагогическая работа ведется в трех секциях: философско-социологической (руководитель т. Семковский), экономической (руководитель т. Посвольский) и исторической (руководитель т. Гермайзе), каждая из которых имеет еще и свои комиссии, так, напр., при философско-социологической работает еще комиссия по методике исторического материализма, по социологии права, по социологии искусства, по методологии естественных наук и др.; при экономической и исторической секциях—работают комиссии по методике экономических и исторических дисциплин.

Методические комиссии имеют своей целью сплочение преподавателей соответствующих дисциплин, совместную проработку учебных планов, программ, их дифференциацию и унификацию, оценку учебных пособий и внесение, таким образом, твердой марксистско-ленинской линии в ту или иную преподаваемую дисциплину.

Кроме того, при кафедре в целом работают еще след. комиссии: 1) по истории партии с кабинетом ленинизма, 2) кабинет по научной библиографии марксизма, 3) комиссия по национальному вопросу и ряд формирующихся кабинетов по тем или иным вопросам.

В названных секциях и комиссиях, несмотря на то, что в течение первого полугодия много сил пришлось уделить организационным вопросам и в особенности налаживанию учебной жизни кафедры, все же проделана интенсивная работа, и по целому ряду вопросов заслушаны доклады как на секционных заседаниях, так и на пленарных собраниях кафедры. Для иллюстрации отмечаем некоторые; так, на пленарных заседаниях заслушаны 2 доклада тов. Левика: «Диалектика эксперимента» и «Методология изучения ленинизма», два доклада т. Семковского: «Что Ленин внес в материализм» и «Итоги марксистской дискуссии о теории относительности» и в связи с 250-летней годовщиной со дня смерти Б. Спинозы доклад И. Либерберга: «Эпоха Спинозы» и доклад т. Асмуса: «Диалектика необходимости и свободы Спинозы».

Целый ряд тем находятся еще в проработке и будут заслушаны в ближайшее время (т. Маренко: «Философские разногласия между механистами и диалектиками», т. Перлин: «Пограничные проблемы социологии и биологии». т. Розанов: «Гегель и Маркс в их учениях о государстве». т. Нирчук: «Механический материализм и проблемы религии» и ряд др. тем).

Философско-социологической секцией совместно с исторической намечено публичное заседание, посвященное памяти Н. Рожкова, на котором предположено заслушать доклад т. Гермайзе: «Рожков как марксистский историк»; т. Розанова: «Социологические воззрения Рожкова».

По экономической секции заслушан доклад т. Радзиковского: «Роль денег в СССР». В ближайшее время будет заслушан доклад тов. Саниса: «Диалектика «Капитала» Маркса» и ряд других докладов. Историческая секция ведет работу по двум линиям. По истории Запада и по истории Украины, и в ближайшее время будут заслушаны такие доклады: 1) «Вопросы украинской историографии в связи с идеологической эво-

люцией на Украине» т. Гермайзе); 2) «Классовая борьба в XVIII ст. на Украине»; 3) «Украинское революционное движение 1905—1907 гг.» и ряд других тем. По истории Западной Европы заслушан доклад проф. Нежинского ИНО, Покровского — «Об исторических комментариях к III разделу «Коммунистического Манифеста» Маркса-Энгельса».

Необходимо отметить работу комиссии по методологии естествознания (по линии физико-матем. и биологических наук), вокруг которой сгруппировались на ряду с коммунистами целый ряд беспартийных ученых-материалистов (профессора Гольдман, Штрум, Плотников и др.), совместными усилиями работающих над проблемами внедрения диалектической методологии в естественные науки.

Большую работу проделала комиссия по методике исторического материализма, уделившая много внимания проблеме построения курса диалектического материализма применительно к тому или иному типу вуза и техникума. В комиссии заслушаны также доклады т. Загорулько о «Теории исторического материализма» Бухарина; т. Вейсберга о «Введении в диалектический материализм» А. Деборина; т. Асмус о книге Варьяша «История философии»; готовится доклад тов. Розанова: «Сборники и хрестоматии по историческому материализму и их значение как учебных пособий» и ряд других докладов.

Аспиранты (29 человек; из них 22 члена партии, 2 члена ЛКСМ и 5 беспартийных) разделены по трем основным семинарам, организованным при соответствующих секциях, а именно, при философско-социологической секции—7 аспирантов, при экономической—14 аспирантов и при исторической по истории Украины—3 и по истории Запада—5.

В текущем году аспиранты работают в след. семинарах: по теоретической экономике под руководством тов. Посвольского, по истории материализма—под руководством т. Асмуса, по историческому материализму (для историков) под руководством тов. Розанова, по истории Украины под руководством тов. Гермайзе, истории Запада—т. Либерберга и древней истории—проф. Покровского.

Кроме того, все аспиранты работают также в семинаре ленинизма, под руководством тов. Левика. Для аспирантов организовано также в текущем году преподавание математики, статистики и новых языков.

Необходимо отметить, что аспирантский кадр, несмотря на ряд неизжитых еще в текущем году неблагоприятных моментов (перегруженность, недостаточную материальную обеспеченность), проявил большую работоспособность и высокие качества будущих научных работников.

При кафедре развернута библиотека, в которую, между прочим, влилась чрезвычайно ценная коллекция дореволюционных марксистских изданий (около 1.500 названий), с большой тщательностью в свое время собранная одним старым киевским марксистом.

По линии научно-пропагандистской работа кафедры выразилась в организации для ответственных работников краткосрочных курсов по поднятию их марксистской квалификации. Один выпуск произведен. Ныне занимается второй набор, который будет выпущен к концу текущего учебного года. Силами кафедры для партийного актива было проведено три доклада в Доме Коммунистического Просвещения на темы: «О строительстве социализма в одной стране» и «Проблемы экономического строительства», «Тихоокеанская проблема»; готовится ряд докладов, посвященных проблемам китайской революции.

В заключение необходимо отметить, что за сравнительно короткое время своего существования кафедра себя проявила, как крепкая опорная

база научного коммунистического влияния, прочно вошедшая органической составной частью в систему высших ученых и учебных учреждений УССР. Вместе с тем кафедра показала, что в своей идеологической ориентировке она целиком стоит на твердых позициях «воинствующего материализма», завоеванных Марксом и Энгельсом и в дальнейшем укрепленных философской работой Плеханова и всесторонней, как теоретической, так и практической, деятельностью Ленина, и традиции которых ныне продолжает журнал «Под Знаменем Марксизма», неуклонно следующий заветам Ленина, высказанным им в его известной программной статье журнала «О значении воинствующего материализма», работники которого должны стать «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Эта верность философским заветам Ленина с особой энергией и единодушием была выявлена во время дискуссии 18 марта текущего года по поводу доклада тов. Семковского: «Что Ленин внес в материализм». Выступившие в прениях по этому докладу т.т. Асмус, Розанов, Маренко, Левик, Загорулько, Нирчук и друг. указывали на недопустимость противопоставления в области философии Плеханова—Ленину. Не встретила сочувствия и выдвинутая т. Семковским идея создания «третьего фронта», по поводу которого оппонентам было указано, что этот «новый» фронт постигнет судьба аналогичных промежуточных группировок, пытающихся стать выше «крайностей».

Несмотря на свою молодость, кафедра своей деятельностью завоевала себе прочное признание в научных и партийных кругах, что является залогом и ее дальнейшего успешного роста и плодотворной работы.

Я. Розанов.

Научно-исследовательская работа по марксизму в Казани.

Кабинет по изучению марксизма при ВПИ.

Основная научно-исследовательская работа по вопросам марксизма, ведущаяся в Казани, во многом об'единяется вокруг вышеназванного учреждения, входящего в состав РАНИОН. Кабинет этот имеет своими задачами: а) самостоятельную научно-исследовательскую работу, б) ведение семинариев по марксизму в Вост.-Педагогич. Институте и руководство работой будущих аспирантов Н.-И. институтов, в) организацию и об'единение научных работников города, ведущих исследования по теории и истории марксизма. Хотя кабинет существует с 1923 года, но отсутствие средств, длительная организационная работа—создало такое положение, что за первые 2 года его существования (1923 и 1924) им было приготовлено всего лишь около 10 печ. л. научного материала, последние же 2 года дали значительно большие достижения. В основном, работа последнего времени состояла в следующем:

I. Разработка вопросов теории и истории марксизма. Приготовлен и напечатан первый очерк из цикла работ на тему: 1) «Восточный вопрос в XIX веке в освещении Маркса и Энгельса», представляющий собою как бы продолжение работ Д. Б. Рязанова по анализу вопросов внешней политики в освещении основоположников марксизма, первый очерк этой работы охватывает как раз середину XIX века, период Крымской войны (напечатан в «Новом Востоке» № 13; второй очерк, посвященный состоянию вопроса во второй половине XIX века и дающий систематический подбор и анализ высказываний Маркса и Энгельса, начиная с их писем и статей 1860-х годов и кончая последними публикациями (Письма Энгельса Бернштейну, Адлеру и др.),—интересен еще в том отношении, что подробно анализирует ряд новых положений, еще не вовлеченных в оборот научной историографии внешней политики эпохи империализма (суждения Энгельса о Балканах 1890-х гг.); этот очерк заканчивается обработкой (3 печ. л.); 2) собран и частично начат обработкой материал на тему «История развития взглядов Маркса и Энгельса на диктатуру пролетариата»; 3) подготовлен сборник отрывков на эту тему, вдвое превосходящий об'емом известное издание Э. Драна (у последнего—18 отрывков, у нас—37) [1]), от которого уже получено согласие на выпуск 2-го издания его книги, при этом он любезно предоставляет в наше распоряжение и новый, разысканный им после 1920 года, материал по этому вопросу; издание такого сборника отрывков из сочинений Маркса и Энгельса (3 печ. л.) тем более важно теперь при значительной тяге нашей

[1]) В нашем переводе брошюры Драна („Спутник Коммуниста" 1923 г., № 25) мы опубликовали 7 новых отрывков.

молодежи к солидной углубленной проработке теории марксизма. Разумеется, разработка указанной темы потребует немало времени; 4) после учета 2-годичного опыта работы сотрудников кабинета в Вост.-Пед. Институте и, особенно, в Татарском Коммунистическом Университете, еще в прошлом году было приступлено к изготовлению хрестоматии «Феодализм и торговый капитализм в освещении Маркса и Энгельса», и, хотя первое «издание» ее (около 20 п. л.) ныне находится на рассмотрении в ГУС'е, все же работа по улучшению и пополнению хрестоматии ведется и в нынешнем году; 5) в последние месяцы начата работа по библиографии литературного наследства Маркса и Энгельса (сочинений и писем), так как имеющиеся (Драна, Шнеерсона и др.), страдая неполнотой, неточностями, мало удовлетворительны. Эта работа по библиографии в первую очередь учитывает громадную критическую, оставшуюся неучтенной в прежних библиографиях, работу Д. Б. Рязанова и Института Маркса и Энгельса; она должна дать строго-хронологическое описание всех изданных материалов, необходимое для всяких биографических работ (предварительное сообщение на научном заседании 27/III с. г.); 6) в настоящем же году, по соглашению с ИМЭ (по мысли Д. Б. Рязанова), приступлено к работе над сочинениями Антонио Лабриолы; приготовлен био-библиографический очерк ($1\frac{1}{2}$ п. л., печат. в «Под Знам. Марксизма»), новый полный (в прежних имеется около 40 пропусков) перевод книги «Социализм и философия» (10 п. л., для «Библиотеки марксиста» ИМЭ) и составляется план русского издания собрания сочинений Антонио Лабриолы (для этого специально выписан и получен ряд ценных изданий); 7) уже почти два года ведется работа над изучением взглядов Маркса и Энгельса на внутреннюю историю России, первый очерк «Маркс и Энгельс о русской общине» доложен в научном заседании 6/III с. г. и печатается (2 п. л. в «Ученых Записках Казанского Гос. Университета»); 8) начата обширная работа по изучению анализа постановки проблемы соотношения формальной и диалектической логики у Гегеля, Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, первая часть которой—«Гегель» (5 п. л.)—доложена в научном заседании 13/III с. г.

II. Работа по изучению Ленина и ленинизма. В этом цикле работ на первом месте стоит изучение ленинской диалектики в ее конкретности,—еще в 1925 году была, в основном, закончена 1-я часть исследования (№ 9)—«Диалектика в исследовании аграрного вопроса в России в работах Ленина» [1]), охватывающая период 1894—1913 гг. (10 печ. л.); ныне эта часть дополняется и освещается новыми материалами; систематизирован материал второй части—период 1914—1923 гг.; 10) приступлено к восстановлению рукописи «Политическая надстройка империализма в освещении Ленина», погибшей в одной из московских редакций в 1925 году, о чем сожалеть особенно не приходится, так как с тех пор собран новый богатый материал по этому совершенно не освещенному в литературе, очень важному для исторических работ по истории современности вопросу (2 печ. л.); 11) собирается материал на тему «Революционное движение на Востоке в освещении Ленина»; часть его уже обработана и представляется в виде доклада на об'единенном заседании кабинета и собрании студентов Татарского Коммун. Университета—«Китайская революция в освещении Ленина».

III цикл—исследования по конкретной истории эпохи империализма; сюда (частью) входят: 12) завершение работы «французские

---

[1]) Одна глава из этой работы напечатана в «Вестнике Соц. Академии». кн. V, и отдельно—Казань 1924.

колонии в 1914—1926 гг. [1]) (10 печ. л.); отдельные главы ее печатаются в «Новом Востоке», «Weltwirtschaftliches Archiv», «Социалистическом Хозяйстве», сборнике Академии Наук УССР; 13) этюды по истории империализма на Ближнем Востоке (обзор новых материалов) (для «Нового Востока»); 14) частично собран материал об отражении великого экономического кризиса (1914—1923 гг.) в британских доминионах и колониях, вопрос важный теоретически (для изучения своеобразий развития кризиса) и «практически»; в первую очередь намечено исследование движения цен в Южной Африке, Индии и Австралии в 1914—1926 гг., затем движения заработной платы; 15) в этот же цикл работ могут быть отнесены и исследования по истории рабочего движения в России в 1910—1914 гг., проводимые по архивным материалам; первое сообщение «Страховое движение в дореволюционной России» (М. К. Корбута) было сделано на научном заседании при кабинете 27/III с. г.

Таким образом, как видно, научно-исследовательская работа кабинета довольно обширна, но возможности дальнейшего ее развития в ширину очень ограничены крайне скромным штатом кабинета (2 штатных единицы научн. работников) [2]):

А. В организационной и частично финансовой связи с Вост.-Педагог. Институтом ведется работа по подготовке будущих аспирантов Н.-Иссл. Институтов: еще весною прошлого года из оканчивающих курс ВПИ была организована группа в 9 человек (75%—члены ВКП(б); ими избраны темы для вступительной в Н.-Иссл. Институт работы, которые и подготовляются; две уже были доложены на заседаниях при кабинете (№№ 6 и 7), две будут доложены на апрельско-майских заседаниях («К теории кризисов у Маркса», «Теория ценности в работах русских ревизионистов»). Руководство работами этой группы проводится кабинетом совместно с другими научными работниками Казани. Далее надо отметить организованный в этом году семинарий «Маркс и Энгельс», в котором приняло участие 30 человек студентов ВПИ, проработавший тщательно и углубленно 17 тем по истории формирования и развития марксизма (доклад об этом семинарии на заседании при кабинете 24/III с. г.). Другие семинарии ВПИ (175 человек) также обслуживались кабинетом консультацией и библиотекой его, насчитывающей 1.500 томов тщательно подобранной литературы, в которой центральное место занимают сочинения Маркса и Энгельса на немецком языке, единственное в Казани собрание.

В. В области об'единения научных работников по марксизму организована сессия научных заседаний при кабинете; в марте—мае с. г. состоялось 11 заседаний с 18-ю докладами и сообщениями; часть из них уже указана выше, об остальных будет сообщено в следующем обзоре.

В. Дитякин.

---

[1]) Из цикла работ „Колонии во время и после войны", 1-ый очерк „Британские колонии" в прошлом году был принят к печати ВНАВ.

[2]) Штатные работники кабинета: проф. В. Дитякин, работающий над вышеназванными темами №№ 1, 2, 3, 4, 6, 9, 10, 12, 13, руководитель семинариев; научный сотрудник Л. Яковлева, работающая над №№ 5, 11, ведет консультации по семинариям, она же исполняет обязанности секретаря и заведующего библиотекой кабинета. Работа № 7 ведется И. Д. Андриевским, № 8—Д. М. Прониным (ассистенты Тат. Ком. Унив.).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Иностранная философская периодическая печать (1926 г.).

I.

Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Логос. Международный журнал философии культуры. 1926. Том XV; 1, 2, 3.

Характернейшей чертой современной германской философии является усиленный рост метафизических построений; если несколько десятков лет тому назад метафизика занимала сравнительно скромное место по сравнению с критическим идеализмом, то в настоящее время дело обстоит совершенно иначе. В своем обзоре современной метафизики в Германии Артур Либерт [1]) указывает, что прежняя тенденция неокантианцев рассматривать Иммануила Канта, главным образом, или даже исключительно, как критического гносеолога за последние годы сменилась стремлением сочетать критицизм с метафизикой, что соответствует общим настроениям, господствующим среди немецких идеалистов.

Либерт насчитывает шесть основных направлений в современном метафизическом идеализме в Германии: (1) нео-витализм Ганса Дриша; (2) метафизическая психология персонализма Вилльяма Штерна; (3) «Философия жизни», ведущая начало от Фридриха Ницше и Вильгельма Дильтея; (4) философия Марбургской школы; (5) метафизические построения Рудольфа Эйкена и графа Германа Кейзерлинга в области общего мировоззрения; (6) нео-томизм.

Если принять во внимание, что современная буржуазная философия не только в Германии, но и в остальных капиталистических государствах, в настоящее время проявляет усиленную анти-научную тенденцию, чему ярким примером может послужить VI международный философский конгресс, то станет понятным все значение критического анализа наиболее показательных образцов идеалистического мировоззрения.

Проблема познания в пятнадцатом томе «Логоса» посвящена статья Ионаса Кона—«Переживаемый опыт, действительность и недействительное» [2])—статья, целиком направленная против теории познания диалектического материализма, не в том смысле, чтобы в ней давалась ее последовательная критика (автор огра-

---

[1]) Arthur Liebert, Contemporary Metaphysics in Germany,—„The Monist". 1926, v. XXXVI, № 2.

[2]) Jonas Kohn, Erlebnis, Wirklichkeit und Unwirkliches,—„Logos" 1926, Bd. XV, H. 2.

ничивается только кратким выпадом против Фридриха Энгельса), но в том смысле, что в ней германский идеализм делает n+1-ю попытку, исходя из современного состояния физических наук, подменить об'ективную реальность материи «действительностью как идеей».

Ионас Кон ставит перед собою задачу выяснить отношение между переживаемым опытом, действительностью и недействительным, освободившись, насколько возможно, от исторической терминологии. По его мнению, необходимо обратиться к проблемам, выдвинутым современной наукой и жизнью; наше поколение должно самостоятельно мыслить и наблюдать; опираясь на философскую традицию, оно в то же время должно итти своим путем и дышать свободным воздухом проблем.

Уже каждый взгляд в зеркало и каждая мысль о преходящем,—говорит он,—выдвигают проблему действительности, но ее истинный смысл лучше всего уяснить путем сравнения мира, в котором мы живем, с миром, который нам открывают физика, химия и астрономия. Оба эти мира претендуют быть действительными. Для их отличия мы будем называть первый — «действительностью переживаемого опыта» (Erlebniswirklichkeit), второй—«физической действительностью» (physikalische Wirklichkeit). «Физическая действительность» своим об'емом чрезвычайно превосходит «действительность переживаемого опыта»: она простирается до отдаленнейших звезд и туманностей, охватывает невидимые лучи и неподдающиеся переживанию магнетические явления и электроны. Однако в отношении внутреннего богатства «физическая действительность» остается далеко позади «действительности переживаемого опыта»: ей недостает многообразия чувственных ощущений, теплоты и подвижности чувств, вне ее остаются ценность, суб'ект и, наконец, сама жизнь.

Отсюда вытекает вопрос: как может быть, что существуют две действительности, хотя термин «действительность» скорее обозначает единое, всеохватывающее целое.

Прежде всего, соотношение обоих видов действительности нельзя мыслить таким образом, что они существуют вне всякой связи друг с другом; так, например, кристалл в опыте переживания дан как цветная, блестящая форма (Gestalt), но для физики он — сложная структура, состоящая из молекул. Кроме того, оба вида действительности оказывают влияние друг на друга. Переживания подвергаются изменению в связи с изменением физической действительности: мы—люди XX века—в звезде видим небесное тело, слушаем радио и т. п.; с другой стороны, физик признает частью своей действительности только то, что каким-либо посредственным образом может быть воспринято, а следовательно, пережито. Конечно, нельзя отрицать, что действительным может быть многое, чего мы еще не восприняли, но для физика действительно только то, что воспринимается каким-либо посредственным образом.

Если бы опыт переживания и физическая действительность были совершенно отделены друг от друга, то мы бы не имели возможности перейти от переживания к миру физических явлений; именно тесная связь между этими двумя видами действительности позволяет установить их различие.

Определенность и ясность «физической действительности» делает ее удобным исходным пунктом для исследования, но так как в этой простоте кроется опасность отрешения от самой жизни и ее действительности, то во избежание того, чтобы не считать их чем-то вторичным по отношению к физическим конструкциям, предпочтительнее начать анализ с рассмотрения мыслительных мотивов перехода от опыта переживания к физической действительности.

Уже эти предварительные соображения Ионаса Кона позволяют установить основную его методологическую ошибку в самой постановке проблемы познания действительности: из того факта, что единая, об'ективная реальность, т.-е. материя, отражается в сознании при непосредственном восприятии, в жизненном опыте иначе, чем при посредственном восприятии, в научном опыте, он делает логически необоснованный вывод о существовании двух видов действительности, называя их «действительностью опыта переживания» и «физической действительностью»; между тем, по существу дела здесь следует говорить не о различных действительностях, но о различных картинах единой действительности.

Дальнейшие рассуждения Ионаса Кона позволяют раскрыть истинный смысл этого смешения понятий, смешения вовсе не случайного, но имеющего принципиальное значение.

Переход от опыта переживания к об'ективной действительности интерпретируется им следующим образом: прежде всего мы, просто как люди, переживающие обычный опыт (не думая даже о физике или даже не зная о ней), отнюдь не отождествляем наших переживаний с действительностью, так как она, подобно «физической действительности», и уже и шире их; так, сны мы не считаем действительностью, а, вместе с тем, даже ночью не сомневаемся в действительности солнца.

Таким образом, «действительность переживаемого опыта» (Erlebniss wirklichkeit) не ограничивается действительными переживаниями отдельного человека и, вместе с тем, отличается от «физической действительности» (physikalische Wirklichkeit) тем, что все ее содержание имеет «структуру пережитого», т.-е. в него входят живые люди, светящиеся звезды, гремящий гром, прохладная вода и т. п. Но по своей структуре действительность переживаемого опыта не всегда совпадает и с непосредственно пережитым (unmittelbar erlebte); так, людям нашей эпохи свойственно представление о единообразном, измеримом пространстве, между тем как наше непосредственное восприятие пространства имеет качественный и абсолютный характер.

Уклонение «действительности переживаемого опыта» от непосредственных переживаний происходит, как кажется, в сторону «физической действительности», в чем проявляется стремление к «об'ективной действительности», стремление перейти от суб'ективных переживаний к пережитым об'ектам.

В то время как действительность, в которой мы первоначально живем, дана нам во всей полноте переживаний, главным образом, в их чувственной и волевой стороне,—практические потребности жизни приводят нас к необходимости более точных определений и критических ограничений; признаками действительности мы признаем лишь ощущения, свободные от чувства, и требуем, чтобы их содержание доказало свою действительность путем присоединения к однородной совокупности связей пространственно-временного мира. Об'ем действительности, благодаря этому, расширяется; то, что следует прибавить для установления однородной связи, также признается действительным, и в результате образуется «действительность сущности дела» (Tatbestands-Wirklichkeit).

Эта действительность об'ективнее «действительности переживаемого опыта», так как она исключает те черты, при помощи которых наша чувственная и волевая жизнь оживляла вещи и делала их нам подобными. То, что обычно называют действительностью, является смесью «действительности переживаемого опыта» и «действительности сущности дела».

Дальнейшее движение по направлению к об'ективности приводит нас к физике. Различие между первичными и вторичными качествами условно·

почувствованное давление столь же мало принадлежит телу, как и его воспринимаемый нами цвет. Современная физика отказалась от механистического понимания природы и за основу явлений принимает электромагнитные изменения. Таким образом, наши ощущения дают нам сведения о чем-то действительном, что неощутимо (nicht empfindbar ist), что состоит в известных отношениях к другому действительному и подчиняется законам, имеющим характер формул. Формулы эти всеобщи, но позволяют на место своих неопределенно-всеобщих членов подставлять количественно определенные ценности и этим способом выводить каждый отдельный случай из всеобщего закона. Благодаря этому «действительность» оказывается независимой от своеобразности ощущений, и познание ее не связывается более с органическими границами восприимчивости наших органов чувств. «Физическая действительность» своим об'емом значительно превышает «действительность переживаемого опыта».

Ущербным, серым и призрачным казался молодому Гёте механический мир «Системы природы», но мир современной физики еще более удаляется от переживаний. Явления, происходящие в электромагнитном поле, совершенно оторваны от наших ощущений; строго физическая действительность оказывается непереживаемой; ощущение — только символ явления. В математические формулы укладываются явления, чьи следствия доступны нашим ощущениям; так как формулы, применяемые в физике, не могут быть отнесены к «действительности», то по какому же праву то, к чему они приложимы, может быть названо «действительным»?

Если для современной физики действительность цвета сводится к электромагнитным волнам, то это утверждение имеет тот смысл, что при помощи электромагнитных волн оптические явления могут быть упорядочены в известную управляемую формулами совокупность и что все следствия этой совокупности проявляются в «действительности переживаемого опыта».

Техника,—сказал однажды Энгельс,—есть доказательство физики, подобно тому как доказательство существования пуддинга состоит в том, что его едят. Однако в этой физической действительности не находят себе места ни еда, ни едок, ни техник с его целями.

Ироническое замечание Ионаса Кона по адресу Фридриха Энгельса едва ли было бы для нас интересно само по себе, но взятое в связи с его предварительными соображениями по поводу различных видов «действительности» оно приобретает достаточно выразительную идеологическую значимость. Как мы видели, конечным выводом, к которому приходит Ионас Кон в рассматриваемой нами первой части его статьи, является утверждение, что действительность, о которой говорит современная физика, есть только «управляемая формулами совокупность», совершенно отличная от той действительности, которая дана нам в опыте переживаний; на этом основании И. Кон считает возможным отвергнуть без дальнейших размышлений учение диалектического материализма об об'ективной реальности, посредственно или непосредственно отражающейся в ощущениях человека. Между тем, все сказанное И. Коном о различии между «действительностью переживаемого опыта», «действительностью сущности дела» и «физической действительностью» подчеркивает только историческую относительность человеческого познания действительного мира, но ни в коем случае не может служить доказательством гносеологической правомерности отрицания об'ективной реальности. Смешение терминов «действительность как реальный предмет познания» и «действительность как отражение об'ективной реальности в человеческом сознании» влечет за собой непонимание «противоречия между внутренней не-

ограниченной способностью человеческого познания и ее действительным осуществлением в крайне ограниченных извне и познающих только в ограниченной степени людях» (Энгельс). Если в физической действительности Ионаса Кона не находят себе места ни «едок», ни «техник», то спрашивается, в каких же сферах помещает самого себя наш глубокомысленный гносеолог? Ответом на этот вопрос служат дальнейшие его размышления.

Линия, ведущая от переживаний к «действительности сущности дела», заканчивается «физической действительностью», которая является ничем иным как единообразным об'ективным порядком (Zusammenhang); спрашивается, однако, об'ективна ли она целиком и не присуща ли ей известная суб'ективность? Вопрос этот можно поставить в отношении того понимания физической действительности, которое дано в науке, начиная с Ньютона вплоть до появления теории относительности. Все различия в понимании физической действительности, имевшие место в истории физики до Эйнштейна, с нашей точки зрения,—говорит Ионас Кон,—несущественны, так как все ученые этой эпохи принимали время за величину, отличную и независимую от пространства и имеющую свое специфическое измерение.

Даже для Канта и для целых поколений после него оставалась скрытой проблема, состоящая в том, что время должно быть и формой внутреннего чувства и формой об'ективной действительности, лишенной всего «внутреннего».

Проблема эта была вскрыта с обоих своих полюсов: в отношении как переживаемого времени, так и времени физического, измеряемого.

Сама психология в прежнее время пыталась мыслить «об'ективно», как это ясно выражено в учении Гербарта о механике представлений; даже Вундт еще считал время душевных переживаний измеримым при помощи хроноскопа Гиппа и других приборов. Мюнстерберг уже думал, что измеряемое время относится к об'ективному миру и лишь косвенным образом применимо к душевной жизни путем приравнения психических и физических явлений; Джемс и Вилльям Штерн указали, что переживаемое время отлично от физического. Наконец, Бергсон еще основательнее, с полным сознанием философского значения этого утверждения, установил различие между переживаемым, качественным, индивидуальным временем (durée) и измеримой, лишенной качества, всеобщей величиной физических уравнений; это бергсоновское различение укрепилось в сознании философствующих.

Всякое переживание протекает во времени (в смысле переживаемого времени), но понятие измеряемого времени возникает только в известных культурах и цивилизациях, выразительнее всего—в современных, европейско-американских.

Можно подумать, что измеримое время переносится из мира «внутреннего» в об'ективную действительность физики, но именно физикой подвергается сомнению возможность измерения времени независимо от пространства и движения; но так как для физики существует только измеримое, то вместе с независимостью измерения времени становится проблематичным само время. Существенно важно, что физики пришли к этому выводу не из-за каких-либо спекулятивных соображений, но разрешая свои специальные задачи, так что к этому утверждению приводит внутренняя необходимость и последовательность развития самой науки.

Правда,—говорит Ионас Кон,—самые отважные теоретики не пришли еще к тому, чтобы совершенно устранить особое положение измерения времени в пространственно-временном мире четырех измерений, но

эта тенденция свойственна современной физике. В случае разрешения этой задачи физический мир оказался бы совершенно независимым от двойственности времени и пространства, данной в переживании; он был бы последовательнее об'ективным и еще более отличался от переживаний и жизни.

Проблематика времени приводит, таким образом, на основании данных современной физики и психологии, к признанию известной двойственности в самом об'ективном времени. В результате рассмотрения до конца продуманной об'ективной «физической действительности» обнаруживается дилемма: (1) или же «физическая действительность» предполагает необратимость времени, а следовательно, время, отличное от пространства, т.-е. некоторый элемент суб'ективности; (2) или же она преодолевает это отличие, приравнивает время пространственному измерению, а следовательно, совершенно удаляется от «действительности переживаемого опыта», т.-е. оказывается в высочайшей степени недействительной (unwirklich).

Опираясь на Бергсона при обосновании своей теории познания, подобно тому, как это делает Ганс Дриш при изложении теории нео-витализма, Ионас Кон говорит об его учении как о последнем завоевании психологии, не учитывая того обстоятельства, что подобная ссылка на авторитет французского идеалиста отнюдь не убедительна для представителей иных воззрений и что принципиальность разбираемой проблемы требовала рассмотрения каждого ее раздела по существу. С другой стороны, следует отметить тот факт, что даже эмпирическая психология Вундта оказывается слишком революционной для представителя современного немецкого идеализма.

Что же касается дилеммы Ионаса Кона, установленной им относительно «физической действительности», стоящей по его мнению, на распутьи между «суб'ективным» и «недействительным», то она в гносеологическом смысле оказывается беспредметной, так как оба термина: «суб'ективный» и «недействительный» определяются отношением между различными отражениями действительности в человеческом сознании («действительностью переживаемого опыта» и «физической действительностью»), но не отношением между познающим суб'ектом и познаваемым об'ектом (об'ективной реальностью).

Между тем, молчаливое, основанное на смешении терминов устранение об'ективной реальности как предмета познания служит Ионасу Кону гибким трамплином для логического скачка в мир идеальных ценностей.

Действительность,—говорит он,—должна нами мыслиться как идея; наше исследование теперь необходимо направить в противоположную сторону и исходить не из разнообразия аспектов мира, но из единства познающего духа.

Действительность нужно мыслить как единый, пространственно-временный, действенный порядок (Wirkung-Zusammenhang), который должен быть однородным и всеоб'емлющим; подобная проблема находит себе разрешение только в познающем духе.

Постулат однородности, состоящий в требовании, чтобы многочисленные и разнообразные представления о действительности были друг с другой согласованы, приводит нас от непосредственных переживаний, через «действительность переживаемого опыта» и «действительность сущности дела», к «физической действительности», но разве это действительность, если в ней не остается места для жизни? Переживаемые пространственно-временные порядки заменяются здесь порядками кон-

структивными, которым может быть подчинена «действительность», но которые сами по себе недействительны (unwirklich).

Второй же постулат, согласно которому действительность должна быть всеоб'емлющей, приводит ко внедействительным (ausserwirklich) законам природы.

Благодаря этому действительность в ее единстве никогда не может быть нам дана, но к ней направлены наши познавательные устремления; действительность должна быть понята как идея. Это противоречит, быть может, воззрениям повседневной жизни, но мы уже показали, что обычное понимание действительности является компромиссом. Однородная, идеальная полнота действительности (Vollwirklichkeit) не дана и не может быть найдена, так как она—идея в кантовском смысле, т.-е. необходимо поставленная, но по необходимости невыполнимая, направляющая познание задача. Это справедливо не только относительно космоса в целом и отдельных его частей, как это утверждал Кант в своих антиномиях, но и относительно однородной структуры действительности.

Истинный смысл идеализма в том, что мы можем познать только об'ект, во всем своем содержании зависящий от познающего я.

Таким образом, лишив предметного содержания науку и вообще познание, сведя об'ективную реальность к «недействительности» и «внедействительности», опираясь на quaternio terminorum в отношении к «действительности»—понятию основному для всего производимого анализа,—Ионас Кон приходит, в конечном итоге, к «необходимо поставленной, но по необходимости невыполнимой задаче»: интерпретировать действительность как идею. Правда, идея эта, возникшая от соединения недействительности и внедействительности, выглядит значительно худосочнее, чем у Канта; правда, доводы нашего гносеолога, шитые белыми нитками, трещат по всем швам, но зато он попал, наконец, в тот идеальный мир, где нет ни «еды», ни «едоков»,—ни материи, ни материалистов.

Несколько иные пути намечает напечатанное «Логосом» открытое письмо Бенедетто Кроче VI международному философскому конгрессу—«Основные устремления современной философии» [1]).

Вступительная часть «письма» звучит достаточно парадоксально: по мнению Бенедетто Кроче, многие, если не все, кто в настоящее время занимается философией, готовы признать два понятия устаревшими и чуждыми современному духу: метафизику и замкнутую философскую систему; для современной философии характерен отказ от метафизического исследования действительности, находящейся по ту сторону нашего опыта, и отказ от построения систематических замкнутых учений, претендующих на познание истинной реальности. В основе этих двух отказов лежит единое отрицание потустороннего мира, а следовательно, и философии, понимаемой как теология и противопоставляющей неподвижную, косную истину историческому познанию преходящих фактов, т.-е. нашего мира, схваченного в вечном ходе бывания.

Замечательно, что именно VI международный философский конгресс, к которому были обращены эти слова Бенедетто Кроче, проявил усиленную тенденцию к метафизике и теологии [2]), которым отнюдь не враждебен современный дух, если под ним подразумевать современную идеалистическую философию, как это делает Кроче; из дальнейшего

---

[1]) Benedetto Croce, Richtlinien der Modernen Philosophie. Offener Brief an den 6. Internationalen Philosophenkongress in Cambridge Mass. im Sept. 1926,—«Logos». 1926. Bd XV, H. 3.

[2]) См. «Под Знаменем Марксизма» 1927, № 2-3,

будет видно, что и сам он вовсе не чужд метафизике и теологии, но в модернизированном виде.

Метафизическая и систематическая философия,—говорит он,—развивалась в древности и в средние века; против нее выступили—гуманизм Ренессанса, рационализм и эмпиризм XVII и XVIII вв., идеализм, позитивизм и натурализм; Бруно, Вико, Локк и Юм, Декарт и Кант, Гегель и Конт, как огненные волны, разрушали потусторонность; для мыслителей нового времени философия—только имманентное и эмпирическое познание, которое, как и всякий опыт, постоянно растет и становится.

Отсюда делают вывод о банкротстве философии, о необходимости заменить ее историческими и естественными науками, но в действительности на пути к банкротству находится только теологическая философия потусторонности, а не философия в собственном смысле этого слова, которая укрепляет свои позиции, отмежевываясь от первой. Задача истинной философии—исследование опытных категорий, идей, или, как теперь принято говорить, ценностей, а также основных форм деятельности духа, его диалектики, его единства во множественности. Истинная философия никогда не была ничем иным как подобного рода изысканием; это справедливо относительно древности и средневековья, а в особенности—нового времени; теологическое мышление всегда было или врагом ее или же оболочкой, в которой она, более или менее сознательно, скрывала свою творческую силу.

Мне могут указать,—говорит далее Кроче,—что при подобном понимании философии она должна будет стремиться к построению законченной системы вечных идей, или категорий, или ценностей; если бы такова была задача философии, то над ней можно было бы посмеяться, так как здравый человеческий рассудок уже овладел без ее помощи категориями истины, добра, красоты и т. п. Категории существуют именно потому, что они всегда, повсюду и всеми признаются действительными, и целью философии является не запоздалое открытие или изобретение уже существующих категорий, но их исследование. Философ формулирует и разрешает новые проблемы, возникающие благодаря развитию жизни и устремлению практических дел и суждений; философия овладевает конкретной действительностью только на службе у опыта,—в истории, в бывании; необходимо признать единство философии и историографии. Познание, лежащее близко к нашему сердцу,—это познание отдельных вещей, среди которых мы живем, познание индивидуального, которое в то же время—само всеобщее, подобно тому как гегелевские «вишни» и «яблоки» вместе с тем суть «плоды». Новые факты влекут за собой новую философию, которая получает свое бытие не как замкнутая система, но как подвижная цепь систематизирований, вступая благодаря этому в противоречие с метафизикой и трансцендентностью. Замечательно, что этого противоречия долго не замечали и не понимали, заменяя его противопоставлением истории и наук о природе как двух метафизических сущностей, друг друга исключающих, между тем как они—только два различных познавательно-критических способа обработки одной и той же действительности; науки о природе в принципе не отличаются от истории, так как сами они—живая история духа.

На возражение, что подобная философия должна быть нерелигиозна или, по крайней мере, арелигиозна и лишена всякого чувства мистерий, можно ответить,—говорит он,—таким образом: она нерасположена к принятию трансцендентных учений и метафизических форм религии, но истинная религиозность людей никогда не была ничем иным, как устремлением к чистоте и возвышенности, жаждою истины и добра; наша философия

оставляет место для этой веры, так как, понимая действительность не как factum, но как вечное fieri, длящееся творчество, она (философия) ничем не ограничивает новых форм жизни и мышления, и священная тайна для нее—бесконечно-творческая сила, божественное, живое Все.

Итак, начав с утверждения, что истинная философия разрушает метафизику и теологию, Бенедетто Кроче, в конечном итоге, опираясь на «диалектику духа», приходит к примирению имманентности и трансцендентности в священной тайне божественного Все. Потусторонность, которой он угрожал гибелью в огненных волнах философии Канта, Конта и Гегеля, как некий феникс, возрождается из пламени, обновив свое оперение; «критика чистого разума» сменяется «критикой практического разума», позитивизм—контизмом, гегелевская диалектика—метафизикою идеализма; старинный фокус, некогда гениально проделанный Иммануилом Кантом, вновь повторяется Кроче, правда, не с тем же успехом, но с тою же целью: истинная философия подает руку религии; отказавшись от систематизирования потусторонности, она в то же время всячески содействует вере в нее.

Можно возразить,—говорит далее Кроче,—что подобное понимание философии не удовлетворит верующих, что в человеческом сердце живет неутолимая жажда преодолеть границы жизни и мышления, надежда на другую действительность, лучшую, чем та, в которой мы живем. Но потусторонний мир недоступен для мышления, для философии; задача последней—исследовать, раз'яснить и укрепить устремление в потусторонность. Религии покоятся не на мышлении, но на откровении, о котором не может быть речи в собрании философов и «хорошо образованных лиц», которые привыкли считаться с настроениями окружающих. Если же современная философия может быть только философией исторического опыта, если метафизика вместе со своими методами и системами умерла, то и тип философа не может оставаться тем же, каким он был в средневековых школах, а затем и в современных университетах: «чистый философ», доставшийся нам в наследство от средневековья, трактующий «вечные вопросы», разрешающий «мировые загадки», должен под влиянием проснувшегося чувства живого единства философии и опыта уступить свое место новому типу мыслителя, который принимает участие в историческом и естественно-научном исследовании и берет на себя жизненные тяготы (Lebensmühsal) своего времени, не чуждаясь и государственных дел или, по крайней мере, будучи их сочувствующим наблюдателем. Этот знаток философии не должен оставаться чистым специалистом—философом, но должен, как и все люди, иметь определенное призвание, и в первую очередь (о чем часто забывают философствующие)—призвание быть человеком.

«Письмо» Бенедетто Кроче, выросшее на гегельянской основе, многим современным метафизикам показалось, вероятно, весьма радикальным, однако, даже с чисто исторической точки зрения оно запоздало почти на столетие, что будет достаточно ясно, если сравнить его хотя бы со старой (1842 года) гегельянской статьей Михаила Бакунина «Реакция в Германии»: историческое развитие духа для об'ективного идеалиста Бакунина было обоснованием призыва к социальной революции и к борьбе с реакционным мировоззрением, между тем как у Кроче диалектика духа поступает на службу модернизированной религии современного буржуа. Что же касается выпада против современных схоластов, то, конечно, он вызван весьма реальными фактами, но, вместе с тем, для того типа философа-практика, о котором говорится у Кроче, при занятии государственной деятельностью едва ли удачным руководством окажется столь

отчетливо сформулированная политическая программа как призыв «быть человеком».

За подобными «плодами» гегельянства не чувствуется ни «вишень», ни «яблок». В известном смысле все мы вышли из гегелевской диалектики, но так интерпретировать гегельянство, как это делает Кроче, это значит щеголять в шинели, насквозь из'еденной молью и временем.

Для характеристики того специфического интереса к гегельянству, который проявляется в послевоенном европейском идеализме, весьма существенна обзорная статья Зигфрида Марка—«Диалектическое мышление в современной философии» [1]).

Стремление новой философии,—говорит Зигфрид Марк,—обновить диалектический метод проистекает из многих источников. Нео-кантианские системы при своем развитии натолкнулись на проблему диалектики; на диалектику же должна была опереться «философия жизни» при критическом анализе своих интуиций; наконец, на диалектический путь стали многие учения современной психологии и биологии.

«Теорию диалектики» Ионаса Кона и «Основы психологии мышления» Р. Гёнигсвальда З. Марк относит к типу критической диалектики, книгу Рихарда Кронера «От Канта до Гегеля» он характеризует как пример спекулятивной диалектики и, наконец, в книге небезызвестного Лукача «История и классовое сознание» видит проявление высочайшего догматизма, так как последний, по его словам, «исходит не из формальной стороны диалектической проблемы, но со стороны определенного содержания, именно философии марксизма».

Конечно, думая в лице Лукача поразить философию диалектического материализма, Зигфрид Марк несколько не рассчитал удара, но само предпочтение, отдаваемое им «формальной стороне диалектической проблемы», станет вполне понятным, если принять во внимание, что наивысшим проявлением строго научного образа мышления он считает «критическое философствование» Ионаса Кона.

По поводу книги Рихарда Кронера высказался также иезуит Эрих Пживара («Фома или Гегель? К вопросу о значении «устремления к об'екту») [2]).

Редакция «Логоса» в примечании указывает, что эта статья не совпадает с обычным содержанием журнала, но все же была принята к напечатанию, так как в ней с точки зрения томизма рассматриваются проблемы современной философии.

Фома или Гегель, католичество или протестантство—к разрешению этой задачи направлены все усилия почтенного иезуита. По его мнению, различие между Гегелем и Фомою Аквинатом определяется их пониманием взаимоотношения между богом и его творением. Для Гегеля, как для философа протестантства, это—отношение конечного единства тождества и противоречия: «тождество» бога и творения (односторонняя имманентность) есть «противоречие» между богом и творением (односторонняя трансцендентность). Гегелевское понимание закона противоречия—последняя философская форма лютеранского понятия о боге.

Для Фомы же Аквината, как для философа католицизма, отношение это есть «аналогия» между все-действительностью, все-деятельностью и все-ценностью бога и само-действительностью, само-деятельностью и само-ценностью творения; не «бог в нас или превыше нас», но «бог

[1]) Siegfried Marck, Dialektisches Denken in der Philosophie der Gegenwart,—«Logos», 1926, Bd. XV, H. 1.

[2]) Erich Prsywara S J., Thomas oder Hegel? Zum Sinn der «Wende zum Objekt», «Logos», 1926, Bd XV, H. 1.

в нас и превыше нас»; только на пути Аквината нас ожидает истинное человеческое бытие в боге.

На ряду с вопросами теории познания и диалектики на страницах «Логоса» не оставлена без рассмотрения и проблема нравственности. Эрнст Астер («Мораль и морали») [1]) полагает, что сомнение во всеобщей значимости нравственности, в существовании вечных понятий о добре и зле, о праве и несправедливости является началом этической философии; сомнение это опирается на эмпирический факт существования различных понятий о нравственности у различных народов и в различное время. Изменчивость и многообразие моральных ценностей и оценочных принципов неоспоримо, и поэтому кажется, что общезначимая (allgemeingültige) нравственность—иллюзия.

Следует ли, однако, из вышесказанного, что моральное оценочное суждение может быть только делом индивидуального или национального вкуса и только предметом исторического и психологического рассмотрения. Имеется третья возможность: общепринятой, единственно верной нравственности не существует, но не следует говорить и о нравах, устанавливаемых только опытным путем, неограниченно изменчивых, зависящих от случайности исторического развития, от климата, от индивидуального и национального характера,—можно думать, что имеется ограниченное число возможных моралей, каждая из них—замкнутого в себе типа, отличная от других. В случае если принять это положение, задачей этики было бы—твердо установить совокупность этих возможных моралей и развить необходимые следствия из их принципов. Дальнейшим вопросом было бы—каким образом эти морали друг с другом связаны; не имеется ли возможности перехода от одной к другой; или, быть может, во всем культурном развитии человечества одна из них составляет необходимое дополнение к другой.

О подобном столкновении различных моралей приходится говорить, когда, например, права любви сталкиваются с обязанностями верности или права личности с обязанностями пиетета; здесь дело идет не об ограничении прав и обязанностей, но о различных моралях.

Но даже в том случае, когда нашим нравственным воззрениям противополагается совершенно иное моральное мышление, мы, при ближайшем рассмотрении, можем найти в себе созвучные струны, возможность подобного же ощущения, а следовательно, и возможность понимания. Если бы это было не так, то этика в определенном пункте превратилась бы в исторически-описательную дисциплину, а история морали—в музей.

В реальной действительности эти ограниченные числом возможные морали не встречаются в чистом виде; когда же отдельные люди, руководимые идеей подобной морали, пытались ее осуществить на деле, то их современники считали их или героями, так как они жертвовали жизнью ради высокой идеи, или глупцами, из-за идеи забывшими о действительности. Реальное применение всякой морали к жизни всегда включает в себя известный элемент непоследовательности; поэтому основные моральные понятия и понятие самой морали невозможно определить иначе чем исторически.

Если в истории человечества одна мораль сменяется другою, от нее отличною, то, вместе с тем, мы чувствуем, что к нашим современным нравственным воззрениям примешивается нечто, что проистекает из прежних этических формообразований и что находит себе адэкватное

[1]) Ernst v. Aster. Moral und Moralen.—«Logos». 1926, Bd. XV, H. 2.

выражение в наших словах. Поэтому с известным правом мы можем сформулировать тезис, противоположный первоначально выставленному, и сказать: не существует моралей, но только мораль, т.-е. единый поток морального чувства, постоянно меняющегося и нарастающего. То обстоятельство, что в конце этого потока находится современная «мораль», т.-е. идеал оценок и заповедей, включенный в полноту нашей индивидуальной и социальной жизни, дает нам право это название распространить и на весь поток, постоянно изменяющийся и разветвляющийся, который мы можем проследить в преистории и в истории и чьи отдельные стадии оставили следы, сохранившиеся в нашем современном мышлении и чувстве.

Те отдельные, ограниченные числом морали, о которых говорилось прежде, можно определить, как «чистые морали», внутренне исключающие противоречия, покоящиеся на однородном принципе и происходящие из однородного способа мышления и чувствования.

В исключительных только случаях они неискаженно осуществляются в психологическом и историческом становлении, но, вместе с тем, фактическая действительность может быть понята исключительно при их помощи, так как она—только промежуточная стадия (Zwischenstadium), постоянный переход от одной из этих моралей к другой.

То же справедливо и относительно религии: не существует единой, истинной религии, но единый поток религиозного развития, в котором даны идеальные сущности, отнюдь не тождественные с историческими религиями—юдаизма, христианства и т. д.

Таким образом, в истории нравственных воззрений Эрнст Астер видит проявление некоего саморазвития духа; рассматривая мораль в ее становлении, прибегая к гераклитовскому образу потока, он, в то же время, настаивает на эмпирической традиционности нравственности, сближая, например, отношение дикаря к «злым духам» и отношение современного человека к «злым преступникам»; благодаря подобным аналогиям он рискует впасть в бессодержательный формализм, но во-время вспоминает об идеальных сущностях и преблагополучно возвращается в лоно идеализма.

Вместе с тем, в пределах анализа эмпирической морали Астер не чужд и социологического рассмотрения ее развития. По его мнению, ряд моралей можно определить, исходя из их понимания высшего преступления; так, в этике капитализма это место занимает кража, нарушение права собственности; ясно,—говорит он,—что в этом случае изменение хозяйственных отношений определило и развитие нравственности; отсюда возникает вопрос о возможности сведения в конечном итоге общественных и моральных явлений к изменениям в народном хозяйстве. Однако, более подробно он на эту тему не распространяется и переходит к этико-философскому анализу взаимоотношений «богача» и «бедняка». Право на собственность, по его мнению, необходимо связано с условием благодетельствовать и благотворить; милостыня—не свободное проявление сочувствия и человеколюбия, не заслуга, но нравственная обязанность. Благодеяние по отношению к бедняку по существу дела является средством, при помощи которого богач получает право на собственность, или вернее—позволение наслаждаться ею.

После того как собственность была поставлена на вершине морального миропорядка, в этике нового времени возникло стремление свести право на жизнь к праву на собственность, ибо собственное, неповрежденное тело есть первая, так сказать, прирожденная собственность; обязанность подавать милостыню сменилась обязанностью давать работу. В пер-

вом случае бедняк должен был существовать, чтобы богач мог получить право владеть и наслаждаться собственностью; во втором случае богач должен существовать, чтобы предоставлять работу бедняку, благодаря которой последний осуществляет право на жизнь.

Обязанность давать работу, связь самой собственности с работой— в экономической борьбе служит лишенным собственности моральным оружием против собственнической нравственности, подобно тому как капитализм пользовался этим оружием против феодализма и феодальной собственности, признавая морально обоснованной только «работающую» собственность, т.-е. капитал. В парадоксе «собственность—кража» социализм стремится свою мораль, направленную к ниспровержению капиталистического строя, выразить в понятиях и на языке прежней морали, которая затем естественно будет приведена к диалектическому «само-снятию» (Zur dialektischen Selbstaufhebung geführt wird).

Попытка Астера сочетать тенденцию к социологическому пониманию эволюции нравственных воззрений с основной идеалистической позицией может быть охарактеризована, как имманентно непоследовательный дуализм, т.-е. эклектизм. Очевидно, он сам чувствует этот недостаток своих построений, так как называет их «беглым наброском» (eine flüchtige Skizze) и подчеркивает необходимость более углубленного анализа морали. В этом общем пожелании с ним можно вполне согласиться; его стремление установить моральные взаимоотношения между капиталистом («богачом») и пролетарием («бедняком») не удовлетворит ни того, ни другого: первый едва ли согласится, что его право на собственность вытекает из обязанности творить милостыню; второй же в наше время уже не поверит, будто бы капиталист должен существовать, чтобы предоставлять ему работу; лозунг «экспроприация экспроприаторов» ему кажется содержательней, чем прудоновская формула, давно уже сданная в архив истории. Эрнст фон Астер не учел классовой сущности нравственности; опираясь в своем понимании морали капитализма и социализма на автора «Философии нищеты», он забыл об авторе «Нищеты философии».

Отдельным мыслителям посвящены статьи: Герман Глокнер—«Роберт Фишер и кризис наук о духе в последней трети девятнадцатого столетия. Материал к истории проблемы иррациональности» [1]); Генрих Риккерт—«Макс Вебер и его позиция по отношению к науке» [2]); Карл Фосслер—«Тройственность понятий о драме» [3]) (по поводу книги Antonio Sarno «Pensieri e Fantasie» 1926).

Наконец, следует упомянуть статью Виллема Л. Тиме—«Актер и кукла как символы изобразительного искусства» [4]) и Бруно Бауха—«Логос и Психея» [5]) (не столь философское исследование, сколь метафизическая поэма о психее, как о целевом устремлении к логосу под лозунгом «искать разум в культуре»).

Мих. Дынник.

(*Окончание следует*).

---

[1]) Hermann Glockner, Robert Fischer und die Krisis der Geisteswissenschaften im letzten Drittel des Neunzehnten Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Irrationalitätsproblems,—«Logos», 1926, Bd. XV, H. 1.

[2]) Heinrich Rickert, Max Weber und seine Stellung zur Wissenschaft, ibid, H. 2.

[3]) Karl Vossler, Dreierlei Begriff vom Drama, ibid, H. 2.

[4]) Willem L. Thieme, Schauspieler und Puppe als Symbole darstellender Kunst,—«Logos», 1926, Bd. XV, H. 2.

[5]) Bruno Bauch, Logos und Psyche, ibid, H. 2.

Обзор иностранной экономической литературы.

(Спор о понятии мирового хозяйства).

Ф. Капелюш.

I.

В английской и французской научной экономической литературе понятие и термин мировое хозяйство до сих пор почти совершенно отсутствуют. Лишь в самое недавнее время здесь стали употреблять термины: worlds-economics, economie mondiale, но, помимо их расплывчатости и туманности, они, к тому же, применяются лишь спорадически, от случая к случаю. Только немецкая наука пытается систематически подойти к самой теории мирового хозяйства. Мы ниже остановимся на капитальных книгах Б. Гармса и Сарториуса фон-Вальтерсгаузена по этому вопросу, а также на взглядах австромарксиста К. Реннера. А пока отметим, что и в немецкой науке царит чрезвычайная разноголосица и сумбур по этому вопросу. Замечательно, что в первоклассной германской энциклопедии по экономическим наукам Handwörterbuch der Staatswissenschaften редакция вообще не сочла нужным или возможным дать статью на тему о мировом хозяйстве (мы имеем в виду третье издание; четвертое издание еще не доведено до буквы W, Weltwirtschaft).

Термин мировое хозяйство употребляется в германской литературе еще в 80-х годах прошлого столетия Нейманном-Спаллертом в «Обзорах продукции, транспорта и торговли в мировом хозяйстве». Уже там говорится о мировом хозяйстве, как «солидарном целом», как «высшем организме, который по своей внутренней природе простирается за государственные рамки и становится непреодолимой силой, подчиняющей себе частное хозяйство; национальные хозяйства оно не устраняет, как некоторые думают, а, напротив, должно привести их к дальнейшему расцвету» (обзор 1880 г., стр. 3 и 7). Несмотря на такое многообещающее начало, учение о мировом хозяйстве по сию пору застряло на мертвой точке. Впрочем, и у Нейманна-Спаллерта мировое хозяйство, как «организм», остается, в сущности, только метафорой, своего рода сводным заглавием для статистического атласа. Адольф Вагнер (Grundlegung der politischen Oekonomie, 1892) тоже говорит о мировом хозяйстве, как организме: «Фактически современный товарообмен (Verkehr), под влиянием благоприятных условий нашего времени, более чем в какой-либо другой период всемирной истории, имеет тенденцию об'единить народные хозяйства в один мирохозяйственный организм, охватывающий весь земной шар». Генрих Дитцель тоже находит, что «образуется конкретный мирохозяйственный организм, имеющий как теоретическое, так практическое значение» (Theoretische Sozialökonomik, 1895). У Шмоллера (Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, 1901) мировое хозяйство определяется, как «сумма народных хозяйств, затрагивающих друг друга и вступивших между собою в взаимную зависимость». Точно так же еще в 1916 г. К. Тышка дает следующее определение: «Но что такое мировое хозяйство? Подобно тому, как народное хозяйство складывается из суммы отдель-

ных хозяйств... так мировое хозяйство складывается из суммы народных хозяйств». «Сумма народных хозяйств, на которую существенно влияет положение мирового рынка, образует собой мировое хозяйство» (Мирохозяйственная проблема современных индустриальных государств, русск. изд. 1924 г.). Итак, не организм, а просто арифметическая сумма. Нет и речи о самой физиологии, о химизме этого «организма».

Почти все буржуазные экономисты подходят к понятию мирового хозяйства не со стороны производства, а со стороны обмена, видят в мировом хозяйстве не что иное, как вывоз и ввоз всех стран, смешивают мировое хозяйство с мировой торговлей (мировым рынком) и даже просто с внешней торговлей. При этом получается следующее квипрокво: одни видят мировое хозяйство чуть ли не в мировой торговле XV—XVI вв., времени великих географических открытий, другие отрицают существование мирового хозяйства даже в наше время и видят вместо него только мировую торговлю. Генрих Дитцель (Weltwirtschaft u. Volkswirtschaft, 1900) причисляет к мировому хозяйству чуть ли не Северную Африку во время римской империи, а Карл Диль (Conrad's Jahrbücher, 43 Bd.), напротив, заявляет: «Мировое хозяйство не существует и никогда не будет существовать. Всегда были налицо мировая торговля, мировой транспорт, мировой рынок; в новейшее время они усилились, дело только в степени, это нисколько не позволяет говорить о стадии мирового хозяйства». Кельнский профессор Бруно Куске еще в самое недавнее время (в докладе, прочитанном в Кильском Институте мирового хозяйства и вышедшем отдельной брошюрой: Die historischen Grundlagen der Weltwirtschaft, Jena 1926) утверждает, что мировое хозяйство (в том смысле, как он его понимает) существует уже тысячи лет, а в эпоху капитализма лишь чрезвычайно усилилось и укрепилось, «количественно и в своих методах». Напротив, проф. П. Арндт в кратком популярном очерке: Die Weltwirtschaft in den Jahrzehnten um 1900 (оттиск из Ullstein's Weltgeschichte) относит возникновение мирового хозяйства к новейшему времени [1]). Любопытно, что само понятие мировой торговли то-

---

[1]) Реннер в цитируемой ниже статье пишет: «Мировое хозяйство существовало всегда» и ссылается на торговлю шелком, пряностями, пурпуром, драгоценными металлами в средние века... Впрочем, даже у покойного И. Иванова в его очерке «Мировое хозяйство как единый производственный организм» («Вестник Соц. Академии» 1923 г., октябрь—декабрь) мы встречаем такое же смешение мирового хозяйства и мировой торговли, но это, надо полагать, просто ляпсус, так как Иванов принципиально выступает против авторов, «расплывающихся в рассуждениях о мировой торговле и хозяйстве мирового рынка и отодвигающих вопрос о мировом хозяйстве» (стр. 6). Чем же, если не ляпсусом, считать в таком случае следующие слова на стр. 21: «До промышленной революции в Англии значение угля было равно нулю. Другие факторы определяли ход развития мирового хозяйства (!), передвижения его центров, выдвигание одних, захирение, а то и разрушение других. Решающую роль играли мировые торговые пути: до мореходства исключительно сухопутные (Вавилония, Ассирия, история Киево-Новгородской Руси и даже Московской Руси была отголоском этих влияний), с развитием мореходства—сперва средиземноморские пути (Финикия, Венеция). затем океанские (Англия)»? Итак, «ход развития мирового хозяйства» в Финикии, Ассирии, Новгородской Руси и Венеции!

М. Нахимсон-Спектатор (Мировое хозяйство до и после войны) рассуждает следующим образом: «При каких обстоятельствах,—пишет он,—можно говорить о мировом хозяйстве? Только в том случае, когда внешняя торговля или внешне-хозяйственные отношения получили решающее значение для национального хозяйства. Конкретно говоря, когда, например, внешняя торговля втягивает в свою орбиту процентов 30—50 отечественного производства и потребления, можно говорить о решительном сплетении данного народного хозяйства с мировым хозяйством». «Если вообще можно говорить

же далеко не нашло еще исчерпывающего и общепризнанного толкования: Юл. Гирш (Grundriss der Sozialökonomik, Der moderne Handel, 1925) все время смешивает мировую торговлю, Welthandel, с заокеанской торговлей, Uebersеehandel, с торговлей на дальние расстояния, Fernhandel, и вообще с внешней торговлей, Aussenhandel; другой автор, второго ранга, даже просто определяет мировую торговлю, как торговлю in die Welt hinein (по белу свету, по миру)—W. Langenbeck, Geschichte des Welthandels der Neuzeit, 1926.

Ярче всего редуцирование мирового хозяйства к мировой торговле выступает в известном примере у И. Шера (Учение о торговле), где перечисляется, что «для простого завтрака нам понадобились продукты почти 20 стран и народностей»: булочки из аргентинской муки, сахар из Магдебурга, молоко из Дании, масло из Финляндии или из Сибири, сыр швейцарский, варенье из калифорнских абрикосов, кофе из Бразилии или чай из Цейлона, какао из Мексики, бордоское вино, посуда из богемского стекла, волжская икра, гаванская сигара, шведские спички, венский стул, английская скатерть, сервиз из китайского фарфора, серебряная ложка из сплава боливского серебра и испанской меди и пр. Точно так же Реннер (Marxismus, Krieg und Internationale, 1918) приводит такой перечень, а недавно также Франсис Делейзи (журнал Paneuropa, 1927, апрель).

Шагом вперед является построение мирового хозяйства на факте интернационального разделения труда. Так, например, Рих. Эренберг уже в 1900 г. (Handelspolitik) полагает, что такое разделение труда «делает, в конце концов, из всего земного шара одну производственную территорию». Однако другие авторы видят в этом только подчеркивание полной свободы торговли между различными странами, те же цифры экспорта и импорта, не мировое хозяйство, а «универсальную экономику», своего рода экономическую географию. Сарториус прав, что «мировое хозяйство построено не столько по территориальным, сколько по политическим признакам». Под этими последними он имеет в виду необходимость исторических предпосылок для эксплоатации природных богатств. Например, Китай чрезвычайно богат углем и железной рудой, однако они еще почти не разрабатываются. (Даже само открытие Америки и вся эпоха великих географических открытий вызваны были экономическим фактом вздорожания пряностей, заставившим искать прямой путь в Индию; это вздорожание, в свою очередь, было вызвано тем, что турки закрыли свои порты для торговли). Маркс в «Речи о свободе торговли» подчеркивает, что географическое распределение природных богатств не является первичным моментом: «Вы, быть может, думаете, что производство сахара и кофе предназначено Вестиндии от природы; но два столетия тому назад природа, не заботящаяся о торговле, не посадила там ни кофейных деревьев, ни сахарного тростника». Н. И. Бухарин (Мировое

о мировом хозяйстве, то это выражение, пожалуй, уместно, лишь для последних десятилетий перед войной и лишь по отношению к Англии, Германии, Бельгии, Швейцарии и Франции». Против этого возражал М. Бронский («Вестник Соцакадемии» 1923, февр.), он возражал только против «статистического» отношения к вопросу о внешней торговле, признавая проблему «о роли и значении внешней торговли для мирового хозяйства важнейшей политико-экономической проблемой нашего времени». В русском издании своей книги Нахимсон-Спектатор заявляет, что возражение Бронского построено на недоразумении; он уточняет свою аргументацию в том смысле, что «на первых ступенях капиталистического развития идет углубление внутреннего рынка, проявляется тенденция к ослаблению связи с мировым рынком (на что указал Зомбарт, обобщив это как закон для всех стадий развития)».

хозяйство и империализм, стр. 13) пишет: «Международный товарообмен опирается на международное разделение труда. Но не следует думать, что он происходит лишь в тех пределах, которые дает ему это разделение. Страны обмениваются не только разнородными продуктами, но и однородными... В этом случае международный товарообмен имеет свое основание... исключительно лишь в различии издержек производства» (курсив наш).

Ряд авторов подчеркивает тенденцию к автаркии (самоудовлетворению страны своими продуктами), как противоположность интернационального разделения труда и свободы торговли. Зомбарт даже выдвинул тенденцию к автаркии, общий закон «убывающего значения международных экономических сношений». Впрочем, этот «закон» построен только на одном периоде в развитии Германии и имеет в виду лишь отставание вывоза фабрикатов сравнительно с растущим потреблением их на внутреннем рынке; в новом издании своей «Истории народного хозяйства Германии» Зомбарт, повидимому, отказывается от этого закона. Но другие авторы указывают на растущую индустриализацию мира и считают, что теоретическое деление на страны сырья и промышленные страны скорее является теперь шагом назад, чем эволюцией к мировому хозяйству; в угольных и рудных центрах должна сосредоточиться и промышленность, точно так же в хлопковых и пр. Сарториус считает интернациональное разделение труда и тенденцию к автаркии только вопросом нашего теоретического подхода к проблеме мирового хозяйства, вопросом методологии, он не считает тенденцию к автаркии противоположностью тенденции к мировому хозяйству.

Тогда как одни авторы видят в мировом хозяйстве только арифметическую сумму всех народных хозяйств, понимая под этим, в сущности, только цифры экспорта и импорта, другие различают две тенденции (разделение труда и автаркию), третьи вообще причисляют к мировому хозяйству только немногие определенные страны и, наконец, Ф. Эйленбург (Conrads Jahrbücher, 1903) подчеркивал, что процессы мирового хозяйства возможны даже между всего двумя странами. Как отказ от чисто-количественного, механически суммирующего взгляда на мировое хозяйство, этот взгляд Эйленбурга был шагом вперед. Однако Эйленбург не делает попытки дальнейшего анализа в этом направлении.

К. Т. Инама-Штернегг пытается найти особый, специфический об'ект мирового хозяйства в определенных товарах, сбыт которых не ограничивается «местными, государственными и даже междугосударственными» рынками. В первую голову он имеет в виду пшеницу, хлопок, кофе, шерсть; их он называет «товарами мировой торговли». Писалось это еще в начале текущего столетия (Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung, XV Bd., стр. 101); в настоящее время под товарами мирового хозяйства скорее необходимо понимать уголь, железо, нефть. Именно мирового хозяйства, а не мировой торговли, так как уголь и руда, при всей их кардинальной важности для мирового хозяйства, играют сравнительно малую роль в внешней и в мировой торговле, вследствие своего большого об'ема и веса—вместо этого угольные и рудные центры становятся центрами мирового хозяйства. Так или иначе, Инама-Штернегг отвергает попытки построения мирового хозяйства на географическом принципе или на выделении отдельных процессов народного хозяйства, как-то: внешней торговли (включая и движение денежного капитала) и т. д.

Правильный в общем подход Инама-Штернегга сводится в настоящее время на-нет тем, что к «товарам мировой торговли» и мирового хозяй-

ства причисляют чуть ли не все важные товары, например, не только пшеницу, но даже кукурузу (H. Crohn. Der Mais in der Weltwirtschaft, 1926).

Сильно ломают себе головы буржуазные экономисты по вопросу о «суб'екте» мирового хозяйства. Фр. Оппенгеймер считает государственные рамки препятствиями для мирового хозяйства. «Естественные или искусственные политические границы, — пишет он, — влияют на развивающееся тело мирового хозяйства, как непреодолимые путы на рост дерева; они образуют борозды, которые разлагают цельное образование на многие, хотя и связанные, но все же явственно различимые части» (Theorie der reinen und politischen Oekonomie, 1910). М. И. Бонн («Новая наука», Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1911) полагает, что мировое хозяйство должно существовать вне (losgelöst) отдельных национальных хозяйств; в этом смысле он высказывается, что «пока еще» не может быть речи о мировом хозяйстве. Точно так же К. Диль (вышецитированное место) на том же основании считает мировое хозяйство утопией: «Народы не откажутся от своей экономической самостоятельности, это утопия. Надо быть осторожным с понятием мирового хозяйства и со связанными с ним очень туманными представлениями». В этом же смысле Сарториус фон-Вальтерсгаузен в 1907 г. (Das volkwirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande) утверждал: «Мы не знаем, будет ли мировое хозяйство даже через сотни и тысячи лет совершенным социальным организмом с планомерным и целеустремленным характером». Итак, в то время как одни авторы считают современное мировое хозяйство бесспорным фактом и понимают под этим чуть ли не просто внешнюю торговлю, сближая понятие мирового хозяйства чуть ли не с торговлей Финикии или средневековой торговлей пряностями,—другие авторы, напротив, считают мировое хозяйство утопией и откладывают его за тысячи лет. Мы ниже еще увидим, как изменил свои взгляды Сарториус уже через 20 лет. С другой стороны, Г. Пудор совсем просто разрубает гордиев узел: он говорит о «германском мировом хозяйстве», не смущаясь тем, что здесь имеется contradictio in adjecto, явное противоречие (Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1915); ясно, что Пудор понимает под «германским мировым хозяйством» германский империализм. Рудольф Кобатч (Internationale Wirtschaftspolitik, 1907) находит, что мировое хозяйство предполагает мировое государство. Как мы увидим ниже, точно в таком духе высказывается в наши дни столь видный автор, как Реннер. О «мировом государстве» говорит также Оппенгеймер. Рихард Кальвер отождествляет «действительное» мировое хозяйство с социализмом. «Национальные противоречия,—пишет он,—еще существуют, и хотя с расширением централизованных рынков они должны упрощаться, они будут продолжать существовать, пока не наступит действительное мировое хозяйство в строгом смысле слова и, таким образом, не создается социализм... (теперь же) ближайшей стадией развития может быть не мировое хозяйство, а только сближение отдельных народных хозяйств в более широкие экономические группы» (Sozialistiche Monatshefte, 1907). В другом месте тот же автор пишет: «То, что теперь понимают под мировым хозяйством, на самом деле есть только хозяйство мирового рынка, так как отсутствует определяющий суб'ект мирового хозяйства и вместо одной воли имеются только тенденции» (Die Konjunktur, II Jahrg., № 18). Любопытно, что Бернгард Гармс упрекает в смешении мирового хозяйства с социализмом—самого Маркса! «Теории ступеней хозяйства у Зомбарта, Маркса, Энгельса, Родбертуса, Каутского и др. не идут до мирового хозяйства,

не выставляют его, как особую ступень; у них эволюция кончается большей частью социалистическим хозяйством». Можно лишь удивляться, что Гармс, который с чисто профессорской кропотливостью собрал все малейшие отзывы и воззрения относительно мирового хозяйства и находит их даже в 40-х годах прошлого столетия (Иоганн Христоф Ринне в 1848 г. тоже уже писал о мировом хозяйстве или универсальной экономике, которые, однако, станут возможным лишь при мировом государстве, при «внешней, сознательной мировой общности людей»),—можно удивляться, что Гармс, тем не менее, слона не приметил и не нашел мирового хозяйства у Маркса.

Камнем преткновения для буржуазных экономистов является то, что мировое хозяйство осуществляется через частные хозяйства. Как Гармс, так и Сарториус всячески стараются представить отдельные народные хозяйства, как «части и члены» мирового хозяйства, как «носителей (проводников)» его. При этом им мерещится непременно нечто вроде участия самого государства. Даже Реннер тоже определенно говорит о суб'екте мирового хозяйства. Это не мешает Сарториусу считать национализацию внешней торговли в Советском Союзе большим ущербом для мирового хозяйства, как такового; напротив, Реннер видит в факте этой национализации прогресс мирового хозяйства, как такового [1].

Взгляд на мировое хозяйство, как на историческую ступень, тоже наталкивается у буржуазных экономистов на постулат суб'екта мирового хозяйства и большей частью терпит крах на этом. Еще А. Шеффле построил систему пяти исторических ступеней, в сущности политического характера, но предвидел уже шестую ступень, нечто вроде мирового хозяйства; «каждая минута нашей обиходной жизни,—говорит он,—показывает, что мы живем в чрезвычайно обширной мировой общности производства и потребления внешних благ» (Das gesellschatfliche System der menschlichen Wirtschaft, 1873). У Шеффле эта шестая стадия обходится без суб'екта, но для позднейших буржуазных экономистов здесь главнейшая загвоздка. В частности Карл Бюхер, автор известной схемы исторических ступеней в развитии хозяйства (замкнутое домашнее хозяйство, городское хозяйство, народное хозяйство), отрицает стадию миро-

---

[1]) Н. И. Бухарин (Мировое хозяйство и империализм) отвечает на это постулирование «суб'екта» мирового хозяйства следующим образом: «Социальное хозяйство (под этим политическая экономия разумеет прежде всего систему индивидуальных хозяйств, связанных друг с другом обменом) отнюдь не предполагает хозяйствующего суб'екта, который руководит всей совокупностью экономических отношений... до сих пор национальные хозяйственные организмы не сумели оказать общего регулирующего влияния на интернациональный рынок, где до сих пор вполне господствовала анархия... от этого, однако, мировое хозяйство не перестает быть мировым хозяйством» (стр. 16). На стр. 41 Н. И. Бухарин подчеркивает: «мировое хозяйство нашего времени отличается глубоко анархической структурой». Если на стр. 5—6 говорится, что «национально-хозяйственные организмы составляют лишь части гораздо более крупной сферы мирового хозяйства» и что «борьбу современных национально-хозяйственных тел необходимо рассматривать, прежде всего, как борьбу различных конкурирующих частей мирового хозяйства», то это совсем не то, что построения буржуазных экономистов, понимающих «носителей» и «организм мирового хозяйства», как целеустремленные суб'екты и в этом смысле заявляющих: «мировое хозяйство не есть хаос» (Сарториус). Остановимся еще на следующих словах т. Бухарина: «Термин мировое хозяйство предполагает классификацию по широте хозяйственных связей, а не по различию способов производства» (стр. 17). Эти слова направлены против Гармса и подчеркивают, что мировое хозяйство есть хозяйство капиталистическое, а не социалистическое. Но они не означают, что мировое хозяйство отличается только количественной широтой и не предполагает качественных признаков (империализм, финансовый капитал и пр.).

вого хозяйства. «Ошибочно,—говорит он,—думать, что период народного хозяйства приходит к концу и уступает место периоду мирового хозяйства; было бы ошибкой заключать так из облегчения интернационального товарообмена, наступившего в эпоху либерализма» (Entstehung der Volkswirtschaft, 1911, стр. 141). Впрочем, Гармс цитирует одну журнальную статью Бюхера из 1877 г., в которой Бюхер, напротив, заявляет: «Народное хозяйство приближается к мировому», стр. 40). Это весьма характерно для шатаний буржуазной науки в вопросе о мировом хозяйстве.

II.

Проф. Бернгард Гармс, директор Кильского института мирового хозяйства, редактор «Архива мирового хозяйства», считается в немецкой экономической науке пионером, основателем систематического учения о мировом хозяйстве. В этом отношении его книга [1]), вышедшая еще в 1912 г., а недавно, в 1925 г. третьим изданием, может считаться не устаревшей. До последнего года, когда вышла книга Сарториуса, этот труд Гармса был во всей мировой литературе единственной связной и полной попыткой дать систематическое учение о мировом хозяйстве, а также историю и литературу вопроса. Для марксиста эта книга имеет только показательный интерес. Она замечательна, как свидетельство бессилия буржуазной науки: Гармс изображает все мировое хозяйство, как придаток к праву. Он сам категорически признается в невозможности определить мировое хозяйство из экономики. «Мы самым решительным образом подчеркиваем,—говорит он,—что ни народное хозяйство, ни мировое хозяйство нельзя охватить по существу и определить, как понятия, если исходить только из экономических категорий». Гармс ссылается при этом на следующее. Предпосылки мирового хозяйства носят или правовой или технический характер (торговое и международное право, развитие мирового транспорта); «причины» же мирового хозяйства он видит в интернациональном разделении труда, которое он считает фактором географическим, естественным, и в различии ступеней развития отдельных народных хозяйств, различии, в котором он видит только «историко-национальный» момент. Таким образом, экономика куда-то совершенно отпадает, рост производительных сил игнорируется. Вся книга Гармса, вся его система построены, в сущности, на праве, на таком вторичном, формальном признаке, как международные конвенции. Он перечисляет всевозможные интернациональные соглашения, железнодорожные, морские, тарифные, почтовые, транзитные, о защите товарных знаков, монетные и т. д., не забывает упомянуть даже о таких соглашениях, как о сигналах на море, о совместном содержании зданий на пограничных станциях, о борьбе с филоксерой, о моржовом промысле на Беринговом проливе, о свободном судоходстве на Конго и Нигере также во время войны (между прочим, это последнее, конечно, оказалось химерой). Характерно, что в перечне интернациональных конвенций у Гармса отсутствуют, конечно, торговые договоры, самые важные. Впрочем, в последнее время Гармс делает уступку и соглашается причислить также договоры между двумя государствами к тем конвенциям, в которых он видит квинтэссенцию мирового хозяйства. О роли банков и финансового капитала, о роли трестов и картелей, об империализме

[1]) Volkswirtschaft und Weltwirschaft. Versuch der Begründung einer Weltwirtschaftslehre.

вы тщетно будете искать у Гармса сколько-нибудь исчерпывающих указаний. Вы найдете перечень интернациональных картелей—непременно только интернациональных!—вот и все. Лишь вскользь, в сноске, Гармс замечает, что «бессмысленно» говорить о политике картелей, «так как слово политика может относиться только к государству». Тресты и картели являются у него не общими, а сепаратными, распыленными факторами. В своем стремлении выхолостить «целое» мирового хозяйства Гармс договаривается даже до понятия Gesamtweltwirtschaft, всеобщего мирового хозяйства или, так сказать, мирового хозяйства в квадрате, словно один термин «мировое» еще недостаточно гарантирует постулат «всеобщего». Часть книги, трактующую об интернациональных конвенциях, Гармс озаглавливает Weltverkehrsgesellschaft, общество мировых сношений; крайне зыбкое построение. «Учение о мировом хозяйстве,—говорит Гармс исходит из целого, из всей совокупности интернационального обмена и только таким путем приходит затем к отдельным государствам». На этом основании он исключает из «понятия» мирового хозяйства и империализм, как сепаратные тенденции государств. Только в самом конце книги (458 стр.) он вспоминает об империализме, хотя и не называет его; при чем считает как бы нужным извиниться. «Вначале,—говорит он,—я колебался насчет того, можно ли включить в предлагаемую мною систему также раздел о стремлениях мировых рынков к экспансии. Но в конце концов я все же признал это необходимым, так как это дает возможность представить большие, связанные между собой экономические области земного шара, как целое, в их стремлениях итти врозь (или в их сепаратных стремлениях, Sonderbestrebungen)». В этой мало вразумительной тираде даже сепаратные тенденции должны служить фетишу ц е л о г о. Гармс строит даже следующую идиллию: «Принципиально,—говорит он,—нет препятствий для торговой политики и во всеоб'емлющем масштабе», при чем понимает под этим, что торговая политика, осуществляемая в настоящее время в договорах между двумя государствами, мыслима так же, как договор между всеми государствами. В доказательство Гармс ссылается на то, что уже теперь в большинстве случаев применяется оговорка о наибольшем благоприятствовании, которая «косвенно распространяет договор и на большую часть мирового хозяйства». Но если все государства будут связаны одним торговым договором, не отпадут ли тогда сами понятия и факт торговой политики? Любопытно, что противники формулы наибольшего благоприятствования, напротив, приписывают ей отрицательный момент, содействие росту протекционистских пошлин: раз государство сознает себя обеспеченным оговоркой о наибольшем благоприятствовании, оно не колеблясь идет по пути протекционизма.

Гармс строит свою систему в первую очередь с точки зрения методологии (или, как он выражается, «логики» и «теории познания»). Но коренная его ошибка заключается именно в этой области. Заявляя, что он тщетно искал в экономике «единого регулирующего принципа» для мирового хозяйства, он смешивает регулирующий принцип с регулирующим суб'ектом, а кроме того регулирующий принцип с принципом вообще, с законом. Те «регулирующие принципы», которые Гармс выдвигает для понятия народного хозяйства, являются не столько «регулирующими» принципами, сколько просто отличительными признаками (это: 1) политически ограниченная территория; 2) свобода сношений между отдельными хозяйствами; 3) развитие средств сообщения; 4) споспешествование от государства). Империализм, монопольный капитализм, которые служат для марксистского понимания мирового хозяйства синтетиче-

скими принципами, оказываются для Гармса только «сепаратными тенденциями», потому что он ищет формального целого, как единого регулирующего суб'екта [1]). Принцип экспансии, борьбы, господства, монополии Гармс методологически отвергает, как несовместимый с понятием целого, мирового. Это гелертерская формалистика. Для марксистского понимания империалистская борьба за господство является господствующим принципом современного мирового хозяйства, но Гармс термины принцип, господство признает только в смысле «регулирующего принципа», наличия регулирующего суб'екта мирового хозяйства, в смысле отрицания анархии капитализма.

В общем Гармс не сумел удержать свою методологическую позицию. Отказываясь строить учение о мировом хозяйстве на категориях самой экономики, он в то же время игнорирует политический фактор (сторону) империализма. В конце концов, он, по обычному рецепту, сводит мировое хозяйство к цифрам ввоза и вывоза (т.-е. все же к экономике), к чисто-количественному признаку роста внешней торговли, не замечая, что количество перешло здесь в качество. В сущности, все те «вне-экономические категории», на которых Гармс строит свое понятие мирового хозяйства, оказываются холостым зарядом, даже не предпосылками, а только частичным оформлением факта мирового хозяйства. Даже Шер, величина второго ранга, рассуждает правильнее Гармса, когда заявляет: «отдельные государства, вынужденные централистскими течениями мирового хозяйства (подчеркнуто нами), об'единились, создали такие общие экономические институты, как всемирный почтовый союз и т. д.».

III.

Книга проф. Сарториуса фон-Вальтерсгаузена, вышедшая в 1926 г. [2]), может считаться в некотором роде последним словом буржуазной науки в вопросе о мировом хозяйстве. Надо отдать справедливость автору: он делает серьезные попытки анализировать как теоретическое понятие, так и конкретное содержание мирового хозяйства. Сарториус крупнее Гармса как в своей методологии, так в своей описательной части; однако он тоже бьется, как рыба об лед, и приходит к весьма тощим и сомнительным, противоречивым результатам. Прежде всего отметим прогресс во взглядах Сарториуса на мировое хозяйство сравнительно с его Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande, вышедшей в 1907 г.: там он откладывал мировое хозяйство за тысячи лет, теперь он считает мировое хозяйство уже существующей реальностью. Сарториус даже находит возможным точно указать хронологическое начало мирового хозяйства «как целого» (Totalität). Это—1850—1870 годы, время торжества пароходов, телеграфа, время открытия Суэцкого канала, трансконтинентальной железной дороги в Соединенных Штатах. «Мировое хозяйство,— говорит он,—есть реальность, но понятие его еще отсутствует». Это тем более знаменательно, что Сарториус отрицает как факт, так и понятие

---

1) Указывая на промышленное и торговое господство Англии в прошлом столетии, Гармс иронически спрашивает: «Что ж, неужели можно назвать это мировым хозяйством Англии?» Как мы уже знаем, в 1915 г. другие германские авторы писали о «мировом хозяйстве Германии». Пожалуй, Пудор более прав, чем Гармс, ошибаясь только в своей терминологии, но не в своем понимании мирового хозяйства, как империализма. Отметим также, что в XVI—XVII столетиях мировая торговля тоже сосредоточивалась в руках тех или других «господствующих торговых наций».

2) Die Weltwirtschaft und die staatlich geordneten Verkehrswirtschaften.

самого капитализма, называя последний «мистическим чудовищем». Сарториус задался благой целью доказать «сущность» мирового хозяйства, не просто как арифметическую сумму отдельных народных хозяйств, а как нечто «качественно различное» от них. Посмотрим, удалось ли ему это.

Для Сарториуса тоже заколдованный круг, его же не прейдешь, это—вопрос о суб'екте мирового хозяйства. Он тоже не может мириться с тем, что мировое хозяйство осуществляется частными хозяйствами. Мы находим у него такой аргумент: частные хозяйства это—солдаты, а народные хозяйства и мировое хозяйство это—полководцы. Для народного хозяйства Сарториус придумывает даже особый термин: «регулируемое от государства товарное хозяйство»; это вряд ли научно, но с мировым хозяйством обстоит у Сарториуса и того хуже. Фразы вроде того, что «мировому хозяйству присуща междугосударственность», ровно ничего конкретного не дают. Сарториусу не удается доказать, что мировое хозяйство «делается» народными хозяйствами или государствами, как его «частями и членами»; в лучшем случае он сбивается на политику мирового хозяйства. И совсем противоречием является утверждение, что политические границы—препоны для мирового хозяйства.

Контрабандой у автора вводится понятие о «правильном» мировом хозяйстве, при чем оно отождествляется с «благом всего мира», и зависимость национальных и частных хозяйств от мирового хозяйства превращается в «солидарное целое». Как видим, это тот же лейтмотив, что у Гармса, отвергающего «сепаратные тенденции». У Сарториуса это подчеркнуто еще резче: он определенно и неоднократно противопоставляет мировое хозяйство империализму, как два антагонистические принципы. В этом смысле наш автор говорит об «одностороннем эгоизме» отдельных государств; с другой стороны, эти последние «несознательно», «косвенно» осуществляют мировое хозяйство, т.-е. действуют в интересах целого, солидарного целого. Односторонний эгоизм—это империализм, а несознательная работа—это мировое хозяйство... Впрочем, Сарториус открыл также «мирохозяйственное созиание»; он связывает последнее с такими фактами, как мировая телеграфная информация, биржи, консульства и пр., при чем не ясно, является ли эта телеграфная информация самим этим сознанием или только создает почву для него. Замечательно, что эти идеалистические туманности о мирохозяйственном сознании мы находим также у австромарксиста Реннера.

Британскую империю, а также все колониальные державы, за исключением Франции и Соед. Штатов, Сарториус об'являет чем-то средним между мировым хозяйством и народным хозяйством, ein Zwitterding. Эта классификация носит чисто-отрицательный характер, ее не следует понимать, как указание на переходную ступень от народного хозяйства к мировому; все сводится к тому, что доминионы и колонии имеют свою конституцию, и поэтому Британская империя и др. не может выступать, как цельный член мирового хозяйства. Сарториус путает здесь и автаркию: такая империя, поскольку ее части автономны, ие может провести у себя автаркию. Нужды нет, что автаркия является прямой противоположностью мирового хозяйства; как мы уже упоминали, Сарториус считает автаркию чуть ли не другим аспектом того же интернационального разделения труда... Сумбур в превосходной степени! Противоречий у Сарториуса не оберешься. С одной стороны, «ни одно государство не вовлечено в такой степени в мировое хозяйство, как Англия»; с другой стороны, «ведь не Англия с ее империалистическими интересами может руководить мировым хозяйством». Здесь, во-первых, империализм выста-

вляется специальностью Англии,—специальностью, конечно, совсем чуждой Германии, во-вторых, империализм противоставляется мировому хозяйству, в-третьих, вместо господства в мировом хозяйстве говорится о руководстве в мировом хозяйстве (это вполне соответствует представлению о последнем, как о солидарном целом). То же противоставление мирового хозяйства империализму лежит в основе следующего суждения: «по мере того, как британские колонии будут становиться более самостоятельными, они будут более заинтересованы в мировом хозяйстве, нежели в британской империалистической экономике». Повидимому, здесь под империализмом Сарториус представляет себе только колониальные империи вроде британской; впрочем,—и это тоже одно из кардинальных противоречий у него—ему известно, что даже юридически самостоятельная Южная Америка представляет собой тоже об'ект империалистской экспансии, он поэтому определенно называет все государства Южной Америки колониальными странами. Чисто-формальная точка зрения на политический суб'ект мирового хозяйства ведет Сарториуса к утверждению, что балканизация Европы после мировой войны должна усилить мировое хозяйство (проф. Э. Шультце и др., напротив, подчеркивают, что мировая война нанесла большой ущерб мировому хозяйству); в доказательство указывается на то, что послевоенная Австрия, этот торс, обрубок, может «совершенно односторонне (!) приспособиться к мировому хозяйству», то же говорится о прибалтийских государствах-лиллипутах. Итак, какая-нибудь Латвия может скорее, нежели Индия и Канада, «приспособиться к мировому хозяйству»—очевидно, потому, что представляет собой формальный тип народного хозяйства, как «регулируемого от государства товарного хозяйства»; нужды нет, что государственная самостоятельность лимитрофов носит призрачный характер, и что на самом деле их хозяйство «регулируется» английским империализмом.

Хотя Сарториус видит в мировом хозяйстве «солидарное целое», он признает также обогащение одних стран за счет других «за или без эквивалента». Обогащение без эквивалента, однако, отнюдь не эксплоатация... Для доказательства этого тезиса Сарториус ничтоже сумняшеся обращается к таким аргументам, как обмен с дикарями, которые за бусы отдают европейцу золото, дорогие меха и пр. Совершенно серьезно он цитирует путешественника Кука и побивает им Рикардо и Маркса, трудовую теорию ценности. Сарториус утверждает, что и по наше время, хотя и не в столь ярко выраженном виде, имеется то же положение, что при Куке на Сандвичевых островах: он называет это «различными сферами стоимости», «различными рыночными сферами». На самом деле, теперь, здесь речь может итти только о различии нормы прибыли в разных странах и об эксплоатации одних стран другими. Сарториус поучает марксистов, что эксплоатация возможна и с помощью политического фактора; почему-то Сарториус уверен, что это противоречит трудовой теории стоимости и разбивает ее, как учение об эксплоатации рабочего. Любопытно, что Сарториус, отмежевывающий мировое хозяйство от империализма, с другой стороны, подчеркивает это значение политического фактора. Основная мысль Сарториуса, сильно загроможденная у него и лишь с трудом уловимая, повторяет лишь, так сказать, ходячее мнение в буржуазной литературе: мировое хозяйство имеет мирный, солидарный характер, а империализм—насильственный, боевой характер. Так популяризируются «две тенденции» нового времени, например, в вышецитированной книге Лангенбека.

По вопросу о распределении богатств в мировом хозяйстве мы находим у Сарториуса интересные мысли. Так, например, он спорит про-

тив взгляда Р. Лифмана («Теория выравнивания богатства в мировом хозяйстве», Архив Гармса, 1923 г.), что в интернациональном товарообмене аграрные страны являются менее богатыми, нежели промышленные, и менее обогащаются на этом обмене. Разве Австралия,—спрашивает он,—беднее Испании, покупающей ее шерсть, разве Соед. Штаты беднее Германии, которой они продают свой хлеб? Вообще в своей описательной, не теоретической части книги Сарториус дает очень богатый фактический материал.

IV.

Остановимся теперь на полемике, которая велась в журнале «Архив мирового хозяйства» по вопросу о понятии мирового хозяйства у классиков. В противоположность общепринятому мнению, цюрихский профессор Э. Бэлер [1]) пытается доказать, что классикам было уже известно понятие мирового хозяйства. Аргументация Бэлера несколько своеобразна. Бэлер считает достаточным для своей цели доказать, что классики различали по существу между народным хозяйством и foreign trade, при чем под этим последним термином он понимает не только внешнюю торговлю (действительно, английское понятие trade шире, чем наше понятие торговли, оно охватывает все экономические сношения).

Бэлер утверждает, что уже меркантилизм «открыл» мировое хозяйство, поскольку в основе меркантилизма лежало убеждение, что внешняя торговля в большей степени создает богатство, нежели внутренняя (нотабене: торговля понимается Бэлером расширительно). Адам Смит, в противоположности меркантилизму, впал в обратную крайность и доказывал, что внешняя торговля в меньшей степени создает богатство, нежели внутренняя: в первой идет в пользу данной нации только прибыль одной из торгующих сторон (только один из торгующих капиталов), во второй—оба, кроме того, во внешней торговле оборот капитала медленнее, чем во внутренней (5-я глава 2-й книги). Еще дальше идет Рикардо (глава 7-я); он доказывает, что во внутренней торговле цены определяются абсолютными издержками производства, а во внешней—относительными, что внутри страны прибыль держится в общем на одном уровне, тогда как в разных странах уровень прибыли различен, так как капитал и труд не могут свободно перемещаться между различными странами. Бэлер находит, что, таким образом, классики установили «логическое», «теоретикопознавательное» различие между народным хозяйством и foreign trade, мировым хозяйством (Д.-С. Милль вводит уже термин: international trade).

Способ доказательства, применяемый Бэлером, вызывает принципиальные сомнения; но если даже оставить их в стороне, то возникают следующие конкретные расхождения. Тогда как в современном понимании мирового хозяйства играет важную роль экспорт капиталов, в конструируемом Бэлером «классическом понятии мирового хозяйства», напротив, отличительной чертой последнего является связанность миграций капитала и труда. Другое расхождение: тогда как современное понимание мирового хозяйства предполагает наличность мирового рынка и мировых цен, в конструкции Бэлера, напротив, подчеркивается различие цен внутреннего и внешних рынков. Это—расхождения кардинальные.

Бэлер возражает Гармсу, что, если во главу угла понятия мирового хозяйства ставить интернациональные конвенции, техническое и правовое

[1]) Der Klassische Begriff der Weltwirtschaft (Weltwirtschaftl. Archiv, 1925, Juli).

облегчение международных экономических сношений, то этим мы, стирая изолированность отдельных народных хозяйств, лишь уменьшаем «логическое» различие между народным хозяйством и мировым хозяйством. Он находит, что правильнее было бы указывать, напротив, на «те моменты, которые тормозят международные сношения, так что экономические процессы вследствие этого протекают за рубежом иначе, нежели внутри страны». Повторяем: точка зрения Бэлера столь же ультра-формальна, как точка зрения Гармса. Далее. Бэлер возражает Гармсу, что классическое понятие «мирового хозяйства» построено не на вне-экономических, а на чисто-экономических категориях. Это не совсем правильно. Когда Адам Смит и Рикардо говорят о подвижности капитала и труда внутри страны и неподвижности их в интернациональном масштабе (конечно, и то и другое лишь относительно), они об'ясняют это такими факторами, как большая надежность на родине, большая легкость сообщений, родной язык, национальные обычаи и учреждения, даже религия и прочие «невесомые», удерживающие капитал и труд предпочтительно в своей стране, не говоря уже о препятствиях чисто-политического характера, о правительственных мероприятиях. Как видим, это далеко не чисто-экономические категории. Бэлер ссылается на Кернса (1874), завершителя классиков, и находит у него аргументы в пользу того, что грань между народным и мировым хозяйством не всегда совпадает с политическими, государственными рамками. Кернс указывал на то, что, хотя Австралия и Канада политически связаны с Англией, экономические сношения Англии с ними более затруднены, чем между иными независимыми, но географически более близкими друг к другу государствами; он указал в этом смысле также на трудность сношений между западными и восточными штатами в Сев.-Американской федерации. На этом основании Кернс категорически относит торговлю с колониями к международной, а не к внутренней торговле. Эта аргументация тоже носит слишком общий, формальный характер и поэтому приходит в конфликт с конкретным содержанием проблемы мирового хозяйства. Тогда как Кернс и Бэлер видят в особом положении колониальной торговли отрыв от государственных рамок и политического фактора, марксистское понимание мирового хозяйства и империализма, напротив, подчеркивает именно в сношениях с колониями (а также так называемыми колониальными странами) момент политического давления государства.

Бэлеру отвечал Вальтер Кочниг [1]). Он защищает тезис, что у классиков речь шла не о мировом хозяйстве, а только о внешней торговле, при чем у них это не теория, а политика, пропаганда свободной торговли, интернационального разделения труда, не мировое хозяйство, а «универсальная экономика». Подчеркивая, что во время Рикардо еще не существовало мирового хозяйства, а поэтому и не могло быть теории мирового хозяйства, Кочниг, как верный ученик Гармса, выдвигает аргумент, что теория мирового хозяйства может быть построена только на «внеэкономических, т.-е. изменяющихся во времени, исторических факторах» [2]). Разумеется, нельзя согласиться с этой точкой зрения уже по одному тому, что не только вне-экономические факторы носят исторический характер.

---

[1]) Weltwirtschaft und Universalökonomie (Weltwirtsch. Archiv, 1925, Oktober).

[2]) Как Кочниг, так и Гармс утверждают это аподиктически, не приводя почти никаких доказательств. Надо полагать, они имеют в виду такие «отвлеченные» экономические законы, как закон стоимости и цены.

V.

Известный австромарксист Карл Реннер поместил в журнале Гильфердинга Die Gesellschaft (апрель 1927 г.) статью: «Национальное хозяйство и мировое хозяйство», которая, помимо своего теоретического интереса, представляет также актуальный политический интерес, являясь комментарием к Женевской международной конференции по мировому хозяйству (эта статья носит подзаголовок: Prinzipielles zur Weltwirtschaft-Konferenz. Принципиальные рассуждения к конференции по мировому хозяйству).

Реннер утверждает, что «мировое хозяйство является самой наглядной реальностью в мире». Мы уже цитировали его слова, что «мировое хозяйство существовало всегда», и видели, что он под этим просто-на-просто понимает мировую торговлю пряностями в средние века и пр. Впрочем, на Реннера находят и теоретические сомнения: «Но имеем ли мы право,—спрашивает он,—называть эту общность рынка мировым хозяйством?» Увы! этого вопроса Реннер не разрешает и даже не анализирует. Он ставит его в стереотипной для буржуазных экономистов плоскости: его в первую голову интересует вопрос о суб'екте мирового хозяйства,—вопрос, совершенно чуждый и противный всему духу марксизма. «Ведь всякое хозяйство,—говорит Реннер,—предполагает хозяйствующего суб'екта, а между тем в мировом хозяйстве, как и в народном хозяйстве, действуют частные фирмы, оно анонимно». Немедленно после утверждения, что всякое хозяйство требует своего суб'екта, Реннер утверждает диаметрально противоположное: «область (очевидно в смысле: территория) хозяйства не зависит от произвола тех или других отдельных общественных суб'ектов». Так или иначе, Реннер, ранее утверждавший, что мировое хозяйство существовало всегда, утверждает в результате следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что вместе с мировой войной мы переступили порог от национального хозяйства к мировому хозяйству и после 1918 г. находимся под господством мирового хозяйства».

«Через весь мир,—говорит Реннер,—проходит теперь одно великое противоречие: со времени 1918 г. или, вернее, с 1914 года народное хозяйство борется с мировым хозяйством. Прежде мы говорили о мировом рынке, как о полезном промежуточном звене между национальными рынками, собственно носителями хозяйства. Мировое хозяйство, как высший определяющий фактор всякого хозяйства, оставалось за порогом сознания... после опыта мировой войны теперь существует также мирохозяйственное сознание». «Теперь становится все яснее, что мировое хозяйство все больше захватывает в свою сферу народные хозяйства и подготовляет умы к мировому государству или, по крайней мере, к организованному мирному хозяйству государств». Итак, марксист Реннер благополучно договорился до всех благоглупостей буржуазных гелертеров. У него и «суб'ект» мирового хозяйства, и мировое государство, и «мирохозяйственное сознание», и мировое хозяйство «за порогом сознания» (точь-точь как у Сарториуса «бессознательное», «косвенное» осуществление мирового хозяйства в положительном смысле и сознательное, «одностороннее-эгоистическое» осуществление его в отрицательном смысле). Но есть и существенная разница: тогда как у профессоров национальные хозяйства являются членами и «носителями» мирового хозяйства, Реннер, напротив, считает, что «национальное хозяйство и мировое хозяйство стали обоими противоположными полюсами антагонистического развития». Конец идиллии! Сколько теоретической головоломки проделали

Гармс, Сарториус и иже с ними по вопросу о роли национальных хозяйств в мировом хозяйстве,—и в результате такой казус!

Этот вывод Реннера весьма не утешителен. Он бьет тревогу. Заклинает конференцию задуматься над положением национальных хозяйств, попавших в лапы мирового хозяйства. Здесь теоретическое грехопадение Реннера подает руку его политическому ревизионизму и соглашательству. Реннер определенно высказывается в том смысле, что «Лига Наций является первым шагом к осуществлению мирового государства». Он призывает конференцию стать «надгосударственной инстанцией» и действовать в духе пацифизма в мировом хозяйстве. «Опасность в том, что общее развитие происходит в форме антагонизма отдельных стран». Реннер даже говорит о том, что в наше время государства находятся «на положении классов», «определяются классовым образом», «ведут классовую борьбу»—все это в мировом хозяйстве. Итак, «солидарное целое», «единый организм» мирового хозяйства идут прахом. В этом отношении Реннер, конечно, головой выше Гармса и Сарториуса. Он видит в мировом хозяйстве не маниловскую идиллию, а борьбу за господство, эксплоатацию одних стран другими; он не отделяет мирового хозяйства от империализма. Но идем дальше. Совершенно в духе Гармса Реннер видит сущность послевоенного мирового хозяйства в «вне-экономической категории», а именно в военной задолженности. Только этой последней он об'ясняет кабальные, «классовые» отношения между современными государствами. Как марксист, Реннер должен бы знать, что и до мировой войны до нынешней задолженности государств картина мирового хозяйства определялась эксплоатацией одних стран другими, империализмом. Но он с похвальной искренностью открывает свою душу перед читателями: до мировой войны — говорит он — европейские государства составляли в некотором роде одну семью, и «только колониальные страны находились в зависимости», а теперь—теперь европейские государства становятся колониями Америки! «Капитал стал теперь впервые (?) интернациональным: американский фермер финансирует Круппа, американская промышленность дает деньги под германские ипотеки». Слово «интернациональный» приобретает здесь совершенно другой характер: это не «единое солидарное целое», это—порабощение всего мира американскому капиталу. Реннер как бы сам вносит поправку в свой тезис: речь идет не только о чисто-военной задолженности.

Когда дело дошло до собственной шкуры, ревизионисты забили тревогу. Это—шкура европейских государств, классов в кавычках, а не рабочего класса. И вполне последовательно соглашатель Реннер взывает о помощи к капиталистической интернациональной конференции и к Лиге Наций, призывает их умиротворить «антагонистическое» мировое хозяйство. Разумеется, как марксист, Реннер должен был бы знать, что это утопия, напрасная затея.

Джон Гобсон. Империализм. Перевод с английского, с предисловием к русскому изданию В. Б. Беленко. Изд. «Прибой», 1927 г.

Книга Гобсона выходит на русском языке впервые—если не считать перевода одной главы из этой книги, появившегося в 1917 г. в Харькове. Со времени выхода в свет английского издания прошло уже двадцать пять лет—четверть века, в течение которого империализм широко развернул все свои «качества», обнаружив много таких сторон, которые в начале XX века только намечались и были доступны наблюдению лишь наиболее внимательных исследователей. Тем не менее работа Гобсона нисколько не утратила своего интереса и в наши дни.

Большинство ее страниц сохранило всю полноту значения, всю свежесть красок, как если бы они были написаны сегодня. Но есть в ней, конечно, и другие страницы, которые и двадцать пять лет тому назад звучали анахронизмом и для которых лучше было бы вовсе не появиться в свет.

При анализе этой работы не надо забывать, что Гобсон—не марксист и не социалист, а всего только либерал-реформист, что его работа написана в 1902 г., т.-е. задолго до того, как вопросы империализма встали во весь рост перед европейским рабочим движением и породили обширную марксистскую литературу; наконец, необходимо иметь в виду, что Гобсон опирался по преимуществу на английский опыт. Хотя англия—старейшая страна империализма, но многие черты империалистической эпохи, которые с особенной выпуклостью обнаружились в последующие годы, не нашли в английской практике своего отчетливого выражения. Зато легче было проследить другие черты, которые сильнее всего выступали на поверхность именно в стране стареющего империализма. Все эти обстоятельства в достаточной степени об'ясняют слабые стороны гобсоновского анализа. Надо, однако, удивляться не тому количеству наивности и пошлости, которое вошло составной частью в исследование Гобсона, и которое теперь легко отбросить, просто указав на него пальцем, а богатству наблюдений и глубине выводов, которые еще и в настоящее время способны двигать вперед научную мысль и далеко не в полной мере использованы марксистской литературой.

Укажем здесь важнейшие идеи Гобсона, которые вошли в железный инвентарь марксистской критики империализма и отчасти успели уже превратиться в разменную монету повседневной печати. Гобсон выдвинул с особенной силой мысль о загнивании, как специфической черте империализма. Это явилось, главным образом, результатом наблюдений над английской практикой. На континенте Европы эти черты были менее заметны, и потому даже наиболее зрелая в довоенной литературе работа Гильфердинга обошла проблему загнивания (или «засыпания», Erschlaffung, как выражается другой исследователь английского империализма, Шульце-Геверниц) полным молчанием. Только в руках Ленина эта теория нашла дальнейшую разработку и завершение.

Гобсон впервые выдвинул, как специфическую движущую силу империализма, проблему экспорта капитала, тогда как почти вся современная ему литература, а также отчасти и последующая, ставила во главу угла торговые интересы. В этом отношении исследование Гобсона гораздо правильнее схватывало важнейшую черту империализма (хотя, как увидим дальше, он дал ей неправильное об'яснение), чем, напр., Р. Люксембург, которая выдвигала на первый план проблему реализации прибавочной ценности, т.-е. торговлю, и обошла молчанием—в теоретической части своей работы—вопрос об экспорте капитала. Постановкой вопроса об экспорте капитала Гобсон на много опередил и буржуазную теорию, которая только после него вплотную занялась этой темой. Классическая школа в Англии и ее последователи не шли дальше исследования проблем внешней торговли, задевая вопросы капитального экспорта только попутно.

Гобсон указал задолго до Гильфердинга на роль финансового капитала (который, правда, он смешивает с обыкновенным денежным капиталом), как на вдохновителя и проводника империалистической политики. Далее, его заслугой является четкое разграничение понятий современного империализма и империализма в обычном смысле слова,

под которым в то время подразумевали стремление к образованию мировой империи на территории Римской империи и связывали с политикой Чемберлена, направленной на создание британской имперской федерации. Гобсон показал, во-первых, что империализм есть не только политическое, но и экономическое явление, и, во-вторых, он отметил характерную черту новейшего империализма—борьбу нескольких империалистических держав за раздел (и передел) мира. Он уже установил важнейшие черты империализма в области политики: постепенную ликвидацию парламентаризма, крушение либерализма, централизация, подавление попыток классовой борьбы, стремление «не к свободе, а к господству», исчезновение независимой печати, науки, общественного мнения и т. д. Глава о политике империализма у Гобсона представляет собой прямо художественное изображение того процесса, путем которого «политика» становится выражением «концентрированной экономики». Чувствуется, что эти страницы писались по живым следам англо-бурской войны, которая, как светом магния, осветила скрытые пружины империалистической политики. Под впечатлением этой войны (которой, между прочим, Гобсон посвятил специальную работу «The war in Sauth Africa»), он прямо договаривается до марксистской формулы о взаимоотношении базиса и надстройки.

Обратимся теперь к тому, чего в гобсоновской теории не хватает, чтобы затем перейти к анализу его прямых ошибок и извращений.

Необходимо раньше всего указать на крайне неполное определение империализма у Гобсона, даже если брать это понятие только в политическом смысле. Гобсон связывает империализм почти исключительно с политикой захвата отсталых территорий, тогда как на деле империалистические захваты распределяются на всякие территории.

Если же подойти к вопросу со стороны экономического анализа, то прежде всего бросается в глаза ничтожно малое место, которое в его системе империализма занимает вопрос о монополиях. Монополистический капитализм, который у Ленина составляет основное ядро империализма, у Гобсона отступает на третьестепенное место. Монополии трестов у него играют чисто вспомогательную роль, лишь усиливая те тенденции, которые вытекают из «неправильного» распределения доходов. Теория Гобсона в этом отношении имеет много общего с теорией Розы Люксембург, которая тоже не заметила роли монополий и у которой империализм тоже вытекает из несоответствия между производством и потреблением. Но с этой точки зрения империализм рождается вместе с капитализмом. Между тем Гобсон—в отличие от Р. Люксембург—определенно относит начало империалистической эры только к середине 80-х г.г., когда началась усиленная экспансия английского капитала, поиски и закрепление все новых и новых территорий. Какие же новые обстоятельства привели к такому историческому перелому? Гобсон этим вопросом специально не задается, но это ясно из всего анализа: потеря Англией своего монопольного положения на мировом рынке, которое делало ее в прежние десятилетия поборницей свободной торговли, заставило ее перейти к политике территориальных захватов, чтобы обеспечить за собой исключительные права в колониях. К этому же времени относится появление протекционистских тенденций.

Это вытеснение Англии обусловлено тем, что на арену всемирной борьбы за «хозяйственную территорию» выступили новые мощные соперники в лице Германии и С. Штатов. Если в самой Англии моно-

политистические организации капитала были сравнительно слабы (почему Гобсон им и не придает особого значения в своем анализе), то не надо забывать, что английский империализм конца XIX века и начала XX был вызван в значительной степени давлением монополистического капитала Германии и С. Штатов. А с другой стороны, монополии в самой Англии, несмотря на свое относительно слабое развитие, были все же вполне достаточны для того, чтобы вести империалистическую политику. Наиболее влиятельные в империалистическом отношении круги финансистов, владельцев золотых и алмазных рудников Южной Африки и пр. представляли именно монопольный капитал. То же относится к представителям тяжелой индустрии (металлургия, судостроение), которые обслуживали милитаризм.

Не поняв значения монополий, Гобсон также неправильно понял и сущность протекционизма. Для него новейший протекционизм играет по преимуществу фискальную роль: он служит источником пополнения гос. финансов, несущих большие расходы по ведению империалистической политики. Поскольку же протекционизм служит для торговых целей, Гобсон считает его простой «ошибкой» финансовых кругов. О том, что новейший протекционизм играет наступательную, а не оборонительную роль, что предметами обложения становятся все более товары, способные к экспорту (как было подмечено еще Энгельсом), что протекционные тарифы служат не только орудием монополизации внутреннего рынка, но и трамплином, позволяющим лучше «прыгнуть» на внешний рынок—об этом мы у Гобсона не найдем ни слова. Это, очевидно, надо также поставить в связь с тем, что автор имел пред собой только английский опыт, где основные черты новейшего протекционизма были в силу ряда исторических причин выражены слабее, чем где бы то ни было.

При всей меткости оценки косвенного обложения, как метода переложения империалистических расходов, нельзя, однако, согласиться с категорическим мнением Гобсона о том, что империализм несовместим с политикой прямого обложения. Именно английский опыт служит этому наглядным опровержением. Такая теория нужна Гобсону для подкрепления своей социал-реформаторской позиции. В самом деле: если империализм исключает прямые налоги, то можно, добившись реформы обложения, преградить путь империализму. Старая, но вечно новая иллюзия насчет чудодейственности прогрессивно-подоходного налога.

Слабо освещен у Гобсона вопрос о сущности и функциях финансового или «денежного» капитала, который является источником и движущей силой империализма. Не говоря уже о том, что он подчас сбивается на вульгарное об'яснение причин империалистических конфликтов и войн ссылками на биржевую спекуляцию, которая, дескать, заинтересована в колебании курсов,—сама сущность взаимоотношений денежного и промышленного капитала осталась у Гобсона совершенно извращенной. Такое извращение имеет, опять-таки, своим источником общую либерал-реформистскую тенденцию автора. Ему нужно во что бы то ни стало доказать, что империализм не есть «экономическая необходимость», а только альтернатива, что вполне возможна иная политика. Но так как он настолько грамотен, чтобы понимать связь политики с экономическими интересами, то отсюда понятно, почему классовым интересам денежного капитала, требующим империалистической экспансии, надо противопоставить другие классовые интересы других групп буржуазии, которые в империализме не заинтересованы. Ведь если бы оказалось, что империализм есть не только

под которым в то время подразумевали стремление к образованию мировой империи на территории Римской империи и связывали с политикой Чемберлена, направленной на создание британской имперской федерации. Гобсон показал, во-первых, что империализм есть не только политическое, но и экономическое явление, и, во-вторых, он отметил характерную черту новейшего империализма—борьбу нескольких империалистических держав за раздел (и передел) мира. Он уже установил важнейшие черты империализма в области политики: постепенную ликвидацию парламентаризма, крушение либерализма, централизация, подавление попыток классовой борьбы, стремление «не к свободе, а к господству», исчезновение независимой печати, науки, общественного мнения и т. д. Глава о политике империализма у Гобсона представляет собой прямо художественное изображение того процесса, путем которого «политика» становится выражением «концентрированной экономики». Чувствуется, что эти страницы писались по живым следам англо-бурской войны, которая, как светом магния, осветила скрытые пружины империалистической политики. Под впечатлением этой войны (которой, между прочим, Гобсон посвятил специальную работу «The war in Sauth Africa»), он прямо договаривается до марксистской формулы о взаимоотношении базиса и надстройки.

Обратимся теперь к тому, чего в гобсоновской теории не хватает, чтобы затем перейти к анализу его прямых ошибок и извращений.

Необходимо раньше всего указать на крайне неполное определение империализма у Гобсона, даже если брать это понятие только в политическом смысле. Гобсон связывает империализм почти исключительно с политикой захвата отсталых территорий, тогда как на деле империалистические захваты распределяются на всякие территории.

Если же подойти к вопросу со стороны экономического анализа, то прежде всего бросается в глаза ничтожно малое место, которое в его системе империализма занимает вопрос о монополиях. Монополистический капитализм, который у Ленина составляет основное ядро империализма, у Гобсона отступает на третьестепенное место. Монополии трестов у него играют чисто вспомогательную роль, лишь усиливая те тенденции, которые вытекают из «неправильного» распределения доходов. Теория Гобсона в этом отношении имеет много общего с теорией Розы Люксембург, которая тоже не заметила роли монополий и у которой империализм тоже вытекает из несоответствия между производством и потреблением. Но с этой точки зрения империализм рождается вместе с капитализмом. Между тем Гобсон—в отличие от Р. Люксембург—определенно относит начало империалистической эры только к середине 80-х г.г., когда началась усиленная экспансия английского капитала, поиски и закрепление все новых и новых территорий. Какие же новые обстоятельства привели к такому историческому перелому? Гобсон этим вопросом специально не задается, но это ясно из всего анализа: потеря Англией своего монопольного положения на мировом рынке, которое делало ее в прежние десятилетия поборницей свободной торговли, заставило ее перейти к политике территориальных захватов, чтобы обеспечить за собой исключительные права в колониях. К этому же времени относится появление протекционистских тенденций.

Это вытеснение Англии обусловлено тем, что на арену всемирной борьбы за «хозяйственную территорию» выступили новые мощные соперники в лице Германии и С. Штатов. Если в самой Англии моно-

полистические организации капитала были сравнительно слабы (почему Гобсон их и не придает особого значения в своем анализе), то не надо забывать, что английский империализм конца XIX века и начала XX был вызван в значительной степени давлением монополистического капитала Германии и С. Штатов. А с другой стороны, монополии в самой Англии, несмотря на свое относительно слабое развитие, были все же вполне достаточны для того, чтобы вести империалистическую политику. Наиболее влиятельные в империалистическом отношении круги финансистов, владельцев золотых и алмазных рудников Южной Африки и пр. представляли именно монопольный капитал. То же относится к представителям тяжелой индустрии (металлургия, судостроение), которые обслуживали милитаризм.

Не поняв значения монополий, Гобсон также неправильно понял и сущность протекционизма. Для него новейший протекционизм играет по преимуществу фискальную роль: он служит источником пополнения гос. финансов, несущих большие расходы по ведению империалистической политики. Поскольку же протекционизм служит для торговых целей, Гобсон считает его простой «ошибкой» финансовых кругов. О том, что новейший протекционизм играет наступательную, а не оборонительную роль, что предметами обложения становятся все более товары, способные к экспорту (как было подмечено еще Энгельсом), что протекционные тарифы служат не только орудием монополизации внутреннего рынка, но и трамплином, позволяющим лучше «прыгнуть» на внешний рынок—об этом мы у Гобсона не найдем ни слова. Это, очевидно, надо также поставить в связь с тем, что автор имел пред собой только английский опыт, где основные черты новейшего протекционизма были в силу ряда исторических причин выражены слабее, чем где бы то ни было.

При всей меткости оценки косвенного обложения, как метода переложения империалистических расходов, нельзя, однако, согласиться с категорическим мнением Гобсона о том, что империализм несовместим с политикой прямого обложения. Именно английский опыт служит этому наглядным опровержением. Такая теория нужна Гобсону для подкрепления своей социал-реформаторской позиции. В самом деле: если империализм исключает прямые налоги, то можно, добившись реформы обложения, преградить путь империализму. Старая, но вечно новая иллюзия насчет чудодейственности прогрессивно-подоходного налога.

Слабо освещен у Гобсона вопрос о сущности и функциях финансового или «денежного» капитала, который является источником и движущей силой империализма. Не говоря уже о том, что он подчас сбивается на вульгарное об'яснение причин империалистических конфликтов и войн ссылками на биржевую спекуляцию, которая, дескать, заинтересована в колебании курсов,—сама сущность взаимоотношений денежного и промышленного капитала осталась у Гобсона совершенно извращенной. Такое извращение имеет, опять-таки, своим источником общую либерал-реформистскую тенденцию автора. Ему нужно во что бы то ни стало доказать, что империализм не есть «экономическая необходимость», а только альтернатива, что вполне возможна иная политика. Но так как он настолько грамотен, чтобы понимать связь политики с экономическими интересами, то отсюда понятно, почему классовым интересам денежного капитала, требующим империалистической экспансии, надо противопоставить другие классовые интересы других групп буржуазии, которые в империализме не заинтересованы. Ведь если бы оказалось, что империализм есть не только

политика, и политика не только финансового капитала, а является «новейшим этапом капитализма», взятым как целое, то естественным выводом отсюда был бы лозунг свержения капитализма. Только социализм мог бы в таком случае явиться ответом на империализм. Между тем Гобсон так далеко не идет. Он противопоставляет империализму всего лишь... свободу торговли и социальные реформы, вроде реформы податного обложения. Либерал-реформистская позиция Гобсона буква в букву совпадает в этом отношении с каутскианской оценкой империализма, которая в свое время уже получила оценку сначала в работах лево-радикального крыла германской социал-демократии, а потом у Ленина. С этой каутскианской точки зрения империализм легче всего изобразить, как «комедию ошибок», как плод заговора одной зловредной формы капитала, противопоставив последней более добродетельный промышленный капитал, заинтересованный в свободной торговле. На этом примере нагляднее всего видно, к чему ведет игнорирование роли монополий (которые выросли ведь именно из свободной торговли) при анализе империализма, и неумение или нежелание видеть в настоящем свете взаимоотношения промышленного и банкового капитала в современную эпоху. Теория Ленина о роли монополий и Гильфердинга—о финансовом капитале, как своеобразном сращении промышленности и банков,—являются поэтому необходимыми составными частями революционно-марксистского учения об империализме.

Противопоставление денежного капитала промышленному и торговому связано у Гобсона с тенденцией преуменьшить значение империализма для целей торговой политики. Гобсон совершенно правильно выдвигает на первое место экспорт капитала. Но он «доказывает» больше, чем следует, когда третирует торговые интересы при империализме как quantité negligeable и совершенно сбивается с толку, когда пытается утверждать, что империалистские методы не только не содействуют торговым интересам, а даже вредят им. Излюбленным способом доказательства у него, как и Каутского, служит сопоставление торговли с колониями торговли с независимыми странами. Доказав, что первая отстает от второй, Гобсон считает доказанным вред империализма и пользу свободной торговли. Эта «теория» давно разоблачена Лениным. «Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия,—пишет Ленин,—это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевес» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, один финансовый капитал против другого». Чтобы судить о значении империалистических методов для торговли, необходимо вообще перейти от сплошной постановки вопроса—колонии и неколонии—к дифференцированной, по роду товаров и по отдельным странам. Наконец, нелепо вообще противопоставлять темп экспорта капиталов и темп роста торговли, которые между собою материально связаны: ведь вывоз капиталов осуществляется именно в форме товарного экспорта по преимуществу.

Интересы внешней торговли, по Гобсону, незначительны еще потому, что если бы внешняя торговля прекратилась, капитал и труд, занятые в экспортных отраслях, все равно нашли бы себе применение внутри страны. Но разве не то же самое рассуждение можно применить по отношению к экспорту капитала? Весь вопрос в том, выгодно ли капиталистическим группам, занятым в экспортных отраслях, менять сферу приложения своих капиталов. Прекращение внешней торговли,

как и прекращение экспорта капиталов, вело бы к одному и тому же результату—понижению нормы прибыли, которая и без того имеет тенденцию понижаться, особенно на высших ступенях капитализма.

В своих рассуждениях о внешней торговле Гобсон руководствовался еще и другим, более похвальным намерением: доказать, что «страна» не выигрывает, а теряет от империализма. Но его «доказательства» здесь полны противоречий. С одной стороны, он доказывает, что «страна» не заинтересована во внешней торговле, с другой—что империализм мешает расширению внешней торговли и тем наносит ущерб национальным интересам. Далее, сопоставляя доходы от внешней торговли и расходы на милитаризм, он доказывает превышение вторых над первыми. Но если сопоставить доходы от вложенных за границей капиталов и расходы на милитаризм—чего Гобсон не делает,—то соотношение получится иное. Выходит, что «страна» выигрывает. Вся путаница происходит от того, что Гобсон отождествляет интересы нации с интересами национальной буржуазии, хотя сам тратит не мало слов на доказательство классовых источников империализма. Ему не приходит в голову, что даже в том случае, когда баланс доходов и расходов по империалистическому счету складывается в пользу «страны» или «нации»,—это отнюдь еще не свидетельствует о том, что все классы выигрывают от империализма. Бухгалтер заслоняет в Гобсоне социолога. Но пикантность положения состоит в том, что даже с бухгалтерской точки зрения он не свел концы с концами, ибо по его же собственным данным «страна» «выигрывает» от экспорта капиталов в том смысле, что она больше присваивает себе чужого труда, чем отдает. Если тут есть потери, то в другом отношении—в смысле загнивания, застоя производительных сил. Но не надо забывать, что замедление в развитии производительных сил могло бы наступить и в том случае, если бы страна отказалась от международного обмена и стала бы сама «возделывать свой сад», за что так горячо ратует Гобсон, воспевая, в духе Рескина и Мориса, величие интенсивной «качественной» культуры в противовес «количественной».

Вопрос, затронутый Гобсоном, имеет очень важное значение для понимания судеб империализма. Он связан с вопросом о том, улучшается ли или ухудшается положение рабочего класса в господствующих странах империализма. Эта проблема далеко еще не решена в рядах марксистов, даже тех, которые стоят на революционном фланге или причисляют себя к нему. Напомним, что всего только на-днях, можно сказать, появилось новое исследование об империализме Фр. Штернберга, в котором автор приходит к выводу, что благосостояние всех классов населения, в том числе и рабочего класса, улучшается в связи с империализмом, хотя за это улучшение они должны время от времени расплачиваться миллионами трупов. Попадаются иногда тенденции распространить теорию «подкармливания», которую Маркс, Энгельс и Ленин относили только к верхушке рабочего класса, на весь рабочий класс.

С другой стороны, старые и новые работы ряда исследователей марксистов (Парвус, Бауэр, Гильфердинг, Ротштейн и др.) показывают, что материальное положение рабочих масс в эпоху империализма в лучшем случае остается стационарным, но в большинстве случаев проявляет определенную тенденцию к ухудшению. Во всяком случае улучшается или ухудшается положение рабочих, остается ли оно неизменным,—это зависит не от бухгалтерского баланса империализма,

а от того, как распределяется национальный доход между разными классами в эпоху империализма. К сожалению, эту тему, несмотря на то, что она имеет непосредственное отношение к его теории распределения, Гобсон оставляет без рассмотрения. Поэтому и его рассуждения о народно-хозяйственном балансе империализма не имеют серьезного значения.

Кроме политики империалистического соперничества и мирной свободы торговли Гобсон предполагает еще возможной третью форму экономической политики капитализма—соглашение всех империалистических государств в целях совместной эксплоатации колониальных народов. Тут он снова и снова сближается с Каутским, который дал лишь новое название этой теории («ультраимпериализм»). Надо только отметить, что Гобсон несколько глубже Каутского в этом вопросе. Реализацию подобной системы Гобсон считает возможной только при том условии, если международный империализм сможет подчинить себе для эксплоатации неисчерпаемые человеческие и материальные ресурсы Китая, достаточные для того, чтобы поглотить все излишки капиталов и всю организаторскую энергию Запада в течение нескольких поколений. Но если бы это было возможно, то это означало бы, что мир еще не поделен окончательно, что в нем еще достаточно простора для экспансии. Чем же в этом случае об'ясняется крайнее обострение империалистических противоречий?

Теория Гобсона об экономических корнях империализма (неправильное распределение доходов) представляет собою пример грубейшего игнорирования связи форм производства и распределения. И это не случайность. Здесь, как и во всем остальном, чувствуется нарочитое желание «доказать», что возможен в наши дни капитализм без империализма. Поэтому система распределения, которая является источником империализма, противопоставляется системе производства, для которой империализм будто бы не является экономической необходимостью, поэтому Гобсон стремится убедить других и себя в том, что можно уничтожить монополию доходов, сохраняя имущественную монополию, регулировать распределение в общественных интересах, сохраняя частно-хозяйственные основы производства и обмена.

Экономическое развитие в эпоху империализма переросло рамки национально-политических границ, т.-е. политическую надстройку в виде современных государств. В связи с этим, Гобсон выдвигает другое требование: привести современную экономику в соответствие с существующими перегородками, т.-е. вернуться к идеалу «национальной экономии». В эту точку бьют его аргументы, с помощью которых он старается доказать буржуазии, что ей выгоднее и товары, и капиталы оставлять внутри страны, вместо того, чтобы искать счастья за границей. Эта проповедь, разумеется, так же бесплодна, как и проповедь свободной торговли, противопоставленная современному империализму, и так же реакционна, как последняя.

Мы отметили важнейшие сильные и слабые стороны гобсоновской системы. Он силен, главным образом, там, где описывает наиболее выдающиеся проявления империализма. Многие страницы его описаний империалистической политики в колониях можно считать классическими и поставить наравне с соответствующими главами у Маркса, Р. Люксембург. Он слаб, преимущественно, там, где пытается теоретизировать, и особенно в тех случаях, когда «теория» должна обосновывать его

социал-реформаторские взгляды. Подкованный на марксистской литературе, читатель сумеет без особого труда разоблачить теоретическую фальшь в работе Гобсона. В целом же «Империализм» Гобсона сохранил полностью свою поучительность и является, несомненно, ценным приобретением русской литературы об империализме.

И. Д.

Макс Планк. Введение в общую механику. Перевод с немецкого, под редакцией проф. Н. П. Кастерина. Гиз. Москва—Ленинград 1927 г. Стр. 249+VI.

Русская литература обогатилась очень ценной книгой по общей механике, принадлежащей перу знаменитого физика, Планка. Мы вообще не богаты пособиями по механике, а новыми пособиями в особенности.

Книга Планка весьма отвечает насущным потребностям широких кадров физико-математиков. Стройность и простота, ясность и математическая строгость,—этими совокупными качествами далеко не обладает каждая выходящая сейчас научная книга.

Несмотря на свой незначительный об'ем, «Механика» Планка доводит изложение, в сущности, до последних отделов общей механики. Читатель, знакомый с исчислением бесконечно-малых и аналитической геометрией, из «Механики» Планка получит весьма обстоятельные сведения о теории потенциала, и о принципе возможной работы, и об относительном движении, и об уравнениях Лагранжа, и об уравнениях Лапласа и Пуассона, и об уравнениях Гамильтона-Якоби, и о гироскопе, и об эллипсоиде инерции и т. д. Очень интересные соображения читатель найдет о размерности, о силах связи и о понятии силы вообще. Попутно Планком вводятся и векторные обозначения.

Всячески рекомендуя эту книгу всем тем, кто, обладая необходимейшей математической подготовкой, пожелает познакомиться с теоретической механикой, мы остановимся здесь на некоторых принципиальных вопросах, затронутых Планком в этой книге.

Прежде всего вопрос о понятии движения. Физики-механисты под движением понимают лишь изменение места некоторого материального тела или материальной частицы со временем. При этом под материальным телом понимается обычное тело, обладающее известной массой. Планк расширяет понятие движения, хотя и ограничивается все же лишь изменением места со временем. Он говорит, что двигаться может не «материя» (как ее понимают механисты), а некоторое «состояние». Напр., «говорят о движении гребня волн по водной поверхности, что, естественно, надо отличать от движения самих частиц воды, или о движении тени по освещенной поверхности, или о движении силовых линий в магнитном поле» (стр. 1).

Здесь наши механисты могут придраться и сказать, что у Планка есть только одно движение, а материя исчезла. На это им следует указать то, что необходимо различать понятие материи в механическом смысле (эквивалентное понятие массы) и понятие материи в философском смысле. Если мы говорим о движении не корпускул, а, напр., о движении волнового состояния, то мы этим самым материю не исключаем. Планк в вопросе о сущности движения ближе стоит к диалектическому материализму, чем механисты.

Наши механисты, боящиеся логически продумывать до конца свою точку зрения, иногда говорят, что они не сводят всех явлений

к движению материальных точек. Механика, говорят они, не сводится только к механике точки (А. К. Тимирязев). В механике есть еще отделы, более сложные: механика твердого тела, механика произвольной системы точек, механика вихрей и т. д. И вот, говорят они, если физика сводится к механике, то в механике есть различные отделы, друг к другу не сводимые. Здесь почему-то они мирятся с «несводимыми» качествами.

Эта не более как трусость мысли легко разоблачается, если обратиться к классическим формулировкам механического (механистического) мировоззрения. Эти формулировки, между прочим, приводятся и Планком, который хотя и не стоит целиком на механической точке зрения, но в целом ряде пунктов следует известной инерции.

На стр. 120 Планк говорит: «Механика произвольной системы точек может быть сведена к механике твердого тела». А раньше, на стр. 2 мы читаем: «Каждое движение тела, как бы оно сложно ни было, может быть сведено к движениям материальных точек, из которых оно состоит». То же самое мы находим и на стр. 119: когда мы говорим о каком-нибудь теле, то «это не следует понимать дословно, но только как сокращаемый оборот речи». Следовательно, философствующий механист должен будет сказать, что «тел» в обычном смысле об'ективно не существует: существуют лишь материальные точки и их комплексы. И, конечно, это будет логический вывод, обязательный для всех тех, кто отрицает об'ективную значимость теплоты, равно как обязательно для них отрицание об'ективности понятия «жизнь» и т. д.

Против отрицания понятия теплоты, цвета, силы (хотя необходимость их количественного точного выражения им справедливо не оспаривается) восстает и Планк, на стр. 12. Здесь он признает научную ценность за категорией качества, с которым сопрягаются определенные количества. «Если бы,—читаем мы у него,—определить силу прямо через ускорение, тепло—по изменению об'ема или цвета непосредственно длиною волны, то эти понятия потеряли бы как раз то значение, которое делает их ценными при точном исследовании и которое, что еще важнее, открывает путь для дальнейшего развития физических теорий».

В заключение мы укажем на одну ошибочную и вредную формулировку Планка, касающуюся принципа сохранения энергии. Этот принцип Планк называет универсальным законом без исключений, имеющим силу во всей области ф и з и ч е с к и х и х и м и ч е с к и х явлений (стр. 71). Здесь не указана область явлений биологических и психологических, где этот закон также безусловно имеет силу. Такое ограничение закона сохранения энергии только областью физики и химии в р е д н о потому, что, с одной стороны, оно может санкционировать признание сверх'естественных сил в жизненных процессах (витализм), а с другой стороны, у тех исследователей, которые не хотят прибегать к жизненной силе, оно порождает стремление механизировать и биологию, и психологию.

Закон сохранения энергии—общий закон для в с е х явлений, происходящих в природе, во вселенной,—это говорят нам теперь все факты. В этом смысле биологические и психологические явления суть такие же е с т е с т в е н н ы е, как и физико-химические явления. А раз так, то отпадает надобность для материализма отождествлять одни с другими, как это делали по необходимости материалисты XVIII века, когда не был известен закон сохранения энергии в его общей форме,

и как это делают без необходимости теперешние механисты, когда уже давно известны и закон сохранения энергии и превращения одних форм энергии в другие.

Конечно, Планк отчасти разделяет судьбу всех естествоиспытателей, которые, когда они пишут специальные работы и пособия, не следят за философскими формулировками, но все же на общем фоне Планк должен быть безусловно выделен благодаря глубине многих его положений и взглядов.

Следует пожелать скорейшего выхода в свет русского перевода и других частей курса Планка.

В. Егоршин.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ.

Условия приема в аспиранты научно-исследовательских институтов (РАНИОН) на 1927—28 акад. год.

В дополнение к постановлению комиссии при президиуме Государственного Ученого Совета по подготовке научн. работников, настоящим объявляются условия приема в аспиранты научно-исследовательских институтов, входящих в РАНИОН:

I. Прием аспирантов на 1927—28 г. производится по институтам: 1) экономики, 2) с.-х. экономии и политики, 3) землеустройства и переселения, 4) истории, 5) советского права, 6) научной философии, 7) экспериментальной психологии, 8) археологии и искусствознания, 9) языка и истории литературы, 10) сравнительной истории языка и литературы Запада и Востока, 11) национальных и этнических культур народов советского Востока.

II. В состав аспирантов указанных институтов принимаются лица: 1) командируемые отборочными комиссиями соответствующих ВУЗ'ов, 2) рекомендуемые в аспиранты научно-исследовательскими учреждениями, 3) желающие поступить в аспиранты в индивидуальном порядке.

III. Лица, поступающие в один из указанных выше институтов, должны представить в комиссию по подготовке научных работников при президиуме ГУС'а (Москва, Чистопрудный бульвар, 6) не позднее 1 августа 1927 г.:

а) Заявление, с указанием избираемой соискателем специальности и института, по которому желает быть зачислен в аспиранты.

б) Рекомендацию с приложением всех материалов отборочной комиссии при ВУЗ'е, если соискатель командируется отборочной комиссией.

в) Вступительную письменную работу.

г) Анкету, заполненную по установленному комиссией ГУС'а образцу.

д) Автобиографию, с подробными указаниями стажа научной и педагогической деятельности, практической работы, социального происхождения.

е) Копии дипломов, свидетельств и т. п. об окончании того или иного учебного заведения.

ж) Отзывы от научных учреждений, отдельных научных деятелей и профессоров об академической подготовленности кандидата в аспиранты (если такие имеются).

з) Печатные работы (если такие имеются).

ж) Копии воинских документов.

и) Заключение соответствующих врачебных (районных амбулаторий, больниц и т. п.) учреждений о состоянии здоровья.

IV. Поданные в комиссию по подготовке научных работников при президиуме ГУС'а заявления рассматриваются приемной комиссией РАНИОН.

V. Вступительные работы соискателей должны отвечать следующим требованиям: тема вступительной работы должна соответствовать избираемой специальности (желательно предварительное согласование темы с коллегией соответствующего ин-та). Работа должна свидетельствовать о достаточных навыках кандидата к самостоятельной научной работе в институте: она должна свидетельствовать об обстоятельном знакомстве с литературой вопроса, умелом использовании основных источников и критическом отношении к привлекаемому в работе материалу.

VI. В случае признания работы удовлетворительной, кандидат допускается к устному коллоквиуму как по самой работе, так и по теоретической экономии, историческому и диалектическому материализму. В случае, если работа не дает возможности судить о знакомстве кандидата с

литературой избранной им специальности, он подвергается испытанию по специальности в об'еме установленной литературы.

Примечание. Списки литературы будут опубликованы особо. За справками обращаться в уч. часть РАНИОН (Москва, Волхонка, 18).

VII. При удовлетворительной сдаче коллоквиума преимуществом при зачислении пользуются лица пролетарского и крестьянского происхождения.

VIII. Кандидаты, зачисленные президиумом ассоциации в штатные аспиранты, удовлетворяются гос. стипендией в установленном размере, а также, по мере фактической возможности, общежитием. В общежитие в первую очередь зачисляются иногородние.

Примечание. Ассоциация не берет на себя никаких обязательств по материальному обеспечению лиц, находящихся на иждивении аспирантов.

Председатель Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук Покровский.
Ученый секретарь РАНИОН Алексеев.

Список литературы, знакомство с которой обязательно для поступления во все институты РАНИОН.

1. По теоретической экономии [1]).

1. Маркс.—Капитал, т. I и т. III, главы 1—27, 36—40 и 44—47.
2. Борхардт.—Капитал Карла Маркса (изложение т. II «Капитала»).
3. Маркс.—К критике политической экономии (введение и предисловие).
4. Ленин.—Империализм как новейший этап капитализма.
5. Бухарин.—Мировое хозяйство и империализм.

Кроме того, требуется общее знакомство с конкретной экономикой СССР по книге—«Хозяйственное строительство СССР», изд. «Московский Рабочий» 1927 г. и по книге Ленин — «Экономическая политика» хрестоматия под ред. Крумина.

2. По историческому и диалектическому материализму.

1. Энгельс.—Людвиг Фейербах.
2. Энгельс.—Анти-Дюринг.
3. Плеханов.—Основные вопросы марксизма.
4. Плеханов.—К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
5. Ленин.—Государство и революция.
6. Деборин.—Введение в философию диалектического материализма.
7. Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм (сборн. статей. Изд. Ин-та Ленина).
8. Сталин.—Вопросы ленинизма.
9. Бухарин.—Исторический материализм.

Кроме того, требуется дополнительное знакомство в об'еме литературы:

1. Энгельс.—Происхождение семьи, частной собственности и государства (для поступающих в институты: истории, сов. права и археологии и искусствознания).
2. Ленин.—О государстве — сборн., составленный Гойхбаргом (для поступающих в институт сов. права).
3. Ленин.—Национальный вопрос (XIX т.) (для Института Востока).
4. Сталин.—Марксизм и национальный вопрос (для поступающих в ин-т этнич. и национальных культур народов Сов. Востока).

Институт экономики.

1. Маркс.—Капитал, т.т. I, II и III.
2. Маркс.—К критике политической экономии.
3. Гильфердинг.—Финансовый капитал.
4. Бухарин.—Политическая экономия рантье.
5. Лифман.—Картели и тресты.
6. Ленин.—Развитие капитализма в России (Собр. соч., т.III).
7. Ленин.—Собрание сочинений, том IX (аграрный вопрос).

[1]) Для поступления в Институты Экономики, С.-Х. Экономики и Землеустройства и Переселения требуется более глубокое знакомство с теоретической экономией. Перечень книг дан в разделе специальной литературы.

8. Ленин.—Статьи о кооперации (Ленин и кооперация), сборн. под редакцией Мещерякова.
9. Мейерварт.—Введение в хозяйственную статистику.
Кроме того, требуется основательное знакомство:
10. С университетским курсом какого-нибудь буржуазного экономиста (Туган-Барановского или Железнова и др.).
11. С каким-нибудь курсом истории политической экономии (Рубин, Лященко, Жид).

Институт с.-х. экономии.

1. Маркс.—Капитал, т.т. I, II, III.
2. Маркс.—Теория прибавочной стоимости, т. I и II.
3. Гильфердинг.—Финансовый капитал.
4. Бухарин.—Политическая экономия рантье.
5. Ленин.—Развитие капитализма в России (Собр. соч., т. III).
6. Ленин.—Собр. соч., т. IX (аграрный вопрос).
7. Ленин.—Статьи о кооперации («Ленин и кооперация», сборн. под редакц. Мещерякова).
8. Плеханов.—Наши разногласия.
9. Лященко.—Очерки аграрной эволюции России.
10. Бринкман.—Экономические основы организации сельского х-ва.
11. Чаянов.—Сельско-хозяйственная таксация.
12. Скворцов.—Основы экономии земледелия, т. I и II, под ред. Кажанова.
13. Тюнен.—Изолированное государство.
14. Вихляев.—Учебник по сельско-хозяйственной статистике.
Кроме того, требуются основательное знакомство:
15. С университетским курсом какого-нибудь буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.).
16. С каким-нибудь курсом истории политической экономии (Рубин, Лященко, Жид).

Институт землеустройства и переселения.

1. Маркс.—Капитал, т.т. I, II, III.
2. Гильфердинг.—Финансовый капитал.
3. Ленин.—Развитие капитализма в России (Собр. соч., т. III).
4. Ленин.—Собр. соч., т. IX (аграрный вопрос).
5. Ленин.—Статьи о кооперации (Ленин и кооперация, сборн. под ред. Мещерякова).
6. Каутский.—Аграрный вопрос.
7. Бик.—Курс низшей геодезии.
8. Броунов.—Курс физической географии или Крубер—Общее землеведение.
9. Кауфман.—Теория и практика статистики.
10. Ден.—Курс экономической географии.
11. Розенблюм.—Земельное право РСФСР. Знание кодексов земельного, лесного, гражданского и процессуального.
12. Лященко.—Очерки аграрной эволюции.
13. Кауфман.—Переселение и колонизация.
14. Ямзин и Вощинин.—Учение о колонизации и переселении.
15. Макаров.—Организация сельского хозяйства.
16. Коссовня.—Краткий курс общего почвоведения. } по выбору.
17. Сабинин.—Краткий курс почвоведения.

Институт истории.

1. Маркс.—Классовая борьба во Франции.
2. Маркс.—18 брюмера.
3. Энгельс.—Революция и контр-революция в Германии.
4. Лукин.—Очерки новейшей истории Западной Европы.
5. Лукин.—Парижская Коммуна.
6. Стеклов.—I Интернационал, 1 часть.
7. Ротштейн.—Очерки по истории английского рабочего движения.

8. П. Ф. Преображенский.—Очерки истории современного империализма.
9. Петрушевский.—Очерки по истории средневекового общества и государства.
10. Покровский.—Очерк истории русской культуры, 1 ч.
11. Покровский.—Очерки истории революционного движения.
12. Волгин.—Очерки по истории социализма (изд. III).

Кроме того, требуется общее знакомство по этнологии в об'еме книжек:
1. Боас.—Ум первобытного человека.
2. Вейле.—Культура бескультурных народов.
3. Вейле.—Первобытное хозяйство.

И по истории Греции и Рима в об'еме книг Виппера.
1. История Древней Греции.
2. Очерки истории Римской империи.

Дополнительно в зависимости от специальности.

Этнология:
1. Тейлор.—Первобытная культура.
2. Вейле.—Химическая технология первобытных народов.
3. Вейле.—Механическая технология первобытных народов.

Древняя история:
1. Хвостов.—История Древнего Востока.
2. Тюменев.—Капитализм в древнем мире.

Средневековье:
1. Петрушевский.—Великая Хартия Вольностей.
2. Восстание Уота Тайлора.

Новая и новейшая история:
1. Олар.—История Великой Французской Революции.
2. Савин.—Лекции по истории английской революции.

Русская история:
1. Ключевский.—Курс русской истории, т. I—IV.
2. Покровский.—Марксизм и особенности исторического развития России.

Институт советского права.

Общая литература:
1. Пашуканис.—Общая теория права и марксизм.
2. Стучка.—Революционная роль права.
3. И. П. Разумовский.—Проблемы марксистской теории права.
4. Один из курсов по советской конституции (Гурвич, Стучка, Магеровский, по выбору).

Для специализирующихся по гос и административн. праву:
1. Один из курсов по общему государственному праву буржуазного государства—Еллинек, Дюги, однотомный (Эсмен и др. по выбору).
2. Дурденевский.—Иностранное и конституционное право в избранных образцах.
3. Гурвич.—Государственный строй Англии.
4. Елистратов.—Очерк административного права.
5. Евтихиев.—Основы административного права. } № 5 или № 6 по выбору.
6. Елистратов.—Административное право РСФСР. }
7. Коровин.—Международное право переходного времени.
8. Коровин.—Международное право Европы и Америки.

Для специализирующихся по уголовному праву и криминологии:
1. Пионтковский.—Уголовное право РСФСР, общая часть. } № 1 и № 2 по выбору.
2. Исаев.—Уголовное право РСФСР, общая часть. }

3. Трайнин.—Уголовное право РСФСР, особенная часть.
4. Крыленко.—Судоустройство РСФСР.
5. Таганцев.—Лекции по уголовному праву, т. I и II, изд. 1902 г.
6. Фойницкий.—Уголовный процесс, т. I и II.

Для специализирующихся по хоз. трудовому праву:
1. Стучка.—Классовое государство и гражданское право.
2. Гойхбарг.—Основы частного имущественного права.
3. Гойхбарг.—Хозяйственное право РСФСР, т. I, изд. 2-е.
4. Шретер.—Система промышленного права РСФСР.
5. Шретер.—Внутренняя торговля.
6. Раевич, Перетерский, Данилова.—Советское хоз. право.
7. Розенблюм.—Земельное право РСФСР.
8. Войтинский.—Трудовое право СССР.
9. Покровский.—Основные проблемы гражданского права.
10. Статьи проф. Прушицкого по гражданскому процессу в Энциклопедии государства и права.

Институт научной философии.

1. Маркс.—Нищета философии.
2. Ленин.—Материализм и эмпириокритицизм.
3. Аксельрод.—Философские очерки.
4. Энгельс.—Людвиг Фейербах.
5. Энгельс.—Диалектика природы.
6. Плеханов.—Очерки по истории материализма.
7. Плеханов.—Критика наших критиков.
8. Плеханов.—К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
9. Гомперц.—Греческие мыслители.
10. Ланге.—История материализма, т. I.
11. Геффдинг.—История новейшей философии.
12. Проработка по Куно-Фишеру одного из философов: Декарта, Гегеля или Канта.

Кроме того, требуется знакомство с основными линиями исторического развития и основными фактами истории в об'еме следующих пособий и книг:
1. Виппер.—Греция в классическую эпоху IX—V в.в.
2. Виппер.—Учебник новой истории (посл. изд.) (факты).
3. Лукин.—Очерки по новейшей истории Запада.

Институт экспериментальной психологии.

Общая часть:

1. Корнилов.—Современная психология и марксизм.
2. Мюнстерберг.—Психология и экономическая жизнь.
3. Сеченов.—Рефлексы головного мозга.
4. Павлов.—Лекции о работе больших полушарий головного мозга.
5. Уотсон.—Психология как наука о поведении.
6. Тиченер.—Учебник психологии, ч. I и II.

Дополнительно для специализирующихся по

Общей психологии:
1. Ланге.—Психология.
2. Джемс.—Основа психологии.

По психотехнике:
1. Уиппл.—Руководство к психологическому и физиологическому измерению детей школьного возраста

или:
2. Шульце.—Практика психологии, педагогики и психотехники.
3. Штерн.—Дифференциальная психология.

По сравнительной психологии:
1. Каммерер.—Общая биология.
2. Боровский.—Введение в сравнительную психологию.

По детской психологии:
1. Клапаред.—Психология ребенка и экспериментальная педагогика.
2. Бюлер.—Духовное развитие ребенка.
3. Мейман.—Очерки экспериментальной педагогики.
4. Выготский.—Педагогическая психология.

Институт археологии и искусствознания.

1. Плеханов.—Собр. соч., т. XIV.
2. Гаузенштейн.—Искусство и общество.
3. Луначарский.—Революция и искусство.
4. Фриче.—Социология искусства.
5. Гаузенштейн.—Опыт социологии искусства.

Дополнительно для специализирующихся по археологии.
1. Городцов,—Археология, т. ı.
2. Городцов.—Бытовая археология.
3. Баллод.—Очерки истории древне-египетского искусства.
4. Захаров.—Эгейский мир в свете новейших исследований.
5. Михаэлис.—Художественно-археологические открытия за 100 лет.
6. Ростовцев.—Эллинство и иранство на юге России.
7. Некрасов.—Русское народное искусство.

Для специализирующихся по искусствознанию: „
1. Дениксе.—Искусство Востока.
2. Леви.—Греческая скульптура.
3. Вельфлин.—Классическое искусство.
4. Берисон.—Флорентийская живопись.
5. Фромантэн.—Старые мастера.
6. Тэн.—Философия искусства, часть, посвященная живописи Нидерландов.
7. Мутер.—История живописи XIX в.
8. Некрасов.—Византийское и русское искусство.
9. Фриче.—Русская живопись XIX в. в сборн. «Очерки социальной истории искусств».

Институт языка и истории литературы.

1. Литература и искусство в марксистском освещении—хрестоматия изд. «Мир», т. I и II.
2. Плеханов.- Литературно-критические статьи, т. XIV.
3. Плеханов.—Статьи по искусству, т. X.
4. Троцкий.—Литература и революция.
5. Меринг.—Мировая литература и пролетариат.
6. Р. И. Шор.—Язык и общество.
7. Максимов.—Введение к изучению марксизма, вып. II, гл. «Язык».

Дополнительно для специализирующихся по

Русской литературе:
1. Плеханов.—История общественной мысли в России.
2. Келтуяла.—Курс истории русской литературы, ч. I, II.
3. История русской литературы XIX в. под ред. Овсянико-Куликовского (только общие очерки).
4. В. Переверзев.—Творчество Достоевского.
5. Его же.- Творчество Гоголя.

По всеобщей литературе:
1. Луначарский.—Очерки по истории западно-европейской литературы, т.т. I и II.
2. Лансон.—История французской литературы, 3 тома.
3. Тэн.—История английской литературы.
4. Фриче.—Очерки развития западно-европейской литературы, 3 изд.
5. Меринг.—Мировая литература и пролетариат.

По лингвистике:

Три работы Поржезинского:

1. Введение в языкознание.
2. Очерк сравнительной морфологии индо-европейских языков, ч. I, склонение имен.
3. Очерк фонетики индо-европейских языков.

Кроме того, в зависимости от специализации:

По русскому языку:

1. Соболевский.—Лекции по истории русского языка.
2. Поржезинский.—Краткое пособие к лекциям по ист. грамматики русского языка.
3. Дурнов.—Очерк истории русского языка.

По романским языкам:

Meyer-Lübke: «Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft».
Bourclez: «Elements de linguistique romane».
Zauner: «Romanische Sprachwissenschaft»; Teil I und II.

По германским языкам:

1) Stregeberg: «Urgermanische Grammatik».
2) Kluge: «Urgermanische Geschichte der altgermanischen Dialekte».
3) R. Loeve: «Germanische Sprachwissenschaft», Teil I und III.

Институт изучения сравнительной истории языков и литературы Запада и Востока.

I. Для специалистов-литературоведов:

1) Плеханов.—Том X.
2) Троцкий.—Литература и Революция (о формалистах).
3) Н. Бухарин.—«О формальном методе в искусстве».
4) «Печать и Революция», 1924 г., № 5 (о формализме).

II. Для специалистов-языковедов.

1) Н. Марр.—«По этапам развития яфетической теории», 1926 г.
2) Шор, Р.—«Язык и общество», 2-е изд.
3) Кудрявский.—«Введение в языковедение».
4) Введение в изучение марксизма сост. Эссен. Том II (главы о языке).

III. Для специалистов по русской литературе:

1) Г. Плеханов.—«История русской общественной мысли», т.т. I, II, III и материалы (соч., т.т. XX, XXI, XXII, XXIII).
2) В. Келтуяла.—«История русской литературы», т. I, кн. I и 2.

IV. Для специалистов по русскому языку.

1) Шахматов.—Введение в курс истории русского языка, ч. I, 1926 г.
2) Дурново.—Очерк истории русского языка. ГИЗ. 1921 г.
3) Шахматов.—Очерк современного русского литературного языка. ГИЗ, 1925 г.
4) Кульбакин.—Древне-церковно-славянский язык (с возможностью замены соответствующей книгой Лескина).

VII. Для туркологов.

а) Язык.

1) В. Радлов.—Образцы народной литературы тюркских племен. т. I (диалекты Алтая).
2) П. М. Мелиоранский.—Араб-филолог о турецком языке. 1900 г.
3) Ф. Е. Корш.—Классификация турецких племен по языкам (журнал «Этнографическое обозрение», кн. 84—85), 1910 г.
4) А. Самойлович.—Некоторые дополнения к классификации турецких языков (изд. Лен. Ин-та Жив. Вост. Языков), 1922 г.

б) Литературы:

1) В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы. СПБ.

VIII. Для монголистов и манчжуристов.

а) По монгольскому языку и литературе.

1) А. Д. Руднев.—Хори-бурятский говор, вып. 1.
2) А. Д. Руднев.—Материалы по говорам Восточной Монголии.
3) Г. И. Рамстедт.—Сравнительная фонетика халхасско-ургинского говора.
4) А. М. Позднеев.—Лекции по истории монгольской литературы и монгольского письменного языка.
5) В. Я. Владимирцов.—Монгольская литература (в сборн. Литературы Востока).
6) Его же.—Монгольский сборник рассказов из Pancatantoa.
7) Его же.—Монголо-ойратский эпос.
8) А. Н. Веселовский.—Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе.

б) По манчжурской литературе:

1) Вл. Котвич.—Манджурская литература (в сб. Литературы Востока).

IX. Для арабистов:

1) Статья.—«Аравия» в «Энциклопедии ислама» (на немецком, франц. или английск. языке).
2) Одна из трех следующих работ В. В. Бартольда «Ислам», «Культура мусульманства» или «Мусульманский мир».

X. Для арамеистов.

Арамейские наречия и литературы:

1) Nöldeke Th. Die semitischen Sprachen, Leipzig 1887.
2) Chabot S. Les langues et litératures araméennes. Paris 1910.
3) Duval R. La litterature syriaque, Paris.
4) Введения в книгах:

Dolman G. Grammatik des judisch-palästinisch-armaisch. Leipzig 1894.

Nöldeke Th. Grammatik der neusyrischen Sprashe am Urmia. See und im Kurdistan. Leipzig 1868.

XI. Для гебраистов.

1) Th. Nöldeke. Die semitischen Sprachen Eine Sksse. Leipzig 1899.
2) H. Strack. Einleitung in das alte Testament oder K. Budde. Geschichte des althebraischen Literatur. Leipzig 1906.
3) I. B. Chabot. Les langues et les litératures araméennes, Paris 1910.

(Указанный список литературы составлен, исходя из предположения, что кандидат в аспиранты окончил соответствующее отделение университета).

XII. Для ассириологов.

1) O. Weber: Die Literatur der Babylonier und Assyrier.
2) C. Brockelmann: Kurzgefasste vergleichende Grammatik der semytischen Sprachen (porta ling. orient XXI oder H. Zimmer: Vergleichende Grammatik der semityschen Sprachen.
3) Выпуски из серии Der alte Orient, посвященные ассириологии.

(Указанный список литературы составлен, исходя из предположения, что кандидат в аспиранты окончил соответствующее отделение университета).

XIII. Для коптологов:

1) Leipoldt: «Geschichte der koptischen Literatur», Leipzig 1903.

XIV. Для египтологов:

1) Язык. Ad Erman Aegypt Grammatik. 3 изд. Leipzig 1911.
2) Литература—Б. А. Тураев.—История египетской литературы, Москва 1920 г.
3) Культура—Б. А. Тураев.—Египет (Изд. «Огни», 1922 г.).
4) История—Б. А. Тураев.—История Древн. Востока, I и II. Брестед.—История Египта (1915 г.).

XV. Для эллинистов:

1) Греческая литература Ф. Ф. Зелинский.—Древне-греческая литература эпохи независимости, ч. I и II.

Круазе.—История греческой литературы. Перев. с французск., под ред. С. А. Жебелева.

2) История Греции.—С. А. Жебелев.—Древн. Греция, ч. 1—Эллинство и часть 2-я—Эллинизм.

Ак. В. П. Бузескул.—История афинской демократии.

Тюменев.—Капитализм в древней Греции.

3) Греческий язык. Hoffmann. Geschichte der griechischen Sprache. A. Meillet. Aperçu d'un Histoire de la langue grecque.

4) Греческая культура.—Баумгартен—Поланд—Вагнер: «Эллинская культура» и «Эллинистическо-римская культура» (I ч. Эллинизм).

5) Греческий автор. Текст любого греческого автора в размере, примерно, 100 (ста) страниц. Teubneriana. Teubner'a.

XVI. Для латинистов:

1) Латинский язык: Нидерман—Фонетика латинского языка Ernout, Грамматика (франц. или немецк.). Schmalz. Синтаксис (немецк.).

2) Латинская литература: Мартини—История римской культуры, т. I (республ. период). Малеин—Золотой век.

3) История Рима: Нетушил—Очерк римской истории или Ihne, Курс римской истории.

Виппер.—Очерк истории римской империи.

Пельман.—История античного коммунизма.

Работы Быстрянского.

4) Римская культура.—Фридлендер—Sittengeschichte (русск. перевод).

Виллемс.—Очерк истории римского государственного права или Моммзен (нем.).

5) Интерпретация текста.

В качестве автора рекомендуется Лукреций, как яркий представитель материализма.

XVII. Для романистов.

а) Меринг.—Мировая литература и пролетариат.

б) Луначарский.—Зап.-европейская литература, т. I и II.

а) По языку (общие труды).

1) W. Meyer-Lübke: Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft oder E. Bourciez: Eléments de la linguistique romane.

Труд по истории основного языка:

1) F. Brunot: Grammaire historique de la langue française.

2) W. Meyer-Lübke: Historische Grammatik der französischen Sprache, Band I—II.

б) По литературе.

1) G. Paris: Esquise historique de la littérature francaise au moyen âge.

2) G. Lanson: Histoire de la littérature francaise.

XVIII. Для германистов.

а) Основной язык—немецкий.

По языку—Sütterlin: Die deutsche Sprache der Gegenwart. По истории основного языка—O. Behagel: Geschichte der deutschen Sprache. По литературе. Kuno Franke. Die Kulturwörter der deutschen Littératur. O. Walzol: Deutsche Dichtung seit Goethe's Tod.

б) Основной язык—английский.

По языку—(общ.). O. Jespersen. Growth and structure of english torgue, (История основного языка): Sweet: Historical english Grammair. По литературе: Rickett: Z. History of english literature. E. Gosse: Modern english Literature.

XIX. Для специалистов по этнографии и фольклору.

1) Шурц.—«История первобытной культуры». М. 1923 г.

2) В. Харузина.—«Этнография», вып. I. Верования малокультурных народов. М. 1909. Вып. 2. Приемы изучения явлений материальной культуры. М. 1914 г.

3) Ж. Морган.—«Доисторическое человечество». М. 1926 г.

4) И. Деникер.—«Человеческие расы». СПБ. 1902 г.

5) Эд. Тэйлор.—«Антропология». 1924 г.

6) Эд. Тэйлор.—Первобытная культура. Том. I—II. 1896—97 г.г.

7) Е. Ф. Карский.—«Белоруссы». Том. III, ч. 1. Народная поэзия. М. 1916.

8) Украинский народ в его прошлом и настоящем. Под ред. Ф. К. Волкова и др., том II, Петроград 1916 г.
9) А. Акшахматов.—Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919 г
10) М. Н. Сперанский.—«Русская устная словесность». М. 1917 г.

Институт этнических и национальных культур народов Сов. Востока.

По этнологии:

1. Липперт.—История культуры.
2. Вейле.—Культура бескультурных народов.
3. Вейле.—Первобытное хозяйство.
4. Кунов и Ленин—Дорш.—Первобытная техника.

Кроме того, желательно знакомство с этнографической литературой по избранной специальности.

По разряду культуры:

1. Готье.—Очерки по истории материальной культуры в Восточной Европе.
2. Бузескул.—История художественно-архитектурных открытий, т. I. Восток.
3. Городцов.—Археология, т. I.
4. Вейле.—Механическая технология первобытных народов.

Кроме того, для поступающих в Дальне-Восточную секцию желательно знакомство с «Историей Китайской культуры» Кюнера или «Духовной культурой Китая» Грубе (для китаистов) или с Nachod «Geschichte von Japan» или Murdock «History of Japan», v. I (для японистов).

По разряду истории:

По истории Запада.

1. Энгельс.—Революция и контр-революция в Германии.
2. Маркс.—Классовая борьба во Франции.
3. Маркс.—18 брюмера.
4. Лукин.—Новейшая история Западной Европы.
5. Лукин.—Парижская Коммуна.

По русской истории:

1. Покровский.—Очерки истории русской культуры, т. I.
2. Покровский.—Статьи из сборника—Дипломатия и войны царской России в XIX веке.
а) Русский империализм прежде и теперь.
б) Крымская война.
в) Завоевание Кавказа.
г) Восточный вопрос.
3. Покровский.—Очерки по истории революционного движения в России.
4. Ленин.—Собрание сочинений, т. III, глава 2—8.
5. Ленин.—Собрание сочинений, т. XIX.

По истории Востока.

1. Бартольд.—История изучения Востока в Европе и России (главы по специальности).

Кроме того, для поступающих в Дальне-Восточную секцию желательно еще:

а) Конрад.—Япония, Государство и народ (для японистов) или
б) Харнский.—Япония в прошлом и настоящем (для японистов) или
в) Schöller: «Geschichte Chinas» (для китаистов) или г) Lee: An outline of the history of China (для китаистов).

По разряду языка и литературы:

1. Знакомство с основными принципами яфетической теории:
Марр.—По этапам развития яфетической теории.
Марр.—Чуваши-яфетиды и статьи по классифицированному перечню печатных трудов по яфетодологии—согласно с избранной специальностью.
2. Знакомство с основами физиологии звуков речи, описательной фонетики и морфологии, традиционной в индоевропеистике классификаций языков,

примерно, в об'еме одного из «Введений в языковедение». (Поржезинский, Томсон, Богородицкий, Поливанов и т. п.).

3. Знакомство с принципами транскрипции (алфав. русским, латинским и яфетическим) Ушаков Введение (соотв. глава) и Марр—Абхазский аналитический алфавит или Марр О записывании абхазских текстов.

4. Для представителей нацменьшинств—знание родного языка, для зарубежников (иранистов, арабистов, китаистов и т. д.) достаточное знакомство с языком, избранным специальностью, чтобы самостоятельно работать над текстами.

Кроме того, желательно для поступающих в:

а) Финно-Угорскую Секцию—знание языка финского или немецкого и знакомство с Szinnyei «Finnsh ugrische Sprachwissenschaft».

б) Тюрко-Татарскую Секцию—знакомство с «Введением в тюркско-татарское языкознание»—Бородицкого.

в) Кавказскую Секцию: 1) для арменистов—знакомство с древне-армянским языком (Марр—Древне-армянская грамматика); 2) для грузиноведов с древне-грузинским языком (Марр—Грамматика древне-литературного грузинского языка); 3) для С.-Кавказцев знакомство с соответствующими работами Услара (для аварского и даргинского можно заменить грамматиками Жиркова) и с общей частью Яковлева, Фонетика кабардинского языка.

г) Дальне-Восточную Секцию—1) для китаистов с работой Karlgen «Etude sur la phonologie chinoise».

д) Для японистов—с работой Aston «Grammar of the japaneese written language» с Lange Lehrbuch der japanischen Ungarnsprachee.

По литературе:

1. Указанное в пункте 1) с заменой статьи «Чуваши—яфетиды» статьей «Osseticа-japhetica» (И. А. Н. 1918—1919 г.), 3 и 4 для разряда языка.

2. Знакомство с основными понятиями литературоведения, примерно, в об'еме—Томашевский, Теория литературы. Сакулин, Социологический метод в истории литературы—Сакулин, Синтетическое изучение литературы. Для знакомства с марксистским методом—Фриче, Социологическая поэтика.

3. Знакомство с основными фактами западно-европейской и восточной литератур: 1) Фриче Очерки по истории западно-европейской литературы. 2) «Литература Востока», ГИЗ, или

4. С методами собирания и изучения фольклора в об'еме программ, перепечатанных у Сидорова, Гусева и др. Русская народная словесность», изд. Центр. Бюро Краевед. 1921 г., и первые главы «Устная словесность». Сперанского.

Кроме того, желательно достаточное знакомство с основными памятниками и проблемами соответствующей литературы или с важнейшими материалами по родному фольклору.